

OVERDRIVE

Пьер
Бордаж

ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ЗМЕИ

www.ultraculture.ru

УДК 821.133.1-311.9Бордаж П.
ББК 84(4Фра)-445
Б 82

Бордаж, Пьер
Б 82   Евангелие от змеи / Пер. с фр. Е. Клоковой. — М.:
Ультра.Культура, 2004. — 496 с. — (Серия «Overdrive»).

ISBN 5-98042-059-2
Агенство **CIP PGB**

Глобальное потепление, виртуальный секс, наемные убийцы, террористы — таков наш мир сегодня. Что будет, если в такой мир вновь явится Спаситель? В романе знаменитого французского фантаста Пьера Бордажа Евангелие сталкивается с современностью, вымысел — с хроникой событий, любовь — с ненавистью, а Церковь — с Христом, которого она не так уж и ждет. Появление романа произвело скандал во Франции, Люк Бессон заинтересовался этим сюжетом и взялся продюсировать киноверсию «Евангелия от змеи».

ББК 84(4Фра)-445

ISBN 5-98042-059-2

© Au Diable Vauvert, 2001
© Е. Клокова, перевод с французского, 2004
© Ультра.Культура, издание на русском языке, 2004
© Ультра.Культура, дизайн, макет, 2004
© К. Комардин, художественное оформление, 2004

Евангелие от змеи

Жить Матиасу оставалось недолго, и это предчувствие **проистекало не из одного** только профессионального риска: смерть рыскала в потемках, чернильно-черная тьма заглатывала без остатка свет уличных фонарей, становясь провозвестницей полного и окончательного уничтожения рода человеческого повсюду на Земле. Сын и любовник ночи, вскормленный лиловыми сосцами тьмы, Матиас воспринимал ее дыхание как шепот, кожей чувствовал ее горести, радости и гнев, но никогда прежде не ощущал он такой печали, такого отчаяния во влажном лоне своей матери и госпожи. Она вынашивала жестокие потрясения, которые уничтожат не только ее потерявших детей, но и всех остальных людей с их безумными мечтами.

Слова «Конца гнусности» — последнего хита Тай Ма Раджа — таяли на губах Матиаса:

Земля людей, земля карликов,
Единственное, что тебя ждет, — небытие и
уничтожение.

Не будет ни раскаяния, ни искупления.
Нас ждет вода, направление — дно.
Потоп, потоп, потоп,
Ученые и пророки предсказывают
нам его,
Детка, ты меня зажигаешь,
Огонь в небесах, огонь в штанах,
вот так-то,
Льды тают, и я залью, затоплю
тебя, детка,
Наступает конец гнусности, так-то вот...

Неосознанным движением он дотронулся до рукоятки пистолета, висевшего в кобуре под кожаной курткой. «Глок» — сверхлегкая модель из фиброволокна — мало чем поможет ему в грядущие дни, но Матиасу, чтобы успокоиться, требовалось немедленно прикоснуться к своему ангелу-хранителю: точно так же спортсмены крестятся или целуют медали перед стартом. Он замедлил шаг на подходе к «Смальто», жалкому заведению, в котором Роман часто назначал ему встречи. Буквы вывески мерцали кроваво-красным светом — другого освещения на пустынной улочке не было.

Выйдя из метро, Матиас не встретил ни одного прохожего, мимо не проехала ни одна машина — только коты шастали по помойкам, да шуршал по асфальту мусор, да ворочались на тротуаре запеленутые в одеяла бездомные, скорчившиеся в своих картонных домиках-коробках.

В городах по всему миру царил один и тот же запах. Нищета и гниение завладевали континентами половчее глобальной информационной сети. Матиас, как истинный хищник, больше доверял обонянию, чем миллиардам единиц информации, ежесекундно высвечивающимся на экранах компьютеров. Ему была невыносима мысль о полной зависимости от машин, связанных друг с другом общей сетью, — умных рабынь самого совершенного инструмента надзора за всю историю

существования человечества. Его профессия учила недоверчивости и осторожности, так что информационные потоки казались ему самыми опасными, подлыми и долговечными следами. Пусть ноутбуками, компьютерами и сотовыми телефонами тешатся миллиарды фанатов, влипших в Сеть, обожравшихся словами, картинками, битами информации.

Он притормозил на несколько мгновений у входа в «Смальто». Осенняя ночь была так тяжело больна, что все вокруг казалось ему грязным — воздух, собственная кровь, мысли, встреча с Романом. Взглянув в замызанное стекло как в зеркало, он попытался пригладить ладонью свои кудрявые пепельные, почти белые волосы.

Обитая дверь с грохотом распахнулась, и на тротуар вывалился мужчина, чертыхаясь, он начал подниматься, пытаясь одновременно удержаться на ногах, привести в порядок одежду и сохранить остатки достоинства. Бедняга наверняка проявил неуважение к одной из девушек. Под «недостатком уважения» в «Смальто» понимали разные вещи, и зависели они от настроения танцовщиц, вернее, от того, сколько денег им удавалось выманить из клиентов. Этот, видно, оказался слишком прижимистым, и ему не позволили срывать запретные плоды, зазывно болтавшиеся всего в нескольких сантиметрах от его носа. Жадным в «Смальто» отводилась роль зрителей. Матиас заметил обручальное кольцо на пальце мужчины: сорокалетние женатики составляли основную клиентуру «Смальто». Как и большинство его собратьев по «разврату для бедных», мужчина был пузат, начал лысеть, жил с чувством вины, у него поседел виски, а носил он темно-серый двубортный костюм. Убив такого, можно было испытать лишь смутное чувство стыда и омерзения к самому себе.

— Эй, Мэт! Роман тебя ждет.

Джем, один из вышибал, стоял в проеме приоткрытой двери: чернокожий гигант под два метра ростом, рукава рубашки закатаны до локтей, бритый череп

блестит, на щеке шрам, сила как у быка. Вышибала мог произвести впечатление на отцов семейств, потерпевших фиаско в «Смальто», этой жалкой потовыжималке, но настоящие ночные птицы его не боялись. Дух всегда был сильнее тела — Матиас много раз убеждался в этом за те жестокие десять лет, что провел в городском лабиринте, получая образование на улицах. Он видел, как нахохлившись воробышки, вроде него самого, устраивали кровавую трепку противникам вдвое, а то и втрое сильнее них самих, он научился читать в их глазах решимость, ярость, безумие или обреченность. В первую же встречу он взял верх над Джемом в поединке взглядов.

— Давно не появлялся, парень...

Джем посторонился, пропуская Матиаса, сделав на прощание оскорбительно-презрительный жест в сторону изгнанного клиента и кивнув Тонино — другому черберу, обожавшему баловаться с ножиком, — чтобы тот закрыл дверь.

— Придурок решил сорвать трусики с Меррил. Думают, им все можно, скоро будут на сцену высказываться, с членами наизготовку, захотят девушек трахать, представляешь?..

Матиас едва слушал бурчание Джема. Он весь обратился в нюх: запахи алкоголя, пота, сигаретного дыма, дешевых духов, подмышек, талька, остатков еды и подавленного, неутоленного желания. Человек тридцать клиентов стояли перед несколькими узкими площадками, наблюдая за танцовщицами, которые умело извивались «у станка», — зря, что ли, жалкое электронное табло над стойкой обещало посетителям «лас-вегасский стиль»?!. Девушки тряслись как безумные, пытаясь разогреть атмосферу, замороженную «вооруженным» изгнанием из заведения срывателя трусиков, но лица мужчин, которым пятью минутами раньше напомнили об изгнании из плотского Эдема, походили на маски, застывшие от дешевого спиртного и нечистой совести.

— Выпьешь что-нибудь, Мэт? — спросил Джем, направляясь к стойке.

— То же, что всегда.

Матиас прошел вдоль стены и сел напротив Романа за столик в глубине зала. Полумрак рассеивал свет ламп в псевдокитайском стиле. Он снова спросил себя, почему Рысь упорно назначает свои деловые встречи в этом говенном заведении на задворках Пантена. Его клиентура между тем обитала в самых богатых парижских кварталах — Маре, VII, VIII и XVI округах, в пригородах, на западной стороне, от Нейи до Буживаля.

— Что нового, казак? — спросил Роман, аккуратно поставив на столик запотевшую пузатую рюмку с коньяком.

Осмелюсь любой другой, кроме Рыси, помянуть его русские корни, Матиас выхватил бы в приступе слепой ярости пистолет из кобуры и в упор разрядил бы его в мерзавца.

— Ничего особенного.

Несколько секунд они молча смотрели друг на друга. Матиасу никогда не удавалось достать до дна узких желтых глаз Романа. Именно за эти глаза, а еще — за острые уши и темные пятнышки на щеках его и прозвали Рысью. Всегда одетый с иголочки, с идеальным ежиком редких волос, щеточкой усов над верхней губой, Роман был из породы стервятников, хоть и походил на хищную кошку: он никогда прямо не участвовал в схватке, но всегда оказывался в первых рядах при «разделе добычи». Роман работал на жадного спрута, правившего огромной тайной империей и владевшего международной сетью торговли телом во всех ее проявлениях — от классической работы на панели до виртуального секса, удовлетворяя все самые извращенные запросы «потребителей». Несколько лет назад желтоглазый румын был поставлен управлять сетями детской проституции, созданными в некоторых странах Восточной Европы — в Румынии, Венгрии, Болгарии, на Балканах... «Пользователи» — их число росло с каждым днем — обитали в развитых промышленных державах и богатейших странах Персидского залива, но не только. Говоря

экономическим языком, это был бурно развивающийся рынок: по словам Романа, Сеть выявила новые запросы, позволила распространять — в планетарном масштабе — скрытые доселе предложения. «Мир болен, — часто повторял он, — все мы скоро сдохнем, так почему бы этим не воспользоваться...»

Стервятник — иначе и не скажешь.

— Как у тебя с работой, Мэт?

— Ничего особенного.

Тонкие губы Романа растянулись в хищном оскале, обнажив острые клыки, — он наверняка подточил их «а-ля якудза», чтобы подчеркнуть жестокость внешнего облика.

— Возможно, у меня кое-что есть для тебя...

Боковым зрением Матиас видел танцовщиц, изгибавшихся на сцене, подобно холодным бледным языкам пламени, под равнодушными взглядами посетителей. Идиотская музыка была по нервам. Он молча ждал продолжения разговора.

Выдержка и терпение всегда были его лучшими помощниками, помогая избежать множества неприятностей.

— Женщина. Сорок лет. Четырнадцатый округ.

Роман вытащил из внутреннего кармана шелкового пиджака небольшой желтый конверт.

— Имя, адрес, фото. Требуется особое внимание: у дичи суперохрана, территория миноопасная.

Выдержав паузу, Матиас равнодушно спросил:

— Сколько?

— Пятьдесят — сейчас, сто — после окончания работы.

— Евро или франки?

— Добрые старые ветхие франки, которые ты сможешь обменять в любом добром старом банке этой доброй старой гребаной страны! Черт тебя побери, Мэт, ты, конечно, настоящий профи, но зачем же так хренеть?! За сто пятьдесят тысяч евро я могу нанять «голубые каски» ООН!

Резкий, как вой гиены, смех Романа повис в удушающей атмосфере кабака. Официантка с пустыми, мертвыми глазами, одетая в коротенькую тунику с разрезами во всех возможных местах, поставила на стол серебряный поднос с бутылкой содовой и пустым стаканом.

Сто пятьдесят тысяч добрых старых франков были, несмотря ни на что, хорошей платой, следовательно, работа предстоит опасная, подумал Матиас. Ему и в голову не пришло задавать вопросы о причинах выданного контракта — любопытство никогда и никого до добра не доводило. Адрес и фодо — большего ему не требовалось. Чем меньше он знал о своих мишенях, тем лучше себя чувствовал. Да Роман в любом случае не стал бы ничего объяснять — просто отдал бы этот и следующие контракты другой ночной птице.

— Итак?

Матиас протянул руку и прихватил двумя пальцами конверт, мгновенно поняв, что Рысь уже положил внутрь предоплату.

— Я знал, что могу на тебя рассчитывать, — лениво процедил Роман, обнажив в загадочно-фамильярной ухмылке металлические резцы — ностальгическое свидетельство бурной румынской молодости. — Эта баба — та еще мерзавка. Не упусти ее, понял?

— Разве я тебя когда-нибудь подводил? — шепнул в ответ Матиас.

Произнося эти слова, он словно увидел на мгновение в воздухе череп, оскаливший в улыбке разбитую челюсть, и счел это видение еще одним знаком грядущих темных потрясений.

— Конечно нет, но в нашем деле каждый раз начинаешь с нуля. — Роман, то ли извиняясь, то ли оправдываясь, развел руки. — Но в твоём случае на счетчике целых пять нолей после первой цифры...

Матиас не стал пересчитывать деньги: Рысь был гордым стервятником, гордым и бескомпромиссным в вопросах чести, полагая, что она есть даже у таких прбклятых, как он сам. Матиас готов был поклясться, что

НЫР & ВРДАЖ

он полощет рот, моет руки и задницу по многу раз надню, но ему не удастся избавиться от ужасного, идущего из глубин естества запаха, который терзает его самого, особенно когда он «пользует» попадающих в его паутину девушек и девочек-малолеток.

— У меня припасен лакомый кусочек, — прошипел, перегнувшись через стол, Роман. — Свежачок. Нетронутый цветочек прямиком из Албании. Если хочешь — она твоя. Мой подарок.

Матиас налил себе полстакана содовой, выпил залпом. В глазах, как всегда, защидало. Подавив отрыжку, он отрицательно покачал головой.

— Ну да, я забыл: никакого разврата, — фыркнул стервятник. — Ни алкоголя, ни курева, ни баб, ни девочек. И ты даже не педик...

Матиас коротко улыбнулся, добавив про себя: «Никаких желаний и никаких привязанностей, одна только профессиональная страсть, пьянящие, сладострастные, головокружительные ощущения, которые предлагает одинокая охота в таинственной ночной жизни». Роману не удастся купить ни его дружбу, ни даже благодарность, предложив в качестве залога маленькую девственницу, проданную родителями за несколько жалких монет: ангелы — и уж тем более ангелы смерти — бесполы.

— Я сообщу, когда работа будет сделана, — едва слышно проговорил он, вставая.

Матиас бросил последний взгляд на клиентов, застывших перед сценой, где прилежно, хоть и без вдохновения, трудились танцовщицы, и подумал, что никто на Земле не пожалеет о людях, когда их не станет.

Красота девушки, стоявшей за спиной матери, поразила Марка. Он не ожидал встретить подобную жемчужину в этом мрачном доме, выстроенном из черного камня в глубине плато Обрак. В ней не было ничего от костлявого изящества анорексичных созданий, заполонивших безликие страницы гляцевых изданий, в том числе еженедельника «EDU», для которого он работал. Почему-то Марк вдруг с острым сожалением подумал, что, наверное, ветер, этот сучий потрох, растрепал его и без того редкие волосы, из которых он каждое утро все с большим трудом сооружал некое подобие прически.

— Что вам нужно? — Женщина повторила свой вопрос хриплым голосом, в котором угадывался средиземноморский- акцент.

— Поговорить о маленьком Иисусе, само собой разумеется!

Марк немедленно пожалел о выпущенной стреле. «Пустобрех чертов! Не можешь удержаться!» Привычка к язвительным замечаниям, хоть и оживляла беседу и могла разрядить обстановку, стоила Марку кровавого

развода и трудностей в отношениях не только с дочерьми, но и со всеми представителями рода человеческого в целом. Глаза женщины недоверчиво прищурились, хмурое лицо стало откровенно враждебным. Морщинистое, измученное жизнью, обрамленное поседевшими, белокурыми волосами, оно казалось естественным продолжением надетой на ней рубашки: одежда была такой ветхой, застиранной и заштопанной, что кое-где просвечивала основа ткани.

Марку почудилось, что, постучав в эту тяжелую деревянную дверь, он шагнул в далекое прошлое. Единственной уступкой современности в этом краю поросшей жесткой травой земли, холмов и скал был взятый напрокат «Рено-806», который Марк оставил на внутреннем дворе. Бросив беглый взгляд на машину, он слегка успокоился. Время едва перевалило за полдень, но Марку вдруг показалось, что уже наступила ночь, вернее, что солнце и не вставало в этом краю серых камней. Гнилая осень, погрузившая Францию во влажно-душное тепло, обошла своим вниманием Обрак, обдуваемый мерзким ледяным ноябрьским ветром.

— Я хочу поговорить с вами о человеке, которого кое-кто называет новым Мессией, — добавил он с улыбкой, призванной успокоить — мать и очаровать — дочь.

Женщина отступила на шаг, не убирая ладони с ручки двери.

— И так уже довольно гадостей о нем наговорили!

— Вот именно! — подхватил Марк, приглаживая машинальным жестом волосы. — Я потому и приехал, что хочу рассказать людям правду.

«Хочу поучаствовать в охоте!» — мысленно добавил он с той ноткой цинизма, что позволяла ему причислять себя — иллюзорное ощущение! — к «кукловодам», к творцам и любимчикам истории. Каждую неделю ВЈН, хозяин и основатель «EDV», король, отец, человеку блестящим черепом, зловонным дыханием, феноменальной интуицией и вошедшими в легенду приступами бешенства, выпускал своих псов на охоту. Чаще всего дичью

становился политик — неважно, мужчина или женщина, король (или королева) телеэфира, но на сей раз ВЈН натравил своих псов на пророка-целителя, посмевшего — невиданная наглость! — собрать вокруг себя кучку верных последователей.

Ни одна ищейка из «EDV» слыхом не слыхивала об этом ничтожном шарлатане, следовательно, его известность ограничивалась узким кругом обожателей, но, поскольку приказ исходил прямо от хозяина, мелкий проповедник был переведен на положение Врага Номер Один во всех редакциях и даже коридорах еженедельника — флагмана независимой прессы, первого среди равных. На сей раз досье года, посвященное сектам (секты, секс, серийные убийцы, диеты — верняк, если нет чего позабористее!), забудет о самой влиятельной из них — сайентологии, церкви, основанной Р. Л. Хаббардом, писателем-фантастом, богатой и влиятельной настолько, что она может на равных бороться с любой мировой религией, с какой угодно международной мафией, да, пожалуй, и с правительствами.

— Откуда у вас наш адрес? — спросила женщина.

— От моего шефа. Мне его источники неизвестны.

Тут Марк не соврал: источники информации ВЈН оставались тайными, темными, но они, как правило, не ошибались. Хозяин и основатель еженедельника самолично вручил Марку небольшое досье на семью пророка и билет на поезд — во *второй класс*, что в «EDV» являлось верным признаком немилости: «Нарой мне пару тройку смачных историй, чтобы, хм-гм-хм, расцветить выпуск, да...» Ледяные глаза шефа блеснули из-за темных стекол очков, грозя увольнением, «*хм-гм-хм*» прозвучало как ультиматум, словно скрипнула входная дверь биржи труда. Ходили упорные слухи о новом сокращении штатов: якобы независимые американские — читай: суперлиберальные! — аудиторы заявили о необходимости завуалированного (в некоторых случаях) или явного «обрезания» (все зависело оттого, к какой внутренней группировке ты принадлежал) раздутых штатов «ЕОУ».

В.И., обожавший играть роль «филантропа — отца всех своих детей», до последнего сопротивлялся чистке по количественному принципу, не желая принимать выгоды во времени и деньгах, которые сулили новые технологии, но финансово-юридическая армия советников вбила-таки ему в башку мысль о том, что придется выбирать между экономическими реалиями и патерналистской ностальгией, между будущим и перспективой закрытия, между гуманизмом и выживанием. Между «трахать самому» или «быть затраханным», как емко сформулировал Ж.-Ж. Фрельон, один из трех заместителей главного редактора.

Марк, по сути дела, никогда не входил в свору цепных псов *В.И.*, этих информационных хищников, хладнокровно-жестоких охотников, с наглой дерзостью провозгласивших себя «бандой сорока насильников». Он никогда не писал «фирменными чернилами» «EDV» — смесью мышьяка и серной кислоты, ни разу не принимал участия в организованной травле отдельных людей — загнанных, бесправных, разорванных на куски. Его кидали с одной рубрики на другую — политика, спорт, культура, обзоры, программы телеканалов, он был драной вороной в стае ястребов пера, так что теперь наверняка окажется в числе первых, отданных на заклинание журналистов.

— Так чего же вы хотите?

Марк стойко выдержал недоверчивый взгляд женщины. Эта мрачная ферма в Обраке была его последним шансом. Ему вот-вот стукнет пятьдесят: вряд ли он найдет новую работу в желтой прессе, которая была бы одновременно «непыльной» и хорошо оплачиваемой. На рынке труда «старикам» наступают на пятки молодые — «ботва» у них стоит дыбом от усердия, волчий аппетит, худые бока ходят ходуном, у них наглый талант, нищенское жалованье, а на губах выступает пена, как у гончих. Дамокловых мечей над головой Марка становилось все больше: алименты бывшей жене, две акулы-дочки, сверхтребовательная молодая любовница, плата за

жилье, машина, чертова прорва счетов, кредитов и необеспеченных долгов... Он был просто обязан пробиться в число «сорока насильников», вспомнить о тех сторонах человеческой натуры, которые благополучно игнорировал в течение пятнадцати лет работы — работы ли? — в еженедельнике, пошевелить задницей, доказать всем и каждому... Далее по тексту.

Марк посмотрелся в единственное круглое окошко двери — это зеркало было мутным и потому снисходительным, улыбнулся — со всем обаянием, на какое был способен, взглянул проникновенно, стараясь выглядеть неотразимо-победительным самцом.

— Вы позволите?..

Марк мягко шагнул в дверь, вынуждая женщин отступить в комнату. Он не заметил и тени страха на безмятежно-чистом лице дочери — только отстраненное любопытство, ему показалось, что она забавляется, что понимает, кто он такой и чего ему нужно. Войдя, он кожей ощутил живительное тепло: в гигантском — размером с его мансарду на Иль-Сен-Луи — камине плясали языки огня. Огромная полутемная комната, служившая одновременно кухней и столовой, была оклеена старыми замызганными обоями. На древнем буфете криво стоял старый телевизор: цвет был тусклым, картинка расплывалась.

Марку почудилось, что он вернулся в 60-е, оказавшись в почившем в бозе Советском Союзе, но тут заметил персональный компьютер — последний писк моды, сверхплоский экран, 21 см, камера, эргономичная клавиатура, кубическая форма, лазерный принтер, — установленный на одном из тех безликих письменных столов, которыми забиты дешевые мебельные магазины.

— У вас есть журналистское удостоверение или, ну, что-нибудь в этом роде? — спросила женщина.

Марк улыбнулся в ответ и полез во внутренний карман куртки. Ее вопрос был вызван не осознанием гражданских прав — она реагировала как истинная

телеманка, поклонница комиссара Наварро, госпожи заместителя генерального прокурора* и других героических следователей из полицейских сериалов. Он продемонстрировал ей свое официальное сине-бело-красное удостоверение — ободряюще-устрашающее триединство богоспасаемой Республики.

— Понимаете, мы впервые имеем дело с журналистом...

Он покачал головой. Информация *ВЖН* оказалась, как всегда, точной: он первым протырился к этим женщинам, ему предстояло охотиться на территории, которую до него не «пометил» ни один вонючий хищник. Марк не слишком хорошо понимал, чего добивается хозяин «EDV», поднимая хай вокруг какого-то сомнительного ясновидца, родившегося в богом и людьми забытом Лозере, однако, употребив минимум психологических хитростей, он сможет нарыть если не полезную, то хотя бы смачную информацию в доме названных матери и сестры человека, которого интернет-фанаты представляют на своих сайтах как нового Мессию, новое воплощение Христа или Духовного Учителя новых времен, вернув себе таким образом уважение *ВЖН*, сохранив зарплату, коллективный договор, налоговые льготы и множество других *удобств*, столь необходимых в его возрасте и при его образе жизни.

— Выпьете кофе? — спросила мать.

— С удовольствием.

Дочь немедленно отправилась в угол кухни и захлопотала перед плитой древнего образца с круглыми красными конфорками. На девушке была странного вида хламида, утратившая от времени и цвет и форму, — Шарлотта, любовница Марка, не надела бы *такое* даже на своего Лабрадора, невоспитанного и глупого пса песочной масти, — но все ее движения, даже самые незаметные, были исполнены невероятной грациозности. Вре-

мя от времени она оборачивалась, чтобы бросить через плечо бездонный взгляд на гостя. Шарлотта, блистательная шумная Шарлотта, проводящая уйму времени в институтах красоты и храмах здоровья, как тигрица следящая за сохранением тонкой талии, твердых сисек и округлой попки, тратящая все сокровища мира на маски, пудру, лосьоны, масла, витамины, диеты и прочую фигню, увеличивающая долги любовника покупкой одежды у авангардных стилистов, — эта самая Шарлотта наверняка восприняла бы как личное оскорбление сияющую, победительную, ничего ей не стоящую и потому унижительную для других красоту бедной крестьянки из Обрака.

— Садитесь, — предложила мать, выдвигая один из стульев, стоящих вокруг большого, в сельском стиле, стола.

Марка пробрала крупная дрожь, когда девушка подошла к нему с подносом. Он невольно представил ее в своих объятиях, в постели, и усилием воли попытался прогнать наваждение, но сладкое видение не желало исчезать, возвращаясь к нему с назойливостью осенней мухи. Божественный аромат кофе перебивал резкий, но приятный запах горящих в камине дров. Мать пододвинула Марку чашку, сахарницу из разряда «свадебных подарков» и цветную жестяную коробку, словно сошедшую с рекламных плакатов 50-х годов. Марк достал из жестянки сухое печенье, обмакнул в кофе и немедленно вспомнил, что подобный жест уместен только в кругу семьи. (Шарлотта терпеть не могла, когда он макал багет в пиалу — что за плебейство! Шарлотта настаивала, чтобы он принимал душ, брился и одевался к завтраку, Шарлотта заставляла его дорого платить за двадцать четыре года разницы в возрасте...)

Сидя напротив, девушка смотрела на него поверх чашки и спокойно пила кофе. Ее большие глаза блестели, как темные луны на белом лице, обрамленном пылающими локонами.

— У вас в доме нет мужчин?

* Имеется в виду Элизабет Броше, героиня фильма «Так поступают все женщины». — *Здесь и далее примечания переводчика.*

Марк задал этот вопрос, чтобы побороть собственное смущение. В досье *ВЛН* упоминалось о смерти отца, погибшего двадцать лет назад в автокатастрофе, и о смерти в 1978 году старшего сына, утонувшего в колодезе в возрасте шести лет.

— Мой муж погиб в дорожной аварии. Я не могла одна обрабатывать землю и в конце концов все продала. Оставила только дом — перевела в пожизненную ренту.

Она ни слова не сказала о смерти сына — словно похоронила самую память о нем.

— А... Иисус покинул нас три года назад.

Она слегка запнулась, перед тем как произнести это имя, которое могло напрямую вывести его на нужную тему, но звучало совершенно нелепо. Марк вспомнил смешки и насмешки, звучавшие на редакционной летучке, которую проводил грозный и полный сил *ВЛН*. Да уж, поиздевались вволю, даже бабы, возбудившись до невозможности, оттянулись по полной программе.

— А откуда он взялся, этот младенец Иисус?

Марк прикусил с досады нижнюю губу, заметив тень неодобрения в черных глазах девушки: ну никак он не научится держать свой поганый язык за зубами — в точности как некоторые его коллеги член в штанах, а результат всегда один и тот же — развод или разрыв отношений. В камине затрещало полено, в разные стороны брызнули искры огня. Женщина несколько мгновений смотрела, как огоньки дотлевают на ветхих половичках, потом произнесла устало:

— Его привез мой брат.

Чтобы скрыть удивление, Марк поднес к губам чашку, сделал глоток кофе. В редакционном досье не было ни слова ни о каком брате, не упоминалось там и усыновление: похоже, все было сделано неофициально и никаких следов не осталось. Рождение и детство мальчика Иисуса было окутано тайной — такой же непроницаемой, как происхождение другого ребенка — того, древнего, первого, исконного.

— Ваш брат?

— Он был миссионером в Колумбии. Вернулся однажды с пятимесячным мальчиком, которого крестил и назвал Иисусом. Брат попросил нас оставить ребенка у себя и воспитывать его до совершеннолетия. Еще он сказал, что однажды этот ребенок заставит мир говорить о себе, что его приход на Землю станет началом новых времен.

— Ваш брат был священником и рассказывал подобные... говорил такие вещи?

Она с силой поставила чашку на блюде. Это была суровая, что называется «от сохи», женщина, которой было так же уютно со свадебным фарфором, как секретарше в мини-юбке, застрявшей в лифте с *ВЛН* и заместителем главного редактора. Она напомнила Марку его тетюшек, которые всю жизнь провели на земле и стали похожи на старые корявые деревья, она возвращала его — циничного ошипанного петушка с парижского птичьего двора — к деревенским корням, к тому первозданному, напоенному чистотой миру, который будто бы существовал только в его детских воспоминаниях.

— Мой брат был... странным, он тогда словно с ума сошел. Робер — мой муж — и я, мы даже решили, что у него начинается приступ малярии. Он уехал среди ночи, оставив нам Иисуса, и больше мы ничего о нем не слышали.

Марк допил кофе и взял из жестянки еще один бисквит.

— Иисус был... обычным ребенком?

Мать и дочь обменялись взглядами. Марк сделал стойку, но не стал доставать диктофон из кармана куртки, боясь заморозить хрупкую атмосферу доверия, воцарившуюся в комнате, согретой огнем очага. Ему оставалось одно — положиться на профессиональную память: в повседневной жизни он забывал о миллионе вещей — о днях рождения, списках необходимых покупок, родительских собраниях, свиданиях с Шарлоттой и сворой ее друзей, — но только не о рабочих делах... Марк порылся в карманах куртки, ища пачку «Кэмела».

— Ничего, если я покурю?

— Нет-нет, Робер курил «Голуаз». Без фильтра. Табак убил бы его, но его опередил тот проклятый фургон. По утрам он кашлял хуже чахоточного.

Дочь встала, чтобы принести Марку пепельницу. Марк спросил себя, почему она не говорит, но тут же вспомнил, что какой-то загадочный вирус порастил бульшую часть ее мозга и она нема с самого рождения. И все-таки ему казалось, что он угадывал! в ее черных глазах глубину и напряженное внимание — свидетельство ума, причем ума глубокого.

Нет, тут было нечто иное, во всяком случае, не то, что принято считать умом на тусовках и междусобойчиках «заклятых друзей»: эта девушка — кстати, как ее зовут? — смотрела на людей и события «нетронутым» взглядом, в котором не было ни предвзятости, ни осуждения. Он прикурил сигарету от всепогодной зажигалки — «барашек в бумажке» всем журналистам отдела культуры «EDV» от одного издания, у которого закончились не только рекламные идеи, но и перспективные рукописи. Сладость никотиновой «дозы» доставила Марку такое острое удовольствие, что он тут же почувствовал себя виноватым. Он не курил целых восемь лет, потом снова начал, встретив Шарлотту, которая смолила две пачки в день. Она заявляла, что лучше умрет от рака легких, чем подвергнет себя риску «разжиреть». Снобка Шарлотта с превеликим удовольствием курила за завтраком, выпуская дым в лицо Марку, и не считала это моветоном.

— Господи, конечно, он любил конфеты и проказничал, — ответила наконец на вопрос Марка женщина — как все матери, в том числе приемные, она обожала говорить о своих детях.]

Марк взглядом попросил ее продолжать.

— И все-таки он не был обычным ребенком. Когда ему исполнилось десять, стали твориться странные вещи. Учительница Иисуса может лучше меня рассказать вам об этом.

— А что именно происходило?

Женщина встала, присела перед камином на корточках и поворошила дрова кочергой. На ее лице и волосах вспыхнули отсветы огня. Злясь на себя, Марк раздавил окурки в пепельнице. После каждой выкуренной сигареты он клялся себе завязать, но его решимость растворялась в болоте повседневности, ему снова стало трудно подниматься пешком к себе на седьмой этаж — в доме не было лифта. Сердце выскакивало из груди, он никогда не забывал, что несколько мужчин в его семье умерли от инфаркта как раз на пятидесятилетнем рубеже.

— Люди выздоравливали от болезней, которые врачи называли неизлечимыми, — пояснила женщина. — Вставляли на ноги парализованные, обреченные ездить в инвалидной коляске.

— Нуда... — откликнулся Марк. — Значит, чудеса...

Он с силой выдохнул — кофе, табак, масляное печенье, тот еще «букет» для окружающих. Куртка распахнулась, предательски явив миру округлость в районе талии. Ничто — ни безжалостные диеты Шарлотты, ни спорадические попытки заняться каким-нибудь спортом, ни возврат к курению, ни даже ужасы грядущего сокращения в «EDV» — не могло «растопить» подкожный жир, он держался стойко, как нефтяная пленка на перьях несчастного баклана. Девушка продолжала наблюдать за ним — так старшая сестра с сочувствием и нежностью следит за неловкими движениями младшего брата.

— Вы-то не верите в чудеса, правда? — спросила женщина, к которой разом вернулась вся ее недоверчивость.

— Пока не увижу собственными глазами...

— Вы — как все остальные: думаете, что Иисус — шарлатан!

— Я ничего такого не думаю. Я приехал делать свою работу.

В досье *BJH* фигурировали так называемые чудеса, которые якобы творил в детстве маленький Иисус из Обрака. Журналист местной ежедневной газеты в своей

статье, написанной в озадаченно-ироничной манере, смело сравнил слухи о пресловутых исцелениях с легендой о чудовище из Жеводана.

Внезапно Марк понял, что ветер стих и дом окутала ватная тишина. Словно прочитав его мысли, девушка воздушной походкой подошла к двери и распахнула ее настежь.

«Черт, да как же...»

На улице крупными хлопьями шел снег. Ярко-зеленый автомобиль Марка, круглые скалы, далекие холмы, деревья, плоские каменные крыши, невысокая ограда и земля во дворе были покрыты толстым пушистым белым ковром.

— Ничего удивительного, — заметила мать. — Сейчас ведь ноябрь.

— А я-то что стану делать? — буркнул Марк. — Сегодня вечером мне необходимо быть в Париже.

Девушка обернулась, одарив его загадочной улыбкой. Внезапно он вспомнил ее имя — Пьеретта, — и оно показалось ему таким же смешным (правда, по другой причине), как имя ее названного брата — Иисус.

Мать подошла к дочери, выглянула на улицу и стала вглядываться в небо, морща лоб и нос.

— Судя по всему, до завтрашнего утра погода не переменится. В дорогу вам отправляться никак нельзя. Придется заночевать здесь. Так что, если хотите, можем продолжить разговор.

Марк снова машинально закурил. Он не понимал почему, но перспектива провести ночь рядом с этими женщинами наводила на него ужас. Нет, он не боялся ни их, ни уединенности этой фермы, но ему вдруг показалось, что он окончательно утратит контроль над собственной жизнью, если проклятая снежная буря запрет его до утра на Обракской равнине, как разбились мечты его юности о рифы семейной жизни и подводные камни профессии.

Марк достал из кармана куртки мобильник и набрал номер Шарлотты.

Ну конечно, занято.

Л Я Ш М 1

Люси смотрела, как на экране высвечиваются буквы: клиент явно был компьютерным неофитом или просто очень волновался.

Привет, меня зовут Бартелеми; ппо-мммоему, тты... ужжжаасно мммиленькая.

Она уставилась в круглый глазок камеры, надев на лицо механическую улыбку. В углу экрана высветилось время: этот самый Бартелеми (кстати, имя наверняка настоящее, если уж мужчины берут псевдоним, то выбирают имена позвучнее — Конан, Джеймс, Том, Майкл, Минос.) облегчил свой карман на сто пятьдесят евро, чтобы провести наедине с ней шесть —десять минут. Сто пятьдесят евро, из которых тридцать процентов — то есть около трехсот франков — полагается лично ей (как большинство европейцев, Люси каждый раз пересчитывала евро на старые деньги, чтобы приблизительно прикинуть стоимость той или иной вещи). Люси проводила в Сети в среднем по пять часов в день, получая, таким образом, около полутора тысяч франков. Никогда в жизни она так хорошо не зарабатывала.

Миленькая? Ну да, лет двенадцать назад Люси действительно была очень хорошенькой. Она сохранила тело двадцатипятилетней девушки, но лучики морщинок в углах глаз и складки на шее с жестокой откровенностью выдавали все ее тридцать два года. Пока что она умело прятала шрамы, нанесенные временем, под искусным макияжем, но собиралась прибегнуть к услугам пластического хирурга, как только позволят средства, — капиталовложение, необходимое в ее профессии.

Привет, я — Мануэлла, — напечатала она. — Ужасно рада познакомиться с тобой.

Компьютерные курсы, на которые она ходила несколько лет назад — не по собственной воле, просто иначе биржа труда перекрыла бы ей кислород, — оказались очень кстати, когда после семи лет совместной жизни Джереми выставил ее вон без единого слова объяснения. Одна из старинных подружек Люси — Маддо — рассказала ей при случайной встрече о новом интернетовском Эльдorado и нацарапала на клочке бумаги адресок в XV округе, где отбирали девушек. «Все, что нужно, кроме умения стучать по клавишам, — это иметь хорошую фигуру, а у тебя она обалденная. Тут есть огромное преимущество, по сравнению с работой на улице, — мужики до тебя и пальцем не дотрагиваются, только смотрят, а ты раздеваешься. Чисто, безопасно и куча бабок, сама увидишь...»

И Люси действительно увидела.

Две недели ушло на жестокую борьбу с собой — она изживала католическое воспитание, а потом разделась догола перед двумя мужиками, и они долго изучали ее с холодным профессионализмом то ли гинекологов, то ли сутенеров.

Минуэлла? Я хочу видеть таи г... груди?!

Сейчас? Как скажешь. Не забудь, мой большой сладкий волк, у нас с тобой целый час впереди.

Называть мужчин «волками», «тиграми» и «львами» она научилась у Марты — девушки, которая уже лет восемь обслуживала посетителей в Сети. Клиенты жались

к их сайту, как стадо испуганных баранов, но обожали, когда с ними обращались как с ужасными хищниками. Она развязала пояс и нарочито медленно распахнула полы коротенького халатика из алого шелка. Как правило, Люси одевалась как школьница — клетчатая плиссированная юбочка, рубашечка, хвостики, белое хлопчатобумажное белье, и это срабатывало как из пушки, — но теперь она пыталась привлечь клиентов иного сорта и время от времени надевала экзотичные, откровенно вульгарные наряды, например этот шелковый пеньюар, который откопала в жалком секс-шопе на улице Сен-Дени. Выдержав паузу, Люси обнажила перед камерой плечи, приоткрыла часть груди. Игра заключалась в том, чтобы максимально долго оттягивать момент, когда ей больше нечего будет снимать и придется перейти к эротическим играм, эксгибиционизму и «самообслуживанию».

С...ми с... твой лифчик =

Она сдержала вздох, улыбнулась, растянула лифчик и, не слишком выкладываясь, обнажила грудь. Красивые, кстати, сиськи. Не слишком большие, но высокие, крепкие и, так сказать, *натуральные*. С маленькими розовыми шелковистыми сосками — хотя, если верить статистике, многие клиенты предпочитают широкие темные бугристые кружки, напоминающие потертые кожаные мячи.

Ао;нии офффиигительные: чччерт, каак же ооонни ммнее нравятся? По...а...лласкай — х... пж...ааа... луста!

Люси пришлось сконцентрироваться, чтобы расшифровать это послание. Его наверняка трясло, как в лихорадке, — потому-то он и ляпал ошибки, путая клавиши. Как правило, клиенты первым делом просили показать им грудь, и почти все, за редким исключением, переставали «дружить» с клавиатурой, как только лифчик летел прочь. Между собой девушки называли это «трясучкой Робера» — этот синдром наверняка исчезнет, как только внедрят систему голосового опознавания, — «яйцеголовые»

практически завершили разработку. Правда, никто пока не знает, чем могут обернуться придушенный голос и всякие другие штучки. Счастье еще, что клиенты почти никогда не используют интерактивные зрительные окошки. Система на манер видеоконференции помогла бы вступать в настоящий диалог и экономить время, но при этом пришлось бы высовывать нос из норы, показывать личико, а бродяги, шляющиеся по Паутине, не любят оставлять следов — только номер кредитки (даже эта формальность многих отвращала от посещения сайта).

Люси навела объектив на свою грудь, проверила картинку на экране монитора и начала прилежно ласкать себя, дав крупный план. Удовольствие, которое она испытывала в самом начале, наслаждаясь публичностью действия, улетучилось уже через несколько сеансов, и она тоже стала прибегать к маленьким хитростям, которые были в ходу у других девушек. Соски, заранее натертые специальным бальзамом, становились торчком от боли и обиды, стоило их ущипнуть, — оставалось только постонать, повздыхать да состроить гримасу страсти поубедительней, чтобы клиент поверил в бурный оргазм по первому его требованию. Люси часто спрашивала себя, неужели вуайеристы настолько тупы, что верят во всю эту херню, но за сто пятьдесят евро, или долларов, или йен (Сеть принимала деньги всех цветов радуги) играть свою роль следовало добросовестно. Ее наниматели — конечно, это слишком громко сказано о людях, плативших ей не через кассу, а «черным налом», из рук в руки каждый вечер, — пока не требовали от девушек, чтобы те засовывали себе что ни попадя во все возможные и невозможные места, однако, учитывая то обстоятельство, что секс-самообслуживание существовало практически на большинстве сайтов, а требования клиентов возрастали с каждым днем, не преминут потребовать.

Люси пока не знала, как станет реагировать: ей трудно было себе представить, что она будет целыми днями пихать всякое дерьмо внутрь своего тела, но она и помыслить не могла о том, чтобы отказаться от шести-

семи тысяч евро в месяц (тридцать пять — сорок тысяч франков, зарплата хорошего инженера!). Пытаясь успокоиться, она как-то зашла на один из таких сайтов, заплатила двести евро — цена выше, следовательно, теоретически и доход больше — и оказалась лицом к лицу с девушкой, чей юный возраст ее просто ужаснул. Тамаре — русские имена были в моде — вряд ли исполнилось даже шестнадцать, но сайт наверняка был зарегистрирован в одной из стран со вполне терпимым — читай: подстрекательским — законодательством, этаком новом легальном раю мировой интернет-деревни. Псевдо-Тамара выполнила все ее приказы, удовлетворила все желания с устрашающей покорностью и отчаянием во взгляде, и ни капризные гримаски, ни вызывающие позы не могли этого скрыть.

На сайте *sex-aaa-strip//cyberlive*, на который ишачила Люси (*sex* — потому что это слово чаще всего использовали при поиске, *aaa* — потому что, в силу алфавитного порядка, это сочетание оказалось в числе первых, *strip//cyberlive* — так пользователь мгновенно понимал, с чем имеет дело), в последнее время отмечался отток посетителей — нет, ничего драматичного, конечно! — но это заставило боссов, на которых сильно давили их «наниматели», а эти люди были кем угодно, но только не шутниками, вернуть старые сайты, где кувыркались в прямом эфире гетеро- и гомосексуальные пары. То, что делали Люси и ее товарки, не должно было исчезнуть — во всяком случае, до тех пор, пока существуют клиенты, готовые платить по сто пятьдесят евро за час безраздельного владения девушкой: многие из них воспринимали присутствие третьего лица как вторжение, как покушение на «интимные» отношения, возникающие между двумя вышедшими на связь людьми. Ясно одно — девушек попросят быть «пощедрее» и удовлетворять, не чинясь, любые фантазии клиентов.

У ммме-еня всстает!

Люси поправила камеру, выдав на экран крупный план одного из своих сосков. Реакции Бартелеми были

до трогательности предсказуемы. Как и все остальные, он считал, что обязан объявить о своей эрекции, восславив собственную мужественность. Как и все, он скоро начнет мастурбировать и, если ей повезет, не удержится и кончит, отключившись задолго до окончания сеанса.

У тебя классный член, мой волчонок. Хочешь, чтобы я продолжила ?

О том, что жирная лезть стоит активной ласки и может иногда «довести до кондиции» анонимного клиента-партнера, Люси поведала та же Марта. Экран оставался пустым. Люси воспользовалась передышкой, чтобы расслабить ноги на матрасике, покрытом шелковой простыней, кинула взгляд на мигающую лампочку, молясь в душе, чтобы та погасла.

Хочу На теБя... хооочу чтобТыы ттепперь совсем пррразделась

Люси спрятала разочарование под кривой улыбкой: сегодня она не может позволить себе прервать сеанс на самом пике. Свет ламп, установленных вокруг студии, начинал ее раздражать. Она механически сняла трусики — чувственности в ее движениях не было ни на грош — и устроилась перед бесстрастным глазом камеры. Марта не уставала поучать, что они никогда, ни при каких обстоятельствах не должны были показывать клиентам свое раздражение или усталость, им следовало всегда выглядеть свежими, податливыми, улыбающимися — в три утра и в девять вечера, на первом виртуальном свидании и на седьмом. «Эти гнилушки способны прислать ноту протеста, если останутся недовольны. Сама понимаешь, что случится после четвертой такой жалобы. Чертова прорва девушек готовы пригвоздить нас, чтобы получить работу...»

Спохватившись, Люси приняла более похотливую позу. Порой, когда она видела на экране свой гладко выбритый лобок маленькой девочки, ей становилось стыдно. А иногда в памяти всплывало перевернутое лицо мужчины с выпученными глазами, притаившегося во

мраке ее детской комнаты: однажды его нашли повесившимся в подвале, и Люси только через много лет узнала, что он был ее дядей.

давай! Двиингайся!

Она послушалась и прибегла к профессиональным приемам: оставаясь в поле зрения камеры, старательно раздвигала ноги, вращала бедрами, хватала себя за ягодицы, закидывала назад голову, изображала полное подчинение... Стрелки в углу экрана показывали, что ей осталось работать еще сорок минут — сорок минут судорог и извиваний во все стороны, сорок минут рабской подчиненности незнакомцу, купившему час ее жизни.

Экран снова на несколько мгновений замолчал, но лампочка не погасла. Люси начала задыхаться во влажном воздухе студии, аромат духов, смешанный с запахом ее собственного тела, казался прогорклым. Перед сеансом она выпила литровую бутылку воды и теперь все сильнее хотела писать. Клиенты имели право потребовать, чтобы девушки мочились у них на глазах: «золотой душ» упоминался практически в каждом письме — вне зависимости от национальной принадлежности автора. Как правило, Люси удавалось избежать этой неприятной работы, которую она считала унижительной и совсем уж гадкой, но сегодня ее выдержки на сорок минут не хватит, а кроме того, есть надежда, что «пис-сеанс» так подействует на ее собеседника, что он отключится до окончания назначенного времени, если, конечно, на том конце сидит один человек, а не целая компания.

Люси положила пальцы на клавиши.

Волчонок, мне жутко хочется пописать. Ты разрешаешь?

Молчание было равносильно согласию. Она встала и отправилась на унитаз, установленный в углу студии. Вторая камера немедленно выдала на экран ее изображение крупным планом — белый фаянс, внутренняя сторона бедер, вульва. Люси не понимала, что эротичного находят клиенты в этом откровенно физиологичном

процессе. Она сидела на унитазе, шумно писала, облегчая душу (зря, что ли, говорят, что душа находится в районе мочевого пузыря!), и казалась самой себе идиоткой. Ее преследовало смутное чувство вины и запачканности. И одиночества. Люси казалось, что жизнь истекает из нее, бежит прочь, как от зачумленной: когда она вернется в свою маленькую квартиру, никто ее не встретит радостным восклицанием, ни на автоответчике, ни в электронной почте не будет ни одного сообщения, одна лишь реклама. Она поужинает перед телевизором, шелкая пультом по сорока кабельным каналам, пока глаза не закроются сами собой и она не заснет, кактопор. Прошло уже два года с тех пор, как этот ублюдок Джереми выставил ее за дверь: она быстро забыла о его дурном характере, но не уставала горевать об ароматном тепле его тела. После их разрыва в постели Люси оказывались разные мужчины — молодые и не очень, костлявые и жирные, женатые и холостые, но от этих случайных связей в ее душе осталось разве что мерзкое послевкусие. Те, кого она хотела бы удержать при себе, бросали ее, как грязный носовой платок, остальные — от них она предпочла бы избавиться после первой же провальной ночи — пытались паразитировать на ней, как вши. Теперь иллюзию жизни в ней поддерживали только ее «выступления» в Паутине и абстрактные отношения с клиентами сайта *sex-aaa-strip//cyberlive*.

Закончив, Люси вытерлась, стараясь оставаться в поле зрения камеры, спустила воду и вернулась к кровати.

я кончил; спустииibo эта бббыло сУпер!

Наконец-то.

Люси посмотрела на часы: еще тридцать пять минут. Если Бартелеми один, возможно, сеанс закончится раньше времени. Люси подозревала, что Бартелеми очень молод — наверняка несовершеннолетний. Дети всегда хитрее родителей — так или иначе, но они способны обойти охранные системы, проверяющие возраст пользователей Сети.

Это было хорошо, ненасытный мой хищник?

О-о-ода. Супер: раньше /раньше /я

На несколько мгновений экран замер, е мог

Почему ты не... не мог чего?

возбудиться / был парализован; ничего ен чувствовал

Парпап-легия

Ездил в инвалидной коляске?

Ага: ницасный случай: катался на скейте и на мне наехала тачка

Люси поудобнее устроилась перед клавиатурой. Бартелеми был из тех, кому необходимо поговорить, раскрыть душу, но они скорее доверятся раздетой женщине, чем психоаналитику или священнику. Она, кстати, тоже предпочитала тратить часть времени на душеспасительные беседы, а не раздвигать ноги перед камерой.

Я думала, от этого не выздоравливают?

Я-а тоже / прравел в коляске четыре года. nАтом предки подарили мне систему голосового распознавания; я шел в Нет и выпал на сайт Вахи-Кахи*

Люси что-то слышала о каком-то целителе по имени Вахи-Кахи, или Ваи-Каи, но никогда не принимала эти рассказы всерьез. Поставив крест на религии своего детства, она больше не верила никому и ничему, хоть иногда ловила себя на том, что просит о помощи Деву Марию, — только Ее образ не потускнел, не обесценился в сумятице умственного и душевного смятения Люси.

Ну и?

на сайте говорилось, что Вахи-Кахи nРаедет скоро мима маево дома? Я сказал родителям отвезти миня А где ты живешь?

На твоём сайте сказано «не задаем ваппроссоф клиентам»?

Извини

шучу, мне пливать, никаких секретов: мой дом — ни далеко ат Шартра, предки сперва ни хотели, говори-ни — все фигня: я прасил, они сдались. Это устроили

в сарае: была уйма народу; я смок встать; когда Вахи-Кахи проходил мимо меня. Он посмотрел, улыбнулся — я ни думал, что он такой маладой. он говорил, я не все понял, но почувствовал себя странно

По тому, как медленно и старательно высвечивались на экране буквы, Люси поняла, что Бартеlemi сохранил о той встрече торжественно-взволнованное воспоминание. Она снова взглянула на часы: осталось двадцать две минуты. Время понеслось с головокружительной скоростью, словно пытаясь разлучить их именно теперь, когда общение стало захватывающим. Она много раз убеждалась, что секунды живут по собственным законам: летят на дикой скорости, когда голова занята чем-нибудь животрепещущим, и тянутся мучительно медленно, когда страдаешь от одиночества или скучаешь. Так Люси иллюстрировала для себя закон относительности — на уроках физики ее этому не учили. Люси никак не могла справиться с дрожью, особенно болезненным было ощущение в мгновенно затвердевших сосках.

всамом конце: он подашел ка мне; положил ладони мне на лоб; и сказал: «дано мне было избавлять ближних от страданий, и я изгоняю твой недуг; да вернется к тебе вся полнота жизни. ?» и тут мне стало ужасно жарко; и какая-то сила заставила меня встать, я сделал два шага, а потом упал, потому что мышцы отказали, через несколько дней все вернулось — и ноги; и остальное; и с сексом наладилось, мои родители просто отпали.

У него ушло десять минут на то, чтобы напечатать этот текст.

Почему ты не пользуешься голосовой связью? Так дело пошло бы легче.

Родители могут услышать: они в соседней комнате. Ты несовершеннолетний?

Он решил не сразу.

осталось совсем немного, мне будет всмнадцать через три дня. но у меня уже есть голубая карточка

Мы сможем разговаривать? Потом? Как?

Я дам тебе свой e-mail.

а... у тебя не будет проблем?..

Я иногда назначаю свидания клиентам.

Она сказала неправду, хотя никакие правила не запрещали ей встречаться в жизни с виртуальными клиентами. Кстати, многие девушки так и поступали, решив после обмена пламенными посланиями, что нашли любовь всей жизни. Правда, жизнь всякий раз развеивала тайну и убивала мечту, навеянную мброком. Люси пока что успешно справлялась с искушением — она говорила себе, что не стоит ждать ничего хорошего от спрятавшегося за экраном вуайериста.

О'кей, давай: свой e-mail. Я пришлю тебе сообщение, так ты узнаешь мой адрес:

Lucielegal@fzee mail.fr

Так ты не МануЭла?

Это мой артистический псевдоним.

чего это тебя интересует Вахи-Кахи? ты больна?

Нет, но теперь я хочу побольше о нем узнать. Так что напиши мне. Идет?

\$Обещаю. знаешь, как его по-другому называют, ВК? новым Христом...

Разговор закончился. Слова на экране начали бледнеть, связь прервалась, и на Люси внезапно навалилась ужасная пустота, словно она, пройдя сквозь городскую толчею и шум, внезапно окунулась в тишину собора. Сердце судорожно колотилось, дыхание сбивалось, она обильно потела — не только под мышками, но и под грудью, и в складках живота.

* * *

Люси не стала курить с девушками, не пересчитала деньги в желтом конверте — он лежал на ее гриперном столике. Быстро одевшись, она убежала, пробормотав на прощание несколько неразборчивых слов. От квартиры в XII округе ее отделяло четырнадцать остановок метро — по времени это минут двадцать. Люси не открыла книгу, которую с увлечением читала вот уже три

дня, — средневековый роман о трагической любви одной королевы, она все время забывала ее имя. Она не отозвалась на настойчивые притязания сидевшего рядом мужчины (он всю дорогу прижимался к ней коленом) — женатика, без возраста, судя по кольцу на левой руке. К ней вечно приставали в метро, а молодые щенки, пользуясь теснотой, даже ухитрялись приклеиться сзади и потереться об нее «голодным» твердым членом.

Когда Люси вышла на улице Монгалле, давно наступила ночь, зарядил мелкий противный дождик. Она побежала к подъезду своего дома, находившегося метрах в пятидесяти от станции метро. Дождю не удавалось освежить потно-липкую осень, пришедшую на смену пасмурному, слишком холодному лету. Люси рысью взбежала по винтовой лестнице, едва не сбив на третьем этаже с ног бабульку, закутанную в шаль, с собачкой в клетчатом комбинезончике. Окончательно задохнувшись, она добралась до своего шестого этажа, с трудом нашла ключи в сумке, протиснулась в узкий коридорчик, ведущий в единственную комнату, сняла, не развязывая шнурков, теннисные тапочки, сбросила мокрую от дождя и пота майку и плюхнулась, голая по пояс, перед ноутбуком. От нетерпения Люси едва смогла дождаться подключения Интернета. Закурив, она глубоко затянулась, нервно выдохнула и поклялась себе, что купит карточку кабельного подключения. Так будет раз в двадцать, а то и в тридцать быстрее. Черт возьми, она может себе это позволить, деньги есть!

В ее почтовом ящике оказалось штук двенадцать непрочитанных посланий. Люси, нервно щелкая указательным пальцем по мыши — шелк, шелк, шелк, шелк, — нашла нужное: *как обещал*. С гулко бьющимся сердцем она нажала на клавишу. Адрес отправителя высветился в правой колонке: barthelemy.forgeat@hawabou.fr.

Она вскрикнула от радости. Глупо, конечно, но впервые с того дня, как подонок Джереми вышиб ее из дома, а возможно, и с тех пор, как она навсегда утратила девицы иллюзии, Люси снова хотелось жить.

Ы I m 1

Йенн вышел к краю сцены и бросил взгляд на ряды: свободных мест в зале оставалось немного, хотя лекция должна была начаться только через два часа. О приезде Ваи-Каи в Бордо не сообщали ни афиши, ни рекламные проспекты, ни газеты, но зал пустующего старинного театра будет, как всегда и везде, набит до отказа. Разношерстное, но весьма сплоченное сообщество единомышленников постепенно пришло на смену маргиналам, посещавшим первые собрания, проходившие в домах приверженцев, в сараях и амбарах, в пустующих ангарах и маленьких зальчиках, где жители отдаленных деревень обычно проводили свои праздники.

Первые публичные выступления Ваи-Каи — так колумбийские индейцы из племени *десана* называют Духовного Учителя — вначале заинтересовали лишь кучку поклонников стиля «техно», кочевавших, на манер «пьяных кораблей», с одного рейва на другой: основы его учения — отказ от материальных благ, возврат к идее кругового времени, провозглашение незримой связи

между видами — нашли отклик в душах кочевников и бродяг новых времен.

Сам Йенн впервые услышал проповеди Ваи-Каи в одном сельском доме, далеко на юге Франции, — он тогда был студентом третьего курса «*Sciences-Po*» в Эксан-Провансе. Адепты идеи линейного времени называли бы эту встречу совпадением или чистой случайностью, он же воспринял ее как логичную закономерность, как глубинную данность. Вот так же сходятся иногда звук, танец и химические процессы, позволяя нам часами пребывать в трансе. Это ощущение — стойкое и невероятно сильное — затуманило на некоторое время его ум, заставило ненадолго забыть о вечном желании понять.

Мотор его машины начал плевать белым дымом, когда он ехал на очередную тусовку по ровной, выбеленной жарой дороге Прованса...

Дождаясь, пока двигатель охладится, Йенн и его тогдашняя подружка предавались ленивой любви на одеяле в тени пинии и по соседству с муравейником. Он задремал, потом встал, надел шорты, открыл капот, обнаружил, что радиатор пуст, и отправился искать жилье на каменистой пустоши, где стрекотали кузнечики и трещали стрекозы. Минут через пятнадцать Йенн заметил вдалеке большое каменное строение, обсаженное кипарисами, — явно один из тех старинных сельских домов, что так любят перестраивать для себя голландцы, англичане и горожане, решившие «вернуться к корням». Он перелез через каменную стену ограждения и спрыгнул в тенистый сад, где журчали аж четыре фонтана — небывалая роскошь в этом засушливом районе.

Йенн причалил к весьма странной компании: некий оратор, по виду — американский индеец, что-то вещал, сидя в белом кресле, обращаясь к мужчинам и женщинам, а те внимали ему — кто рассеянно, кто с жадным интересом, причем из одежды на них были только купальные костюмы (некоторые же шеголялись нагишом). Время от времени кто-нибудь отправлялся освежиться

в сине-зеленой воде огромного бассейна и тут же, не вытираясь, возвращался на свой шезлонг. Никто как будто не обратил внимания на его присутствие, и Йенн, споконной раздевшись и сняв очки, голым — плавок у него, естественно, не было — нырнул в бассейн.

Понаслаждавшись несколько минут блаженной прохладой, он обратил все свое внимание на оратора. Тонкие черты лица, обрамленного длинными черными гладкими волосами, глубина миндалевидных глаз, светящаяся медно-загорелая кожа, изящество движений и мягкая улыбка заинтриговали, притянули его, как ядро атома притягивает к себе любую частицу. Хорошо поставленным музыкальным голосом индеец призывал всех присутствующих покинуть распадающийся, разваливающийся мир, вселенную материальных благ, собственности, заборов, границ, банковских счетов и страховок и вернуться к священному замыслу первых дней Творения — воссоздать *дом всех законов* и вновь открыть для себя сказочные богатства *двойной змеи*.

— Вы его знаете? — спросил Йенн брюнетку лет двадцати, опиравшуюся локтями о бортик бассейна.

— Это Ваи-Каи, — ответила она. — Что, кажется, означает Духовный Учитель. Он вылечил сына хозяев этой халупы от лейкемии, когда от мальчишки отказались врачи. Вот они его и пригласили — в знак благодарности.

Девушка встряхнула головой, и с намокших волос по воздуху разлетелись капельки воды, разрисовав причудливыми узорами ее плечи, руки и грудь.

— Малыша-то он вылечил, но это вовсе не означает, что они готовы вот так взять да и бросить свое богатство, — добавила она сквозь зубы, указав подбородком на сад и постройки вокруг.

— А вы смогли бы от всего отказаться?

Вопрос Йенна подействовал на нее как укус шершня. Она напряглась и бросила на него взгляд, в котором были гнев и отчаяние одновременно.

— Если я чем и владею, так только этим! — И она кивнула на свое золотисто-загорелое тело. — Я здесь,

потому что состою в любовницах одного из их друзей, а этот ублюдок заявился с женой.

— Ничто не заставляет вас...

— Спать с ним? Оставаться здесь? Конечно, вот только я пока не нашла другого источника средств к существованию!

— Короче, вы и сами не готовы отказаться.

Она одарила его злобным, почти ненавидящим взглядом, но губы ее тут же сложились в горькую усмешку.

— А разве возможно отказаться от чего-то, чем, по сути дела, не владеешь?

Сидя по пояс в воде, они замолкают, чтобы послушать Ваи-Каи.-Кое-кто из гостей морщится, хмурится, встает и удаляется прочь от бассейна по аллеям, посыпанным красно-коричневым вулканическим песком. Йенн узнает некоторых в лицо — теле- и кинознаменитости, писатели, творцы высокой моды, журналисты... Эти люди — одетые или голые — могли бы разом осчастливить всех папарацци нашего мира.

Вскоре рядом с Ваи-Каи остаются лишь хозяева дома: обоим лет под сорок, и они явно разрываются между светскими обязанностями и благодарностью к своему гостю. Муж — он вот-вот проиграет в неравной схватке с жировыми отложениями! — встает и начинает переходить от одной группки друзей к другой, бормоча извинения и успокаивая. Жена — крашеная платиновая блондинка — остается лежать в шезлонге: ее загорелое обнаженное тело прикрыто купальной простыней, на губах застыла улыбка. Она усердно играет роль счастливой матери, боготворящей спасителя ее ребенка. Она, безусловно, предпочла бы, чтобы Духовный Учитель ограничился ролью целителя страждущих. Она наверняка надеялась, что он продемонстрирует изумленной аудитории несколько чудес (среди гостей есть люди, которые могли бы оказаться весьма полезными ее мужу-продюсеру!), но он с самого своего приезда Только вещает, обличая весьма жесткими — даже экстремистскими! — словами торгующих в храме, законы рынка и материаль-

ную выгоду. Его речь, больше похожая на политический манифест экологической партии, чем на духовную проповедь, весьма сильно раздражает влиятельных гостей и может окончательно погубить так тщательно подготовленный прием. Женщина не может выставить за дверь спасителя своего сына, так что ей остается лишь ждать, скрывая нетерпение, когда он наконец заткнется и отвалит, и надеяться, что ее мужу удастся умаслить и задержать в доме гостей, от которых напрямую зависят его карьера и их благополучие.

* * *

Заметив, что у него осталось всего трое слушателей — мать исцеленного ребенка, Йенн и его соседка по бассейну, — Ваи-Каи умолкает, встает и, не одарив хозяйку на прощанье ни словом, ни взглядом, направляется своей воздушной походкой к выходу из владений.

Йенн поворачивается к девушке.

— Сейчас или никогда. Отречься или сохранить.

Он выпрыгивает из воды, хватая шорты, очки, кроссовки, две бутылки минеральной воды со стола и кидается следом за Ваи-Каи. Почти догнав целителя, Йенн внезапно слышит у себя за спиной взрыв голосов:

— Тебе придется поискать другую шлюху, Джеральд! Я смываюсь! Да, да, мадам, я обращаюсь именно к вашему мужу, Джеральду Месселье! Меня зовут Мириам Азерле! Вот уже восемь месяцев ваш драгоценный великий муженек трахает меня! Мерзавец обещал протолкнуть меня на кабельное телевидение: оставляю вас наедине — вам наверняка найдется что сказать друг другу!

Йенн видит, как растрепанная темноволосая красавица бежит к нему, держа в руке платье и босоножки, хозяйка дома окаменела от ужаса у фонтана, ее муж с сокрушенным видом трет подбородок, тербит нос, нервно почесывает яйца, Джеральд Месселье, высокий седой телеведущий, лежащий в кресле рядом со своей

дородной женой (его облик так хорошо знаком всей Франции!), стремительно превращается в кисель, остальные гости дружно изображают Каменного гостя, короче, худшие опасения устроителей приема сбываются.

Йенн предлагает Ваи-Каи и Мириам подвезти их. Они возвращаются к его машине, срезав путь через пустошь, но стержневой радиатор отказывается заводиться, несмотря на две вылитые в него бутылки воды. Им остается только пройти пешком шесть или семь километров по извилистой дороге до ближайшей деревушки. Ваи-Каи идет легким шагом — он словно бы совершенно не страдает от невыносимой жары, лицо его остается сухим, пот не проступает на одежде — белой тенниске и своего рода холщовой набедренной повязке.

Мириам, подружка Йенна и Ваи-Каи располагаются на тенистой веранде кафе, а он отправляется искать механика. Тремя часами позже Йенн возвращается, сменив термостат радиатора, и снова предлагает индейцу и Мириам свои услуги перевозчика, чем вызывает явное недовольство подружки — она возмущается и требует, чтобы они немедленно отправились на рейв. К превеликому удивлению компании, Духовный Учитель вдруг объявляет, что тоже хотел бы послушать музыку и потанцевать.

— Но, это... это же «техно»! — предупреждает Йену.

— Ничего, был бы классный ди-джей! — успокаивает Мириам.

Временная подружка Йенна кидает на новую спутницу подозрительный взгляд: сначала она решила, что Мириам — баба этого индейца с невыговариваемым именем, но что-то не складывается в ее теории — то ли потому, что индеец похож одновременно на мужчину и женщину, то ли из-за взглядов, которыми эта красивая мерзавка пожирает Йенна.

Они доехали до места сбора тусовки по пыльным дорогам, то и дело сверяясь с копией карты, присланной организаторами фестиваля вместе с приглашением. Фары машин, припаркованных на каменистой

площадке, служили им маяками в ночи. Добравшись наконец до места, они кинулись к холодильнику, набитому бутылками содовой, разжились таблетками странного ядовито-розового цвета по десять евро за штуку и словили кайф — все, за исключением Ваи-Каи, который удовольствовался глотком воды. Ураган децибелов обрушился с неба, почти оторвав их от земной тверди. Они с головой погрузились в танец, они купались в трансе рядом с вопящими, жестикулирующими, размалеванными, переодетыми, раздетыми, экстравагантными, блестящими, потеющими теньями, и так продолжалось до восхода солнца под звуки яростного биения огромного «техносердца».

Как это всегда случалось с ним на музыкальном сборище, Йенн закрыл глаза и поплыл в океане басовых нот, разорвав связь с реальностью. Открыв же их на следующее утро, он увидел лежавшую рядом девушку — не ту свою случайную подружку (она наверняка смылась с кем-нибудь другим!), но Мириам. А он ведь помнит, что лежал *рядом* с ней — но не вместе! Или он ошибается? Во всяком случае, оба они были одеты. Свет утра освещал царившее вокруг пакостно-унылое разорение, столь характерное для «послевкусия» любой тусовки: недвижимые человеческие тела среди груды мусора — банок, бутылок, оберток и осколков.

Ваи-Каи терпеливо ждал, сидя на капоте машины и поднимая глаза к небу, успевшему разогреться до белизны. Он не произносил ни слова, но вокруг него собралась небольшая группка людей. С того самого дня Йенн и Мириам решили посвятить свои жизни Учителю. И ожидали еще пять дней, прежде чем стали любовниками.

Позже к ним начали присоединяться другие ученики — не только маргиналы, но и мужчины и женщины, перебивавшие одно учение за другим, но так и не нашедшие истины. В их сообществе, базировавшемся в Позере, было человек тридцать постоянных членов, они организовывали поездки Ваи-Каи с лекциями, проводили семинары в Мэньри — старинном замке, который

реставрировал для них один из благодарных, чудом исцеленных Учителем пациентов. Семеро ближайших учеников, в том числе Йенн и Мириам, повсюду сопровождали Духовного Учителя. Общество «Мудрость Десана» открыло собственный сайт в Интернете, но стремительность, с которой слух о Ваи-Каи распространялся по Сети, удивила Йенна и всех остальных: более тридцати сайтов на разных языках мира были открыты исцеленными, о феномене Ваи-Каи яростно спорили, сведения о датах и местах проведения лекций распространялись со сказочной, даже пугающей скоростью, по цепочке, каждый уверовавший пользователь брал на себя труд известить как минимум десятерых своих знакомых. Произвища и неверно переданные варианты имени Учителя множились, как web-страницы: Вахи-Кахи, Вике, Мессия новых времен, Христос из Обрака...

Йенн находил эту неумеренность излишней и, следовательно, опасной: это могло выпустить на волю неконтролируемые силы, но обуздать происходящее не было никакой возможности. С каждым новым чудом, сотворенным Ваи-Каи, процесс разрастался вширь и вглубь. Газеты уже публиковали убийственно-разгромные или язвительно-ироничные статьи, обвинявшие Иисуса из Обрака в шарлатанстве, — и это несмотря на живых свидетелей из числа исцеленных! И Ассоциация врачей Франции уже требовала в передовой статье «Вестника медицины» привлечь к суду псевдоцелителей за то, что они пользуются доверчивостью народных масс, как это делали до них двадцать лет назад филиппинские хилеры. Йенн, проведя «разведку боем» в кругах медиков-онкологов, точно понимал, что все эти идеи и суждения — только прелюдия, «артподготовка» перед решающим наступлением, призванная подогреть общественное мнение. Их сообщество находилось под пристальным вниманием фискальных органов и должно было со всей возможной тщательностью расходовать пожертвования, которых с каждым днем становилось все больше.

* * *

— О чем ты задумался, Йенн?

Он так глубоко ушел в свои мысли, что не услышал шагов Мириам за своей спиной. В глубине сцены техники проверяли микрофоны и освещение. Маленький театр был теперь практически полон, толпа с боем брала балконы, хотя владелец, по соображениям безопасности, категорически запретил пускать туда публику.

— О нас, — ответил Йенн. — О нашей встрече.

На мгновение он снова увидел Мириам в бассейне, в саду дома в Провансе: намокшие волосы, пухлые щеки, округлые плечи — чувственность, от которой перехватывает дыхание.

— Я хочу задать тебе вопрос...

Мириам собрала свои темные волосы в конский хвостик — прическа открывала тонкие черты ее лица, подчеркивала красоту зеленых, с золотыми крапушками, глаз. За те годы, что она повсюду сопровождала Духовного Учителя, Мириам похудела, перестала быть похожей на свежее испеченную булочку, но Йенну она казалась теперь еще красивее. Она почти никогда не говорила о своей прежней жизни — не вспоминала ни о подростковых безумствах, ни о неприятностях с законом, ни о родителях-алкоголиках, ни об «увлечении» кокаином и героином, ни о попытках свести счеты с жизнью, ни о яростных сражениях за место под солнцем, когда она продавалась самым щедрым, ни о своих связях со знаменитостями обоих полов, ни о тех грязных гнусностях, на которые соглашалась, надеясь хоть на миг согреться в лучах чужой славы.

Мириам обвела широким жестом крошечный зал забитого людьми театра.

— Если бы я тебя попросила... мог бы ты... мог бы отказаться от всего этого?

Давая себе время подумать, Йенн привычным жестом поправил очки. Ее вопрос был начисто лишен смысла: если тебе выпала немыслимая удача — жить рядом

ПЬЕР 80РДИЙ?

с самым великим человеком, родившимся на Земле за последние две тысячи лет, — ты и на рдно мгновение не задумываешься о том, чтобы уйти, ты упиваешься его словом — и не можешь утолить жажду, ты питаешься самим его присутствием, его смехом, его гневом, ты остаешься в его тени, пока его свет не ослепит тебя, пока его огонь не поглотит тебя...

— Почему... к чему этот вопрос? — наконец произнес он.

— Однажды ты спросил меня о том же. И я ответила, что человек не может отказаться от того, чего еще не имеет.

— Но я говорил о другом...

— Ответь мне!

Он не успел погрузиться в бездонную зеленую глубину глаз Мириам. Шум и гвалт вокруг вынуждал их повышать голос, и Йенн опасался, что зрители, сидящие в первых рядах, услышат этот разговор. Он не собирался создавать у публики превратное представление о ближайшем окружении Ваи-Каи, справедливо полагая, что не должен подставлять Учителя, ибо люди судят о нем в том числе и по его ученикам и сподвижникам.

— Мы только учимся самоотречению и...

— Не засирай мне мозги всей этой хренью! — вспыхнула Мириам. — Собственнический инстинкт проявляется не только в жажде материальных благ. Труднее всего разрушить невидимые стены!

— Что ты хочешь этим сказать?

Она вздохнула, пожала плечами, повернулась и исчезла в кулисах. Он хотел было кинуться следом, успокоить ее поцелуем, объятием, но остался стоять, где стоял, наблюдая за толпой, ожидавшей Духовного Учителя.

Внезапно из сумятицы его мыслей выплыл ответ на вопрос Мириам: если бы ему и правда пришлось делать выбор, он без тени сомнений отказался бы от *нее*.

и т т 2

Женщина жила в XIV округе, на улице Алезиа, и находилась под постоянным наблюдением. Матиас за пару минут вычислил четверых легавых — они дежурили в двух машинах рядом с ее домом.

Он увидел свою дичь в высокой арке ворот: женщина в огромном ямайском тюрбане на белокурых волосах выглядела лет на десять старше, чем на снимке Романа, лицо было морщинистым, осунувшимся, ожесточившимся. Ее сопровождали два телохранителя — парни явно работали на частную охранную фирму. Если эти гориллы вообще с ней не расстаются — а так оно, скорее всего, и есть, — ему, возможно, придется убить одного из них, а то и обоих: в таком случае сто пятьдесят штук, предложенные Романом, не такая уж выгодная работенка.

Дом будущей жертвы Матиаса стоял во внутреннем дворе: с тыла его прикрывал небольшой сквер, где росло штук двенадцать окаменелых деревьев. Проинспектировав почтовые ящики, Матиас быстро выяснил, что женщина живет на шестом этаже. Чтобы не привлечь к себе ненужного внимания, Матиас один раз поднялся

по широкой витой лестнице, устланной пушистым ковром, осмотрел лестничные клетки, отметил для себя стальные двери и наличие в каждой второй квартире охранной сигнализации.

Матиас обошел и седьмой этаж — комнаты для прислуги, где нашел люк, ведущий на крышу. Пылинки танцевали в луче света, проникавшем через дощатый потолок и освещавшем коридор: двери давно пора менять, как и позеленевшую от времени раковину с проржавевшим краном. Задышавшись во влажной духоте мансарды, Матиас убедился, что омерзительно-грязная крышка легко поддается, после чего спустился этажом ниже и сел в узкий боковой лифт с решетчатой дверью, чтобы попасть на первый этаж.

Он столкнулся со своей целью у входной двери — ее по-прежнему сопровождали мордовороты-телохранители. Вот кретины — думают, им платят не только за охрану, но и зато, чтобы носили за бабой ее бебехи. Грубейшая ошибка: вытащи сейчас Матиас свой глок, они не успели бы среагировать. Телохранителю выносливости и ловкости требуется ничуть не меньше, чем наемному убийце: руки должны быть свободны — всегда, следует быть начеку — всегда необходимо пребывать в боевой готовности, чтобы опередить соперника хоть на мгновение, — всегда. Эти двое, с их тупыми звериными лицами, тяжелыми кулачищами и угодливостью мальчиков с высшим образованием, не заметили бы подкрадывающуюся смерть, если бы не спустившаяся в этот самый момент по лестнице пожилая пара: они направились к женщине, приветствуя ее громкими восклицаниями.

На долю секунды жертва встретилась взглядом с Матиасом в тусклом свете холла, но он успел поймать выражение ужаса в серо-голубых глазах. Выражение затравленного зверя, который в каждом человеке, в каждом незнакомце видит хищника, палача. «Да-да, старушка, — пробормотал себе под нос Матиас, — ты угадала, правильно все просекла, именно я влеплю тебе пулю в лоб...» Он не знал, по какой причине боссы Романа

решили устранить эту тетку. Да это и неважно, так или иначе, баба им насолила: возможно, она следователь прокуратуры, или адвокатша, или стукачка, или раскаявшаяся шлюха, знающая достаточно, чтобы держать «на крючке» кое-кого из крупных шишек.

Всю вторую половину дня он шатался по округе, купил в книжном магазине два комикса и видеокассету с мультфильмом, поздно вечером поужинал в маленьком китайском ресторанчике, пропитавшемся запахом сои. У Матиаса не было ни четкого плана, ни даже мысли о том, *как* он будет действовать, зато точно знал *когда* — конечно, ночью, вернее, в тот странный, зыбкий час, когда умирающая ночь и нарождающийся день сливаются воедино в грязно-сером объятии, когда даже самые внимательные и цепкие расслабляются, когда любая мысль сама собой превращается в сон, в мечту.

Он был настоящим сыном ночи, существом, питающимся мраком, так что решение выплывет из темноты, как подарок его матери и любовницы. Она ни разу его не предала, всегда уберегала от безумств и ошибок, скрывая от глаз людей и света их фонарей. Она предупредит его, когда настанет час великого потрясения, когда она решит задуть могучим дыханием огонь жизни на Земле.

Он устроился в кафе, заказал минеральную воду, почитал, поиграл на автоматах, увидел, что легавые отбыли с дежурства, — наверняка считают, что ангелы смерти, как и они сами, работают в строго отведенное для этого время, в одиннадцать, оставив деньги за содовую на столе, гибкой тенью скользнул во внутренний двор и затаился в темноте поблизости от двери на лестницу D, закрытой на кодовый замок. Ждать ему пришлось недолго — не прошло и часа, как перед дверью оказалась парочка, явно живущая в доме. Оба были возбуждены до невозможности и, полагая, что никто их не видит, принялись обжиматься, шаря жадными руками по одежде друг друга. Просто невероятно, до чего громко могут звучать в ночи вздохи, шуршание шелка и нейлона,

чмокание поцелуев и шлепки потных ладоней по влажной от возбуждения коже! Матиасу даже показалось, что перевозбуждившийся мужчина, сопящий, какумирующий от жажды пес, овладеет своей спутницей прямо на улице, у стенки, но женщина возмущенно закудаhtала, одернула юбку, запахла полы блузки и начала набирать код. Матиас запомнил комбинацию, она несколько раз сбилась. Привычка: когда он в одиннадцать лет стал членом своей первой банды, ему поручили запоминать — на взгляд — коды входных замков.

Он подождал еще полчаса, пока не погас свет на лестнице, а когда теплый ветер загнал тучи на серпик молодой Луны, проник в дом.

Матиас бесшумно поднялся по лестнице — металлический скрежет лифта мог бы насторожить горилл, охраняющих блондинку. Он без помех, сохраняя полное спокойствие, дыша ровно и бесшумно, добрался до шестого этажа. Матиас знал, что пути назад нет, жребий брошен. Дичь, обезумевшая от страха, впавшая в паранойю, немедленно узнает его при следующей встрече и поймет, что он бродит поблизости, чтобы убить ее. Тогда он утратит преимущество неожиданности и может провалить контракт. Этого нельзя было допустить: малейший промах станет для него знаком немилости, опалы, он почувствует себя отвергнутым, кроме того, в его профессии безупречная репутация — залог регулярной и достойно оплачиваемой работы.

Он сунул руку в вырез тенниски и вытащил медальон с изображением Богоматери на старинной серебряной цепочке. Он принадлежал его бабке, русской по происхождению, бывшей балерине, которая во времена железного занавеса ухитрилась попросить во Франции политического убежища, приехав на гастроли с труппой Большого театра. Отец и две старшие сестры Матиаса погибли под пулями банды отморожков, работавших на русскую мафию — на одну из многочисленных «русских мафий», конкурировавшую с «аниматорами» главы семьи. Матиасу было тогда тринадцать лет, но он выжил

в море смертоносного огня: выпрыгнул из окна своей комнаты под крышей, вывихнул лодыжку и растворился в ночи, своей покровительнице и защитнице.

Матиас любил ощущать на губах круглое, нежное лицо Пречистой Девы. Ему всегда казалось, что он вновь обретает мать — тоже русскую женщину, белокурую красавицу с изумительно белой кожей: однажды — мальчику тогда не исполнилось и семи лет — она просто исчезла из дома и из его жизни навсегда. «Она отправилась на небо», — пробормотал отец, заливаясь слезами. Вот как? А с каких это пор матерям позволено покидать своих детей? А отцам кто разрешил рыдать на глазах у сыновей?

Матиас пылко поцеловал медальон, спрятал его под майку, вытащил Glock из кобуры, навинтил глушитель, сунул оружие в карман брюк стволом вниз, поднялся на несколько ступенек и приклеился к стене, уставившись на дверь квартиры. Ожидание в полумраке не было ему в тягость — тишина успокаивала, наполняла волшебной пустотой, в которой исчезали, таяли все лишние мысли и чувства. Лучшие решения находились именно в эти минуты чистого, ничем не замутненного, собранного бдения, когда казалось, что время перестало существовать. Да, ожидание было одной из самых захватывающих особенностей его работы.

* * *

Около четырех утра Матиас услышал, как в квартире зазвенел телефон и началась дикая суeta. Он снял Glock с предохранителя, не выпуская из поля зрения лестничную площадку: его беспокоило, как бы вырванные из сна обитатели квартир с нижних этажей не заявили сюда, чтобы выразить протест. Но люди пошумели и успокоились, в доме снова стало тихо.

Через несколько секунд Матиас совершенно отчетливо услышал, как скрипнула тяжелая металлическая дверь. В квартире его будущей жертвы подняли

тревогу — звонивший явно предупреждал, что в дом проник неизвестный.

Матиас увидел, как на площадке появился один из телохранителей в белых шортах и майке, босой, с огромным автоматическим пистолетом в руках. Он размахивал им перед собой, напряженно вглядываясь в темноту, как герой дурацкого полицейского сериала. Матиас ощутил его лихорадочное возбуждение — так нервничает резко возбужденный среди ночи человек, чьи мозг и нервная система никак не могут стряхнуть с себя остатки сна. Матиас стоял совершенно неподвижно, чтобы не обнаружить своего присутствия, а когда громила оказался на линии его огня, нажал на курок. Яростная вспышка разорвала темноту, и телохранитель упал — как осенний лист с дерева, в полной тишине, даже не взмахнув руками, словно стараясь, последним усилием воли, ни в коем случае не потревожить сон обитателей квартиры. Полный мудак. Никогда в жизни уважающий себя профессионал не стал бы так подставляться, выскакивая среди ночи из квартиры.

Матиас скатился по ступенькам и ринулся к оставшейся приоткрытой двери. Второй телохранитель и женщина теперь наверняка начеку. У него почти не осталось времени — через пять минут здесь будет полиция, но действовать все равно надо. Пружина развернулась, придав ему ускорение. А идеальных условий все равно не существует...

Матиас, не колеблясь, переступил порог квартиры, застыл на несколько мгновений в прихожей, прислушиваясь к шумам и шорохам. В ноздрах у него стоял запах пороха.

Приглушенный стон справа. Он пошел по коридору, опустив руку с пистолетом вдоль бедра, и оказался перед гостиной с круглым столом, стульями, угловым диваном, книжным стеллажом и большим квадратным телевизором. Второй парень, скорее всего, рванул прямо в спальню к женщине, пока его напарник проверял лестничную клетку.

Матиас подошел к двери единственной в квартире спальни, приложил ухо к деревянной панели и снова услышал сдавленные всхлипы женщины, не способной справиться со своим ужасом. Телохранитель не зажег свет, совершив непоправимую ошибку: темнота всегда на руку агрессору, тому, кто бьет первым.

Рассчитав, что дверь они наверняка закрыли на замок, Матиас даже не пытался повернуть ручку, вытащил свой крошечный черный, но очень мощный фонарик и одним ударом плеча вышиб дверь. Она сразу же поддалась, Матиас кинулся на пол и покатился по густому ковру. Над головой Матиаса просвистели две пули, не вставая, он нажал на кнопку фонарика: луч света выхватил из темноты присевшего на корточки у кровати телохранителя и вжавшуюся в матрас женщину. Воспользовавшись мгновенным ослеплением, он поднял пистолет, выстрелил мужчине в шею, под челюстью, потом сделал контрольный выстрел в лоб.

Одетая в короткую майку женщина со стоном ужаса выскочила из кровати, кинулась в ванную и попыталась запереть дверь, но Матиас, успевший подняться на ноги, подставил плечо и колено и мгновенно протиснулся следом. Луч фонарика заплясал на гладко-белом фаянсе стен, осветил тело скорчившейся за унитазом жертвы. Майка, задравшаяся до пупка, обнажила густую поросль вьющихся волос на лобке — неожиданно роскошных для ее истощенного, измученного тела. Она была не в силах отвести взгляд выпученных глаз от пистолета Матиаса и только глухо стонала сквозь стиснутые зубы. Она даже не кричала, дрожа всем телом, как загипнотизированный змеей маленький сурок.

Он улыбнулся ей, прежде чем нажать на курок. Пусть хорошо вспоминает его, оказавшись по «ту» сторону. Когда пуля вошла в ее сердце, женщина на мгновение застыла, потом на белой футболке расплылось пурпурное пятно, она качнулась назад и опрокинулась в ванну. Ее голова ударилась о металлический бортик, и в воздухе прозвенела нежная металлическая нота, словно

Л

где-то ударили в гонг. Одна ее нога, полусогнутая в колене, вызывающе торчала из ванны носком вперед, как будто она позировала для рекламы чулок.

Матиас даже не подошел к ней, уверенный, что сразил эту жертву наповал, как и двух ее телохранителей. Он все разыграл как по нотам. Теперь нужно затеряться во тьме города, выждать два-три дня, а потом отыскать Романа и получить вторую часть вознаграждения. И все-таки что-то беспокоило Матиаса, у него было ощущение незавершенности, отвратительное чувство, что им с самого начала манипулировали из тени могущественные хозяева Рыси. Он подобрал фонарик, стремительно пересек квартиру, не заботясь о бесшумности. Матиас чувствовал, что легавые уже заняли внутренний двор, лестницу и лифт, решил бежать по крышам и выскочил из прихожей на лестничную клетку.

Щелчки взводимых курков. Свет десяти зажегшихся одновременно фонариков ослепил Матиаса.

— Не вздумай дергаться, жалкий ублюдок!

Ослепленный, ошеломленный, Матиас вдруг осознал, что его мать и хозяйка Ночь предала своего сына. Он нарочито медленно положил пистолет на пол, чтобы не дать полицейским шанса прибить его как собаку, выпрямился и поднял руки. Двое полицейских, светя фонариками, медленно приближались к нему, а Матиас думал, что наверняка получит пожизненное с правом освобождения не раньше чем через тридцать лет — максимальное наказание во Франции. Он ненавидел тюремный мир с его теснотой, духовным убожеством и сексуальными извращениями. Он убьет — зацарапает до смерти или загрызет — первого, кто попытается коснуться его грязными лапами. На мгновение ему захотелось кинуться на фонарики, чтобы полицейские пристрелили его. Но у тех, кто, подобно ему, вырос на улице, слишком силен инстинкт выживания — они никогда не теряют надежды.

Низкий ледяной туман стелился над толстым слоем выпавшего снега. Вряд ли погода сегодня улучшится. Марк с превеликой осторожностью рулил по узким извилистым дорогам Обрака, — машину то и дело заносило на коварном, припорошенном снежком льду.

Ну надо же, а в Париже — тропическая жара, погода хоть и ненормальная, но самая подходящая для «теплолюбивых» вроде Марка, ненавидящих осенние холода и туманы. Ни одна общенациональная станция не сообщила о снежной буре в Обраке, словно это место и не Франция вовсе.

Утренние новости наперебой талдычили о тепло-влажном колпаке, накрывшем большую часть страны от Лилля до Лиона и Бордо. Этот «тропический колокол» засосал в себя территорию Бельгии, Нидерландов, Дании, Германии, Балтийских стран, там начались стихийные бедствия — наводнения, торнадо, появилась растительность странного вида и форм, зарождались новые вирусы, исчезали целые виды животных... Специалисты — то есть люди, знающие о проблеме не больше

остальных, но готовые рассуждать о ней на радио и телевидении, — связывали происходящее с ураганами, которые несколько лет подряд обрушивались на Францию, с наводнениями, таянием полярных льдов и глобальным потеплением — короче говоря, с «симптомами» болезни, известными с незапамятных времен, которые вам «на раз» перечислит первый остановленный на улице прохожий. Все знали, что Земля разогревается, и никто не сомневался, что ей придется приспособиться, чтобы выжить, — как и каждому живому существу на планете, но всем было плевать, люди жаждали одного — пользоваться своими привилегиями, расширять границы собственных владений и устраивать «сочачьи свадьбы», дабы любым способом привлечь к себе всеобщее внимание.

*Вода нас ждет, направление — дно,
Потоп, потоп, потоп.*

«Франс Инфо» дошла до того, что использовала знаменитый рэп Тай Ма Раджа в передаче, посвященной изменению климата на планете. Марк ненавидел рэп — неистовое диссонирующее скандирование напоминало ему стрельбу из пулемета. Будущее Земли ему тоже было по барабану — хватало забот с бывшей женой, дочерьми (по счастью, они тоже не слишком любили рэп!), Шарлоттой, *ВЖН*, коллегами, счетом в банке, лысиной, сердцем, склонностью к полноте и одышкой... Если кто-нибудь произносил при Марке слово «чепчик», в голове у него немедленно всплывало слово «член» — этакий перенос по смежности, мысленная оговорка по Фрейду*.

Огонь в башке, огонь в чреслах...

Шарлотта неоднократно предлагала ему удалить крайнюю плоть — тонкую кожицу, с бархатистой нежностью обволакивающую предмет его мужской гордости.

* По-французски здесь фонетическая игра слов: «са/offe» — шапочка, ермолка; «culotte» — штаны.

Она, конечно, не посмела заикнуться о полном обрезании, но ее еврейская душа — нет-нет, она, безусловно, атеистка и рационалистка (хоть и читает первым делом каждое утро гороскоп в газете!) — порадовалась бы этой процедуре. Шарлотта считала, что быть необрезанным — негигиенично: «Понимаешь, даже если ты *разоблачаешься*, чтобы помыться, это все равно влажная, закрытая и очень питательная среда для всяких там микробов, *нечистое место*, так-то вот». Она заставляла его мыть член каждый раз, когда они собирались заниматься любовью, как делают шлюхи, — с той лишь разницей, что девки берут на себя санитарно-гигиенические процедуры. Марк потерпел поражение в большинстве сражений с Шарлоттой, но для него было делом чести устоять в битве за свою крайнюю плоть! Не станет он в пятьдесят лет жертвовать частью себя самого — пусть даже такой крошечной! Разве влагище — не влажная, не закрытая и не питательная для всякой заразы среда? Или рты? А он ведь целует Шарлотту, проникает в ее лоно, не заставляя то и дело подмываться. Вообще-то, Марк подзревал, что Шарлотта просто прикрывается своей гигиенической придурью, — чтобы не заниматься оральным сексом: как и большинство женщин, она терпеть не могла делать минет, — хоть и изображала всегда преувеличенный энтузиазм. Коллега Марка — «честный гетеросексуал», между прочим! — как-то рассказал ему, что однажды поддался на уговоры трансвестита в Венсеннском парке и с тех пор не поручает столь ответственное дело, как фелляция, бабам: «Если хочешь, чтобы тебя „обслужили“ по первому разряду, поступай как я: доверься мужику!»

• *k if it*

Кроме церкви, в деревне была еще мэрия, служившая одновременно школой, да с десятков домов. Снег не таял: соскользнув с традиционных для этих мест плоских каменных крыш, он громоздился в сугробы вдоль

стен. Марк поежился, стряхивая остатки сна, засевшего в плечах и затылке. Он плохо спал в комнате, отведенной ему женщинами, — «бывшей спальне Иисуса», так они сказали. Помещение было мрачным и каким-то вымороженным, в нем витал старый минеральный запах. Несколько раз он просыпался, как от толчка, ему мерещилось, что он слышит чье-то прерывистое дыхание, что кто-то стоит рядом с его кроватью. Он зажигал ночник, но при свете жалкой лампочки мог разглядеть лишь замызганный пол, маленькую карту с лавкой и чернильницей, гигантское мраморное распятие да застывшие тени на стенах и белом потолке.

Он был бы не прочь обнаружить посреди комнаты девушку, Пьеретту. Марку почему-то показалось, что он ее заинтересовал, но дело, скорее всего, было в его излишнем самомнении и оптимизме: он свято верил, что женщины, особенно красивые, не могли устоять перед его обаянием. Это было более чем сомнительно, поскольку Марк все сильнее напоминал мерзкого старикашку с обвисшими щеками, растущим брюхом, мелкими заморочками и жаждой покоя. Наверное, одно только воображение и способно утешить и поддержать стареющих самцов — во всяком случае, тех из них, у кого дух сильнее плоти?

Он снова увидел Пьеретту только утром, за завтраком: она была в дешевеньком халате, который на ней выглядел платьем от дорогого дизайнера. Как удастся этой девушке придавать шик любой самой простой тряпке? Чудеса, да и только! Подумать только, что Шарлотта отчаянно пытается придать себе побольше класса, рядясь в самые изысканные, дорогие и очень часто нелепые туалеты. Мать давно позавтракала и, надев поношенную куртку (которая к тому же была велика ей на несколько размеров!), таскала дрова для плиты и очага. В доме не было тостера: здесь накалывали ломоть хлеба на вилку и держали в нескольких сантиметрах от пылающего в очаге огня, получая в результате гренков, пропахший дымом ароматного дерева и так не похожий на

свежий багет или безвкусный бескорковый хлеб, поджаренный на электричестве.

— Думаю, вы не сможете сегодня уехать в Манд, — сказала ему женщина. — По радио объявили, что все дороги закрыты. А вот до Пердриё — там находится школа, в которой учился Иисус, — доберетесь, если поедете осторожно. Расспросите его бывшую учительницу, коли не передумали.

— Ну конечно, — пробурчал в ответ Марк, — вот только сегодня среда, а номер сдастся завтра вечером. И как же, скажите на милость, я напечатаю и переправлю в редакцию мой материал?

...Не говоря уж о суперважном ужине с друзьями Шарлотты, и о том, что он обещал отвести девочек в кино, и о сантехнике, с которым договорился несколько месяцев назад, и о неоплаченных счетах, и о тысяче мелких, но срочных дел, так сильно осложняющих человеку жизнь...

Мать обернулась, чтобы указать Марку на притулившийся в темноте подлестницей новехонький компьютер.

— Здесь есть все, что вам нужно. Мы подключены к Интернету. Ваша газета, наверное, тоже...

— Что да, то да...

Он удержался и не ляпнул, что, мол, если уж вы, в вашем медвежьем углу, подключены, то и все остальные люди на этой планете тоже, даже эскимосы и папуасы. Он почти мгновенно осознал, как нелепа его реакция: это не только не смешно, но еще и несправедливо. Подобные мысли скрывают рефлекторное чувство превосходства над остальными людьми, ощущение принадлежности к элите худшего вида — интеллектуальной, циничной, воображающей, что знает ответы на все вопросы, считающей, что просвещает темные массы, яростно, до хрипоты, спорящей о насущных проблемах бытия, осыпающей проклятиями всех и каждого, жаждущей почестей и крошек с господского стола.

Мобильник зазвонил, когда он парковался перед мэрией.

Шарлотта...

— ...Интересно, ты хорошо спал? Я — нет, не люблю, когда тебя нет дома, к тому же здесь дико жарко, а у нас ужин, который я ни в коем случае не хочу пропустить, — с мужем Мод, ну, ты помнишь, с приятельницей Жакотт? Муж Мод — дизайнер по интерьерам, о нем все говорят, он знаменитость из знаменитостей, оформлял кабинет...

Все перечисленное было страшно важно для Шарлотты, пресс-секретаря женского ежемесячного журнала, каждый год, в одно и то же время, посвящавшего центральную тетрадку домашнему интерьеру. Шарлотта и ее друзья в совершенстве владели чисто парижским искусством смешивать дело с удовольствием, птифуры — с перешептываньем в уголке на диванчике, шуточки и сплетни, кокаиновые дорожки и колонки счетов, воздушные шарики и профессиональную ничтожность. Они относились к этике как к первому глотку теплого шампанского. Каждая статья, любая тема, которую разрабатывал журнал Шарлотты, выходявший тиражом в 200 тысяч экземпляров, имела единственную цель — выжать побольше денег из рекламодателей, и совесть их совершенно не мучила, словно они раз и навсегда решили для себя, что слово — всего лишь инструмент, а торговля — самая совершенная форма общения. Марк и его собратья по перу яростно нападали на этих сукиных детей, продавшихся мультинациональным СМИ и просирающим профессиональную честь, которым, тем не менее. Национальная конфедерация журналистов Франции без звука продлевала членские билеты. Марк поспешил продемонстрировать фото Шарлотты коллегам и выслушал полный набор лестных замечаний по поводу торжествующей молодости новой любовницы, но он поостерегся упоминать, что она работает на роскошную помойку, выпускаемую издательским домом, которым владеет фармацевтический гигант.

Естественно.

— Послушай, дороги все еще занесены снегом, и я не уверен, что смогу...

— ...Твоя бывшая снова сюда звонила, чтобы напомнить, что ты должен вести девочек в кафе и в кино, она вне себя... Кстати, почему она не звонит тебе на сотовый? Почему всегда я расхлебываю? А? Ну ответь мне...

«Потому что я не настолько обезумел, чтобы дать ей номер моего мобильного телефона», — мысленно ответил Шарлотте Марк. Из таких вот мелких хитростей и уловок ткалось полотно его ежедневного существования. Он вовсе не желал, чтобы его дергала по любому поводу бывшая жена, так и не смирившаяся с разводом, и, знаете, это чертовски приятно — знать, что женщина может пережить расставания с тобой! Его бывшая жена сделала несколько попыток завести интрижку, но новички не выдержали сравнения с бывшим мужем — ни интеллектуального, ни сексуального... во всяком случае, нечто подобное она пролепетала ему между двумя истериками в телефон.

*Раз уж все пропало, коли тают снега,
Почему бы нам не зарыться в сугроб,
Огонь в голове, огонь в чреслах,
Так-то вот...*

— ...Ты что, слушаешь рэп?

— Это радио...

— ...мне говорили, что Тай Ма Радж — настоящий мерзавец, ублюдок, маленький грязный мачо, который бьет женщин — причем не только свою жену. На днях, на передаче у Омера — ну, ты знаешь, самое многообещающее шоу *PAF*, так вот, он там вел себя особенно отвратительно, оскорблял техников и музыкантов на площадке, сказал партнерше Омера — той миниатюрной брюнетке, которая так тебе нравится, — что трахнул бы ее, не будь она такой душой. И это в прямом эфире! К тому же у него все зубы золотые, просто ужас, никакого класса, а еще надеется вернуть былую славу, как в 93-м...

Марк краем уха слушал словоизвержение Шарлотты, наблюдая, как женщина чистит лопатой снег во дворе школы/мэрии. В ярко-желтой куртке, бежевых

брюках и ядовито-зеленых сапогах она напоминала птицу с тропического острова, вмерзшую в лед. Женщина расчищала дорожку ко входу в класс к кованым воротам ограды.

— ...До вечера, позвони, как только приедешь в Париж, хорошо? Мне тебя не хватает. Целую.

Не успела Шарлотта отсоединиться, как телефон снова зазвонил. Вздохнув, Марк подождал, пока на экране высветился номер: его вызывали из журнала, звонить мог любой сотрудник — коллега, секретарша, замглавного, *ВЖН* собственной персоной... После четвертого гудка он выключил звонок и сунул телефон в карман. Они там в редакции наверняка начинают потихоньку закипать, но Марк, едва не захлебнувшийся монологом Шарлотты, не желал слышать ничьего голоса — сейчас, во всяком случае. Он выключил радио, вытащил ключ из зажигания. Децибелы Тай Ма Раджа скребли по тишине и покою Обрака, как ржавый гвоздь по стеклу. Марк вылез из машины, мгновенно задохнулся от жалящего холода и пошел к школьному двору.

* * *

— Хочу сразу предупредить вас,- мсье, мне не нравится ваш журнал, я нахожу его почти вульгарным. Вы ничем не лучше желтых газет, хоть и прячетесь за завесой респектабельности и этики!

Марк проглотил ее выговор, не моргнув глазом. Учительница была значительно ниже ростом — она не сводила с него взгляда ослепительно ярких светло-голубых глаз. Женщина сняла нелепую желтую куртку и осталась в свитере такого дикого розового цвета, что челюсти сводило. Она наверняка тратит немало времени и денег на походы по лавочкам в поисках самых кричащих и хуже всего сочетающихся друг с другом тряпок. Ее короткие волосы были выкрашены под красное дерево, хотя получившийся цвет уместнее было бы назвать оранжевым. На вид женщине можно было дать от сорока до

пятидесяти, но Марк не сомневался — она намного старше: об этом свидетельствовали врожденная властность и уверенный тон, когда-то она явно занимала высокий пост. Она пригласила Марка зайти в класс, где пыхла старая печка, топившаяся мазутом, только после того, как он показал ей журналистскую карточку и объяснил в двух словах цель своего визита.

— Вы явились в Обрак не за истиной, мсье, — сказала она. — В высших сферах решили, что Иисус Мэнгро — подходящий объект для издевательств или — хуже того — что он представляет собой общественную опасность. Я права?

Она придвинула стул поближе к печке, повесила мокрые шерстяные перчатки на спинку и протянула квадратные узловатые пальцы к раскаленному железному ящику. Марк понял, что ничего не добьется, если будет играть с этой старой девой: она слишком умна, и ее меньше всего на свете волнуют «ужимки и прыжки». Она проныцательна, хитра и совершенно нечувствительна к клести.

— Меня пригласили сюда, чтобы попытаться чуть больше узнать о его детстве.

— Откуда столь внезапный интерес? Иисус Мэнгро проповедует уже два с половиной года...

— Проповедует? Я слышал только о... так называемых чудесах.

Она села на стул, вытянув короткие толстые ноги. В классе царил образцовый порядок: столы выстроились строгими рядами, стекла и кафельный пол блестели чистотой, доска выглядела безупречно черной, карты и рисунки идеально ровно висели на серо-зеленых стенах. Марк готов был поспорить, что малыши, окончившие у нее пять классов, без малейших проблем поступали в среднюю школу.

— Ну конечно, для тех, с кем вы общаетесь, эти чудеса могут быть только «так называемыми», — прошептала учительница, глядя в пустоту, словно обращалась к самой себе. — Чудеса ведь могут уничтожить стереотипы,

чудеса влекут за собой установление нового мирового порядка, чудеса обнажают всю абсурдность привычных для власти игр.

— О какой власти вы говорите? Мы, в журнале...

— О создании и поддержании зависимости, мсье. Возьмем для примера ваш журнал: без него легко можно обойтись, вот вы и крутитесь, паразитируете на обществе.

Марк почувствовал себя школьником, которому строгий педагог читает мораль за плохое поведение, и прикусил губу, чтобы не выдать раздражения.

— Мы всего лишь предлагаем нашим читателям некий взгляд на вещи. В демократической стране независимость прессы и свобода слова являются...

— ...Чушь собачья! Вы принадлежите к сообществу людей, чье существование ничем не оправдано, вы озабочены одним — собственным выживанием.

— Возможно, но мы сохранили свою независимость.

Взгляд женщины был таким пронизательным, что Марк передернулся всем телом.

— Я не вижу перед собой независимого человека.

— Да что вы об этом знаете?

Она ничего не ответила — только смотрела на него с сочувственно-ироничной улыбкой на губах, Марку захотелось развернуться и убраться отсюда, хлопнув дверью, — у него тоже есть гордость, черт бы все это побрал! — но внутренний голос шепнул: «Останься, болван! Давай сними куртку!» Машинальным движением он достал пачку сигарет и тут же понял, его собеседница вряд ли потерпит, чтобы кто-то обкуривал ее класс.

— Угостите меня сигаретой?

Марк подумал, что ослышался, но спохватился и положил в протянутую ладонь сигарету и зажигалку.

— Вы... курите?

Она выдохнула густой клуб дыма, вернула ему зажигалку и ответила:

— Иногда.

— Давно вы здесь работаете?

— Скоро тридцать лет.

Марк тоже закурил, глядя в окно на засыпанный снегом городок.

— Спрашиваете себя, как можно провести тридцать лет в подобной дыре, я угадала? — спросила она.

Марк снова вздрогнул: именно этот вопрос он себе и задавал...

— Я родом из Парижского района, но привыкла к покою, тишине, холоду... Я была очень счастлива здесь. Даже после того, как Эдмон — человек, из-за которого я переехала в Обрак, — бросил меня, как старый носок, чтобы жениться на местной девушке. Я не стала матерью, но у меня было множество детей...

— В том числе Иисус?

Она поморщилась, мгновенно постарев на двадцать лет.

— Настоящий журналист, да? Не выпускаете добычу? Да, вы правы, Иисус, безусловно, повлиял на меня больше всего — в прямом и переносном смысле слова. Что неудивительно для женщины, которую зовут Мари-Анж!

Марк позволил себе слегка улыбнуться. Немного поискать — и в окрестностях наверняка обнаружатся Иосиф, ясли, пастухи, вол, ослик и три мага-волхва.

— Каким был Иисус? Умнее других? Каким-то иным?

— Иным — безусловно, хотя бы по рождению. Думаю, его мать рассказала вам, что он происходит из племени колумбийских индейцев десана. Но он отличался и своим поведением. У него были исключительные способности и великолепные отметки, но для него это не имело значения.

— А что имело?

— Благополучие его товарищей. И мое тоже. — Заметив вопрошающий взгляд Марка, женщина пояснила: — Те самые чудеса. Иисус срастил несколько переломов, вылечил бесчисленное количество случаев гриппа, гастрита и инфекционного менингита...

— Но как вы можете с такой уверенностью утверждать, что именно он исцелил все эти болезни?

Она раздавила окурочек в маленьком стеклянном горшочке, встала, подошла к окну и долго молчала.

— Я была приговорена, — произнесла она наконец так тихо, что Марку пришлось напрягаться, чтобы все расслышать. — Рак поджелудочной железы. Когда ставят этот диагноз, жить вам остается от силы три-четыре месяца. Я уже собиралась лечь в клинику на химиотерапию, и тут в мой дом пришли Иисус, его мать и сестра. Это случилось майским вечером — я до сих пор помню, как сильно пахла сирень. Я всегда любила ее аромат. Иисус попросил меня лечь на диванчик, положил руки мне на живот и держал... не знаю, сколько времени — может быть, два часа. Я почувствовала такой сильный жар, что потеряла сознание. Проснувшись на следующее утро, я увидела склонившиеся надо мной лица Иисуса, его матери и его сестры. Он сказал: «Я только что вернулся из дома всех законов и всех духов. Я молился там о твоём исцелении. И меня услышали». Иисусу было в тот момент девять лет. Девять. Они ушли, я два дня без сил лежала на своём диване, а на третий почувствовала в себе достаточно сил, чтобы встать.

Женщина повернулась, устремив взгляд на деревянный стол в глубине прохода.

— Что вам сказали врачи? — спросил Марк, выдержав паузу.

— Я больше ни разу не была в клинике. Наверное, мне следовало показаться врачу — хотя бы для того, чтобы медики подтвердили и зарегистрировали факт моего выздоровления, но мне было страшно. Я испытывала дикий и нелепый страх, что болезнь вернется, если я покажусь профессору, «отпустившему» мне то ли три, то ли четыре месяца жизни.

— Но медицине известны случаи спонтанной ремиссии...

— А что есть по сути своей неожиданное выздоровление, если не чудо? Наука ведь терпеть не может все-р-ез исследовать тайну, загадку, феномен мгновенного исцеления — потому что боится узреть в нём отблеск

жесткой истины — собственной бесполезности. Кто-то отправляется в Лурд, другие совершают паломничество в святые места, а некоторым людям не нужны ни верования, ни предрассудки, чтобы войти в дом всех законов и всех духов, как называет его Иисус Мэнгро, то есть Ваи-Каи.

— Этот дом *всех духов* — в названии есть некий налет шаманства, колдовства...

Улыбка осветила суровое лицо учительницы.

— Вы недалеко от истины. В семь лет Иисус совершил путешествие в Колумбию. Возвращение к корням, к истокам. Дом всех духов — это шаманическое видение, священное прикосновение к Вселенной. Я... как бы вам это сказать, чтобы вы не подпрыгнули под потолок?.. Я сама познала — сразу после исцеления и не один раз в дальнейшем — пульсирующую ткань жизни, всеобщую связь между человеческими существами, о которых говорит Ваи-Каи. Несколько мгновений я ощущала свою принадлежность к единому целому, я погружалась в память мира, я пребывала в доме всех законов и всех духов, я купалась в вечной и бесконечной любви...

Слова собеседницы, произнесенные с невероятной мягкостью, почти нежно, потрясли Марка, но еще больше его поразило преобразившееся, сияющее лицо женщины — она словно вновь переживала то, что только что попыталась описать ему. Марку вдруг показалось, будто границы классной комнаты раздвигаются, исчезают, тают в тумане и снежной буре, ему померещилось, что какая-то неведомая сила, чье-то дыхание проникает ему под одежду, пытается оторвать от пола, поднять в воздух. Он вцепился в край стола, закурил — так утопающий хватается за спасательный круг.

Лет тридцать назад Марк шагнул за грань, совершил путешествие по глубинам собственного подсознания, пережив страшную ночь. Ему пришлось бороться с самыми ужасными кошмарами, а начиналось все именно так — очертания предметов расплывались, перспектива смещалась, появилось ощущение странной легкости,

рассеяния, распада. Ему потом сказали, что, хоть он и принял наркотик всего один раз, «послевкусие» пережитых ощущений может вернуться много лет спустя, и теперь он подумал, что память не случайно выбрала этот класс в сельской школе в Обраке, чтобы окончательно извергнуть из себя ядовитые остатки того путешествия.

— Я была атеисткой и осталась ею, — продолжала между тем учительница. — Я не верю ни в Бога, ни в дьявола, но с того дня, как маленький Иисус Мэнгро вошел в этот класс, я знаю — да-да, знаю! — что поведение каждого из нас влияет на остальных, на всю нашу жизнь. Именно об этом вы, журналисты, должны неустанно напоминать миру, вместо того чтобы участвовать в его разрушении, в раздвигании ткани бытия.

Марк и не думал спорить — он так и сидел, судорожно уцепившись за край стола, сердце бешено колотилось, словно хотело пробить грудную клетку и выскочить наружу. У него было одно-единственное желание — сбежать, доехать до Манда, сесть в первый же поезд до Лина, сделать пересадку на Париж, найти Шарлотту. Шарлотту — с ее молодостью, с ее друзьями, с ее легкомыслием и любовью к сплетням, с ее ароматом, маленькой грудью, холодностью и страхом перед микробами.

Ему необходимы Шарлотта и теплая влажная осень. Шарлотта и капелька ее самоуверенности.

Вся жизнь Люси заключалась теперь в ожидании ежедневных посланий Бартелеми. Она читала и перечитывала их, пока строчки не начинали сливаться; чувствуя себя «желанной по переписке», она трепетала, дрожала, купалась в ласковых словах. Никогда еще никто — даже мерзавец Джереми в редчайшие мгновения нежности — не действовал на нее подобным образом. Она задыхалась от ощущения полноты жизни, ела за троих, сбегала вниз по лестнице, перепрыгивая через ступеньки, насвистывала в метро, замечала, что ищет оправдания мужикам, прижимающимся к ней в переполненном вагоне, все люди — всегда и повсюду — казались ей красивыми, даже несчастные вуайеристы, тратившие по сто пятьдесят евро, чтобы провести час наедине с ней — с ее сиськами, задницей и мохнаткой — на сайте *sex-aaa-strip//cyber.live*.

Она теперь раздевалась и ласкала себя под крупным глазком камеры, не испытывая внутреннего сопротивления, словно бы раскрывала тайные стороны своей натуры одному только Бартелеми. Как это ни странно, у нее

вдруг увеличилось количество вызовов (естественно, выросли и доходы!), словно ее хорошее настроение невольно передавалось сетевым бродягам.

Каждый раз, встречая Люси в гримерке, Марта уверяла, что она помолодела лет на пять. После каждого сеанса девушки болтали обо всем и ни о чем — о лучшей косметике и о самых отвратных навязчивых идеях клиентов, и Люси как-то спросила, слышали кто-нибудь о целителе Ваи-Каи. Люси была более чем удивлена, выяснив, что практически все ее товарки слышали о нем, а одна девушка — Софи, очень замкнутая в жизни и совершенно разнузданная в Сети, — даже сходила как-то на встречу с ним, проходившую в занюханном зальчике в V округе Парижа.

На вопрос, одновременно сорвавшийся с губ всех присутствующих, — «Ну и какой же он?» — Софи, выдержав паузу, ответила: он так хорош, что словами не опишешь. Главное, не верить газетным рассказам — будто бы он шарлатан, пользующийся доверчивостью толпы и выманивающий у людей деньги, что якобы недостойные родители доверяют ему своих малолетних отпрысков и он с ними спит, а его исцеления — всего лишь трюки, фокусы, которые он заранее готовит с «подсадками», что он будто бы проповедует возврат к строгой морали и ограничению личных свобод. Нет, нет и еще раз нет — все наглое вранье, а когда увидишь его хоть раз собственными глазами, он... он похож на...

Уставившись в пустоту, Люси снова замолчала. В двух кабинках — у Марты и Люси — зажглась красная лампочка вызова, но у каждой было в запасе по три минуты (соединение происходило только после подтверждения перевода денег!).

— Так какой же он? — не выдержала Марта, взявшись за ручку двери своей кабинки.

— Он как будто... примирился с самим собой, — закончила наконец свою мысль Софи.

• К * *

В час ночи в дверь квартиры Люси позвонили. Она только что отправила ответ на последнее письмо Бартеlemi. Уже два месяца над Парижем висела влажная жара, и Люси вышла из душа, не вытираясь и не одеваясь, надеясь хоть ненадолго удержать ощущение свежести во всем теле.

Она спросила себя, кто бы это мог заявиться в такой час. Никто не знал ее адреса, кроме нанимателей, коллега по сайту *sex-aaa-strip//cyberlive* и нескольких членов семьи. Свет не мог выдать ее присутствия в квартире — она шелкнула выключателем, прежде чем распахнуть настежь окно: Люси проторчала в Интернете больше семи часов, не могло быть и речи о том, чтобы выставить себя напоказ на халяву под жадные взгляды обитателей дома напротив. Накинув халатик, она неслышно подошла к двери: глазка не было, поэтому Люси попыталась на слух определить, кто притаился в ночной тишине.

— Открывай, Люси, я знаю, ты дома!

Хриплый голос из-за филенчатой двери врезался в солнечное сплетение, как зазубренное лезвие.

Джереми.

Она оставила свой адрес на его автоответчике, когда звонила несколько недель назад, — хотела, чтобы он вернул две или три безделушки, которые забыл выкинуть следом за ней на лестницу, вышвыривая ее из своей квартиры.

— Чего тебе?

— Я забежал просто поздороваться...

Внутренний голос подсказывал Люси — «Не открывай!», но потом она подумала, что нельзя упустить такую идеальную возможность высказать ему все, что накопилось на душе с момента их разрыва, повернула ключи в замке, приоткрыла дверь, тут же попыталась инстинктивно ее захлопнуть — на площадке стояли трое, но успокоилась, поняв, что среди незваных гостей есть женщина.

— Люси, чертова кукла! Как я рад тебя видеть!

Джереми, вусмерть пьяный, попытался обнять ее за талию. Она высвободилась, спрашивая себя, как могла находить красивым — ну ладно, привлекательным! — этого жалкого мужичонку с жирными волосиками, глазами навывкате, щеками и носом в красных прожилках, отвисшим брюхом и вяло-влажными ладонями. Ей не понравился жесткий взгляд второго мужика — этому типу было лет сорок, седеющие волнистые волосы, жирное тело затянута в блестящий кожаный костюм. Девушка — метиска лет двадцати пяти — была бы неотразима, если бы густо наштукатуренное лицо не выглядело застывшей восковой маской. Одета она была в суперкороткие шортики и серебряные туфли на толстых каблуках, подчеркивающие бесконечную длину ее стройных ног. Джереми толкнул дверь и ввалился в коридор, не дав Люси времени возразить.

— Я, кажется, тебя не приглашала...

— Да ладно тебе, Люси, мы на минутку, не выступай! Вспомним старое доброе время.

Мужчина в коже и девушка-метиска тоже вошли в коридор, и Люси не осталось ничего другого, кроме как уступить. Она внезапно поняла, что нарвалась на крупные неприятности.

Все трое уселись на широкую неубранную кровать — модель «королева», — занимавшую большую часть двадцатиметровой квадратной комнаты.

— Здорово устроилась, старушка, дела у тебя явно идут неплохо, а? — прогнусавил Джереми.

Экраны работающего телевизора и включенного компьютера бросали на стены и потолок отблески неверного голубого света. Люси зажгла верхний свет, включила телевизор и села на один из кухонных табуретов. Придется быть терпеливой. Она не слишком опасалась Джереми — этот жалкий хвостун, трус и грубиян годился только на то, чтобы выгнать на улицу женщину, ничего ей не объясняя, но вот второй внушал ей беспокойство: смотрел, будто оценивал.

— В этой хибаре выпить, конечно, нечего? — проворчал Джереми.

— Осталось немного мартини...

— А мы не затем пришли, чтобы напиться, — сказал, как отрезал, приятель Джереми и снял пиджак. Рубашка расходилась у него на животе, пуговицы торчали из петель, как шляпки недозабитых гвоздей. В резком свете лампочки без абажура, которую Люси с первого же дня после переезда обещала себе «облагородить», одев в абажур, он выглядел крупнее и опаснее, чем показался ей с первого взгляда.

— Вы... Азачем, собственно, вы явились? — спросила Люси.

— Ну, Джо, вот он — Джо, он тоже... ну, видел тебя, сама знаешь где... на этом гребаном сайте, ты ему во как нравишься, ну... он хочет, ну, ты понимаешь... это... и я тоже... хотел бы...

Джереми кивал в такт своим словам, строил рожи, многозначительно гримасничал, становясь еще уродливее и смешнее, чем всегда. Оскалясь в жестокой ухмылке, Джо подошел к Люси и облокотился на узкую барную стойку, отделявшую закуток кухни от комнаты. Запаниковав, Люси вдыхала тяжелую смесь запахов, исходявших от его тела: пот, спиртное, одеколон. ; ,

— Твой дружок пытается объяснить, — произнес он наконец грубым голосом, — что я хочу трахнуть тебя, а он — взамен — получит мою подружку.

— Да пошли вы все на хрен, банда ублюдков! Он забыл спросить, хочу ли я...

Пощечина, которой Джо наградил Люси, оказалась такой сильной, что она с глухим стуком ударилась головой о перегородку. Из глаз посыпались искры, из-под век потекли слезы. Теряя сознание, она слышала, как чей-то голос приказал Магали... нет, Мелани... закрыть окно и задернуть шторы. Ее подняли с табурета, понесли, бросили куда-то... ну да, на ее собственную кровать, вставили в рот кляп — что-то круглое и гладкое, не

дававшее издать ни малейшего звука, стянули щеки кожаными ремешком, завязав его узлом на затылке. Божьим зрением она видела, как метиска и Джереми целуются, срывают друг с друга одежду, как белый дряблый живот Джереми ввинчивается в смуглый плоский живот метиски, как ее длинные стройные ноги обвиваются вокруг его жирной талии, как ее тонкие пальцы пробиваются к его яйцам между мохнатыми толстыми ляжками, как мокрые губы Джереми захватывают и всасывают с хлопанием ее темные соски... Почувствовав за спиной какое-то движение, Люси попыталась обернуться, но ее ударили по затылку, удерживая в лежащем положении на животе.

— Бреешь киску, да? В девочку играешь, да? Невинность изображаешь? Заводишь мужиков на своем сайте? Ладно, сейчас получишь что заслужила, крошка моя! Папа тебе покажет!

Он перемежал ругательства сопением, хрюканьем, хрипами и стонами. Люси попыталась поймать взгляд Джереми, но тот был слишком занят метиской, чтобы обращать на нее внимание. Этот жалкий мерзавец продал ее, как кусок мяса, словно, начав работать на сайте, она превратилась в товар, в общественное достояние, в виртуальную помойку, которой мужики могут обмениваться между собой, как это делают на переменах мальчишк-лицеисты. Люси видела застывшее, безучастное лицо-маску метиски, равнодушно принимавшей «ласки» жирного, трясущегося тела Джереми. При обычных обстоятельствах его хватило бы минуты на две — на три, он кончил бы, пискнув, как крыса, но алкоголь вызвал у него нервный спазм, так что история могла затянуться на несколько часов.

Пальцы Джо безжалостно раздвинули сухие губы Люси, чтобы протиснуть внутрь огромный, твердый как камень член. Ей сначала показалось, что он развлекается, пытая ее раскаленным на огне железным жезлом, но как только первая боль прошла, Люси осознала, что это всего-навсего его «краса и гордость». Она попыталась

высвободиться, но Джо «успокоил» свою жертву несколькими ударами по затылку, навалился всей тяжестью и продолжил развлекаться.

* * *

Проскользнувший между занавесками луч света разбудил Люси, неподвижно лежавшую на кровати. В первые мгновения ей показалось, что низ живота у нее внезапно оброс иголками.

Наверное, она в конце концов все-таки потеряла сознание, перестав сопротивляться ненасытному палачу. Метиска и Джереми уснули, вдоволь накувыркавшись, но Джо продолжал методично, без усталости, обрабатывать Люси, входя в нее то с одной, то с другой стороны. Люси ненавидела содомию, считая анальный секс оскорбительным и грязным, хотя и уступала всем своим любовникам — кроме Джереми, который никогда ни на что подобное не претендовал. Она не знала, сколько раз кончал ее палач — но уж точно не меньше пяти, так что она всю ночь пролежала в мерзкой липкой луже. Они убрались на рассвете, вынув кляп изо рта Люси, ускользнули тремя серыми зыбкими тенями, и Люси, встретившись взглядом с Джереми, прочитала в его глазах то ли жалость, то ли сожаление — конечно, если все это ей не привиделось.

Телефонная трель — хотя звук ее аппарата был вполне мелодичным! — больно ударила по ушам. Смутно осознавая, что включился автоответчик, Люси услышала встревоженный голос Марты, прозвучавший после сигнала:

— Люси? Люси? Это Марта. В чем дело? Уже десять часов... Ты что, забыла, что должна быть на работе с девяти? Близнецы в ярости...

Их наниматели в действительности не были никакими близнецами (десять лет разницы в возрасте!), но они носили одинаковые костюмы от *Armani* или *Boss*, одинаковую обувь фирмы *Weston*, одинаковые галстуки,

одинаковые рубашки, одинаковые носки и одинаковое выражение вековой грусти на лице, словно все и всегда покупали вместе. Девушки ни разу не смогли заметить в их поведении ни одного двусмысленного жеста, но все-таки считали своих нанимателей *парочкой*.

Дрожащая рука Люси медленно поползла к телефону, стоявшему на столике рядом с компьютером.

— Люси? Люси? Ответь, если ты дома...

Пальцы Люси вцепились в трубку. Каждое движение отдавалось режуще-рваной болью в измученном теле. Пятна крови, как гигантские маки, покрывали простыню. Этот негодяй Джо не пользовался презервативами — из принципа, он действовал как пыточных дел мастер, как солдат армии Зла.

— Алло, Люси, ты слышишь меня?

Не в силах подняться, Люси выронила трубку.

— Люси, отвечай! Ну что за черт!

Люси снова схватила трубку, прижала плечом к уху, попыталась дотянуться губами, не смогла произнести ни слова и зарыдала.

— Что происходит? Люси, Люси?! Ладно, я сейчас приеду. Слышишь? Жди меня!

У нее не хватило сил даже на то, чтобы положить трубку на место. Она видела свое отражение в зеркале, купленном две недели назад и прислоненном к стене в изножье кровати в ожидании, пока кто-нибудь придет и повесит его на гвоздь. Плечи и ребра были покрыты синяками, кровь запеклась между ягодицами и на внутренней стороне бедер, красные ссадины и царапины изуродовали подбородок и щеки. Она не могла показаться Марте в таком жалком виде, надо было встать, принять душ, проветрить квартиру, сменить простыни. Люси попыталась встать, но ноги у нее подкосились, и она снова рухнула на кровать.

Ей казалось, что она проглотила тысячу ножей и их лезвия терзают ее внутренности, режут нервы и мышцы. Дождавшись, пока боль утихнет, она сделала вторую попытку подняться, ей удалось выпрямиться, поставив

локти на компьютерный столик, потом она передвинула ноги, чтобы переместить центр тяжести, и перевалилась на бок.

Внезапно экран компьютера ожил. Люси машинальным жестом перевела стрелку курсора под иконку электронной почты, открыв ящик, где хранила только послания от Бартелеми. Щелкнув кнопкой, она без сил, заливаясь слезами от боли, легла на живот в ожидании соединения.

Раздался звуковой сигнал, сообщающий об отсутствии посланий. Бартелеми ничего не написал ей, и Люси, прекрасно понимая, что еще слишком рано и не стоит паниковать, погрузилась в черную воду холодного отчаяния, еще больше разбередившего телесные страдания от полученных ран. Виртуальная реальность, объявленная самой совершенной формой общения между людьми, не уберегла ее ни от жестокого разочарования, ни от насилия.

А реальная жизнь посылала Люси из зеркала ее собственное, разбитое вдребезги изображение.

Игра в вопросы и ответы продолжалась уже больше пяти часов, и Йенн, измочаленный проведенным на колесах днем, готов был проклясть мужчин и женщин, набившихся в старый кинотеатр, предоставленный в распоряжение ассоциации «Мудрость Десана» маленькой коммуной, укрывшейся в виноградниках департамента Атлантическая Луара. Публики было, как всегда, много, и люди явно не собирались расходиться. Они жадно впитывали физическое присутствие среди них Ваи-Каи: одетый в костюм, он сидел на диване, покрытом белой простыней. Никому ни на одно мгновение не приходило в голову, что он тоже — несмотря на нечеловеческую выносливость — нуждается в отдыхе. А между тем он не творил чудес, не возлагал рук на паралитиков, сидевших в колясках вдоль всей сцены, не излечил ни одного из больных, которых разместили в первом ряду, — некоторым до смерти оставался один шаг.

Люди все еще не поняли, что Духовный Учитель — не машина для раздачи чудес. Никто не мог предсказать, что именно произойдет, когда Ваи-Каи выйдет на сцену,

какой оборот примет очередная лекция, какие темы будут затронуты, кто будет уязвлен и на кого падет его милость. Иногда Ваи-Каи произносил длинный монолог на какую-нибудь тему, например о различиях между линейным временем людей Запада и круговым временем древних цивилизаций. Иногда он ждал в тишине и молчании, чтобы кто-нибудь задал ему вопрос, или подходил к больному или ребенку, касался ладонями на несколько мгновений и начинал прогуливаться по рядам, внимательно вглядываясь в лица, словно хотел навсегда запомнить каждого.

Вначале непредсказуемая составляющая выступлений Ваи-Каи сбивала с толку, даже раздражала Йенна. Усердно посещая рейвы и экспериментируя с возбуждающим зельем и всякой другой химией, он оставался «головастиком»: выбранная профессия отражала стремление все всегда понимать, упорядочивать, раскладывать на составляющие, чтобы найти логику, установить связующие линии. Он, всегда стремившийся изгнать иррациональное начало из своей жизни, так и не смог понять, что толкнуло его ввязаться в приключение с Духовным Учителем. Идея Мириам о том, что противоположности притягиваются, не устраивала Йенна: в противном случае враги Ваи-Каи — их становилось все больше, и они набирали силу — испытали бы то же самое... но разве ожесточение не есть оборотная сторона очарованности?

На первом курсе Йенн стал членом партии Неоэкологистов, или Некологистов, причем примкнул он к самой воинствующей ячейке, надеясь оказаться в гуще политической жизни. Йенн действительно сочувствовал идеям защитников нашей планеты, но руководил им точный расчет: он был совершенно уверен, что экологисты, пусть даже они сегодня весьма немногочисленны и разобщены, очень быстро выйдут на авансцену общественной жизни, как это уже случилось в Германии и странах Северной Европы. Тем, кто, подобно его родителям, так и не избавившимся от иллюзий 70-х, упрекал его в том,

что он жертвует идеалами ради честолюбия, Йенн отвечал: пора делать дело, довольно пустых мечтаний.

Два года прошли в горячке политической игры (к ней присовокупилась связь с главой местной ячейки), потом были техномессы, алкоголь, пилюли всех цветов и размеров, череда подружек на день, на неделю, на месяц, а дальше случились та самая поломка машины в раскалившемся от солнца Провансе, встреча с Ваи-Каи и Мириам. Все это разворошило муравейник его убеждений. Он поставил свой организационный талант на службу человеку, который пытался освободить его мозги от всего рационального, снять, словно чешуйки у луковицы. Сложности человеческого общения, с которыми Йенн столкнулся у Некологистов, были из области общеизвестного, даже сверхобщеизвестного: столкновения характеров, ссоры из-за власти, догматизм, взаимные обвинения в злонамеренности и банальная ревность. Духовный же Учитель без конца погружал свое окружение в парадоксальные, выводящие из равновесия ситуации, не позволявшие им выбрать для себя хоть сколько-нибудь стройную систему взглядов и мыслей. Иногда Йенн ощущал ужасную усталость, неудовлетворенность, даже гнев — как в эту ночь перед толпой, не желавшей расходиться. Он сидел на стуле в кулисах, рядом с другими учениками и последователями Ваи-Каи, и закипал от ярости всякий раз, когда кто-нибудь из зрителей задавал очередной пустой вопрос. Он различал в глазах учеников восторженно-глуповатое внимание, почти обожание, что еще больше усиливало его собственное иступленное раздражение. Так что же, он один, он — первый ученик, он — основатель общества «Мудрость Десана», он — краеугольный камень организации, — нуждается в сне и хочет послать все и вся к черту?

Мириам давно ушла спать. Он презирал эту ее способность подчиняться своим первобытным желаниям и одновременно завидовал ей: она отправлялась в постель, когда уставала, ела, если была голодна, пила, испытывая жажду, и занималась любовью, если

возбуждалась... Он сам не мог удовольствоваться привычной версией бытия — во-первых, потому, что таков был его эстетический выбор, а во-вторых, он боялся не заметить главного события на странице истории, которая сейчас писалась. Ваи-Каи никогда ничего ему не обещал насчет него самого — ни привилегий, ни особой милости, но Йенн, не признаваясь в этом даже себе самому, верил, что будет вознагражден за вечную свою готовность быть рядом и действовать, вопреки усталости и раздражению (как этой ночью, когда от утомления у него смертельно болели плечи и ныл затылок).

Кто-то спросил, не предвещает ли аномально жаркая температура воздуха этим летом неизбежную катастрофу, — этот вопрос задавался каждый вечер, словно *коллективное бессознательное* так и не избавилось от страхов, навеянных Миллениумом.

Часы Йенна показывали 01:00. Он мысленно проклял все на свете, протирая стекла очков: когда еще они доберутся до своей гостиницы, расположенной в пятнадцати километрах от кинотеатра в промышленной зоне соседнего городка. Тема разладившейся погоды позволила Ваи-Каи оседлать любимого конька, и он заговорил о космической паутине из мифологии индейцев десана: их легенда гласит, что все люди связаны с этим миром и друг с другом. Религии, проповедующие исключительность — то есть исключение, — были полезны на определенных исторических этапах, но теперь их следовало отбросить, как старую ветошь. Пришло время примирить человечество с пространством и временем, снова встроиться в ткань бытия, заключить договор со всеми видами живых существ, порожденных двойной змеей, восстановить цельность мира, войти в дом всех законов, всех духов и всего сущего.

Йенн неоднократно спрашивал Ваи-Каи, что точно означает выражение *«дом всех законов и всех духов»*. Иное определение коллективного сознания человечества, или Божественного порядка, или сферы бессознательного, включающей в себя все мифы и все религии,

или, наконец, непрерывный обмен и взаимодействие (глобальная информационная сеть есть всего лишь грубое, приблизительное изображение всего этого)?

«Все это, вместе взятое, и гораздо больше, — ответил ему Духовный Учитель. — Это центр и край, граница, откуда исходят все нити, сама субстанция, из которой сотканы эти нити, лучи и отсветы лучей, место, где формируется земля, где зарождается время...»

Разобравшись худо-бедно с понятием «дома всех законов и всех духов», Йенн, тем не менее, никогда прямо с этим не экспериментировал — в отличие от некоторых других членов общества «Мудрость Десана», утверждавших, что они время от времени погружаются в ту фундаментальную общность, которую описывает Ваи-Каи. Он им не верил, подозревая в худшем виде жульничества — самообмане. Рано или поздно поведение выдавало их, и тогда они выглядели гротескно, даже пафосно, напоминая золотоискателей, которые потрясают обычными булыжниками, вопя, что нашли золотую жилу. Йенн встретил в окружении Учителя те же самые человеческие типы, что в некологической ячейке Экса. Прежние нравы, привычки и обычаи отравляли новые идеи, распределение обязанностей и полномочий очень быстро свелось к сведению счетов, к стрельбе по воробьям, так что ему пришлось употребить все свое влияние первого ученика, чтобы изгнать из сообщества главных смутьянов и восстановить порядок. Ваи-Каи не вмешивался в их ссоры, словно люди — как пешки — мало что, по существу, значили для него, вернее, что он мог общаться как с теми, так и с другими. Своеобразное проявление равнодушия или неблагодарности, но это задело гордость Йенна. Он поделился своими чувствами с Мириам, и она обрушилась на него:

— Да плевать! Если я правильно поняла его учение, главное — чтобы человеку было хорошо в данный конкретный момент, с ним или без него. А я вот хочу как можно больше времени проводить с тобой!

Йенн не собирался — во всяком случае, пока — разрывать связи с Духовным Учителем. Не зря же он потратил последние три года своей жизни! Он ни за что на свете не пропустит последнего Откровения. Йенн не мог согласиться с родителями и старшим братом, которые при каждой встрече и по телефону талдычили ему одно и то же: мол, твой интерес к этому псевдоцелителю — не более чем мимолетное увлечение, порыв — как учеба в университете, увлечение политикой, короче — все, чем он занимался в жизни. Кроме того, и это было, пожалуй, главным резонансом, он считал, что необходимо обществу — и для управления, и для организации лекционных туров, и для того, чтобы нести слово Духовного Учителя людям.

— Йенн?

Он подпрыгнул от неожиданности, мгновенно открыв глаза, и увидел перед собой двух изысканно одетых женщин. Они жались в кулисе вместе с Жоффруа — одним из недавно присоединившихся к общине адептов учения: недостаток опыта он компенсировал старанием, что иногда выглядело трогательно, но чаще всего — дико раздражало.

— Им пора уезжать, они хотят с тобой поговорить, они из *Tele Max*, ну, ты знаешь, телесеть, — пробормотал с придыханием Жоффруа.

— Марита Кёслер, продюсер, — представилась брюнетка, протягивая Йенну руку.

— Од Версан, помощница Омера, — произнесла вторая, подходя ближе.

У них были крепкие рукопожатия, открытые улыбки и энергичная жестикуляция женщин, которых не может остановить никакое препятствие. Брюнетке было на вид лет пятьдесят, но она отчаянно пыталась выглядеть на тридцать пять. Черный костюм и короткая стрижка подчеркивали стройность и хрупкость тела, но не могли скрыть угловатости и жесткого выражения лица. Ее тридцатилетняя спутница скрывала округлости фигуры под яркими просторными одеждами. Она была светлой

мелированной шатенкой с двумя хвостиками, перетянутыми шнурочками, по обеим сторонам круглого и гладкого кукольного личика.

— Вы — ответственное лицо общества «Мудрость Десана»? — спросила Марита Кёслер.

— Лишь в том, что касается административной части, — ответил Йенн, сдерживая дрожь. — Без него (он указал на стоявшего в центре сцены Ваи-Каи) ничего бы не было.

— Конечно, конечно, но нам сказали, что по всем вопросам, касающимся связей с прессой, следует обращаться к вам.

Йенн искоса взглянул на Жоффруа: это самое «нам сказали» радостно моргало круглыми совиными глазами и улыбалось радостной улыбкой идиота, что должно было свидетельствовать о неизбывном счастье являться последователем Духовного Учителя. Ну когда же этот кретин поймет, что восторженность неприемлема, если она фальшива? Неужели он не видит, как язвительно смотрят на него эти телепрофессионалки?

— Наши отношения со СМИ весьма просты, — произнес он наконец, стараясь говорить тоном одновременно легкомысленным и серьезным. — Журналисты приходят, задают вопросы и пишут помойные, а в лучшем случае — ироничные статейки, напрочь игнорируя наши ответы.

— Мы затем и приехали, чтобы дать вам возможность лично ответить клеветникам, — вмешалась Од Версан.

Она подчеркнула значимость сказанного, взмахнув накладными ресницами, и в ее голубых, с металлическим отливом, глазах мелькнуло нечто человеческое. На них начали оборачиваться ученики Ваи-Каи, давая понять, кто — насупленными бровями, кто — неодобрительной гримасой, что их разговор мешает Учителю. Йенн с превеликой радостью придушил бы двоих-троих, чтобы напомнить об элементарных понятиях иерархической подчиненности, но он счел за лучшее увести своих собеседниц к незаметной двери в глубине сцены,

которая вела на стоянку. Тут и там, в темных салонах некоторых машин, вспыхивали красные огоньки горящих сигарет. Ночь, напоенная запахами, дышала теплом и влагой. Светлые фасады домов вокруг церкви выступали из темноты, как камни из морских глубин. Глубокие лужи, оставшиеся после яростного ливня, прошедшего после обеда, напоминали жадные пустые рты, разверстые в искореженном асфальте.

Йенн ненавидел такие ночи, когда влажность и жара словно объединяли усилия, тшась ускорить разрушение этого брэнного мира. А ведь эта явно нездоровая влажность была всего лишь следствием эволюции, адаптации, климатическим ответом Земли на деяния человечества, разрывом в ткани бытия. Пока экологические партии не осознают великий замысел Творения, их предложения, планы, проекты и действия останутся бессмысленно-бесполезными, иллюзорными.

Речь, по словам Духовного Учителя, шла вовсе не о темном веровании, не о мистической чепухе или моральной сентенции, а о реалистичном подходе, разумном и, скорее всего, единственно возможном, который позволит человечеству избежать грозящего ему самоуничтожения как вида. Следовало немедленно примирить отрывочные научные знания с объединяющим видением примитивных мифов, с уважением и бесконечной благодарностью матери-кормилице Земле. Ваи-Каи часто иллюстрировал свои речи отрывком из статьи Джорджа Уолда, нобелевского лауреата по биологии:

«Последние годы позволили нам осознать, как никогда прежде, глубину родства, объединяющего все живые организмы... Каждая жизнь связана с другими жизнями, и эта связь намного глубже, чем мы могли когда-нибудь вообразить».

Ну разве это высказывание не подтверждает, как и множество других, тот факт, что все виды живых существ связаны между собой и объединены с двойной змеей?

Женщины достали сигареты и выкурили их в несколько затяжек с жадностью заядлых курильщиц, отлученных на несколько часов от табака.

— Вы знаете передачу Омера? — спросила Од Версан, выдохнув густой клуб дыма.

Йенн кивнул. Они начинали его раздражать — он сам не знал чем, возможно, бесила эта их манера разглядывать его, как зоологи разглядывают неизвестное им животное. Он различал вдалеке мягкий голос Ваи-Каи, заглушаемый шумом ветра и неясным гулом голосов небольших группок людей, рассеявшихся по парковке. Стены старого кинотеатра следовало бы освежить, но его скоро снесут и выстроят на его месте концертный зал — новый и куда более практичный, во всяком случае, как сказал Йенну мэр (он владел здесь гектарами виноградников, и Духовный Учитель излечил его кузину от рассеянного склероза).

— Омер Меня Убить, то есть ОМТ, — уточнила Марита Кёслер. — Вы ведь, конечно, знаете Омера?

Йенн снова утвердительно кивнул. Все во Франции хотя бы раз в жизни слышали об Омере, телеведущем, пришедшем с радио. Его передачи были намеренно провокационны, читай — скандальны, и сначала завоевали подростковую публику, после чего захватили гораздо более широкую аудиторию. Его дерзости, его словесные и физические выпады стоили ему неприятностей с Высшим Телевизионным Советом по надзору, с политиками и некоторыми из приглашенных, но его рейтинг только рос, так что *Tele Max*, крупная частная телесеть, доверила ему вести передачу в прайм-тайм, чтобы вернуть внимание публики.

— Думаю, вы знаете, почему его передача называется так, — добавила Од Версан.

Ее белое лицо в сумраке ночи походило на качающуюся на волнах медузу. Каждый раз, когда она с отвратительным свистом затягивалась, фильтр сигареты окрашивался в цвет ее темно-красной, почти черной помады. Пожав плечами, Йенн признал свою невежественность.

— Помните дело марокканца, обвиненного в убийстве хозяйки? На стене в комнате была фраза: *Омар меня убить*. Написано было кровью и с орфографической ошибкой. Полиция решила, что ее оставила жертва, что она успела...

— Обычная игра слов, — энергично перебила ее Марита Кёслер, удостоившись в ответ ненавидящего взгляда. — Игра слов весьма дурного тона, зато название обалденное. Сорокапроцентный рейтинг каждого выпуска передачи. Можно с уверенностью утверждать, что ОМТ — самый дорогой прайм-тайм на всем французском телевидении. Знаете почему?

И снова Йенну пришлось недоуменно пожимать плечами.

— Полемичность! — пояснила Од Версан.

— Од хочет сказать, — поспешила вмешаться Марита Кёслер, — что Омер каждую неделю принимает в студии человека, скажем так, противоречивого, неординарного и дает ему возможность — в течение полутора часов — объяснять свою позицию, убеждать публику. Это может быть политик — мужчина или женщина, скандальный автор, астролог, звезда стриптиза, религиозный лидер, — короче, для него нет запретных тем...

— Гость Омера встречается — лицом к лицу — с большой группой оппонентов. Не так, как в этих псевдо-токшоу, где ведущие и их приглашенные сговариваются, чтобы исключить неприятные вопросы...

— Принцип Омера — никаких табу, пусть человек получит возможность затронуть все темы в разговоре. В конце передачи телезрители голосуют, и тогда выясняется, сумел ли гость убедить их в своей правоте...

— Омер хотел бы пригласить вашего Ва... — Од Версан, яростно топнув каблуком, затоптала окурков, как будто раздавила скорпиона. — ...Вахи-Кахи...

— Конечно, не сейчас, не немедленно. Сетка передач Омера спланирована вплоть до 24 февраля будущего года...

— Поверьте, многие прозакладывали бы душу, чтобы получить приглашение от Омера. Но он — по этическим соображениям — принимает не всех...

— Вход, естественно, закрыт для неонацистов и расистов всех мастей...

— Как и для ревизионистов, и для прочих придурков...

— Так что скажете?

Йенну пришлось встряхнуться, чтобы вернуться к действительности. Номер, исполненный перед ним этой парочкой телеакул, вызвал в его голове ураган мыслей, ему с трудом удалось подавить головокружение, зацепившись взглядом за неровности стены старого кинотеатра. Коль скоро эти амазонки согласились отправиться в Богом забытую деревушку в гуще нантских виноградинок, значит, Омер и правда жаждет заполучить в студию Ваи-Каи. И так, Духовный Учитель за последние два года действительно набрал силу, его известность вышла за рамки кружка его сторонников и последователей, «Мудрость Десана» невозможно больше игнорировать.

Йенн с трудом удержался от смеха. Знай они, в каких условиях проходили первые выступления Ваи-Каи, не старались бы так, могли бы наплевать на официальную торжественность приглашения. Если бы они увидели хоть однажды, как Духовный Учитель купается голым в бухточках, смеется, как ребенок, безо всякой видимой причины, спокойно спит в удушающем запахе овчарни, собирает дику ежевiku с куста, танцует в полнолуние, проповедует перед горсткой совершенно «отвязанных» юнцов, тоже заржали бы в голос. В то же время Йенн чувствовал невольную гордость из-за того, что эмиссарши могущественной телеимперии разговаривают с ним на равных.

Помолчав несколько секунд, он сказал:

— Вы могли бы обойтись без этого путешествия — через две недели мы будем в Парижском районе.

— Нам приходится задолго планировать сетку, — пояснила Од Версан.

ПЬЕР ЕОРДЙЖ

— И Омер обязательно должен получить ваш ответ, прежде чем приглашать кого-нибудь другого, — добавила Марита Кёслер.

— Я ничего не могу решить, не посоветовавшись, не получив согласия Ваи-Каи, — сказал Йенн.

— Конечно, конечно...

— Тогда, если у вас хватит терпения дождаться окончания лекции, вы получите ответ.

Женщины переглянулись, кивнули и с потрясающей синхронностью достали сигареты. Пламя зажигалок на пару секундхватило из темноты их лица, показавшиеся вдруг Йенну сатанинскими масками.

Он подумал о Мириам: она давно спит мирным сном, а во тьме больной ночи другие люди принимают судьбоносные решения. Йенн вспомнил о вопросе, который она задала ему несколько дней назад: приключение становилось захватывающим, и он — меньше, чем когда бы то ни было, — готов был отказаться от *всего этого*.

ШШШ

3

Парочка легавых, сидевших напротив Матиаса, дымила не переставая, особенно она — коренастая, крепко сбитая, ее янтарная шевелюра была уложена волосок к волоску, наводя на мысль о коккер-спаниеле, гордо вышагивающем по улице после визита к собачьему парикмахеру.

Терпкий дым плывал по комнате, разъедая глаза, ноздри и гортань.

Все было не так: легавые не заперли его в камере в ожидании суда, они надели ему наручники, натянули на голову капюшон, везли какое-то время в машине и наконец «высадили» в подвале с грубыми бетонными стенами, поделенном на множество крошечных кабинетиков. Там с него сняли капюшон, отобрали ремень и шнуры, закрыли в загончике с сортиром-«очко» и подали завтрак — кофе и круассаны, — который он съел, не заставив просить себя дважды. Потом он ждал целый день, лихорадочно размышляя, пытаясь восстановить ход ночных событий и понять, в какой момент утратил над ними контроль. Да с самого начала, конечно, с первого же свидания с Романом в «Смальто». Рысь никогда его не

подставлял, но от этого дела просто воняло провокацией и предательством.

Вечером женщина принесла ему два сэндвича, бутылку минералки с газом (черт, да им как будто известны его предпочтения по части питья!) и одеяло на ночь. Ему удалось поспать час или два, хотя в камере невыносимо воняло мочой, бетонные стены давили на психику, а отросшая щетина противно шуршала, соприкасаясь с кожаной курткой, которую он, смяв в комок, положил под голову.

Неразлучная парочка вошла в его камеру в девять утра. С собой они принесли кофе, круассаны и сигареты. Мужик на вид было лет тридцать пять—сорок, волосы подстрижены ежиком, лицо и костюм — одинаково помятые, сам он — поджарый, спортивный. Ей — около тридцати, энергичная, живая, одета более чем нейтрально и не сказать чтобы слишком женственна — несмотря на прическу под коккера. Они выпили кофе и поели в компании Матиаса, а потом выкурили первую — самую сладкую — сигарету, наблюдая за ним с раздражающей пристальностью.

— Я — Кэти, он — Блэз... — нарушила наконец гнетущее молчание женщина.

Странное начало допроса: у легавых было не в заводе представляться арестованным по имени. Матиас допил кофе, передернувшись от горечи, поставил стаканчик на узкий столик, отделявший его от полицейских. Он заметил под курткой мужчины и свитером женщины оружие, на долю секунды представил себе, как перепрыгивает через стол, сбивает ног женщину, выхватывает ее оружие и уходит из подземелья, прикрываясь ею, как живым щитом...

Впрочем, к чему все это? Ночь его предала, сыскари его вычислили, он стал одним из тех проклятых, которых отвергла улица, и они нигде не могут чувствовать себя в безопасности.

На самом-то деле больше всего на свете он сейчас мечтал о горячей ванне и чистом белье.

— А ты — Матиас Сирименко, — продолжил мужчина. — Жалкий маленький мерзавец, убивший прошлой ночью троих человек, а до того — множество других людей.

— Скажем так — у нас нет формальных доказательств относительно других жертв, — подхватила женщина. — Тем не менее, проделав небольшую работу, проверив некоторые твои недавние перемещения и телефонные звонки за границу, мы все на тебя повесили.

Они замолчали, откинувшись на спинку стульев и сцепив ладони в замок на затылке, чтобы дать Матиасу время осознать сказанное. Он отлично знал методы легавых — успел познакомиться в далекой юности, когда жил на улице. Кстати, они мало чем отличались оттого, как орудовал Рысь и другие стервятники нелегального бизнеса, — словно у тех и других просто не было иного выбора, кроме как действовать сходными методами.

Они не засадили его за решетку, потому что у них есть для него работа, вот и начали переговоры с угроз, дабы сделать свое предложение повесомее, торгуясь с позиции силы. Матиас решил хранить полную невозмутимость — как с привычными заказчиками.

— Получишь по максимуму, Матиас Сирименко, пожизненное с отсидкой тридцати лет без права сокращения срока, — заявил мужчина, Блэз, гаденько улыбаясь. — Могу заверить — блондинчики вроде тебя пользуются бешеным успехом в тюрьме. Когда выйдешь, будешь маленьким сморщенным старикашкой с такой дырявой задницей, что придется тампонами затыкать!

Матиаса пробрала дрожь, но он постарался ничем не выдать смутения: да он скорее перегрызет себе вены, чем станет таким отребьем.

— Мы знаем тебя лучше, чем ты думаешь, Матиас, — продолжила женщина — Кэти. — Нам известно, что ты не любишь мужчин, — Впрочем, и женщин тоже. Единственное, что тебя возбуждает, — это возможность сделать дырку в башке тому, кого тебе заказали, разве не так?

На этот раз Матиасу не удалось ни скрыть изумления, ни сдержать дрожь в левой ноге. Он никогда никому не говорил о тайных наслаждениях своей профессии — за исключением разве что Джоанны, сбегавшей издому пацанки, жившей с ним около двух месяцев и не раз и не два забиравшейся под его одеяло. Она тоже рассказала ему свою тайну: девчушка посещала черные мессы на кладбищах и другие оккультные церемонии, щедро орошавшиеся кровью. Он отказался сопровождать ее на «слет» сатанистов — и она ушла хлопнув дверью, а на прощанье заявила, что он — «заурядное ничтожество», а еще «трахал ее, не расставаясь с пушками». Он тогда подумал, что, может, стоит догнать ее и убрать, пока не рассказала всем и каждому, что спала с убийцей, но потом решил — и, как теперь выясняется, был не прав, — что ей все равно никто не поверит.

— Тебе нравится играть с чужими жизнями, да, Матиас? — бросил Блэз. — Так вот, это противозаконно. Возможно, закон нехорош, но это закон. *Dura lex, sed lex*.

— Ты выбрал не ту сторону, Матиас, — дожимала Кэти. — Ну да, адвокат станет упираться на смягчающие обстоятельства, но поскольку на дорогого законника средств тебе не хватит...

Она встала и продолжила, перейдя на напыщенно-торжественный тон, кивая головой в такт собственным инвективам, причем ее рыжая шевелюра до смешного напоминала парик адвоката из английского телесериала:

— Мать моего клиента умерла от рака, когда ему едва исполнилось семь, отца и сестер расстреляли в их собственном доме в пригороде Парижа шестью годами позже. Предоставленный самому себе, мой клиент переходил из одной приемной семьи в другую, убежал из дому, был членом разных банд, участвовал в ограблениях, тогда же взял в руки оружие, совершил первые убийства...

В любом случае — ни один суд на этой богомерзкой планете не признает, что у мерзавца вроде тебя были смягчающие обстоятельства!

Есть еще одна возможность свершить правосудие — пристрелить тебя на месте, без суда и следствия, не трагя денежки налогоплательщиков. Большинство наших сограждан одобрили бы такое решение — глаз за глаз, зуб за зуб, пуля за пулю. Вот достану сейчас пушку и продырявлю тебе сердце или влеплю маслину промеж глаз — и вся любовь. Спишем все на законную самооборону — и ни одна собака не тявкнет.

Они снова замолчали, изучая его с внимательностью мангуста, гипнотизирующего кобру. Их номер «Устрашение задержанного» произвел на Матиаса прямо противоположный эффект. Раз они вот так раздувают шерсть и скалят зубы, следовательно, не слишком уверены в себе, значит, это они — легавые — оказались не на той стороне.

— А вот еще один вариант, — процедил сквозь зубы Блэз.

Сверля Матиаса взглядом, он закурил и выдержал долгую паузу, еще больше усилившую напряжение, висевшее в воздухе маленькой темной комнатенки. Матиас постарался дышать медленно, глубоко, но его нервы, наэлектризованные бессонной ночью, светом неоновых ламп и сигаретным дымом, вибрировали в горле, как струны расстроенного инструмента. Его рассудок был сейчас таким же серым и грязным, как стены, потолок и пол в этой тюрьме. Вонь от параши — тяжелая, удушающая — перебивала прогорклый запах остывшего кофе и засохших круассанов. Мысли Матиаса снова вернулись к Джоанне — бледнокожей Лолите, отдававшей ему с отстраненно-капризной гримаской на лице. Он не помнил, чтобы откровенничал с кем-нибудь еще, кроме нее. Как она связана с легавыми? Может, ее замели на сатанистском сборище и она сдала его, надеясь купить свободу?

— Так вот, при этом варианте в тюрьму ты не отправляешься, никто на твою задницу не покушается, и ты продолжаешь делать то, что любишь больше всего на свете, — подвела итог Кэти.

— Но под нашим контролем, — добавил Блэз.
 — Нам нужны... надежные агенты для внедрения в некоторые экстремистские группы.
 — Чтобы произвести среди них легкую приборочку.
 — Ну и, поскольку мы, естественно, не питаем слепой веры в род человеческий...
 — ...потому что тесно с ним соприкасаемся...
 — ...и знаем, на какие мерзости он способен, мы не будем столь наивны, чтобы просто спустить тебя с поводка.
 — Ты что-нибудь слышал об электронных браслетах?
 Матиас буркнул нечто нечленораздельное, что вполне могло сойти за «да».
 — Так вот, тебя снабдят таким браслетом, — сказала Кэти. — Конечно, не тем, какие надевают на лодыжку или запястье, тот прибор, о котором я говорю, внедряют под кожу...
 — Браслет нового типа! — заржал Блэз. — Миниатюрный. Из суперсинтетики. Величиной с четвертинку рисового зерна. Эту штуку уже испытали на животных, а теперь вот перешли на людей.
 — Он будет 24 часа в сутки настроен на частоту спутника-шпиона. И нашей информационной сети.
 — И мы сможем отыскать тебя в любое время в любой точке земного шара.
 Блэз встал, прошелся по комнате, бросил сигарету в пустой стаканчик. Матиас заметил, как блеснула сталь рукоятки в кобуре под мышкой. Первой его реакцией стали гнев и отвращение. Хорошенький выбор они ему предлагают — променять постыдно-жалкое существование волка в клетке на жизнь цепного пса. В памяти всплыли обрывки басни Лафонтена «Волк и Пес», которую он когда-то изучал в школе, — пока не бросил все к чертовой матери.
 — Ты не узнаешь, куда мы засадим тебе жучка, — пояснил Блэз. — Ато ведь ты способен уподобиться хищнику, отгрызающему лапу, попавшую в капкан!
 — Вот-вот — тебе пришлось бы откусить себе обе руки и ноги, да и то результат не гарантирован!

— Ты его никогда не найдешь — хоть обрентгенься!
 Они хотят сделать из него стукача, одного из тех педрил, что проникают в банду и увлекают ее членов в сети полиции и спецслужб. Матиас однажды присутствовал при публичном наказании разоблаченного доносчика, молодого араба, «выбравшего не ту сторону». Его долго били и оставили голым умирать в подвале, изрезав ножами все лицо. Какое-то странное чувство — то ли безразличность, то ли боязнь не выдержать и сбежать — не позволило Матиасу участвовать в линчевании, которому с такой бесконечной свирепостью радовались девушки из банды. Ему была отвратительна коллективная истерика, ненависть к предателю превратилась в жалость, он почувствовал отвращение к остальным, к своей уличной семье, издевавшейся над бездыханным телом. Именно в ту ночь он осознал, как жестоко человеческое сообщество, и выбрал одиночество.

— Такова альтернатива, Матиас. — Кэти решила продолжить наступление. — Или в камеру на тридцать лет...
 — Хотя такой, как ты, больше пяти в тюрьме не протянет...

— Или ты соглашаешься работать на нас. Когда я говорю «на нас», то имею в виду нас двоих — Блэза и меня. Других собеседников у тебя не будет — разве что один из нас тебе кого-нибудь представит. Мы будем общаться напрямую — добрым старым телефонным способом — или станем писать друг другу записки. Никакой электронной почты, никаких мобильных — все это оставляет следы.

— Мы обеспечим тебя всем — инструкциями, одеждой, деньгами, оружием. За исключением обязанности выполнять наши поручения, в остальном ты сохранишь свободу действий.

— Относительную свободу, конечно. Тебе нельзя будет убивать ради собственного удовольствия — это было бы слишком.

Когда первая волна негодования схлынула, Матиас взглянул на ситуацию под другим углом. Поскольку все

человеческие своры стоят друг друга, раз все они одинаково отвратительны, — к чему отдавать кому-то предпочтение, наделять привилегиями одну из сторон? Закон улиц был всего лишь легендой, фальшивкой, выгодной горстке главарей, жиреющих на костях и крови несчастных мальчишек, прячущихся за словами о воровской чести, чтобы обеспечить себе преданность подданных, ослепленных блеском золотых зубов, шикарных костюмов и новеньких немецких тачек.

— Так что скажешь, Матиас? — спросила Кэти.

Он несколько мгновений смотрел в потолок, пытаясь освободиться от давления их пристальных взглядов.

— Почему я? — наконец спросил он, запинаясь.

— Ты похож на оч-чень эффективного парня!

— У вас что, своих эффективных не хватает?

— У них другие задания. Работы в конторе хватает.

Матиас мысленно дополнил ответ: кроме того, так можно не пачкать руки, в тюрьмах станет посвободней, а если что пойдет не так — невелика потеря.

— Прошлой ночью... вы ведь могли вмешаться пораньше? Не дать мне убить ту женщину, так ведь?

То, как переглянулись Кэти и Блэз, утвердило Матиаса в его догадке.

— Это вы позвонили в квартиру, чтобы предупредить об убийце на площадке. Вы уже находились во дворе, а может, даже на лестнице или на чердаке. Вы ждали, пока я закончу работу, да?

Их упорное молчание было красноречивее слов, оно угнетало сильнее деталей, откровенных признаний.

— Вы использовали меня, чтобы убить эту бабу, ее смерть вас устраивала.

— Скажем так — она устраивала некоторых людей... — Кэти яростно затушила сигарету в стаканчике, доверху забитом окурками, и тут же совершенно механически закурила новую. — Кое-кто из политиков и медиамагнатов мог оказаться в полном дерьме...

— Это как-то связано с Романом? С Рысью? С педофильскими сетями?

Блэз нацелил указательный палец в голову Матиаса.

— Шустро ты соображаешь, парень! Мы сказали то, что сказали, проявив добрую волю, чтобы показать — мы должны доверять друг другу, но ты перебираешь, так что — стоп! Учти на будущее — будет лучше для всех, если ты не станешь любопытничать и болтать.

— Я пока не сказал, что у нас есть общее будущее.

— А я думаю, что да. Ты слишком хитер, чтобы упустить шанс на спасение.

— Предположим, я согласился: какая будет первая работа?

— Внедриться в группировку мусульманских активистов, — ответила Кэти. — Французская ячейка движения, именующего себя «Международный джихад».

Матиас зашелся в приступе нервного смеха, потом закашлялся.

— А вы меня хорошо рассмотрели? Внешность у меня для такого задания не сильно подходящая!

— Ошибаешься! — перебил его Блэз. — Россия распадается. Самая что ни на есть благодатная почва — перегной — для экстремистов всей мастей. Для ностальгирующих сталинистов, монархистов, религиозных фанатиков — православных и мусульман. «Международный джихад» уже наберновал себе сторонников из России, принявших ислам. Так что никто не удивится...

— У меня, может, и русские корни, но языка я не знаю, — заметил Матиас.

— Не беда, их это не смутит — особенно если ты задолбишь несколько молитв на арабском.

У Матиаса мурашки побежали вдоль позвоночника, им овладевала горячая жажда действий. Кошмар заточения отдалялся, истаявал, унося с собой мрачные перспективы. Эти двое клоунов его, конечно, сделали, привели именно туда, куда хотели, но они оставили ему некоторое жизненное пространство, где он мог дышать, двигаться, выживать.

— Кроме того, мы поручим кому-нибудь подготовить для тебя площадку, — вмешалась Кэти. — У тебя будет

две недели на то, чтобы заучить главные суры Корана с преподавателями арабского.

— А поскольку чип тебе будут всаживать под наркозом, мы воспользуемся этим, чтобы сделать все остальное.

— Что?

В сигаретном дыму мелькнула холодная улыбка Блэза.

— Обрезание.

Снег снова падал на Обрак, засыпая дороги, но Марк сумел без труда вернуться в дом матери и сестры Иисуса Мэнгро. В среду вечером он принял любезное предложение хозяйки дома и воспользовался компьютером, чтобы написать и отослать статью — текст на семи страницах, и мягкость тона несказанно раздражила Ж. Ж. Фрельона, заместителя главного редактора, отвечающего за выпуск.

— *ВЖН* жаждет его крови, ему нужен этот педрила! — рявкнул он в телефон. — Это шарлатан, ты что, не понимаешь! Играет с надеждами и деньгами тысяч людей, которых обдурил! Черт возьми, считаешь твою писанину — поверишь, что этот тип почти святой!

Марку не казалось, что он создал экспресс-житие Христа из Обрака. Он думал, что наплатил свой текст достаточной дозой иронии, отравив факты ядовитым духом сомнения. Тем не менее, когда Фрельон перечитал голосом, охрипшим от беспрестанного курения сигар, несколько абзацев его собственного текста, Марк вынужден был признаться самому себе, что поддался

влиянию семьи и учительницы Иисуса. Там, в Париже, в логове «сорока насильников», жаждали агрессивности, им хотелось полемичности, наступательности, улюлюканья и травли — а не туристического описания красот Обрака. Расхаживая по внутреннему двору фермы, засыпанному мягким снегом, Марк пообещал влить побольше яда в будущую статью. Он сказал, что не может выехать из-за непогоды, но поостерегся уточнять, что его приютили мать и сестра человека, которого поручено уничтожить.

Забавный, почти шизофренический опыт — участвовать в линчевании (о, в прессе, конечно!) сына и брата двух женщин, принимающих тебя в своем доме с той великодушной щедростью и открытостью, которая свойственна так называемым «маленьким людям». Марк и сам не верил ни одному из убийственных слов, которые высвечивались на экране, выходя из-под его пальцев, но он был выжат этой жизнью как лимон, до последней капли, он смертельно боялся потерять тридцать пять тысяч франков зарплаты, привилегии, стаж, квартиру на Иль-Сен-Луи и молодую любовницу, потому что все это, вместе взятое, позволяло ему оттянуть наступление старости.

Кстати о Шарлотте — она позвонила и была в ярости:

— ...ну что за свинство, Марк! Я запланировала этот ужин как минимум три недели назад, а ты ухитряешься все испортить, нет, ты действительно совершенно безответственный человек, можно подумать, ты сделал это нарочно, ладно, тем хуже, я пойду одна, хотя это полный идиотизм, я обещала, что ты будешь, и Конрад — да, да, архитектор, муж Мод! — был страшно доволен, что познакомится с журналистом из «EDV», он его читает каждую неделю, ты только представь, «EDV» — его настольное чтение, он хотел кое о чем с тобой переговорить, не знаю точно о чем, кстати, предупреди наконец свою бывшую, пусть отвянет от меня со своими звонками...

Она перезвонила около двух ночи — в пароксизме гнева, когда он ТОЛЬКО-ТОЛЬКО успел провалиться в тревожный рваный сон.

— ...Конрад был так разочарован, что тебя не было, ужин мой полетел ко всем чертям, я выглядела полной мушкетершей, ну спасибо тебе, родной, да знаю я, знаю, что ты не виноват, я вынуждена была пригласить Конрада и Мод в ресторан на следующей неделе, чтобы сгладить неловкость, и в твоих интересах быть там, ладно, я ложусь, буду у себя, если захочешь позвонить, с ног валюсь, целую...

Она разбудила его в семь утра:

— ...провела кошмарную ночь (хрипы в трубке)... подумала... может, стоит (скрип и скрежет)... не слышу тебя (вообще-то, он пока ничего и не говорил)... я... перрре...

В результате чего Марк просто отключил свой мобильник, получив идеальный предлог — атмосферные помехи, — для того чтобы отдохнуть от телефона. Аромат кофе и поджаренного хлеба заставил его спуститься в кухню. Теплые, искренние улыбки матери и дочери немедленно напомнили ему, что он — законченный негодяй и вполне заслуживает быть принятым в тесный кружок «сорока насильников».

В его трактовке Иисус Мэнгро представлял «маленьким крестьянином из глухого края, хитроумным спекулянтом, быстро научившимся манипулировать доверчивыми согражданами. Свое новое имя — Ваи-Каи — он взял из родного племени колумбийских индейцев десана, у них же он почерпнул обрывочные мифы и сказания, которые „досаливает“ экологическими рассуждениями, столь модными в наши дни, и „приперчивает“ мистической чушью о наступлении новых времен. Что до его якобы чудес, кажется удивительным, что творит он их как раз в отсутствие журналистов или достойных доверия свидетелей. Так что истерия, характерная для всех подобных явлений, мешает нам дать им непредвзятую — то есть рациональную — оценку, тем более что в конечном счете никто не готов поклясться, что действительно был свидетелем чуда...»

Женщины, которые кормили его сейчас завтраком, превратились в статье одна — в «крестьянку из глубинки, какими они были в середине XX века: стойкую к несчастьям, угрюмую, не способную понять, почему вокруг ее приемного сына подняли такой шум», другая — «в несчастную жертву врожденного вирусного заболевания, чья немота и умственная отсталость неизбежно заставляют нас спросить: если так называемый Христос из Обрака творит чудесные исцеления, почему — да, почему? — он не возложил рук, не одарил спасительным взглядом сводную сестру?»

Ж. Ж. Фрельон отреагировал, получив исправленный материал: он позвонил как раз перед Шарлоттой, разбудившей Марка в два часа ночи. Удовлетворение он выразил странным горловым звуком, про которое никто в редакции не мог в точности сказать, что это такое — отрывка, бульканье или смех.

— Хорошая работа, Марк, поправим кой-какие детали, сами — не стоит гонять текст туда-сюда, да не волнуйся ты, мне чертовски понравилось место про сестру-инвалидку, ха, ха, ха, такие штрихи звучат более чем правдиво.

* * *

Марк смотрел на густой серый туман, клубившийся над белыми долинами. Шквалистый ветер предвещал новый снегопад. Сводка погоды, переданная по местному радио, рекомендовала водителям, чьи машины не были оснащены зимними шинами, не выезжать из дома, поскольку на дорогах вокруг Обрака зафиксировано уже больше тридцати аварий. Снегоуборочные машины выехали на основные магистрали, но нормальное движение восстановится дня через два-три, не раньше.

По извращенной иронии судьбы, любящей издеваться над нами, Марк вынужден был оставаться в обществе двух женщин, с которыми так дурно обошелся, пусть и на словах, да еще воспользовавшись их компьютером.

Он нарисовал на них карикатуру — грубую и жалкую, вполне в духе «кухонного стиля» еженедельника, где важна была не истина, а сарказм, а грубые передержки заменяли стройную логику. Он использовал самые грубые, Оанальные, затасканные клише, зная, что они одновременно удовлетворят руководство и потрафят ожиданиям читателей «EDV» — чиновников и людей свободных профессий. Этим людям всегда нужна была для травли ясная цель, типичная жертва, а кто в этом мире более жалок и ничтожен, чем эти две женщины, найденные журналистом в самой глубине Обрака, — настоящая, исконная крестьянка и хорошенькая простушка, приемная мать и сводная сестра жулика с мессианскими замашками, вылезшего откуда-то из амазонской сельвы? Он предал не только их — их и учительницу Иисуса тоже, но и своих теток, словно вросших в родную землю, и множество мужчин и женщин, чьим единственным грехом было желание жить своим умом, а не по указке небольших группировок, возмнивших себя правителями мира.

*Вы мните себя великанами, жалкие гномы,
Что вы сделали с Садам людей?
Поете песню своим псам и своему оружию,
Потоки крови и слез заливают поля,
Вода, исчезновение, направление — дно,
Потоп, потоп, потоп...*

Марк теперь понимал, почему *ВЖН* позволил своим псам вцепиться в икры Ваи-Каи: он просто пытался взять под контроль феномен, все значение которого до сих пор ускользало от средств массовой информации, и не только взять под контроль, но и перечеркнуть, уничтожить, проверив заодно, как сильно может повлиять его журнал на легкомысленное общественное мнение. Скорость обмена информацией и разнообразие сведений, распространяемых во Всемирной паутине, составляли убийственную конкуренцию журналистским публикациям на общефилософские темы, поскольку пишущая братия

не слишком пыталась приспособиться, найти свою точную нишу. «*EDV*» пережила трудное время, отказавшись от имиджа интеллектуального, даже пуристского, журнала и прибегнув к политике разоблачения, травли, сплетен и анонимных доносов в общенациональном масштабе, потрафляя самым низменным инстинктам читателей, жаждущих узнать имя следующей пятничной жертвы. Первыми мишенями стали лидеры крайне правых — так «*EDV*» позиционировала себя на левом фланге. Потом журнал ударил по беспутным отпрыскам венценосных семей — они мало что значили в политике, зато хорошо продавались. Следующими пострадали высокие «чины» католической Церкви, виновные в финансовых злоупотреблениях и сексуальных излишествах. Войдя во вкус, журнал ударил по правым парламентариям, видным медиафигурам и телеперсонам, а через какое-то время его внимание перекинулось на левых политиков... Почти каждую неделю на журнал подавали в суд, но практически все иски отклонялись, поскольку, в отличие от сплетников из желтых газет, *BJH* никогда не действовал на авось. Его досье были такими точными, подтвержденными документально, что многочисленные противники часто обвиняли редакцию в получении сведений непосредственно от министров внутренних дел того и другого лагеря. Так что судебные издержки не смущали *BJH*, который с откровенностью бывшего мальчика на побегушках называл встречи в зале суда «юридическими рекламными клипами — самыми смачными, бесплатными, лучшими...»

Марк несколько раз выходил из дома, чтобы проверить состояние подъездной дороги к ферме. Мягкий снежок слегка припорошил толстый слой льда, превратившего асфальт в подобие катка. У матери Иисуса была машина — старенький «рено», — стоявшая под навесом и прикрытая брезентом, только вот цепи отсутствовали, так что у него не было ни малейшего шанса проехать сорок километров, отделявшие его от Манда. Он пытался дозвониться в бюро проката автомобилей — никто ему

не ответил, что могло означать одно: служащие и сами не добрались до работы.

Он почувствовал легкий удар между лопаток, что-то мягко скользнуло по шелковистому тергалю куртки. Пьеротта, сестра Иисуса, радостно улыбаясь, скатывала снег в снежки. Она вышла во двор, не закрыв за собой дверь, не надев ни пальто, ни даже свитера. Ее лицо и руки были так бледны, что сливались с белизной окружающего мира, а светлые волосы и кремовое трикотажное платье словно существовали сами по себе и принадлежали женщине-невидимке. На ней не было ни туфель, ни носок, она ступала голыми ногами прямо в снег, как ледяными сталагмитами. Она выпрямилась и кинула в Марка второй снежок, он не увернулся и получил удар в подбородок, губы и кончик носа. Ему показалось, что он услышал беззвучный смех — нечто вроде гортанного вскрика. Она провоцировала его — как девочка, приглашающая взрослого поиграть с ней. Она напоминала ему сейчас его дочерей лет в девять или десять: нежность, простодушие, задиристость и бесстыдство — вот что исходило от этой девушки, смущая душу и плоть Марка. Да она и была девочкой в женском теле — этим объяснялся ее вечно изумленный взгляд на мир. Марк вспомнил, что воображал ее в своих объятиях, и содрогнулся от отвращения, как если бы представил себя в постели с одной из своих дочерей.

Его бывшая часто спрашивала, как он находит их девочек, словно видела в них соперниц, боялась, как бы он не поддался соблазну инцеста — это вечное искушение было очень модной темой в последние несколько лет. Эти подозрения в очень большой степени отравили их отношения. Только после развода она рассказала ему о том, что произошло между ней и ее отцом, когда она была еще подростком. После этого признания Марк осознал, что практически ничего не знал о женщине, разделившей с ним почти двадцать лет жизни, что они жили вдвоем, но были ужасно одиноки, как «бывшие», запертые каждый в своих табу, и не были способны ступить на

тернистую дорогу, ведущую одну душу навстречу другой. Он никогда не пытался понять, почему ее так мало волнует секс, почему она порой плачет, когда они занимаются любовью, почему проводит в ванной часы, пытаясь смыть не желающую исчезать грязь. Нет, он ни о чем не догадывался, принимая в расчет лишь собственные желания, свое чувство неудовлетворенности... Чертов пуп земли! Он предпочел коллекционировать любовниц — случайных женщин, которые давали ему то, в чем отказывала в супружеской спальне жена: пиршество плоти, обильно политой «трудовым» потом. Однажды он предложил бывшей жене обратиться к психоаналитику или пройти какую-нибудь другую терапию, но она отвергла его совет — яростно, почти с ненавистью. Марк решил, что она сознательно, с садомазохистским наслаждением замыкается в своей тайне, и практически с легким сердцем отдался отношениям с Шарлоттой.

Любовница оказалась в постели ничуть не щедрее жены. Она, конечно, не плакала, когда он на нее накидывался, но ее лицо редко утрачивало безмятежность, что большинство мужчин сочли бы унижением. Кроме того, у Шарлотты была какая-то особенно сухая, почти жесткая кожа, что исключало из их постельных схваток то, от чего Марк ловил самый большой кайф: она не потела, нигде — ни в складках живота, ни под мышками, ни в паху, так что тереться об нее сладострастно, обмениваясь любовной влагой, было попросту бессмысленно. Психоаналитик наверняка сказал бы ему, что он бессознательно ищет материнское чрево в отношениях с любовницами. Марк терпеть не мог этих гребаных докторов, объявляющих себя хозяевами нашего подсознания.

Пьеретта кинула в него третий снежок, потом четвертый. Он начал уворачиваться — не только потому, что решил поиграть с девушкой, ему не нравились стекающие за шиворот ледяные струйки воды.

Она беззвучно смеялась между двумя бросками, ее черные глаза сияли радостью какой-то невероятной

силы. Обреченная на одиночество, она пользовалась неожиданным визитом, чтобы поиграть, развлечься. Марк гоже нагнулся, погрузил ладони чашечкой в снег, скатал снежок и кинул его в Пьеретту. Она не стала уклоняться, и он попал ей прямо в лицо. Пьеретта опрокинулась на спину, ловко поднялась, не дожидаясь его помощи, и послала ему улыбку сообщницы. Какое-то время они бегали друг за другом по двору, прятались в закоулках, кидались снегом, даже не скатывая его в снежки. К Марку словно вернулась на мгновение чистая беззаботность, умершая в тот день, когда он переступил порог ветхого колледжа, в котором заправляли священники в черных сутанах с мрачными лицами. Марк и Пьеретта вернулись в дом, когда их одежда насквозь промокла — не только платье девушки, но и его брюки и куртка. Мать ушла совсем недавно — огонь в очаге горел сильно и жарко.

Пьеретта встала перед огнем и начала снимать через голову платье, под которым ничего не было: ее детское бесстыдство и сверкающая белизна тела поразили Марка, он смущенно заморгал, переводя взгляд с лестницы на компьютер, потом на кухонный стол и брикеты торфа на полу. При других обстоятельствах он счел бы подобное поведение за приглашение. *«Соблазненный сестрой Христа»* — за такое название он заслужил бы кучу комплиментов от «банды сорока».

Обнаженная Пьеретта, неподвижно застывшая перед огнем, производила на него совсем иное впечатление, чем те женщины, что добровольно раздевались перед ним: желание заменяло им умение. Он не испытывал сейчас того жесткого желания, что направляет всю энергию мужчины в его чресла. Его переполняло душераздирающее волнение, он готов был разрыдаться от восхищения. Лет в шесть или семь он уже испытывал подобное потрясение, когда ему показалось, что он уже не вынырнет на поверхность. Хватило одного луча солнца, ароматного дуновения, шелеста листвы, очарования тихой ночи, чтобы ощутить это медленное, плавное,

смутное истаивание, нырнуть в самую сердцевину магической спирали, которая странным образом походила на его представление о смерти.

— Не обращайтесь внимания, она ни в чем не видит дурного.

Мать, держа в руках охапку поленьев, вошла в комнату, закрыв за собой дверь, ведущую на задний двор. «Да уж, не то что мы, ищущие зло повсюду», — подумал Марк. Внезапно он понял, что по его лицу текут горячие слезы. Обнаженная Пьеретта, великолепная в своем бесстыдстве, смотрела на него через плечо. В ее черных глазах он прочел абсолютное, ужасающее отчаяние. Ее лицо ни на грамм не утратило своей чистоты, но в это мгновение она олицетворяла собой всю скорбь и страдание земного мира.

Марк спросил себя, есть ли возможность остановить поступление журнала в киоски и магазины. Конечно нет. Маховик продолжал крутиться благодаря таким трусам, как он.

й ш й т з

Раны Люси сочли поверхностными, и ее оставили в больнице всего на сутки. Тем не менее знаменитый профессор-гинеколог воспользовался ее кратким пребыванием на больничной койке, чтобы устроить показательный осмотр перед целым выводком студентов-медиков. Мало того что Люси все время тошнило, так она еще чувствовала себя невероятно униженной, лежа с раскинутыми в стороны ногами перед будущими врачами, каждый из которых подходил к ней, чтобы пошуровать расширителем и сунуть нос во все ее дырки. Они смотрели на нее не как на человеческое существо, но как на живой симптом, на — так охарактеризовал пациентку сам «богдыхан от гинекологии» — «великолепную иллюстрацию повреждений, которые могут быть спровоцированы слишком грубыми, частыми или... скажем так... нетрадиционными сексуальными контактами». Он подчеркнул значимость сказанного горловым смешком, ни на секунду не задумавшись о том, что вещает в присутствии женщины, травмированной именно вследствие этих самых «грубых и нетрадиционных» контактов. А студентки тоже

не преминули угодливо захихикать, словно были обязаны реагировать в точности как их наставник, дабы увеличить шансы на получение диплома.

Вся медицинская наука показалась в этот момент Люси конвейерным производством ученых мартышек. Даже она, привыкшая выставлять напоказ свое тело в Интернете, отказывалась быть просто куском мяса для тренировки и обучения юнцов в белых халатах. В ее работе с клиентами на сайте *sex-aaa-strip//cyberlive* были определенная человеческая теплота и достоинство, а здесь, в этой больничной палате, где должны были бы царить сочувствие и уважение к людям, она встретила одну только холодность и презрение. «Легкие повреждения слизистой оболочки влагалища и ануса», о которых вещало гинекологическое светило, превращались в инструмент пытки, когда Люси нужно было идти в туалет. Едкость мочи невыносимо обжигала — до слез, до крика, до желания разбить себе голову об стену! Но главное — все еще не были готовы результаты ее анализа крови, и Люси не знала, заразил ли ее подонок Джо... той ужасной болезнью, название которой она даже не осмеливалась произнести вслух. Каждый раз, когда Люси спрашивала об этом одну из сестер или пробежавшего мимо интерна, ей либо просто не отвечали, либо предлагали потерпеть, либо вообще грубо посылали — мол, *много вас тут ходит!* — заставляя ее дрожать от ярости или отчаяния на койке.

Единственным утешением в беспросветном больничном сумраке стали телефонные звонки Марты и других девушек с сайта *sex-aaa-strip//cyberlive*. Марта сокрушалась, что не смогла задержаться и посидеть около ее постели в больнице, но близнецы ни за что не согласились бы, чтобы она отсутствовала дольше двух часов, *сама знаешь, каковы они, эти мерзавцы, заботятся только о бабках, я все чаще думаю, что нам стоит завести свой сайт, не так уж это и сложно, черт побери!*

Марта, конечно, просто бредила вслух. Теперь на мафиозные организации работали самые искусные

хакеры: установив за несколько лет практически тотальный контроль над целыми сегментами Интернета, организованная преступность искоренила пиратство с той жесткой эффективностью, которой не хватало правительствам, запутавшимся в тенетах собственных законов, скованным в своих действиях надзором бесконечных комитетов по информационной этике, жадностью и ненавистью, правящими бал в музыкальной индустрии и издательском деле. Любой новый независимый порнографический сайт немедленно обнаруживался компьютерными ищейками хищников, поделивших между собой порнорынок. Ну, а дальше все было очень просто: либо хозяин нового сайта начинал «отстегивать» бандиту — хозяину территории, либо исчезал — в самом прямом смысле этого слова. А хитрожопых мелких жуликов, ворующих «картинки» с чужих сайтов, становилось все меньше, после того как через электронную почту начали рассылать фотографии обезображенных трупов с подписью: «А что, если ты следующий?»

Люси ничего не сообщила своей семье — ни живущим на юге страны родителям-пенсионерам, ни брату, переехавшему в Ла Рошель с женой, любовницей и детьми, ни тем более — сестре, которую муж-дантист уговорил перейти в интегристский католицизм, они с четырьмя дочерьми жили в богатом восточном предместье Парижа. Она никогда не говорила с ними о своей новой работе, опасаясь возмущения и осуждения, а просто объявила, что перешла в компьютерный сектор. Родственники в завуалированной форме упрекали ее за то, что она — единственная в семье — оставалась холостячкой, «сухой веткой», куда уж тут было сообщать, что она зарабатывает на жизнь, выставляясь в голом виде в Сети. Люси больше не хотелось ездить на семейные сборища, где все изображали радость от встречи, она устала «делать вид». Огонь, горевший в семейном очаге, превратился в холодный пепел.

Медсестра сообщила Люси, что она должна выписаться до десяти утра, а потом к ней в палату пришел

интерн — в руках он держал красную папочку с ее историей болезни. Люси стояла затаив дыхание, вцепившись побелевшими пальцами в металлическую спинку кровати: она прежде не видела этого врача, но в его голубых глазах и улыбке уловила некоторую человечность, и это ее подбодрило.

— Здравствуйте, мадам...

Он заглянул в папочку.

— ...Серфей. Люси Серфей, я не ошибся?

Люси так резко кивнула, что тонкий казенный халатик, в который ее переодели в приемном отделении, зашуршал, как бумага (он к тому же мало что скрывал — просто напасть какая-то!).

— Ваши анализы крови свидетельствуют о том, что вы ничем не заражены, мадам Серфей. Нет ни серопозитивности, ни гепатита, ни какой другой инфекции. Хорошая новость, вы согласны?

— Это значит... значит... что я... что у меня...

Нервы и мускулатура Люси мгновенно расслабились. Ноги стали ватными, и она вынуждена была присесть на краешек кровати.

— СПИДа? Да нет же, конечно нет! Вы можете спокойно вернуться домой. Продолжайте принимать антибиотики — в качестве профилактики. Остальное — дело времени, все заживет, раны затянутся. Процесс будет долгим, учитывая влажность... среды, но чем меньше станете двигаться, тем быстрее поправитесь. Думаю, вы сами понимаете, что вам следует воздержаться от сексуальных контактов до следующего осмотра, он состоится через три недели — день и час визита указан в медицинской карточке. Я выписал вам болеутоляющее. Обязательно принимайте лекарство, если боли будут слишком сильными при мочеиспускании. И... мадам, если вам понадобится психологическая поддержка... я написал там несколько адресов.

Он положил папку на тумбочку и кивнул на прощание, прежде чем выйти из палаты. Прошло несколько минут, прежде чем Люси смогла подняться на ноги и

подойти к стенному шкафу, куда Марта убрала ее сумочку, туфли, белье, платье, шерстяной жакет — на случай, если вдруг похолодает, и зонтик.

гк * *

Спускаясь в метро, Люси решила отправиться на работу, а не домой. Ей нужно было немедленно заверить близких в том, что она полна сил, совершенно здорова и приступит к работе даже сегодня, если они того пожелают.

У посетителей Сети нет ни расширителей, ни хирургических зеркал, чтобы проверить состояния ее слизистой, так что никто не заметит разницы между нынешней Люси и прежней Мануэллой. Она замажет синяки тональным кремом и постарается превозмочь физическую боль и морально-психологическое потрясение, чтобы помочь этим жалким типам — мужчинам — забыть их одиночество, сексуальное и эмоциональное убожество. Люси была уверена, что справится, хотя каждый шаг, несмотря на анальгетики, вызывал острую боль во всем теле.

Она не имела ни малейшего желания возвращаться в свою квартиру, к простыням, испачканным ее собственной кровью и спермой ее палача. Там Люси караулил кошмар, а может, и сам ублюдок Джо. Он знал адрес, он мог вернуться, чтобы снова мучить ее, — в любой момент, днем и ночью. Она не собиралась подавать жалобу, точно зная, что полицейские всего лишь пожмут плечами, как только она назовет свою профессию. Можно подумать, что, выставя себя напоказ в Интернете, она выдала всем мерзавцам разрешение на изнасилование! Нет, она просто переедет как можно скорее и никому не даст нового адреса — разве что Марте.

Люси вышла из метро под теплый, душный ливень, под которым вы не только промокали до нитки, но и обливались липким потом. Люси как-то смотрела ток-шоу Омера, где несколько яйцеголовых утверждали, будто территория Франции и часть Северной Европы постепенно превращается в субтропическую зону, а пустынная зона

стремительно наступает на Испанию, Италию, Балканы, Албанию, Болгарию и Грецию, как будто Сахара перешагнула через границы и прыгнула на Средиземное море, чтобы сожрать Южную Европу. Она никогда не была на тропическом острове, но если тропики — это удушающая влажность и ощущение, что тебя тушат в кастрюльке под крышкой, то она не завидует мужчинам и женщинам, которые, подобно ее брату и золовке, отправившись чартерным рейсом на Карибы в поисках райских миражей. Люси шла медленным, осторожным шагом среди двигавшейся по тротуару нервной, почти истеричной толпы.

Средь бела дня наступила ночь, дождь заливал дорогу, машины ехали с включенными противотуманными фарами... Казалось, вот-вот наступит конец света. Шум падающих с неба тяжелых капель заглушал привычный гомон бульвара.

Она столкнулась с младшим близнецом у входа в офис, он болтал с Жози — утренним диспетчером, у нее еще был сильный акцент уроженки юго-востока Франции. На трех этажах здания находились многочисленные офисы разных контор, одни служили прикрытием другим, и все контролировались близнецами. В углу громоздилась стопка порнографических журналов — тепленьких, только что из типографии. Наниматели Люси занимались еще и тем, что они с пафосом и не осознаваемой ими самими иронией называли издательским делом.

— Как дела, Люси? — спросила Жози.

Выражение сочувствия в ореховых глазах и голосе телефонистки, застывшей за своей стойкой, ужаснуло Люси. Она отсутствовала всего два дня, не стала за это время инвалидом и пришла на работу — как ни в чем не бывало. Люси стиснула зубы, чтобы не выдать себя, и тихонько встряхнула зонтик, прежде чем сложить его.

— Ну вот, я готова приступить, — сказала она, глядя на серый кафельный пол в потеках воды и следах грязных ног.

Она уловила натянутость, странную неловкость в установившейся после ее слов тишине.

— Пойдем в мой кабинет, — произнес наконец младший из братьев.

Люси не понравился огорченный взгляд Жози — она узнала в нем театральную печаль, которую надевает на лицо человек, навещающий родственников умершего. Близнецы никогда раньше не беседовали с ней у себя на втором этаже. Она едва не грохнулась на крутой витой лестнице — если бы не перила, точно не добралась бы до площадки. Холодная испарина пропитала хлипкое платье на плечах, груди и животе. Она осторожно присела на стул — вся нижняя часть тела разрывалась от острой боли — и посмотрела в лицо парочке своих работодателей: стоя против света, они напоминали сейчас персонажей театра теней в хайтековских декорациях.

— Мы не думали, что ты справишься так быстро, Люси, — сказал старший, запустив пальцы в седую шевелюру. — Марта сказала нам, что тебя ужасно избили. Мы полагали, что ты... ты подцепила эту дрянь, сама знаешь, времена настали страшные...

— Мы правда рады, что ты благополучно выбралась, — добавил младший с тонкой улыбкой записного ханжи, — и сможешь быстро восстановиться.

— Для тех, кто умеет зарабатывать деньги — как ты, — хорошей работы хватает.

— Вчера Марта представила нам новую девушку — чернокожую малышку восемнадцати лет. Мы ее испытали. Результат превзошел все ожидания.

— Она молода, понимаешь, Люси? Молода, экзотична, сверхвынослива, сложена как богиня, никаких запретов, способна, не отлынивая, провести на сайте двенадцать часов. Сама знаешь, каковы эти молоденькие: готовы на все, чтобы заработать — много и быстро.

Он щелкнул пальцами в подтверждение своих слов.

— Проблема в том, что на сайте *sex-aaa* места для всех вас нет, — слово снова взял младший из братьев. Он достал из пачки сигарету, закурил. — Ты хороша, Люси, ты боец, но мы не можем допустить ни малейшего риска после того, что случилось, понимаешь? Ты бледная как

смерть, просто страх берет смотреть. Тебе лучше сейчас отдохнуть, позагорать где-нибудь вернуться к нам... ну, не знаю... месяца через два-три, когда действительно поправишься.

— Мы с девочками решили сделать тебе прощальный подарок.

Старший протянул ей сверток в подарочной упаковке через стеклянный стол, стоявший на толстых ножках из хромированного металла. Люси взяла его машинальным жестом. Ей казалось, что весь этот разговор ее не касается, что эта женщина — избитая, шатающаяся, преданная подругой и выброшенная нанимателями на улицу, как старая половая тряпка, — персонаж какого-то спектакля драматурга-постмодерниста. Марта поспешила впахнуть на работу к близнецам другую девушку — и наверняка не забыла про свою выгоду, но Люси была не в состоянии ненавидеть ее. Она даже не удивилась, узнав, что женщина, чья излишняя, навязчивая участливость иногда удивляла, больше того — поражала и раздражала ее, — была все это время королевой двойной игры. Дожив до тридцати трех лет, Люси так и не завела ни настоящей подруги, ни стоящего любовника, и именно ясное осознание этого факта, а не поведение «нанимателей» и «лучшей подруги», не потеря работы и не утрата последних иллюзий окончательно лишило ее сил, пригвоздив к стулу.

ш

* * -к

Прошло три четверти часа, прежде чем она добралась до своей квартиры на улице Монгалле, закрылась на два замка и разрыдалась, упав на грязные простыни, которые у нее не было ни сил, ни желания перестилать. Она плакала долго, наверняка больше часа, извергнув наконец из себя страдание и ярость, которые так глупо сдерживала в кабинете близнецов. Люси злилась на себя за то, что не плюнула им в рожи своим гневом и отвращением, но она никогда не умела спонтанно проявлять эмоции. Она вышла из офиса, а потом и из здания, не

сказав ни слова, не пролив ни единой слезы, не удостоив взглядом ни одну из встреченных в коридоре, во внутреннем дворе и под аркой теней, замкнувшись в гордости, страдании и тоске. Она не помнила, как спустилась в метро, а когда вышла на станции Монгалле под дождь, ей и в голову не пришло открыть зонтик. Страх и боль превратили несколько ступенек в голгофу. У нее так тряслись руки, что она сумела вставить ключ в замочную скважину только с четвертой попытки. Запах, стоявший в комнате, ударил ей в лицо, как пуля: кровь, секс и холодный пот. Все напоминало утро после битвы — вонь, беспорядок в комнате и плотная, мрачная тишина, которую не мог разорвать даже шум уличного движения.

Она поднялась на ноги, разделась и долго стояла под душем, но обжигающе-горячая вода не могла смыть грязь души. Потом она долго, со стонами и вскриками, опорожняла мочевой пузырь. Надев пеньюар, сдернула наконец грязные простыни, сунула их в стиральную машину, насыпала порошок, выбрала нужный режим, перестелила чистое белье и замерла на несколько мгновений, пережидая, пока уляжется острая, дергающая боль во всем теле.

Потом она легла, натянула одеяло до подбородка и закурила, уставясь на лампочку без абажура, свисавшую с грязного потолка. Мысли ее были тошнотворно-унылыми. Какое-то время она могла позволить себе не работать, у нее было отложено двести тысяч франков — кстати, сколько это в евро? Невозможно сосчитать... Три года работы на сайте *sex-aaa*. Может, пора ей последовать примеру родителей и брата, бросить перенаселенный, грязный, пожирающий силы и деньги Париж и переехать в провинцию? Она мысленно перебирала области Франции, сделав Париж центральной точкой на мысленной карте.

Итак, не стоит и смотреть наверх, к северу, она там никогда не была, но сразу отбросила из-за дурной репутации. Люси не знала никого, кто согласился бы там поселиться по доброй воле, и пусть даже нехорошая слава — всего лишь слухи да сплетни, ей этого достаточно.

На востоке страны слишком холодно, хотя снег там не выпадал уже много лет подряд. Кроме того, ее совершенно не прельщало близкое соседство с Германией — эта страна ей не нравилась.

Оставались запад и юг. У Люси с детства была великолепная географическая память, и она представила себе автодороги, исходящие из Парижа, как артерии из сердца, и питающие «тело» страны. Она следовала мысленным взором по одному из шоссе, ведущих на запад, ехала по нему в прошлом году к брату. Указатели с названиями мелькали в ее памяти, словно она действительно находилась за рулем арендованной машины: Бордо, Нант, Орлеан, Шартр...

Шартр!

Она так резко выпрямилась, сев на кровати, что боль залила яростным потоком всю нижнюю часть тела: так кусает своего противника хищник, поднятый из норы. Люси не обратила внимания на текущие из глаз слезы.

Шартр. Бартелеми.

Она забыла о Бартелеми! Страдание и прострация, в которую она впала, начисто отбили ей память, так всегда бывает во времена страшных потрясений: последние, самые свежие впечатления исчезают первыми. Она села за столик и положила пальцы на клавиши оставшегося включенным компьютера.

Люси колебалась, понимая, что не должна искать поддержки и утешения у восемнадцатилетнего парня. А что, если он соврал насчет своего возраста? Что еще она о нем знала, кроме того что Ваи-Каи якобы излечил его от паралича? Девки с ее работы, эти мерзавки, отшатнувшиеся от нее, как бегут прочь от заболевших СПИДом (она даже не открыла их подарок — плату за предательство!), много раз жестоко накалывались, увидев своих клиентов, так сказать, во плоти, наяву, а не на сайте. Чувствуя безмерную усталость, Люси нажала на кнопку, решив все-таки проверить почту.

В конце концов, чем она рискует? Она и так все потеряла.

ШШШ 3

Мириам не спала, когда Йенн вернулся в их номер в гостинице на окраине Блуа. Лекция Ваи-Каи проходила в здании заброшенной церкви в окрестностях города и продолжалась до четырех утра. Вопросы на сей раз задавались на пяти языках — французском, английском, немецком, итальянском и... литовском, причем переводчика в зале не нашлось, и двум слушателям-литовцам пришлось в конце концов объясняться на жутком франко-английском, что очень веселило аудиторию.

Между двумя взрывами безумного хохота Духовный Учитель затронул новую тему — кочевой образ жизни. Он связал это с круговым, циклическим временем, противопоставив его оседлости и линейному, эпизодическому, однонаправленному времени, порождающему так называемый «часовой» прогресс, уничтожающий человеческую расу. Нет, Учитель не проповедовал возврата к племенным скитаниям эпохи неолита, он имел в виду духовное «кочевание», постепенный отказ от материальных благ этого Мijjра, от самих понятий «собственность», «границы», много сотен лет натравливающих людей друг

на друга. Он несколько раз цитировал, подчеркивая свои слова шелчками по микрофону, знаменитую фразу, приписываемую индейскому вождю Сиэтлу: *«Не земля принадлежит человеку, а человек земле»*.

Большинство болевых точек и гнойников земного шара были, по словам Ваи-Каи, связаны с территориальными претензиями, и неважно — справедливы эти претензии или нет: Балканы — Сербия, заявляющая о своем неотъемлемом праве на священную провинцию Косово; Израиль, где два народа спорят за пустыню и воду, призывая в свидетели Бога — Единого и мстительно-грозного; Тибет, чистейшая и безмятежная крыша мира, аннексированный Китаем; Индия и Пакистан, рвущие друг другу глотки за Кашмир; Восточноафриканский мыс, Судан, Эфиопия, Эритрея...

*А вы, Цезарь, Наполеон, Адольф, Иосиф, Билл,
Вы, солдаты, завоеватели бесполезного,
Что вы сделали с Садом людей?
Все дороги безумия ведут только в Рим,
Триумфальные арки, памятники мертвецам,
Цепи, колючая проволока, сторожевые вышки,
Да, детка, моя пушка нацелена,
Да, я подыхаю от желания «оккупировать» тебя,
Потоп, потоп, потоп...*

Мириам привстала, опираясь на локоть. Простыня соскользнула с плеча, обнажив одну грудь. В Йенне мгновенно вспыхнуло желание, хотя минутой раньше он напоминал комок оголенных нервов. В большом зеркале в рост, висевшем на стене напротив кровати, он видел свое смутное отражение. Комната в полумраке была как две капли воды похожа на все бесцветные номера двух-трехзвездных французских гостиниц: светлые стены, бежевый ковер, белое дерево.

— Йенн...

Если в голосе Мириам звучали одновременно мольба и решительность, это означало одно: она готова вы-

плеснуть ему на голову очередной ушат упреков. А ведь он попрощался в коридоре с Ваи-Каи и остальными молча, простым кивком головы, и совершенно бесшумно проник в номер.

— Ты не спишь?

Глупый вопрос: он не стал бы спрашивать, если бы она спала!

— Мне осточертело, Йенн.

Она села, прислонившись к спинке кровати, с надутым видом скрестила руки на груди. Он не сумел понять, от чего покраснели ее глаза — то ли от недосыпа, то ли от слез.

— Осточертело что?

— Я тебя просто ненавижу, когда ты вот так придираешься, делая вид, что не понимаешь!

Йенн тяжело вздохнул, снял очки, потер переносицу, присел на край кровати и принялся развязывать шнурки. Сейчас у него было одно желание — поспать, ну, может, заняться любовью, но уж никак не выслушивать в сотый раз одни и те же упреки и жалобы. Ну почему она всегда выбирает для объяснений самое неподходящее время? Почему сводит все к себе, к своей ничтожной особе в тот момент, когда мир готов пережить самую серьезную ломку со времен промышленной революции?

— Мне надоело вот это все, — ответила Мириам, обведя комнату рукой. — Надоели гостиничные номера, надоела жизнь на колесах, надоело видеть одни и те же рожи вокруг!

— Ваи-Каи сказал сегодня на лекции: мы должны научиться быть кочевниками. Существами, которые ничем не владеют, ни/к чему материальному не привязаны. Кстати, если бы ты ходила на встречи, то видела бы разных людей... /

— Я сыта по горло твоими банальностями! Хоть раз в жизни прислушайся к голосам отсюда (она ткнула пальцем в его член) и отсюда (кивок в сторону сердца), а не оттуда (жест в сторону его головы).

Мириам встала и скрылась в ванной. Когда она через несколько минут вернулась, Йенн уже разделся, скользнул в постель и закрыл глаза, надеясь, что она оставит его в покое. Простыни пропитались запахом Мириам, ароматом, сводившим его с ума, доводившим до пароксизма желания в первые месяцы их романа, а теперь ассоциировавшимся только с колючим непониманием и конфликтами. Он вдруг вспомнил, что еще несколько месяцев, недель, дней назад был твердо и свято уверен, что Мириам — женщина его жизни. Каким же бешеным галопом мчится время, если живешь в фарватере Духовного Учителя, словно он был властен над ним, как над болезнями. Сегодня вечером он исцелил еще двух человек: женщину лет пятидесяти, утверждавшую, что у нее рак в последней стадии, и шестилетнего мальчугана, мать которого выражала свою благодарность с излишним, почти неприятным восторгом. Йенн не сомневался ни в способностях, ни в возможностях Ваи-Каи, но он постоянно спрашивал себя, насколько достоверны свидетельства исцеленных. Желание уверовать, быть принятым в стремительно растущий круг обожателей Духовного Учителя, возможно, составляло некоторых людей выдумывать болезни, а потом уверять весь мир в своем чудесном исцелении. Это был своего рода эффект «плацебо» наоборот, провоцирующий изобретение «мнимых» болезней во имя волшебного заступничества, этакая искупительная ипохондрия. Враги общества «Мудрость Десана» — в первую очередь Коллегия французских врачей — всю пользу этой интеллектуальной истерией, чтобы поставить под сомнение чудеса, творимые Ваи-Каи: дескать, мужчины и женщины, заявляющие о своем исцелении, никогда ничем не болели и в больницах не лежали, ну а здорового любой шарлатан вылечит.

Йенн погрузился в аромат и тепло, исходившие от тела Мириам, скользнувшей под простыню. Она сидела, опираясь спиной об изголовье, и, не говоря ни слова, стучала пяткой по матрасу. Она не остановится, пока

не добьется от него ответной реакции, пока они снова не сцепятся. Какое-то время он пытался сопротивляться, но ему быстро надоело, он озверел и с силой хлопнул ладонью по деревянной раме кровати, разорвав ночную тишину комнаты. Его так трясло от ярости, что он был почти готов схватить Мириам за руку и отшвырнуть к стене. Эти приступы бешенства, с которыми Йенну всегда удавалось справляться, становились все острее и ужаснее, и он боялся, что в такие моменты наносит непоправимый вред ткани бытия (во всяком случае, так учил Ваи-Каи).

Мириам смотрела на него с ироничной гримаской.

— Уж лучше видеть тебя бешеным придурком, чем примерным учеником мастера.

— Сейчас я хочу одного — спать! Спать, понимаешь, будь ты проклята! Неужели это так много?

— Бедный мой старичок, да ты вот уже три года спишь!

— И это ты мне говоришь? Да ты же ложишься каждый вечер в девять часов!

Она резко откинула ногой простыню, обнажив и себя и Йенна. Он почувствовал на коже легкий свежий холодок. Как сказал портье, выдавая им ключи от номеров в день приезда, «та еще погодка — приходится включать кондиционер, — и это в ноябре! Похоже, иммигрантам удалось притащить с собой во Францию даже...» Этот умеренный националист предпочел умолкнуть, заметив Ваи-Каи, — тот со своими раскосыми глазами и смуглой матовой кожей мало походил на коренного европейца. /

— Я не ложусь в девять вечера — я подыхаю с тоски одна в комнате, чувствуешь разницу?! И каждый вечер надеюсь, что ты сбежишь пораньше с очередной гребаной лекции, чтобы провести хоть немного времени со мной...

— Еще раз повторяю — если *ты* хочешь проводить больше времени со *мной*, есть простое решение: ходи вместе со мной на эти самые «гребаные лекции»!

— Но жизнь — не лекция!

Ценой невероятного усилия он успокоился и заговорил тихим, размеренным голосом:

— Поездка заканчивается через три недели. Через три недели все наше время будет принадлежать только нам с тобой...

— Но я хочу разговаривать с тобой сейчас, а не через три недели.

— Почему...

Он сел рядом с Мириам и в который уже раз восхитился ее длинными стройными ногами. Эту часть ее красивого тела он любил больше всего, ему ужасно нравилось смотреть, как она вышагивает в мини-юбочке или совсем коротеньких шортиках, одновременно очень женственных, но и спортивных, — чтобы продемонстрировать атлетическую мускулатуру.

— Почему ты хочешь заставить меня выбирать между тобой и ним?

— Я ни к чему тебя не принуждаю. Я думала, что... — Она пожала плечами. — Да какая теперь разница? Я последую советам Ваи-Каи и вернусь к кочевому образу жизни.

— То есть?

Она бросила на него косой взгляд, и он заметил в ее глазах тень угрозы, хотя в комнате было почти темно.

— То есть я не поеду с вами завтра утром.

Хотя Йенн много раз воображал именно такой финал их споров и ссор, ему показалось, что он получил удар кулаком в солнечное сплетение.

— И... куда же ты собралась?

Мириам, горестно покачала головой, на ресницах блеснули слезы.

— Пока не знаю. Может, сначала навещу мать.

— Разве ты не говорила, что вы в ссоре вот уже четыре года?

— Мать, знаешь ли, всегда сохраняет в сердце место для своего ребенка. Особенно еврейская мать! Я чувствую себя маленькой девочкой, Йенн Колле, и мне

просто необходимо укрыться в чьих-нибудь объятиях, а на данный момент я вижу только ее добрые руки.

— Ты действительно хочешь все бросить?

— Что ты называешь «всем»?

Йенн вскочил и лихорадочно забегал по комнате, не в силах поверить в реальность происходящего, почти не осознавая, как далеко все зашло.

— Ваи-Каи, «Мудрость Десана», все, что сейчас происходит, все, что мы сами сотворили.

— Ничего мы не сотворили, Ваи-Каи нам не принадлежит.

— Разве ты не видишь, что весь мир готов его признать? Люди приезжают отовсюду, чтобы послушать его, СМИ рвут его на части — радио, телевидение, в феврале он будет в ток-шоу Омера. Ты не хочешь оказаться в самом сердце событий? Быть рядом с ним, чтобы поддерживать и защищать?

— Ну, во-первых, никакая защита ему не нужна. А во-вторых, я называю это духовным меркантилизмом.

— Ты... ты называешь Ваи-Каи... торговцем?

Мириам рывком встала с кровати и подскочила к нему — тело ее блестело от пота, пряди волос прилипли к вискам, щеки были залиты слезами.

— Да не Ваи-Каи, идиот, а тебя! ТЕБЯ! Тебя — потому что ты с <2амого начала ждал этого момента! Тебя — ведь ты прдгался в его тени в ожидании награды! Как те стервятники, что жаждут урвать от его славы! Как те, кто жаждет чудес. Все они здесь, эти менялы из храма, пытаются купить себе будущее или благополучие, оплатив его слепым обожанием.

Чувствуя, какой натянутой стала его улыбка, Йенн попытался овладеть собой. Чтобы заткнуть ей рот и восстановить равновесие в споре, оставалось единственное средство — быть злым.

— А знаешь, Мириам Азерле, не тебе говорить о стервятниках, рвущихся отгрызть кусок от чужой славы. Ведь это не я переспал черт знает с каким количеством

кретинов с телевидения, чтобы получить местечко на площадке, под светом юпитеров!

Мириам отреагировала на удар: голова ее дернулась, как от пощечины, потом она долго, не поднимая глаз, смотрела на валявшееся на полу махровое полотенце. Йенн хотел бы взять назад свои слова — поймать их в воздухе, как ловят бабочек, вылетевших из спичечного коробка, — и запихнуть назад себе в глотку.

— Да, я и правда мечтала о славе, — прошептала она почти неслышным, дрожащим голосом, не глядя на него. — Но это хоть избавило меня от иллюзий, научило распознавать мужчин, живущих только собственным тщеславием. Сожалею, но ты из их числа, Йенн Колле. Ты — собственник худшего вида, из тех, что пытаются поработить чужую душу и разум. Кретины с телевидения хотя бы знают, чего хотят, и могут это осуществить. Чтобы добиться своего, они используют все — голову, член, если надо, и — поверь мне на слово — некоторые работают им чертовски талантливо.

Вне себя от гнева, разинув от изумления рот, Йенн замахнулся, но в последний момент сумел остановиться. Сомнения в мужских достоинствах были его слабым местом — впрочем, как и у большинства мужчин, и Мириам точно знала, как ударить побольнее, чтобы уязвить мужское самолюбие, поселить в нем страх. Он уцепился за воспоминание о великолепных сексуальных схватках, которым они предавались в первые месяцы их связи. Она смотрела на него с цепкостью паука, наблюдающего, как корчится в липкой паутине его жертва.

— Веришь ты в это или нет, Йенн, но я люблю Ваи-Каи, люблю этого человека и ценю его слово, — сказала она удивительно мягко и нежно. — Единственное, о чем я тебя спрашиваю, о чем я *себя* спрашиваю: свободны ли мы по отношению ко всему этому? Можем ли от всего этого отказаться?

Йенн взял с прикроватного столика очки, нацепил на нос дрожащими руками — без них он чувствовал себя

пшорянным, как ребенок, с которого ночью сползло одеяльце, как малыш, потерявший самую любимую игрушку. Внезапно он увидел Мириам совершенно отчетливо, хотя в комнате было по-прежнему темно, только из окна через жалюзи пробивался свет. Она стояла перед ним I "иершенно обнаженная, такая же красивая и бесстыжая, как в ту их первую встречу в бассейне, в саду изнемогающего от жары поместья в Провансе.

— Ты задала мне один вопрос, на который я до сих пор не ответил, — произнес он почти твердо. — Во-первых, ты не имеешь права просить меня отказаться от чего бы то ни было. Во-вторых, я не готов отказаться от всего этого. Я все еще нужен «Мудрости Десана» и Ваи-Каи, и я не пропущу ни единой его лекции, слышишь? Ни единой!

Реакция Мириам оказалась совершенно неожиданной: она подошла к Йенну, сняла с него очки, обняла за галию и впилась поцелуем в губы. Они упали на кровать и предались любви, как в первые дни, — со страстью и нарастающим желанием. Йенн упивался ароматом Мириам, ее слюной, ее потом, их руки переплетались, действуя в унисон, губы не желали расставаться, животы ввинчивались один в другой.

Около одиннадцати утра Йенн проснулся. Мириам рядом не было. Забеспокоившись, он вскочил и кинулся в ванную, но ее не оказалось и там. Он решил, что она спустилась позавтракать — Мириам всегда ухитрялась получить кофе и круассаны (у себя ли в номере или в общем зале), даже если официальный час кормежки давно прошел. Внезапно Йенн заметил приоткрытую дверь стенового шкафа. Обе сумки Мириам исчезли, как и одежда с вешалок и белье с полок.

Он кое-как оделся, все еще чувствуя усталость от их бурной схватки на рассвете, и спустился к портье, проклиная лифт за медлительность.

Крупная и весьма любезная женщина сменила за стойкой худого и мрачного ночного портье. Йенн даже рта не успел раскрыть — она показала ему конверт в ячейке у себя за спиной.

— Вы, случайно, не Йенн Колле, мсье?

Он кивнул.

— Одна девушка оставила для вас записку, перед тем как уехать.

— Вы знаете, который был час?

— Думаю, около шести.

Йенн схватил конверт, поблагодарил кивком и, помертвев от дурного предчувствия, неверным шагом направился к лифту.

Матиас и его провожатый по имени Юсуф ехали по дороге, лениво петлявшей по склонам холмов Сены-и-Марны. Они покинули шоссе А4 после первого же поста уплаты дорожной пошлины, добрались до Кресси-ла-Шапель, повернули на Тижо и наконец вырулили на раздолбанную дорогу местного значения, которая на некоторых участках напоминала проселочную, — так была плоха. *I*

Из-з^/дождей, не прекращавшихся несколько дней подряд/дороги были залиты водой и грязью. Из-под колес машины летели желтоватые брызги, и Юсуф то и дело включал дворники. Стой минуты, как Джуд — доверенное лицо Блэза и Кэти — представил ему Матиаса, он произнес не больше десятка слов. Время от времени он бросал на своего пассажира колющий взгляд, но Матиас так и не сумел определить, что о нем думает Юсуф. Он полагал, что его везут в какое-то поместье, где обосновалась местная ячейка «Международного джихада», и что там ему сообщат о планах этой ячейки, в том числе, как предупредил его Блэз, о безумной идее послать

террористов-самоубийц в парки Диснейленда. Благодаря чипу, внедренному в организм Матиаса и подключенному к спутнику, полицейские смогут вычислить местоположение убежища исламистов и будут отслеживать их передвижения.

Когда Матиас проснулся после операции, у него ничего не болело, так что он никак не мог определить, куда именно ему внедрили жучок, способный собрать и систематизировать миллионы единиц информации одновременно. Зато, надевая штаны, Матиас несколько дней чувствовал острую резь в головке члена — давала о себе знать «ампутация» крайней плоти, не говоря уж об утренней попытке эрекции.

— Все правильно — чем старше человек, тем болезненнее процедура! — так наутро после операции прокомментировал дело своих рук хирург, явившийся осмотреть пациента. — Придется вам, голубчик, обойтись некоторое время без общения с дамами, ну, или с мальчиками — не знаю ваших пристрастий (окончание фразы он сопровождал гривуазным подмигиванием, не оставив Матиасу никаких сомнений относительно его предпочтений!). И принимайте антибиотики, чтобы избежать воспаления или — не дай Бог! — инфекций. Вот и все.

Теперь Матиас испытывал всего лишь некоторое неудобство, но худшее миновало, а главное — ушел дикий лиловато-зеленый цвет, который мог навести на подозрения о давности операции и — следовательно — об искренности его обращения в ислам. Исчезли и проблемы с эрекцией, хотя Матиас сожалел, что не может больше играть с тонкой эластичной кожей, так нежно укрывавшей когда-то его прибор.

— Скоро будем на месте, — буркнул Юсуф.

Машина въехала в грязную, обсаженную высокими тополями аллею, тянувшуюся вдоль высокой каменной стены к дому. Снова пошел дождь, заливая ветровое стекло крупными липко-жирными каплями. Юсуф достал из нагрудного кармана тенниски дистанционный

Пульт, которым открывались ворота, начал набирать комбинацию цифр, то и дело поглядывая на дорогу.

В стене открылись створки металлических ворот, замаскированные под каменную кладку.

Матиас удивился, обнаружив штук тридцать автомобилей в бывшем парке, превращенном в огромный гараж, вернее, во множество гаражей-ракушек, расставленных на лужайках и прикрытых камуфляжной сеткой. Крыши жилых построек угадывались за кронами кедров и лип, взирающих на окружающий мир с великолепным презрением остатков былой роскоши. Взгляду Матиаса постепенно открывалось охряное здание фермы, выстроенное в форме буквы «U», с покатыми крышами из плоской темно-коричневой черепицы. Сараи и конюшни, содержавшиеся в идеальном порядке, обрамляли Главное строение — хозяйский дом, массивный и богатый. По аллеям, превратившимся в грязное месиво, бежали под дождем люди, вжимая головы в плечи.

Юсуф припарковался перед входом в главное здание, кивком приказав Матиасу идти следом. Снаружи здание выглядело скорее заброшенным, но внутри бурлила лихорадочная активность. Десятки людей деловито сновали по лабиринту темных комнат с полами, выложенными плиткой. Гул гортанных голосов сливался со смехом, скрежетом множительных аппаратов, шелканьем клавиш, музыкой, доносившейся из репродукторов, и телефонными разговорами, превращая это странное место в шумный и внешне бестолково-суматошный улей. Большинство увиденных Матиасом людей были иранцами, афганцами или арабами, некоторые походили на уроженцев Северной Африки, но могли быть и итальянцами, греками, турками или албанцами, меньше всего было блондинов со славянским типом — украинцев или прибалтов. В большинстве своем мужчины были молоды, бородаты, одеты в военную форму, носили за поясом пистолет, а нестерпимо ярко блестящие глаза выражали свирепую решимость добиться цели и страстное желание пожертвовать собой во имя великого дела.

Юсуф начал подниматься по широкой лестнице, начинавшейся в центре вестибюля. На площадке второго этажа Матиас увидел первую женщину: из-под темного покрывала смотрели подведенные черным глаза. Поймав на мгновение ее взгляд, Матиас прочел в нем безграничное отчаяние живущего в неволе человека — он и сам смотрел бы так же, приговори его машина правосудия к тюремному заключению. Роль шпиона, а вернее — наживки, которую уготовили ему Блэз и Кэти, была в тысячу, в десять тысяч раз лучше четырех каменных стен и низкого потолка камеры. Пусть он был не более чем игрушкой в руках легавых, плевать, что они могли в любой момент вздрючить его с помощью электронного поводка! У него сохранялась иллюзия свободы, он видел небо над головой, передвигался в пространстве, кажущемся безграничным, он все еще мог укрыться в лоне ночи, вслушиваясь в шорохи и шепоты этого мира.

Блэз показал ему статью в ежедневной газете о смерти некоей Франсины Эстебан — той самой блондинки, которую Рысь приказал ему убрать несколькими неделями раньше. Матиас не сразу узнал ее на глянцевої фотографии — она выглядела молодой и по-детски аппетитной. Журналист приписывал это преступление хозяевам и клиентам педофильских сетей: Франсина Эстебан — вдова убитого депутата — готова была обнаруживать список имен. У полиции нет ни одной серьезной зацепки — ни записей, ни дискеты. Заканчивалась статья грустным выводом о поразившем французское общество так называемом «русском синдроме»: власть не способна противостоять мафии, правовое государство сдает позиции одну за другой. Блэз свернул газету с довольной улыбочкой, словно хотел сказать: *видишь, старичок, мы не шутим!*

Юсуф постучал в массивную дверь, которую охраняли два темнокожих великана, вооруженных самопальными «Калашниковыми-50» — излюбленным оружием на Востоке, в Африке и арабских странах. Матиас услышал, как они обменялись несколькими словами по-англий-

ОЖИ Наверняка члены «Исламской нации» — организации, завоевывающей одно черное гетто в крупных американских городах за другим. Они устанавливали собственную власть, вселяя панический ужас в сердца белого христианского большинства (в южных штатах это усугублялось страхом перед латиноамериканской «проказой»). «Нация», сдавшая на какое-то время позиции из-за излишнего пристрастия к рэпу, пропагандирующему секс и материальные ценности, теперь снова становится единственной альтернативой крэку, насилию и проституции, разлагающим негритянские кварталы. Блэз и Кэти расходились во мнениях касательно феномена этой организации: он считал ее моральное влияние скорее положительным, она же, как женщина, не слишком радовалась тому, что радикальный ислам укореняется на ее родине, остающейся — худо-бедно — символом и оплотом западной демократии. Матиас же был уверен, что эта проблема вообще не встала бы на повестку дня, если бы Запад, так кичащийся своей распрекрасной моделью демократии, не сколотил значительную долю своего богатства на работоторговле.

Чей-то голос на арабском сухо пригласил их войти. Хозяин кабинета сидел за роскошным письменным столом. Он был одет в темную джеллабу и тюрбан, длинная с проседью борода обрамляла изможденное восковое лицо. Взгляд горящих, как угольки, глаз обратился на Юсуфа, потом на Матиаса. Света в комнате было немного, в углу Матиас заметил камин с деревянной лепниной, из мебели стояли четыре стула и множество ковров. Сотовый телефон и ноутбук на столе хозяина вносили неожиданно современную нотку в окружающую обстановку. Тишину комнаты периодически нарушал гул, доносившийся снизу и из соседних комнат.

В качестве приветствия Юсуф выкрикнул «Аллах Акбар!», Матиас последовал его примеру. Преподаватель-египтянин, две недели учивший Матиаса начаткам языка, уверял, что его арабский очень даже неплох: «Произношение чуточку слишком гортанное. Так говорят

буры, они думают, если плюешься словами из самой глубины глотки, выходит естественнее! Арабский — самый гармоничный из языков, когда на нем говорят поэты или поют женщины!»

— Ты привел к нам нового солдата, Юсуф? — Французский мужчины звучал очень мелодично.

Слащаво-мягкий голос не мог скрыть жесткости тона. Скорее всего, талиб, прошедший подготовку в иранских или пакистанских лагерях и посланный во Францию для проверки деятельности местной ячейки «Международного джихада».

— За него поручился тот, кого называют Джудом, — с величайшей почтительностью ответил Юсуф.

— Джуд — драгоценный и очень верный друг, мы можем доверять тем, кого он рекомендует. Приближается время для решительного удара, и нам нужны солдаты.

— Решительного удара, Али?

Их собеседник выдержал театральную паузу — Матиас воспринял это как чистой воды поповское манипулирование. Такие святоши, как этот Али, живут служением своему Богу, но они узурпируют этого Бога, ставят Его на службу собственным интересам, чтобы оправдать жажду власти и жестокость. Внезапно Али вышел из оцепенения и поднял глаза на Матиаса.

— Как тебя зовут?

— Малик. Малик Абдул Рахим.

Это имя придумал для Матиаса его учитель-египтянин.

— Царь и солдат Господа. Прекрасный путь. Добро пожаловать в наши ряды, Малик. Юсуф представит тебя остальным и сообщит все, что ты должен знать о нашей организации.

* * *

Все, что новичку нужно было знать о «Международном джихаде», заключалось в нескольких словах: слепое подчинение приказам афганцев и иранцев, просочившихся на Запад через дипломатические и экономиче-

ские лазейки. Считающие себя стражами исламской ре-ЮЛЮЦИИ, талибы и паздары вели себя как настоящие деспоты. Люди выполняли все их приказы с рабской уи одливостью, и неважно, что им надлежало сделать — принести пачку сигарет, обсудить заранее проигранную партию в шахматы или сменить прокладку крана. Только у командиров были отдельные комнаты с ванными, остальные спали в общих помещениях и делили одну душевую кабину надвое. Женщины, тихими тенями скользившие по коридорам, были попросту рабынями. Когда Матиас спросил Юсуфа, откуда взялись эти женщины, ют ответил: благочестивые сестры — добровольные служанки солдат священной войны. Эти добровольные служанки превратились в проституток поневоле: на социальной лестнице они стояли даже ниже обычныхуличных шлюх — те хотя бы оставляли себе часть денег, которые им платили клиенты. В этом доме женщины убирались, готовили еду и угождали мужчинам, на себя у них оставалось мало времени, но Матиас иногда замечал, как они бродят маленькими группками по мокрым аллеям парка под чадрой, в темной одежде... Шорох листвы и шум дождя заглушали шепот этих призрачных теней. Матиас насчитал человек тридцать женщин, может, больше, некоторые выглядели лет на пятнадцать-шестнадцать. Сталкиваясь с несчастными в коридорах, Матиас ловил их испуганный, затравленный взгляд: так же смотрели девочки, проданные родителями Рыси или любому другому стервятнику из педофильской сети.

Юсуф показал Матиасу дом и службы, представил его нескольким талибам и паздарам — кое-кто из них вместо приветствия одарил новичка проницательным высокомерным взглядом. В стойлах конюшен находился внушительный арсенал, который днем и ночью охраняли двенадцать вооруженных человек. Новенькие помповые ружья, пистолеты, базуки, минометы, взрывчатка, гранаты, патроны и холодное оружие горами лежали у стен и в деревянных ящиках, пересыпанных пенопластовыми шариками.

Потом Юсуф указал ему его койку в одной из трех общих спален, оборудованных на чердаке. Остаток дня Матиас был предоставлен самому себе: он бродил по парку и коридорам здания, не забывая совершать ритуальные омовения и молиться одновременно с другими обитателями псевдофермы. Еду подавали в огромном, примыкающем к кухне зале, превращенном в столовую. Женщины металась между столами, за которыми сидели вопящие и ругающиеся мужчины, не в силах угодить всем одновременно. Раззявив рты, как жадные птенцы, моджахеды крыли «сестер» за лень, медлительность, неловкость, явное нежелание трудиться во славу Аллаха. Некоторые так усердствовали, что Матиасу казалось — кто-нибудь вот-вот вскочит на ноги и забьет насмерть одну из женщин.

— Не волнуйся за них. Как говорят у меня на родине: лучше столкнуться с мужчиной, который кричит, чем с тем, что действует.

Матиас поднял глаза на обратившегося к нему соседа по столу — высокого негра, родом то ли из Судана, то ли из Западной Африки — он не сумел определить его акцент. У него были огромные руки и ноги, по-паучьи цепкие пальцы, улыбка до ушей, высокий лоб, лицо без бороды и гладко выбритый череп. Бездонную глубину черных глаз подчеркивала безупречная белизна хлопковой галабии. Двухметровый гигант, словно выточенный из цельного куска эбенового дерева, был живым воплощением силы и изящества.

— А кто сказал, что я за них волнуюсь? — буркнул в ответ Матиас.

— Твои глаза. Они мне сказали. Новички всегда так реагируют.

— Как ты узнал, что я новичок?

Темнокожий гигант зашелся громким хохотом, и Матиасу на минутку показалось, что он вот-вот лопнет.

— Блондинчиков вроде тебя не так много в доме. Они приметные. Я — Хаким, приехал из Уганды.

— Малик.

— Француз?

— Русский по рождению.

Какое-то время они молча ели переперченное жаркое из баранины.

— Когда эти женщины надоедают афганцам и иранцам, они отдают их остальным, — снова заговорил Хаким, махнув рукой в сторону двух проходивших мимо них несчастных. — Можешь получить одну на ночь. Для этого отведены специальные комнаты. Просто запишись и очередь у Измаила, я вас познакомлю, если захочешь. Это будет тебе стоить двадцать евро. Двадцать евро за эту ночь — цена со скидкой!

Они закончили ужин в молчании, после чего большинство мужчин закурили и перешли к кофе, а немедленно задохнувшийся в дыму Матиас вышел в парк. Серебристый свет почти полной луны отражался в каплях дождя и лужах, блескующих в аллеях, подобно осколкам зеркала. Матиас снова ощутил отчаяние ночи, ту бесконечную, безмерную грусть, что всегда сопутствует умиранию. Нежность и тишина ночи были обманчивы, как медоточивый голос принимавшего их с Юсуфом талиба, ее тепло грозило смертельным холодом, пустотой, которую человеческим существам никогда не удастся заполнить, она таила в своем лоне обещание всеобщего уничтожения — вне зависимости от расовой, религиозной, половой или возрастной принадлежности. Похожая на видение женщина в белом промелькнула в нескольких метрах от Матиаса, и ему показалось, что она ему улыбнулась. Очень скоро сумерки поглотили бледное видение.

— На эту я бы заглядываться не стал! — произнес чей-то низкий голос за спиной Матиаса. — Она принадлежит одному человеку — и надолго. Это одна из жен Али, он глава французской ячейки.

Угандец Хаким выплыл из ночи и подошел к Матиасу. С губы у него свисала сигарета. Он казался огромным, словно стоял на ходулях.

— Али не любит, когда смотрят на его женщин.

— Я ничего плохого не сделал, — бросил в ответ Матиас.

— Не ты здесь решаешь, что хорошо, а что плохо.

— Конечно нет, решает Пророк. Решает Коран.

Хаким с сомнением покачал головой.

— Не Коран — его толкователи.

— Мне почему-то кажется, что ты не всегда бываешь согласен с некоторыми интерпретациями Священной Книги, — рискнул высказаться Матиас.

— Меня послали сюда учиться, и первое, чему я научился, — это держать свое мнение при себе.

— Кто тебя послал?

— Мусульманские братья Уганды. Скоро мы будем готовы взять власть — с помощью Судана.

— Иранцы, афганцы... это ведь они руководят всеми исламскими революциями, разве нет?

Хаким затаился сигаретой, выпустил из ноздрей два густых клуба дыма и оглянулся через плечо, прежде чем отвечать.

— Ты заметил, что среди нас есть американцы?

— Ничего удивительного. Это братья из «Нации ислама».

— Я бы сказал... что они скорее...

Еще раз украдкой оглянувшись, Хаким убедился, что никто их не подслушивает.

— ...эmissары американского правительства.

— Я думал, Штаты — наш главный враг, сам Дьявол во плоти.

— Этими баснями кормят прессу и народ. Американцы всегда блюдут только собственные интересы. А если им выгодно поддерживать исламскую революцию в каком-нибудь уголке мира, они это делают и плюют на все и на всех. Талибы никогда не пришли бы к власти без поддержки пакистанцев, читай — американцев. Контроль за нефтепроводами, доставка нефти, понимаешь?

— Ая слышал, что... «Джихад» собирается забросать бомбами Дисней-парк.

— Это всего лишь слухи, они хотят пустить французскую полицию по ложному следу. Я думаю, секретные с пужбы лягушатников внедрились к нам крота.

Матиаса едва не вырвало от страха, судорогой свело низ живота, но он постарался дышать ровно и не выдать себя. Боевики маленькими группками выходили из дома, со смехом и болтовней углублялись в аллеи парка.

— Ты говорил об этом с другими?

Хаким пожал плечами.

— Кому я мог бы довериться? Афганцам? Иранцам? Если ошибусь, кончу во рву с пулей в башке.

— Я думал, моджахеды не боятся смерти...

Крупное тело Хакима напряглось, глаза смотрели жестко, угрожающе.

— Умереть во имя Аллаха — это честь, умирать ради негодяев — ошибка! Я решил остаться жить и быть полезным моей стране.

— А почему ты веришь мне?

Взгляд угандийца на несколько долгих мгновений застыл на лице Матиаса.

— Я тебя не знаю, но ты кажешься мне чистым.

— Чистым?

Но разве ночь уже не приговорила человечество за то, что на Земле не осталось ни одного невинного человека?

Надпись на перемычке над дверью гласила: «Общество святого Петра». Войдя, Марк поразился ветхости холла и на мгновение усомнился, не ошибся ли адресом. Хуже всего был запах — заплесневелые обои, моча, гнилые овощи, — он просто вопил о бедности и болезни. Здание приюта для ушедших на покой служителей Церкви располагалось в одном из тупичков XVII округа Парижа и в прошлые века наверняка было одним из самых великолепных особняков: тесаный камень, барельефы, статуи, черепичная крыша, внутренний двор с аркадами, фонтан, часовня с великолепными витражами. Дом безусловно стоил того, чтобы его владелец — ведомство Архиепископа Парижского — выделил часть денег из своего бюджета на реставрацию. Монахини в религиозных облачениях и в обычных платьях сновали по холлу, как деловитые пчелы. Церковь пользовалась любой возможностью сэкономить, так что сестры «за бесплатно» выполняли работу экономок, медсестер, сиделок, кухарок, горничных и садовниц...

Как сообщил Марку информатор^ЕОУ», регулярно платили только врачам, гробовщикам и поставщикам продуктов, а в остальном надеялись на Божью помощь, оставляя на Его попечение водопровод, газ, электричество, протечки крыши, мокнувшие стены, перекосившиеся рамы, отопление и вечно засоряющиеся туалеты.

Трудно было назвать милосердной Божьей сестрой регистраторшу — женщину лет пятидесяти, чьи щеки и подбородок так и источали несносную сварливость.

— Шшто вам угодно? — Она выплюнула эти слова навстречу Марку вместо традиционного «добро пожаловать!».

Марк выдержал паузу, стряхивая воду с зонта, чтобы не отвечать сразу. Теперь, после вынуждения заточения на плато Обрак, ему гораздо меньше нравилась тропически теплая парижская осень. Может, из-за того, что после возвращения он связывал чистоту воздуха, холода и снега тех мест с ангельской чистотой Пьеретты, а ватно-влажный парижский воздух ассоциировался с ухудшением отношений с Шарлоттой. Он так поспешно сбежал из Лозера, когда прекратился снегопад и дороги расчистили, что оставил в тех местах частицу своего рассудка. О, его, конечно, приняли на работе как вернейшую дрессированную собачку *ВЛН*, его труд оценили более чем высоко, оставив в команде — в тот самый момент, когда десятеро коллег уже «садились» в первый вагон «отбывающих». «Банда сорока», превратившаяся в «шайку тридцати», моталась по кабинетам, ставшим чуточку слишком просторными для них, выполняя больший объем работы: новых людей на работу не взяли, зарплату тоже не повысили, поскольку, по словам независимых американских аудиторов, речь шла всего лишь о перераспределении обязанностей, об изыскивании незадействованных внутренних ресурсов. Естественно, ни один из оставшихся не позвонил никому из «пострадавших». В либеральном раю, к которому после двадцати лет упорного сопротивления примкнул-таки «ЕДl/», общались только с победителями, с выжившими.

Шарлотта, конечно, заявила, что счастлива снова обрести своего мохнатого медвежонка, похищенного у нее снегами Обрака. Несмотря на неудавшийся ужин О Конрадом-ибн-дизайнером-по-интерьерам — его все время переносили, просто чертова свитка какая-то, а не ужин! — она великодушно впустила его в свой дом, свою постель, свои объятия и свое лоно. Он занялся с ней любовью — раз уж она этого хотела, раз уж самцам положено подчиняться голосу гормонов, превращающих их и «настоящих мужиков», тем более что малейшее сомнение в «мужественности» может плохо кончиться для тех из них, кому за пятьдесят.

— Так шшто вам, мсье? — повторила дежурная монахиня.

Марк начал искать конверт во внутреннем кармане пиджака — он не помнил фамилии человека, с которым ему предстояло встретиться. Когда они разговаривали по телефону два дня назад, голос собеседника — заикающийся, едва различимый — показался Марку похожим на слабый огонек свечи, готовый вот-вот погаснуть.

— Я журналист, у меня назначена встреча с одним из ваших обитателей — бывшим миссионером, — пояснил он, приглашая женщину проявить выдержку.

— Конечно, мсье, все наши подопечные — бывшие миссионеры!

Она кисло улыбнулась, пытаясь изобразить любезность серым лицом, словно голос свыше приказал ей встряхнуться — раз уж пришлось столкнуться с глашатаем гласности!

Марк вынул наконец конверт, достал оттуда смятый листок бумаги и нервно развернул его, невольно поддавшись мрачной атмосфере этого места.

— Отец Симон...

— Мазий? — со странной для нее живостью прервала его монахиня. — К нему пришли впервые за двадцать лет! Знаете, ему ведь недолго осталось.

— Малярия?

Она наклонилась с видом заговорщицы.

— Он ничего не ест вот уже... вообразите — пятнадцать лет.

Марк отступил на шаг, чтобы не чувствовать ее дыхания.

— То есть как не ест?

— Отец Симон выпивает стакан воды в день. Врачи не могут объяснить, как ему удалось прожить столько лет. Это...

Она помолчала несколько мгновений, цепко глядя ему в глаза.

— Чудо.

Женщина замерла на стуле, оценивая эффект, произведенный ее открытием.

— И где я могу встретиться с... этим чудом? — спросил Марк, нарушая театральную паузу.

— Комната 110, второй этаж. Зачем вы, собственно, пришли, мсье? Хотите написать об отце Симоне? Вам кто-то о нем рассказывал?

Нет, Марк не знал, что отец Симон вот уже пятнадцать лет отказывается от еды, просто с обильной почтой, ставшей ответом на его статью,— здесь были и поздравления и проклятия! — пришло одно письмо, в котором анонимный(ая) информатор(ша) из Воклюза сообщал(а) о человеке по имени Симон Мазий, проживающем в доме для престарелых священников в XVII округе Парижа.

Этот Симон Мазий, уточнял автор послания, и является тем самым миссионером, который спас новорожденного мальчика из племени индейцев десана от рук наемников, работающих на лесозаготовительные компании. Он увез его во Францию и доверил заботам сестры, Луизы Мэнгро, живущей на плато Обрак. «Вместо того чтобы писать подобные глупости, интересные, очевидно, вам одному, — предлагал(а) его корреспондент(ка), — лучше бы попытались узнать правду, посетив отца Симона!» Адрес и номер телефона дома для престарелых были приписаны внизу страницы. Марк просто позвонил и назначил встречу с бывшим миссионером. Номер был

сдан накануне вечером (мишенью на сей раз стал Эймор де Фонтан, основатель партии *Объединенная Суверенная Франция*: журналисты смаковали подробности двойной жизни политика-аристократа, образцового семьянина и завязатого гомосексуалиста, любителя молоденьких грумов), и у Марка было несколько свободных часов до возвращения Шарлотты. Пятница была «священным» днем: Шарлотта устраивала очередной гребанный ужин, на сей раз почетным гостем был любовник ее приятельницы — жирный волосатый рокер. Он обожал строить из себя пророка от шоу-бизнеса. Шарлотта день и ночь мечтала о встречах со знаменитостями, которые то и дело мелькали на страницах ее журнала.

Терзаемый угрызениями совести, Марк часть утра добывал сведения о мрачной «умиральне», где в полном забвении и нищете доживали свой век бывшие служители Церкви, попросту забытые или отринутые семьями, изможденные годами священной борьбы за веру в тех краях, где правят бал коррупция, эксплуатация, нищета и торговля телом. Церковь вряд ли узнавала себя саму в этих лежащих полутрупах, чьи глаза блестели от лихорадки и по-прежнему горели верой.

— Шшшто, кто-нибудь уже рассказывал вам о нем? — В голосе монахини прозвучали агрессивные нотки.

— Спасибо, сестра.

Марк подарил женщине самую любезную из арсенала своих улыбок и ушел, оставив ее задыхаться от любопытства.

it it "к

«Иисус...»

Марк, с трудом перебарывая отвращение, заставлял себя смотреть в лицо человеку, лежащему на узкой прожарившей металлической кровати. Отец Симон превратился в скелет, обтянутый пергаментной кожей в темных старческих пятнах. Правильнее всего его было бы назвать живым мертвецом. Огонь жизни горел только в его

глазах — огромных, широко открытых, сияющих, как слишком ярко освещенные окна на фасаде разрушенного дома. Да и тесная комнатка с серыми стенами больше походила на могилу, чем на жилье ушедшего на покой священника. Запах тления, казалось, сочился из стен и потолка.

— Совет шаманов амазонской сельвы проявил наивность, предупредив церковные власти Боготы...

Марк смотрел, как вздымается грудь отца Симона под темно-коричневым казенным одеялом, и боялся, что каждое слово, каждый вздох могут стать последними.

— Предупредил о чем?

— О рождении человека, который принесет Земле духовное обновление, положит конец розни между людьми. Духи растений известили об этом шаманов во время обряда провидения.

— Духи растений? Не совсем... католическое понятие, вам не кажется?

Улыбка коснулась растрескавшихся губ отца Симона.

— Все, что вы от меня услышите, покажется вам странным. Я и сам — весьма условный католик. Я участвовал в шаманических обрядах, видел космического змея, говорил с духами, я... жил с женщиной из племени десана, она родила мне двоих детей -- двух дочек...

Тень печали заволокла на несколько мгновений глаза миссионера.

— Почему же вы их покинули?

— *Мачетерос* — заплечных дел мастера лесных компаний... Господь милосердный... Они насильовали и пытали индейцев, а потом изрубили в куски... Всех, кроме ребенка, которого совет шаманов считал Ваи-Каи и успел доверить моим заботам.

— Какая связь существует между церковными властями Боготы и этими... мачетерос?

— Именно католическая Церковь Колумбии дала зеленый свет уничтожению племени десана. Священники испугались пророчества шаманов и не захотели рисковать, наблюдая приход нового Мессии... конкурента.

Марк внезапно осознал, что произошла удивительная вещь: рассказывая, отец Симон оживал на глазах, |Г01 олол звучал твердо и ясно, некоторые слова он сопровождал жестами, даже пальцами прищелкивал.

— Благополучие, законность Церкви, обосновано! : I ь ее претензий на власть над душами людей покоятся только на вере прихожан. Колумбийский клир всегда опасался шаманического влияния, и священники предупредили Рим, что Ваи-Каи крайне опасен для христианства в Южной Америке. Рим не наложил вето на уничтожение племени десана. Южная Америка — последний бастион римского католицизма, и никто не собирается уступать эту территорию колдунам Амазонии. Колумбийские епископы, конечно, сами рук пачкать не слали, они заплатили бандитам, работающим на лесные компании. Все эти фирмы являются филиалами крупнейших западных консорциумов, жаждущих завладеть новыми ресурсами. Колумбийское же правительство заявило, что произошли межплеменные столкновения из-за спорных территорий....

Марк встал, сделал несколько шагов вдоль кровати, пытаясь прогнать дурное предчувствие. Рассказ отца Симона многое объяснял, он ясно видел не только совершенно неожиданные связи, но и начинал понимать всю масштабность заговора.

Написав ничтожную угодливую статейку о целителе-мошеннике из Обрака, Марк поучаствовал в уничтожении племени индейцев десана. Не физически, конечно, ведь, по словам старого миссионера, это сделала колумбийская Церковь с благословения Рима, но он помог стереть с лица земли их идеи, знания, наследие. Он вместе с остальными разорял землю, которую хотел заполучить христианский Запад, уверенный в своем праве и превосходстве над остальным человечеством. Марк на свой манер укоренял гегемонистскую идею, имеющую в основе своей разделение, дробление, механистический прогресс и жажду наживы. Он предал доверие двух женщин, которые были виноваты лишь в том,

что воспитывали не похожего на других детей мальчика, спасшегося из лесов Амазонии, наследника и носителя уникального знания. Марк часто видел во сне искаженное болью лицо застывшей перед камином Пьеретты. Невыразимое страдание не смогло прогнать выражения чистоты и невинности, но глаза ее напоминали два темных бездонных колодца.

— Как вам удалось спастись? — спросил наконец Марк. Он обманывал себя, делал вид, что прогнал тоску, пока разглядывал висевшее на стене старинное деревянное распятие.

— Я шел через леса и добрался до Венесуэлы, другого пути не было. Мне казалось, что меня защищают какие-то таинственные силы. Нам с мальчиком всегда хватало еды и питья. Я добрался до посольства Франции в Каракасе.

— Почему вы ни разу не встречались с сестрой после того, как отдали ей Иисуса?

— Узнай Церковь мою историю, она могла бы сопоставить историю Иисуса и Ваи-Каи из пророчества шаманов и добраться до Обрака. У Ватикана много усердных информаторов. Но меня всегда информировало доверенное лицо....

— Наверняка то же, что написало мне письмо? — перебил Марк, вытаскивая из кармана плаща мятый конверт.

— Тот же человек сопровождал Иисуса в Колумбию, когда ему исполнилось семь лет...

— А чем было вызвано это путешествие? Ваша сестра не возражала?

Марк вспомнил, что учительница Иисуса говорила ему о поездке в Колумбию, но он почему-то никогда не спрашивал себя о причинах и обстоятельствах этого приключения, а между тем оно было невероятным и очень опасным для семилетнего ребенка. Настоящий журналист наверняка взял бы этот след, но ищейки *ВЖН* грызли только те кости, которые им бросал хозяин.

— После истребления десана шаманы других племен продолжали собираться на совет. В противоположность

ф.ш.ничным апостолам христианства, шаманы любят | 'Мівпиваться опытом и знаниями. Одни добровольно • гановятся учениками других. Иногда шаманы много ши и ходят по лесу — только ради того, чтобы встретить- I и друг с другом, посоветоваться с духами, с двойным ИИвем, Шаманы узнали, где я — не спрашивайте как! — они связались со мной и сообщили о своем желании принять Ваи-Каи. Человек, о котором я вам уже говорил...

— А это, случайно, не учительница Иисуса?

Отец Симон жестом дал понять, что не станет отве- 'I,ПЬ.

— Так вот, этот человек отправился к моей сестре и шурина и сообщил им, что комиссия министерства | Пшачивает усыновленным детям поездку на родину. Это нодь так замечательно для их психологической стабильности. Моя сестра не стала противиться: во-первых, по- юму, что она — святая простота, ее легко впечатлить учеными речами и министерскими директивами. Во-вторых, эта самая якобы комиссия гарантировала ей безопасность и возвращение ребенка.

— Зачем совет шаманов хотел видеть Ваи-Каи?

Разговор прервался — в комнату с деловитым видом вошла медсестра. Она отвернула простыню и одеяло, аадрала ночную рубашку отца Симона до пояса, ни на мгновение не озаботившись присутствием посетителя.

— Наш чудом исцеленный хоть и пьет всего один стакан воды в день, все равно страдает недержанием, — пробормотала она, не оборачиваясь. — Приходится надевать ему подгузники и менять прокладки, как грудному младенцу. Правда, отец Симон?

Миссионер бросил на Марка взгляд сообщника. В худобе ног старика было нечто завораживающее и одновременно отталкивающее: мертвые, сухие ветки с уцелевшими кое-где пучками волос.

— Отлично, мы вели себя хорошо.

Монахиня поправила рубашку отца Симона, подоткнула одеяло и вышла, безразлично кивнув Марку. Она

была еще молода — лет тридцать, не больше, но все ее существо словно впитало тоску и ветхую бедность этого места.

— Она разочарована, — сказал миссионер. — Любит менять мне пеленки, подмывать. Думаю, ее заворачивает вид мужских половых органов. Даже если они принадлежат догнивающей старой развалине. Бедняжке ведь негде посмотреть и потрогать другие. Я время от времени специально «забываюсь» — чтобы доставить ей эту небольшую радость.

— Кое-кто мог бы обвинить вас в том, что вы потакаете ее пороку!

— Вся Церковь — гигантская машина для поощрения пороков. Я нахожу ее манию вполне невинной. Там, в Колумбии, я вкусил наслаждение столь чистое и чудесное, что все остальное стало мне безразлично.

— В том числе еда?

— Я не испытываю голода, но не знаю, какая сила не дает мне умереть.

— Ваи-Каи?

— Наверное, я все еще нужен ему.

— А с семьей — сестрой, племянницей, Ваи-Каи — вы не хотели бы увидеться?

Пальцы отца Симона несколько мгновений разглаживали складки простыни. Марку показалось, что трещина в стене кишит тараканами.

— Если я хочу, чтобы у них осталось хорошее воспоминание обо мне, лучше им не видеть меня в подобном состоянии. Я был простым звеном в цепочке, я прожил свой срок, но смерть почему-то медлит, хотя мне не терпится воссоединиться с женой и дочерьми на *той* стороне. Они ждут меня — я чувствую, я знаю.

У старика начались судороги, железная кровать жалобно заскрипела.

— Так почему же все-таки совет шаманов хотел встретиться с Ваи-Каи? — повторил свой вопрос Марк, как только приступ прошел. — Вы мне так и не ответили.

Им нужно было убедиться, что он действительно Духонный Учитель, человек, который вернет жизнь Земле и надежду всем тварям земным — людям, животным и растениям. Они должны были ввергнуть мальчика и гране, чтобы ввести его в дом всех законов и всех душ, закончить образование Ваи-Каи.

А почему они позволили ему вернуться во Францию?

— Потому что Запад... Запад... как Рим во времена Христа... Дороги, понимаете, пути сообщения... О Боже, Господь, мой пастырь, я их вижу... Они красивые, такие красивые...

Миссионер в последний раз шевельнулся, потом его голова откинулась назад, шелкнули кости, и тело застыло. Перепуганный Марк подождал несколько секунд, потом наклонился к лицу отца Симона, но не уловил ничего, кроме бешеного стука собственного сердца. В голову почему-то пришла нелепая мысль об ужине Шарлотты, потом, с трудом удерживаясь от слез, охваченный горькой печалью, словно от потери близкого человека, Марк нышел в коридор и позвал двух сестер, что-то тихо обсуждавших у дверей соседней комнаты.

Люси локтями проложила себе дорогу в узкий внутренний двор часовни, где несколько мгновений разглядывала сотни подношений верующих, выставленных в ряд на стене наподобие серых и черных кирпичиков. Люди тихо переговаривались у киосков, где продавались открытки, брошюры, освященные медальоны, ладанки и книги, посвященные Катрин Лабуре* и еще одному обитателю этого места — святому Венсану де Полю* *.

Люди всех рас и национальностей встречались в этом крошечном Вавилонском склепе, зажатом между улицами дю Бак, Вавилон и Бон Марше. Пара, стоявшая рядом с Люси, явно приехала откуда-то из Восточной Европы, скорее всего — из Польши, разряжены они были просто на потеху окружающим. Женщина — очень светлая

* Лабура Катрин (святая), 1806— 1876. Французская монахиня. По преданию, в 1830 году ей явилась Богоматерь. Канонизирована в 1947 году.

** Венсан де Поль (святой), 1581 — 1660. Французский священник. Занимался благотворительностью. Создал Орден милосердных сестер (1633). Был канонизирован в 1737 году.

блондинка с голубыми глазами в золотую крапушку (формой они напоминали крылья бабочки), плоской грудью, тонкой талией и округлыми бедрами — натянула на толстые ноги узкие бриджи. Ее пузатый ярко-рыжий супруг выбрал клетчатые бермуды, делавшие его похожим на клоуна. Он одарил Люси откровенно настойчивой улыбкой, но тут жена полоснула его по правой щеке разгневанным взглядом, и он скис.

Люси выбрала для себя брошюру и, пробравшись через группку монахинь, вошла в часовню. Народу было так много, что люди стояли и в боковых приделах, и в глубине нефа. На какое-то время Люси застряла у дверей, потом, воспользовавшись заминкой — какой-то женщине стало дурно, — пробралась по правому проходу к хурам и стеклянной раке, где покоилось тело Катрин Лабура.

Она заметила вторую прозрачную раку, стоящую на постаменте слева от поперечного нефа: роскошная, вся в золоте. Заглянув в брошюрку, Люси выяснила, что это гроб Луизы де Марияк, соосновательницы Ордена милосердных сестер. Церковь сделала различие между двумя святыми — аристократкой и крестьянкой, как будто сословное разделение сохранялось и на небесах. А ведь Пречистая Дева явилась крестьянке Катрин, именно Катрин Она попросила отчеканить ладанку, ей Богоматерь доверила защищать жизни сотен людей в страшные дни Парижской коммуны, и Катрин спасала и восстанавливала, и солдат, и детей, и женщин, и стариков... Во всех официально признанных Церковью случаях чудесного явления Девы Марии людям Она обращалась к простым душам.

Сразу после завтрака Люси неудержимо потянуло на этот островок святости и благочестия, о котором ей часто, со странным огнем в глазах рассказывала святошасестра, а она-то уж знала толк в ладанках и медальонах с изображениями святых. Люси надела простое трикотажное белье, короткое легкое платье, жемчужно-серый плащ, пригладила старой щеткой волосы и вышла,

МІ П.ж накраситься и наплевав на меры предосторожно-П и, к которым успела привыкнуть после того случая.

Люси смотрела на лица окружающих: вот женщина с Антильских островов, ее голова покрыта белым шелковым шарфом; азиат с непроницаемым взглядом; со-рокалетний мужчина — явно высокопоставленный чиновник — уставился в затылок метиске с золотистой кожей; двое юношей в блейзерах цвета морской волны явно с трудом удерживаются от смеха... Все они толпятся вокруг одних и тех же святынь, но их разделяют бездны. Люси не понимала, что толкнуло ее смешаться с этой разношерстной толпой, прийти поклониться культу, не находящему в душе ни малейшего отклика. Ее родители Пыли католиками, но на мессу не ходили, и религиозное воспитание Люси было вполне ненавязчивым. В ее памяти сохранились отдельные фразы Писания и светлый образ Пречистой Богоматери — он всегда был ей ближе Святой Троицы. Бог Отец, Бог Сын и Бог Святой Дух скорее олицетворяли для Люси отмщение, непримиримость, наказание огнем и мечом, суды инквизиции, костры и ад.

Самые истовые вторили пению священника, человека без возраста в шитой золотом ризе, — его голос был наполнен вековой скорбью. Люси перевела взгляд на огромную фреску — писанное голубыми, белыми и золотыми красками изображение Катрин Лабура, сидящей у ног Богоматери в окружении двенадцати херувимов. Запах ладана, валюты колонн, позолота, цветочные гирлянды, кованое кружево балконов, геометрические узоры, подчеркивающие округлости столбов и сводов... Люси на мгновение ощутила себя персонажем средневековой миниатюры. Справа от поперечного нефа, рядом с гробом Катрин, стояли статуя Венсана де Поля и деревянный реликварий с его сердцем.

Люси, не отводя взгляда, смотрела на молодого человека в одежде бойскаута, сидевшего у прохода в одном из рядов. Глаза его были устремлены на алтарь, и он не реагировал на ее немую мольбу. Если ей приходилось

стоять слишком долго, в разных уголках тела просыпалась боль. За последние две недели Люси почти не вылезала из квартиры: она лежала на спине, уткнувшись носом в книгу, которую не читала, курила одну сигарету за другой и ждала сообщений от Бартелеми. Они теперь могли общаться в режиме «прямого эфира», как на сайте *sex-aaa-strip*. Никто ей так и не позвонил — ни мерзавец Джереми, ни бывшие товарки по работе, ни даже родственники. Ни одна тварь не постучала в ее дверь (чего она так боялась!) — ни скотина Джо, ни другой палач, которому он мог шепнуть адресок «классной шлюхи»!

Они с Бартелеми решили наконец встретиться, но пока не договорились ни о точной дате, ни о месте. Они шли навстречу друг другу мелкими шажками, с преувеличенной осторожностью людей, опасющихся новых разочарований. Люси сказала ему, что бросила работу в Сети. Она не объяснила истинных причин, сказав одно: мол, «хватит, надоело выдрючиваться нагишом перед кучкой извращенцев, прости, ты в их число не войдешь...». Бартелеми не стал комментировать ее решение, но Люси по тону его следующих писем почувствовала — он восхищен, что похотливые взгляды сетевых бродяг-извращенцев остались в прошлом.

Священник объявил, что служба окончена, и толпа двинулась на выход. Проходя мимо Люси, «скаут» наградил ее взглядом, в котором сквозили вызов, ирония и, пожалуй, злость, она решила, что презрение будет лучшим ответом. Люси села на освободившееся место в одном из рядов, чтобы понаблюдать за теми, кто остался перед ракой Катрин Лабуре. В центральном проходе стояли на коленях и молились мужчины и женщины: оставшись наедине с Богом, они обращались к Нему со всем пылом своей веры. Дождавшись, пока отпустит боль и уйдут последние любопытные, она подошла к прозрачному гробу. Люси казалось, что в созерцании этого не тронутого тлением тела и воссозданного с помощью воска лица было нечто завораживающе-отвратительное.

Охваченная глубоким волнением, Люси подняла глаза на статую Богородицы с золотым земным шаром | руках. Волна горечи поднялась из глубин ее существа, и | опила душу и отхлынула, оставив на грани слез. Люси пошатнулась, упала на колени на бетонную ступеньку и плакала невыносимо долго. Всю жизнь ей было трудно проявлять эмоции, в кино она кусала губы в кровь, чтобы не разрыдаться, а теперь вот плакала перед незнакомыми людьми — и ей было все равно. Впрочем, никто не обращал на нее внимания, подобные физиологические проявления чувств были обычным делом в сером полумраке часовни. Кто-то еще плакал неподалеку — перед статуей святого Венсана, напротив хоров, у раки Луизы де Марияк. Все эти люди, словно став детьми и вернувшись в материнские объятия, забывали о принципах, гордости и стыде, чтобы излить свое горе, избавиться от страдания, очиститься.

Когда слезы иссякли, Люси бумажным платочком вытерла глаза и щеки, поднялась, потерла саднящие колени и, взглянув последний раз на лицо Богородицы — бесконечно прекрасное и невыносимо волнующее в своей мраморной чистоте (восковое лицо Катрин оставалось неприступно-загадочным), — легким шагом направилась к открытым дверям часовни.

Завтра?

Нет; завтра не могу. Уменя# визит к врачу.

Зачем? Я думала, ты поправился?

Э(то) родители. Они хочет, чтобы меня осмотрели врачи. Не верят в Ваи-Каи. Говорят, это внезапное исцеление, так бывает. Гэворят, Ваи-Каи — шарлатан.

Почему?

Мой отец работает на фармацевтическую лабораторию. Он говорит, из-за Ваи-Каи люди перестанут покупать лекарства и будут еще больше болеть. Он считает, его надо арестовать и посадить в тюрьму.

На моем сайте ты говорил, что это они отвезли тебя на лекцию Ваи-Каи, ту, что была в амбаре?

Не они. Их не было. Я был с друзьями, на их тачке. Они забрали меня из дома. Мои родители узнали и разозлились.

А должны были бы радоваться, что ты поправился.

Они никогда ничему не радуются. Говорят, со мной теперь хлопот еще больше. Лучше бы я оставался, как был?

Хочешь, увидимся послезавтра?

Где?

У тебя, если хочешь. Я могу взять напрокат машину.

Нет, нет. Сначала пусть...

Что сначала?

Ничего. Потом скажу, когда и где.

Ты правда хочешь, чтобы мы встретились?

Нуда. Только надо еще подождать.

Не скажешь почему?

Встретимся, когда буду готов.

Этов к чему?

Бартелеми отключился, так и не ответив. Он часто так поступал, если хотел избежать неприятных тем. Во время следующих сеансов он объяснял такое поведение страхом перед родителями — дескать, он слышит их шаги или голоса на лестнице или у дверей его комнаты.

Люси откинулась на спину, закурила и некоторое время просто смотрела, как клубится дым у нее над головой. В сотый раз после возвращения из часовни с улицы дю Бак она подумала, закрыла ли дверь на ключ, хотя уже пять раз проверяла. Сегодня она чувствовала себя не такой угнетенной, как в предыдущие дни, частично избавившейся от прилипшей к ней грязи, но тело и мозг помнили нанесенные раны и оскорбления, и через определенные промежутки времени срабатывал инстинкт самосохранения: ей хотелось заточить себя в собственной квартире, безопасность становилась навязчивой идеей. Она напряженно вслушивалась в шумы и шорохи дома, прежде чем приоткрыть дверь, готовая мгновенно ее захлопнуть.

Потом она внимательно оглядывала лестничную КЛВТКУ И выходила на лестницу, держа одну руку в кармане плаща, на гранате со слезоточивым газом (она купит ее в старой оружейной лавке в своем квартале). На улице Люси слегка расслаблялась — там были люди и машины, так что вряд ли кто-то решился бы напасть на ноо, но стоило ей войти в ворота, и страх возвращался. Сумки она теперь всегда несла в одной руке — другая | удорожно сжимала гранату.

Люси едва не применила свое оружие против жильца с четвертого этажа, который внезапно как танк налетел на нее на лестнице. Он очень торопился, не замечая ее и сумел увернуться только в последний момент. Сосед вылупил от удивления глаза, заметив гранату в руке очаровательной соседки, которую много раз ишречал на лестнице, но так и не решался заговорить. Ему отчаянно хотелось обратить на себя ее внимание — о, разумеется, ничего не афишируя, ведь он жена-Гый отец семейства и всего лишь хочет доказать себе, что еще способен соблазнить хорошенькую женщину.

— Эй, эй, успокойтесь, мадам, я не сделаю вам ничего плохого! — воскликнул он, улыбаясь Люси самой неотразимой из своих улыбок (во всяком случае, его супругу она когда-то покорила!). Не будем впадать в паранойю! Не все мужчины — чудовища! Кстати, мы так и не познакомились. Я — Жан-Дамьен Туйя, владелец квартиры на четвертом этаже...

Он мог бы и не уточнять — весь его внешний облик, казалось, гордо провозглашал: «Я — хозяин!»: гладкие седоватые волосы, серый костюм и лакированные туфли, рубашка в тонкую полоску и галстук в горошек, намечающийся двойной подбородок и намек на животик, кожаный портфель «родом» то ли из экзотической страны, то ли из модного магазина, навороченный сотовый телефон, выставленный напоказ как украшение и — главное — оценивающий пристальный взгляд.

Люси избавилась от соседа, пробормотав несколько слов извинений и согласившись пожать протянутую ладонь — пухлую и влажную.

— Давайте как-нибудь вместе поужинаем, позвольте мне пригласить вас... Нет, правда, это же глупо — мы соседи, но совсем не знаем друг друга!

«Да пошел ты, сто бы лет тебя не видела!» — мысленно добавила она. Дыхание у нее сбивалось, сердце бешено колотилось, левая рука онемела из-за тяжелых сумок, пальцы правой руки свело судорогой на гранате.

Люси попыталась связаться с Бартелеми, но он не ответил. Она открыла окно и снова закурила. Комната провоняла табаком и скукой. Дождь яростно барабанил по крышам и асфальту внутреннего двора. Она машинально взглянула на термометр: двадцать семь градусов, а ведь уже начало декабря! Майка промокла от пота на груди и лопатках. Новогодний мороз из ее детства остался призрачным воспоминанием. Люси прикурила новую сигарету, присела на подоконник и принялась листать еженедельник «EDV».

Она купила его через несколько дней после ухода из *sex-aaa*, пораженная заголовками: *«Мессия из Обрак, или десанский псевдогуру: мошенничество в планетарном масштабе»*. Журналисты организовали атаку по всем правилам, обрушили на Ваи-Каи огонь тяжелой артиллерии: шарлатан пользуется людскими несчастьями и доверчивостью, отмывает огромные деньги через ассоциацию «Мудрость Десана», имеющую штаб-квартиру в Лозере, том самом департаменте, где вырос *Иисус (!)* Мэнгро, Мессия с красноречивым именем, южноамериканский индеец, спасшийся от межплеменной резни в джунглях Амазонки. Журнал методично разбирал все трюки обманщика, предоставив слово крупнейшим специалистам по психологии и медицине, дабы исключить *чудо* как факт. В статье прослеживались оккультные связи «Мудрости Десана» и некоторых обществ, проповедующих неонацистскую идеологию, а учение Ваи-Каи

| I рубой насмешкой объявлялось адской смесью заплесневелых теорий и дешевых выдумок Нового времени. Приемная мать Ваи-Каи и его сестра описывались *UtK* две отсталые крестьянки с плато Обрак, — короче, *Pl* нарисован чудовищный, гротескный портрет ново- I о Мессии — этим нелепым титулом его наградили фанаты Сети, доверчивые жители Интернета, безответственные киберпопугаи, разносящие по миру информацию, которую не дали себе труда проверить.

Взгляд Люси остановился на фотографии Ваи-Каи: молодой смуглокожий мужчина с темными гладкими волосами и миндалевидными глазами поражае странной, почти нереальной красотой. Люси прогулялась по многим сайтам, посетила несколько форумов, посвященных Духовному Учителю, придя в восторг от многочисленных свидетельств о чудесных исцелениях. Но она сомневалась — а вдруг вся эта информация, дискуссии и слухи не более чем фантазии, желания и мечты посетителей Всемирной паутины, протуберанцы их коллективно- I о бессознательного.

Люси выбросила окурочок во внутренний двор и несколько мгновений смотрела на завесу дождя, пока не поймала чей-то взгляд в окне дома напротив. Она вдруг поняла, что ее задница вылезает из-под задравшейся майки, и с горечью подумала, что, видно, до самой смерти не избавится от болезненного пристрастия к эксгибиционизму. Она закрыла окно, задернула шторы и яростно швырнула «EDV» на стол.

Ну почему Бартелеми все время откладывает их встречу?

Может, он один из этих одержимых, о которых написано в статье, киберпопугаи, обманщик, манипулирующий человеческой надеждой?

Неужели он тоже — фантазия, призрак?

Да существует ли он на самом деле?

Исмму не хватало Мириам куда больше, чем он мог предположить. Организация следующего тура лекций Наи-Кай, яростные нападки прессы, переписка, висящая над головой угроза преследований со стороны налоговых и судебных органов — он был занят двадцать четыре часа в сутки, но в душе жила пустота, и мысли о Мириам никуда не уходили. Сбежав от него в тот день из Иостиницы в Блуа, она ни разу не позвонила, не написала, не связалась с ним по электронной почте. Мириам словно испарилась, не оставив им ни единого шанса на примирение. Перед исчезновением она протянула ему несколько спасительных соломинок, но он за них не ухватился, уверенный — и совершенно напрасно! — что она впадает в отчаяние только из-за жизни на колесах и бесконечной череды гостиниц. Йенну казалось, что их жизнь немедленно наладится, как только они вернутся в свое гнездышко в замке Мегэнври, штаб-квартире ассоциации «Мудрость Десана».

Йенн тщетно пытался обмануть свою тоску: он с головой уходил в работу, оттягивал до последнего момент

отхода ко сну, боясь остаться один на один с собой в крошечной квартирке под крышей, где, казалось, еще жил их смех, слышались отзвуки их споров, отражались эхом от стен и потолка любовные стоны. Вид на холмистые пейзажи Нижнего Лозера, открывающийся из окна комнаты, теперь казался ему мрачным, голые деревья, затопленные луга и стелющийся по земле туман наводили уныние. Не улучшала настроения и обстановка, царившая внутри: Йенна приводили в бешенство активность и преувеличенная собранность членов сообщества, их глуповатые улыбки и выражение экстатического блаженства на лицах. Он задыхался от приторного запаха лада-на, его оскорбляло и всерьез беспокоило открытое противостояние между вегетарианцами, приверженцами мясного питания *по-десански* и теми, для кого священна жизнь любой земной твари. В поместье обретались мужчины и женщины, перебравшие множество ашрамов, перепробовавшие сотни духовных учений. Точно так же автостопщики когда-то исходили вдоль и поперек сказочные страны — Индию, Афганистан, Непал, Таиланд... В голове у этих людей была мешанина: трансцендентность, реинкарнация, поиск общности. Самыми неприемлемыми, нестигаемыми сектантами были именно те, кто громче других вопил о терпимости и сострадании. Они вцепились в Ваи-Каи, как потом перекинутся на следующего вошедшего в моду гуру, смешивая в кучу обрывочные знания обо всем и ни о чем: медитация, йога, тантры, техники массажа, карты таро, астрология, Йи-Ки, хрустальные шары, драгоценные камни, боги, святыне, мантры, привычки, догматы... Не были они никакими новыми кочевниками — всего лишь мародерами, грабителями, храмовыми менялами — стервятниками от славы, по выражению Мириам.

Неужели и он, Йенн Колле, принадлежит к жадному вороньему племени, летящему следом за Духовным Учителем в надежде урвать хоть крошку от его славы?

Ваи-Каи проявлял полное безразличие к возне, творившейся вокруг него, он был похож на короля, одина-

IIIВ I равнодушного к слухам и интригам своих придворий I (аи-Каи волновала одна-единственная вещь — распространение его учения: лекции, брошюры, переписки I I в газетах и журналах, сайты в Интернете, видеокассеты, диски, *DVD*, радио- и телепередачи... Один II wi,aГель-экзотерик предложил Ваи-Каи напечатать I борник его поучений, притом сделать и электронную I бумажную версию, и Духовный Учитель немедленно взялся за работу. Каждый день он на много часов уединялся с девушкой по имени Элеонора — все звали ее Клео, — отвечавшей за систему голосового распознавания и верное воспроизведение текста на экране компьютера. Йенн испытал жестокое разочарование, что это задание Ваи-Каи поручил не ему. Конечно, посвяти Йенн щ с свое время книге, управление ассоциацией оказался в руках людей некомпетентных, но он не мог не ревновать Элео, дерзкую девчонку — ей было то ли шестнадцать, то ли семнадцать лет, — явившуюся неизвестно откуда и ухитрившуюся в два месяца занять особое место рядом с Учителем. За короткое время он потерял все — любовь Мириам и место первого ученика. Ассоциация, управление поместьем, административные задачи съедали большую часть его сил и энергии, не говоря уж о разрушительной деятельности некоторых учеников! I >п. Слово — элемент нематериальный, неуловимый — неумолимо воплощалось в дело, становилось материальным, превращаясь в многочисленные самовоспроизводящиеся структуры. Вечера Ваи-Каи были отданы посетителям — иногда в старом сарае, переоборудованном в лекционный зал, собиралось до тысячи человек. Безшумно шло время невинности, простоты, /и III юго радостного беспорядка, разговоров обо всем и I I о чем, еда на ходу, на обочинах дорог, чувства сопричастности и безумного смеха.

Йенн пользовался редкими мгновениями свободы, чтобы прогуляться между постройками поместья. Архитектурный ансамбль XVIII века, недавно частично подцепленный, являл собой смешение барочной роскоши

и типичного для Лозера аскетизма. Бывший хозяин подарил свои владения ассоциации «Мудрость Десана» в благодарность зато, что Духовный Учитель вылечил его от рака легкого. Йенн подозревал, что пятидесятилетний богач просто воспользовался предложением, чтобы избавиться от слишком дорого обходившейся ему собственности, а заодно лишить наследства двоих детей: их бурные отношения больше всего напоминали ненависть. Наследники, кстати, подали на отца в суд, который рано или поздно состоится, и адвокаты истцов не преминут подчеркнуть безответственность отца, отдавшего родовое достояние секте в благодарность за псевдоисцеление.

Впрочем, это была всего лишь одна — и не самая грозная — туча из тех, что собирались над «Мудростью Десана».

Небо над Лозером было затянуто облаками. Холод, обрушившийся на южный склон Центрального массива, снова уступил место влажному, почти тропическому теплу. Ветер, пахнувший перегноем, плесенью и тлением, дул над холмами. Реки и пруды выходили из берегов, грязь ручьями стекала на поля.

Йенн всегда выбирал один и тот же маршрут, единственную сухую дорогу на десяти гектарах грязи. Он забирался на голую вершину соседнего холма, откуда в одну сторону открывался вид на черные неприступные скалы Обепина, а в другую — на каменные островки домов под черепичными и шиферными крышами, укрывшимися в море зелени.

Звонок мобильного вырвал Йенна из задумчивости. Перед глазами мгновенно всплыло лицо Мириам, сердце забило в безумной надежде, и он нервным движением выхватил телефон из внутреннего кармана куртки. Разочарование судорогой перехватило горло, когда он услышал голос Жоффруа:

- Ты должен вернуться как можно быстрее!
- Что происходит?
- Элео... Это она... она...
- Что — Элео, давай объясни членораздельно.

— Лучше бы... о черт, пусть лучше она сама тебе все расскажет. Ты где?

— Недалеко. Буду через пятнадцать минут.

Йенн никогда не был слишком спортивным, но уже через десять минут, подгоняемый растущим беспокойством, оказался во внутреннем дворе. Территория походила на растревоженный муравейник — во все стороны разбегались перепуганные люди. Некоторые направившись к машинам, припаркованным как попало перед бывшими конюшнями.

— В чем дело?

Никто ему не ответил, на него не смотрели, лица были суровыми, словно над замком пронеслось дуновение зла. Йенн заскочил в главный корпус — дверь оставили распахнутой настежь, пробежал через пустой холл — за стойкой информации никого не было, две (ольшие смежные гостинные, огромную столовую — никого! — и ринулся в кухню. Постоянные члены ассоциации «Мудрость Десана» предпочитали есть в этой светлой, жарко натопленной комнате.

Элео рыдала, сидя на стуле, вокруг нее встревоженно переговаривались повара, обслуживающие ассоциацию, — мужчина и две женщины в серых холщовых фартуках. На разделочных столах валялись недочищенные овощи, кожура, распотрошенные пакетики со специями, на плите криво стояли кастрюли, кто-то опрокинул бутылку с маслом, а гора грязной посуды и плохо закрученные краны свидетельствовали, как внезапно была прервана готовка. Грязный серый свет вливался в помещение через два больших окна, выходивших на сад-огород и темный лесной массив.

Жоффруа подошел к Йенну, выражая взглядом преувеличенную обеспокоенность — отличительная черта кипучих дураков.

— Да что, в конце концов, происходит, черт бы вас всех побрал?! — выдохнул Йенн.

Жоффруа кивнул на Элео.

— Спроси у нее.

Остальные расступились, пропуская Йенна к девушке. Их хмурые лица были суровыми, пожалуй, даже враждебными. Он присел перед Элео на корточки, положил руку ей на плечо. Прошло несколько секунд, прежде чем Элео осознала его присутствие рядом. Под коротеньким, на бретельках, платьем на девушке не было белья, одежда задралась, выставив на всеобщее обозрение жемчужное сокровище в обрамлении темной мягкой шерстки. Элео была очень хорошенькой, но теперь утратила победительный вид завзятой соблазнительницы, который вот уже два месяца демонстрировала всем и каждому в коридорах замка. Краска растеклась по круглой мордашке, глаза растерянно моргали — сейчас она была всего лишь маленькой, раздавленной горем девочкой.

— Элео, что произошло? — мягко спросил Йенн.

Она несколько мгновений тупо смотрела на него, как будто не поняла вопроса, потом наконец ответила дрожащим голосом, срываясь на всхлипы и сопенье:

— Ваи-Кай... Он... он... набросился на меня... Он... он... меня... Меня...

— Что он тебя?

— Он... меня изнасиловал... изнасиловал...

Йенн рывком вскочил, оглушенный чудовищностью обвинения. Кровь прилила к голове, волна безумного гнева вкупе с усталостью застила глаза красным. Дрожа от ярости, он обвиняющим жестом ткнул пальцем в мерзавку.

— Не может быть! Ты врешь!

Она метнула в него непонимающий, почти ненавидящий взгляд и снова разразилась слезами.

— Почему ты так жесток с ней? — возмутилась Марина, одна из кухарок, худая женщина с длинными седыми волосам. Под ее внешней любезностью скрывались категоричность суждений, нетерпимость и власть. — Разве не видишь, как ей плохо?

— Вы все знаете Ваи-Кай и понимаете, что он на подобное не способен!

— Почему? В конечном итоге он всего лишь человек, — возразил Арно, лысый мужчина лет тридцати, страстный адепт массажа — всех его видов, особенно тех, что заканчиваются эротическими играми. Он перемассировал множество женщин и развел не одну пару с тех пор, как примкнул к ассоциации.

Почти не владея собой, Йенн повернулся к Элео:

— Скажи им правду! Правду, ради всего святого! Никто ничего тебе не сделает за вранье!

Он разглядел в ее черных глазах искорки отчаяния и на несколько секунд поверил, что Элео сейчас признается, скажет, что обманула их, оправдает Духовного Учителя.

— Он набросился на меня, повалил на ковер, сорвал трусы...

Обвинения Элео — конкретные, произнесенные тусклым, лишенным всякого выражения голосом, — свистели в тишине кухни, как отравленные стрелы.

— ...Потом он достал свою штуку, и вошел в меня... и сделал мне больно... Я вырывалась...

— А тебе не пришло в голову закричать, позвать на помощь? — перебил ее Йенн.

— Он заткнул мне рот тряпкой... Я его исцарапала, оттолкнула, я убежала и выплюнула кляп...

— Мы все услышали вопли Элео, — вмешался в разговор Жоффруа, — и нашли ее в туалете на втором этаже, она там заперлась. Когда все узнали, что случилось, началась настоящая паника. Кое-кто испугался неприятностей и предпочел тут же смыться.

Йенн какое-то время смотрел в каменный пол, потом обвел взглядом стены и грязный потолок кухни и наконец молча уставился на Элео. Гнев сменился диким раздражением, разъедавшим его изнутри, как кислота, и — вольно или невольно — обретавшим форму сомнения.

— Надеюсь — ради тебя же самой! — что ты не выдумала эту историю.

— У нее была кровь — там. — Марина кивнула на промежность девушки. — Такого она придумать не могла, я сама ее вытирала.

— Нужно отвезти ее в больницу.
 — Легавые только того и ждут, чтобы запретить «Мудрость Десана» и отобрать у нас усадьбу, — заметил Арно. Йенн пожал плечами.

— Да какая разница? Если Ваи-Кай и правда изнасиловал Элео, нет смысла пытаться сохранить организацию. А лучший способ узнать правду — это дать врачам осмотреть Элео.

Девушка задвигалась на стуле, не подумав одернуть платье.

— Я не хочу... Не хочу...

— Не хочешь чего?

— Ехать в больницу.

— Ну, тогда — *твое* слово против *его* слова. И не обижайся, но я поверю *ему*.

— Минутку, — вмешался Арно, — пусть даже Ваи-Кай проявил... минутную слабость, это не значит, что его учение нужно спустить в сортир.

— Да уж, тебя-то такое объяснение более чем устраивает! — прошипел в ответ Йенн. — Ты сможешь по-прежнему трахать всех наших женщин и баб на стороне, не испытывая ни малейших угрызений совести, — ведь даже Духовный Учитель не способен смирять сексуальные порывы!

— Я не «трахал» всех наших женщин, — возразил уязвленный Арно. — Я даже не попытался с Мириам — а должен был! Может, уговорил бы ее остаться.

Остатки здравого смысла помешали Йенну схватить с кухонного стола нож и всадить его по самую рукоятку в живот собеседнику. В эту минуту он ненавидел всех этих мужчин и женщин, чьи жизненные обстоятельства навязали ему в соученики, в спутники грядущих новых времен.

— Неужели вы не понимаете, что кто-то поручил этой маленькой змее отравить сообщество! — закричал он, с трудом сдерживая закипающую ярость.

— Только не корми нас старыми сказками про женщину и змея! — гаркнула вторая кухарка Эмили — энергичная сорокалетняя толстуха.

Йенн обвел взглядом группку «сподвижников» — их было человек двенадцать.

— Хотите сказать, что больше верите такой, как Элео, чем Ваи-Кай?

— Тебя здесь не было, когда все случилось, — многозначительно бросил Жоффруа. — А вот мы — были.

— Вы что, своими глазами видели, как Ваи-Кай ее насиловал?

— Нет, но некоторые вещи определенно говорят о том, что...

— Отвезем ее сейчас же в больницу в Манде. Чтобы знать наверняка.

С этими словами Йенн схватил Элео за руку и заставил ее подняться. Она упиралась, попыталась вырваться, упала со стула на плиточный пол и забилась в припадке: платье задралось, тело дергалось в жутких судорогах.

И тут начался кошмар. Йенн увидел, как женщины наклонились к Элео, лица окружающих превратились в гримасничающие угрожающие маски. Кто-то ударил его, он отступил на два шага, не удержался на ногах и рухнул лицом в гору овощей и грязных очисток. Лежа щекой на гладкой поверхности рабочего стола, он вдыхал запах капусты и репы, слышал вокруг себя гвалт и ругательства... Голоса то звучали совсем низко, то срывались на фальцет. Кто-то нанес Йенну еще один удар, на сей раз — по почкам, и у него перехватило дыхание.

Господи... Основа бытия распадается непосредственно в окружении Духовного Учителя... Боже, как болит челюсть, и спина, и живот... Ему показалось, что один из них — Жоффруа — пытается помешать нападавшему — Арно? — избивать его. Потом он начал терять равновесие и упал лицом на серый пол. Он лежал и не мог шевельнуться — так сильна была боль.

Очень скоро Йенн понял, что теплая липкая жидкость, текущая по щекам и подбородку, — его собственная кровь. Ему мерещилось, что кухня постепенно пустеет, он слышал далекие голоса, шуршание, скрип, хлопали дверцы машин, рычали моторы.

* * *

Ученики Ваи-Каи испарились при первом же порыве ветра. Как стая ворон. Он остался один в могильной тишине, борясь с тошнотой и подступающими слезами. А еще его одолевал гнев — на Элео, Арно, остальных и — главное — на себя самого, пожертвовавшего Мириам из-за жажды славы. Йенн сделал несколько попыток подняться, но ему не хватило ни сил, ни упорства, и он остался лежать, ни о чем не думая. Он не знал, сколько прошло времени, но потом, когда сумерки уже заполняли кухню, услышал над собой шуршание ткани.

В нескольких сантиметрах от лица Йенна оказалось родное улыбающееся лицо. Всмотревшись на него черных глазах он прочел такую любовь, такую доброту, что сомнение, посеянное в его душе клеветой Элео, мгновенно испарилось и он снова обрел пыл и гордость верного ученика.

— Гости уже приехали, — сказал Ваи-Каи. — Мы должны их принять.

— Где... Где остальные? — прошептал Йенн, приподнимаясь на локте.

— Кто? Нас всего двое. Мы раз за разом начинаем с того же самого места, Йенн, из пустоты и невидимости. Жизнь — вечный цикл, бесконечное возобновление.

Невероятным усилием — резкая боль снова ударила по затылку, заставляя забыть о разбитом носе и распухшей пояснице, — Йенн обвел рукой кухню. Кровь запеклась на воротнике рубашки и рукаве куртки. Очки валялись среди очисток.

— Но... Книга? А «Мудрость Десана»? А все остальное?

— Просто мираж. Книгу мы продолжим писать вместе. Разве не этого ты хотел?

Йенн подобрал очки, машинально подышал на стекла, прежде чем вытереть их тряпкой.

— Я и сам теперь не знаю, чего хочу...

Ваи-Каи ответил музыкальным смехом.

— Похоже, ты готов отказаться, отречься.

Йенн снова услышал голос Мириам, спрашивающей его, готов ли он *отказаться от всего этого*. Завоеватели и строители новых миров всех мастей оставили после себя развалины и реки страдания, которые пока не удалось осушить. Великие цивилизации — гордость человечества — все как одна погибли, превратились в тлен. И эта — самая гордая и самая безрассудная из всех, которую человек называет современной, прогрессивной, — не избежит общей участи.

Духовный Учитель был одет в широкую белую тунику — портной одного из приверженцев сшил для него штук десять в подарок — и набедренную повязку, символизирующую амазонские корни Ваи-Каи. Как только Йенн надел очки, он заметил на левой руке Ваи-Каи три красные царапины — они шли от запястья к предплечью.

Три красные отметины, странным образом напоминавшие царапины.

— Подарок перед боевым крещением, Малик! — На пороге стояла молодая женщина, за ее спиной сиял улыбкой Хаким.

Несколько минут назад великан предложил Матиасу уединиться в маленькой комнатке, чтобы, как он выразился, вкусить чуточку покоя, отрешиться от лихорадочного возбуждения, царившего в штаб-квартире «Международного джихада».

Присев на старенький диванчик с поролоновым матрасом, Матиас разглядывал спутницу угандийца. Девушка стояла низко наклонив голову, так что он не видел ее глаз.

— Я у тебя ничего не просил...

— Конечно, ведь тогда это был бы уже не подарок, а услуга, — ответил Хаким, сверкнув белозубой улыбкой. — Она ни в чем тебе не откажет. Лови момент. Завтра может быть слишком поздно.

— А ты что же?

Хаким развел руками, заполнив собой все пространство.

Приглушенный свет лампы, стоявшей на низком столике, выхватывал из полумрака жалкой комнатенки присоренные шторы на окнах, заплесневелые, сочащиеся влагой стены и потолок.

— Я оставил в Уганде жену и сына. Имя посвящу мою ночь. Буду думать и молиться.

— А почему ты решил, что я не поступлю так же?

Угандиец покачал головой — лицо его выражало одновременно сочувствие и философскую покорность судьбе.

— Ты не из тех, кого дома ждут дорогие ему существа. Ты — одиночка, Малик, ты одинок и в сердце твоём, и в мыслях твоих. Вот я и подумал, что общество Хасиды согреет тебя в канун боя.

Матиас поклонился, благодаря Хакима и одновременно отдавая должное его проницательности.

— Если больше всего на свете хочешь снова увидеть жену и сына, ты вовсе не обязан участвовать в завтрашнем нападении...

— Согласившись стать членом «Международного джихада», я вверил свою жизнь Всевышнему, — прошептал в ответ угандиец.

— Разве ты не сказал мне, что умереть за своего Бога — честь, а гибнуть за сволочей — идиотство?

Хаким коснулся ладонями лба.

— Завтрашняя показательная атака принесет пользу нашему делу. Пусть люди на Западе живут в страхе перед «Джихадом», гневом Аллаха и его верных слуг. Чем старше кожа, тем она жестче и тем дольше приходится ее отбивать, чтобы размягчить.

Матиас встал и обошел вокруг девушки: она застыла в каменной неподвижности, все так же глядя в пол.

— Кстати о европейцах... помнится, ты говорил, что организация будет нападать только на американцев...

— И был не прав. «Дисней» — американский парк, но большая часть посетителей — европейцы и служащие все — французы. Американцы не упустят такую возможность откреститься от исламских экстремистов, обелить

себя перед международным общественным мнением. Экономическую выгоду они оплатят жизнями своих граждан и с радостью напомним миру, что Европа, добрая старушка Европа, надумавшая вдруг оспаривать их превосходство, — не более чем проходной двор для террористов, задрипанная держава. Нет, они прекрасно выбрали цель.

Матиас раздвинул занавески и увидел, что в парке суетятся люди с фонариками, — им поручили проверить транспорт. На небе, в разрывах между тучами, блеснули звезды. Синоптики пообещали на завтра шквалистый ветер, дождь и грозы: такая погода как нельзя лучше соответствовала хаосу и террору.

Сразу после обеда Матиас съездил в Куломье на грузовичке, доставлявшем на ферму продукты. Отколовшись от остальных, он нашел кабину и по одному из спецномеров позвонил своим кураторам, попал на Кэти и рассказал ей о плане боевиков.

— Что я должен делать?

— Сейчас — ничего. Вечером, получишь указания. Тем или другим способом. Запомни пароль: *Минни*. М-И-Н-Н-И. И помни, даже если инструкции покажутся тебе совершенно абсурдными, выполняй абсолютно все, слово в слово.

Ответа от кураторов все не было, и Матиас не знал, делать ему ноги из лагеря террористов или идти с ними на дело, которое подозрительно смахивало на самоубийство.

— Ты вроде очень любишь своих, — сказал Матиас, оборачиваясь. — А тебя не волнует, что завтра наверняка погибнут и женщины и дети?

Хаким пожал плечами.

— Не твоя это забота, Малик. И, потом, то, что должно произойти, уже записано в Книге Судеб. Спокойной ночи. До завтра.

Он вышел, бесшумно прикрыв за собой дверь. Матиас вернулся к окну: лучи света от фонариков метались по хвое деревьев, ребристым стенкам гаражей-ракушек,

стеклам машин, стенам зданий и темной воде луж в аллеях,

— Сними покрывало, — приказал он девушке.

Хасида подчинилась: темные локоны водопадом упали на плечи и грудь. Она подняла на него огромные черные глаза, опущенные длинными ресницами. Ее щеки и губы были по-детски пухлыми, да она и сама напоминала скорее девочку-подростка.

— Так как тебя зовут, я не запомнил?

— Хасида. — Внезапно, понизив голос до шепота, она добавила: — Но некоторые зовут меня Минни. М-И-Н-И.

Матиас вздрогнул и, забыв о парке, обратил все свое внимание на связную.

— Ты... работаешь на них, я имею в виду — на Блэза и Кэти?

Она кивнула подбородком на дверь.

— Говори тише. В этой комнате нет микрофонов, но у стен есть уши. Я знаю только, что ты — Матиас. И что я должна передать тебе инструкции.

Он передернулся, словно пытаясь восстановить равновесие ускользающей реальности, подошел к ней.

— Черт, да сколько же тебе лет?

— Девятнадцать. Я знаю, что выгляжу намного моложе.

— И ты... обслуживаешь всех этих мужиков?

Она ответила не сразу.

— У меня нет выбора, я выполняю задание. Если справлюсь, жизнь здесь останется просто дурным воспоминанием. Все эти парни только побаззать мастера — кончают минуты через две, а через тридцать секунд уже храпят.

— Чем они тебя держат? Блэз и Кэти?

— Я не знаю ни Блэза, ни Кэти. Думаю, у нас с тобой одинаковая история: исполнять приказы или сгнить в тюрьме. Я дала снотворное отцу и двум моим братьям, а когда они заснули, перерезала всем троим горло, отрезала яйца — как же они ими гордились! — и выброси-

ла в окно. Хорошо легавые вмешались — не дали соседям забить меня до смерти. Потом они предложили мне выбор: сесть или стать шлюхой и работать на них. Во всех смыслах этого слова.

— Значит, ты вроде Никиты?

— Нуда, только мне не разрешают баловаться с оружием. Я «работаю» телом.

Матиас знаком предложил Хасиде присесть на диванчик, пристроился рядом, вдохнул ее аромат — легкая, светлая нотка в тяжелом запахе, исходящем от стен и пола.

— За что ты перерезала горло отцу и братьям?

— Они были отпетыми мерзавцами, так били мою мать, что она умерла, а они выдали это за несчастный случай. Превратили меня в домашнюю прислугу. Сделали своей подстилкой: братья по очереди насиловали меня. Потом стало еще хуже — они продали меня старику кузену, мерзкому типу, но очень богатому, я должна была переселиться к нему, как только мне исполнится пятнадцать.

Яростный огонь, полыхавший в черных глазах Хасиды, лучше всяких слов говорил о неутоленной ненависти.

— Сколько ты уже работаешь на легавых?

— Скоро будет четыре года.

— Как тебе удалось попасть ко мне сегодня ночью? Ты знала, что Хаким хочет сделать мне «подарок»?

— У живущих здесь женщин свой уговор с Измаилом. Мы не создаем ему проблем, если он за день предупреждает, кому с кем предстоит трахаться. Мы сами устанавливаем очередность. Я узнала, что угандиец заплатил за женщину для тебя, и вызвалась сама. Если бы не вышло так, придумала бы что-нибудь другое.

— Сколько ты живешь здесь?

— С самого начала. Восемь месяцев. Я была любовницей одного талиба — он отвечал за организацию французской ячейки «Джихада». Настоящий маньяк, законченный псих.

— Ты спала с Хакимом?

— Два раза. Он — самый добрый из всех. Наш общий любимец. Остальные — грязные животные, в том числе те — черные из Америки.

— А где ты родилась?

— В Ливии. Но мне было всего три месяца, когда родители переехали во Францию.

Матиас несколько секунд смотрел на огромного паука, бежавшего вдоль трещины на потолке.

— Так что там за инструкции?

Хасида заерзала на диване, ей было явно не по себе.

— Они не вмешаются, — ответила она низким голосом.

Паук исчез в щели, и Матиас перевел взгляд на собеседницу.

— То есть бойня состоится, — добавила она. — И ты должен вести себя как член их команды. Как один из этих чокнутых. И еще они не хотят, чтобы ты рисковал и вызвал хоть малейшее подозрение у боссов «Джихада». Не сейчас.

— Они не слишком продвинуты в расследовании, если мне всадят пулю в башку, — спокойно заметил Матиас. — Еще хуже будет, если меня прижмут: я могу заговорить, начнется возня.

Хасида подняла на него глаза — взгляд был тяжелым, с проблеском иронии.

— Проглотишь пулю, не успеешь и пасть разинуть! Ты — всего лишь один из вариантов. Сдохнешь — они просто заменят тебя другим.

— И сколько нужно убить народу, чтобы они отреагировали?

Она устало пожала плечами.

— Раз допускают все это смертоубийство, значит, готовится что-то еще — нечто гораздо более важное! А в этом случае человеческие жизни ничего в их глазах не стоят! Даже больше — если в общей свалке погибнут дети, они и это используют — заставят толстосумов плакать у телевизоров.

— Значит, я отправляюсь завтра с боевиками и стреляю от живота во все, что движется?

Хасида вздохнула, и пряди волос, упавшие на лицо, слегка колыхнулись.

— Мне сказали, ты это обожаешь — убивать.

Матиас бросил на нее косой взгляд и внезапно подумал, что она по-настоящему привлекательна.

Он не стал противиться желанию.

— Бросать гранаты в толпу... Я не это называю убийством.

— А в чем разница?

— В удовольствии, которое получаешь, бродя в ночи — в одиночестве, в ожидании, в ощущении, что какая-то нить связывает тебя с твоей дичью.

— Я испытала оргазм, когда лезвие бритвы перерезало горло отцу и кровь брызнула мне в лицо. Я и правда кончила, даже трусики намочила. Ни один мужчина такого со мной не добивался. Отец, прежде чем сдохнуть, открыл глаза, он меня видел и, думаю, понял, что собственная дочь зарезала его, как барана. Он пытался что-то сказать — может, позвать на помощь. Знаешь, звук получился такой забавный, как будто шарик сдулся. А потом он весь затрясся, как старичок с болезнью Паркинсона. Я испугалась, что скрип кровати разбудит братьев, хотя подмешала им в кофе лошадиные дозы снотворного. Их я убила и ничего не почувствовала, будто мясные туши разделывала. Это уж потом мне пришлось в голову отрезать им яйца. Отправить их в ад без главного предмета мужской гордости. Странно, я никогда никому этого не рассказывала — ни полицейским, ни адвокату, ни судье. Никому.

— А мне почему рассказала — мы же друг друга совсем не знаем?

Хасида откинула назад голову, заложила за уши непослушные пряди волос. Матиас машинально отметил для себя, как оттягивают мочки тяжелые серебряные серьги.

— Не знаю, я тебе почему-то доверяю, мне кажется, ты не из тех, кто судит других.

— Возможно, но после таких признаний я, пожалуй, побоюсь спать с тобой.

Хасида издала гортанный смешок — и Матиас снова почувствовал желание.

— Сначала нужно, чтобы я захотела!

— Эй, Хаким заплатил — не забыла!

— Между нами все иначе, мы — коллеги! У меня нет причин спать с тобой.

— Даже если сама захочешь?

Она замерла, словно получила удар кулаком в лицо, ее взгляд был напряженно-вопрошающим.

— А кто сказал, что я тебя хочу?

Матиасу пришлось собрать всю свою выдержку, чтобы не отвести взгляд.

— Потому что я — хочу! — ответил он с пересохшим горлом.

— Я думала, ты не любишь женщин? Да и мужчин тоже. И что встает у тебя только от убийства.

Желание подсказало единственно верный ответ:

— Может, я просто еще не встретил *свою* женщину.

Она закусил губу, неожиданно резко поднялась и в три прыжка оказалась у окна.

— Я — не та женщина, Матиас, — прошептала она. — Мое тело мне не принадлежит. Все грязные негодяи в этом доме попользовались мною.

Он подошел к ней, отдернул шторы и несколько секунд смотрел, как луч фонарика обшаривает землю под грузовичком, стоявшим на кедровой аллее.

— Я — не такой, как они, Хасида. Не думай, что я соглашусь с любым твоим решением.

Матиас лег на диван и закрыл глаза. Потом ему показалось, что он слышит шорох платья и скрип половиц под ее шагами. Наверное, она шла вдоль противоположной стены к двери.

Он не испытал ни малейшего разочарования, когда Джоанна — та капризная малолетка — ушла из его жизни, опасаясь одного — что она расскажет кому-нибудь о его ночных приключениях. А ведь они провели вместе

несколько недель и между ними даже возникла чувственная близость — пусть и в отсутствие страсти. Но сейчас, слыша, как поворачивается ручка, приоткрывается дверь и ее шаги удаляются по коридору, он впал в ту холодную горестную неподвижность, которая настигла его после смерти матери. Матиас снова погружался в болезненное равнодушие, отвратившее его от света и толкнувшее в объятия ночи.

Завтра он будет убивать с холодным сердцем, как всегда делают жители теневой стороны.

Марку не удалось избежать тяжелой повинности участия в ужине-«реванше», который устраивала Шарлотта.

Она никогда не принимала гостей у себя — квартира слишком маленькая и недостаточно престижная! Пользуясь своим положением пресс-атташе, Шарлотта заказывала столик в одном из «многозвездных» ресторанов, где поглощение пищи приравнивается к религиозному обряду, а «принятие на грудь» граничит с экстатической практикой. Она свирепо торговалась, обещая управляющему взамен на скидки хвалебную статью в своем журнале, «выходящем, дорогой мсье, тиражом более двухсот тысяч экземпляров в неделю!». Поскольку Шарлотта слово, как правило, держала, рестораторы оставляли за ней лучшие столики по более чем умеренным ценам, а иногда и вовсе бесплатно, благодаря чему она удовлетворяла свою любовь к роскоши и склонность к эпатажу, не опустошая их с Марком банковские счета.

. В «Галльском прашуре», заведении неподалеку от Бастилии, царила почти церковная тишина, едва

нарушаемая перешептываниями и шорохами. Искусное освещение зала наводило на мысль о янтарном пламени свечей в канделябрах, одетые во все белое официанты расхаживали между столиками с торжественностью мальчиков из хора: то же участливое внимание на лицах, та же преувеличенная торжественность жестов, та же гордость за службу в столь священном месте. Клиенты в ответ демонстрировали торжественную собранность и серьезнейшее отношение к блюдам и винам, подаваемым на манер святой евхаристии*.

Марк терпеть не мог этот зал с его чинной атмосферой и строгим убранством.

Ненавидел он и компанию гостей Шарлотты: того самого-знаменитого-архитектора-по-интерьерам, его жену Мод, подругу Жакотт — ну очень близкую подруугу! — и другую пару, чьи имена он немедленно забыл, запомнив лишь, что она — анорексичка, живой скелет, ходячая реклама рентгеновских снимков — несколько месяцев назад написала имевший успех исторический роман, а он — жирдяй со вкрадчивыми манерами, явно моложе жены — занимался выпуском аудио- и видеопродукции.

Конрад — смуглый загадочный красавец (мерзавец ухитрился сохранить все волосы на голове!) — сообщил Марку, как сильно он восхищается работой журналистов «EDI/»:

— Вам единственным в мире печатных СМИ удалось сберечь душу — и это несмотря на жуткое давление рекламщиков!

Шарлотта, не боясь греха, шумно поддержала его. Архитектор, конечно, читает и другие газеты, но полностью он доверял только журналистам «EDV», ибо они, и только они, воистину независимые «последние рыцари свободомыслия» (судя по всему, Конрад очень гордился этой формулировкой!).

* Таинство причащения.

— Впрочем, в архитектуре дела обстоят точно так же, — продолжал он. — Мало кто из нас не испытывает на себе давления крупных консорциумов, даже самые мощные и уважаемые фирмы. Творческую мысль очень легко держать в узде — достаточно урезать инвестиции и ассигнования. Теперь, затеявая какой-то проект, приходится мыслить в международном масштабе: Япония, Корея, Тайвань, Китай, Штаты, Австралия... Все приводится к общему знаменателю, из-за — уж простите за резкость! — этого сраного унифицирования невольно скатываешься на банальности, вкус становится вульгарным, почти плебейским! Добавляешь чуточку местного колорита для поддержания иллюзии, но повсюду в мире торжествует эстетика нео... а вернее — ретросталинизма. А в кино разве не то же самое? Можно, по-вашему, сохранить свободу творчества в условиях почти тотальной копродукции?

Последний вопрос адресован толстяку-продюсеру, он взглядом умоляет о помощи свою тощую жену, но в конце концов решается и вступает в разговор:

— Ну, приходится признать, что, когда сценарий попадает в руки этим гре... я имею в виду заокеанских производителей, его уж так «подтягивают» и «утягивают»... куда там Кэт...

Убийственным взглядом писательница приказывает ему остановиться.

— Я могу утверждать, что в литературе идут те же процессы, — мгновенно подхватывает она, желая сгладить жалкое впечатление от выступления тупого ничтожества, которое она только что имела несчастье представить как собственного мужа. — Издатели жаждут успеха любой ценой, вот и стригут всех под одну гребенку, для нового, оригинального практически не остается места.

Марк вспоминает название и сюжет романа ораторствующей дамочки — *«Жанна, или Тайные пороки добродетели»* — и спрашивает себя, в каком именно месте она закопала пресловутую оригинальность своей

нетленки. Жанна д'Арк в ее книге — литературный клон Жюстины де Сад: девственница вербует офицеров в освободительную армию, используя в качестве «аргументов» собственную задницу, рот и руки. *Это* она считает творческой новизной? А может, провокацией? Если не принимать во внимание оскорбленные вопли нескольких крайне правых критиков — эти жадные стервятники давно узурпировали «светлый образ» Орлеанской девственницы, — книжонку вяло похвалили только «рабы» крупных издательств.

Провякал что-то и обозреватель «EDV», пресмыкающийся перед издателями в надежде всучить им свое великое незаконченное (а скорее всего — и неначатое!) произведение.

— Везде одно и то же, — вступила в разговор Шарлотта.

От хорошего вина — боже, с какой серьезностью она его пробовала! — у нее горят глаза и щеки. Она просто мурлычет от удовольствия, бедняжка Шарлотта, она на вершине блаженства. Ну еще бы — на ее ужине ведутся высокоинтеллектуальные беседы, а общество какое блестящее — сверкает почище елки, которую она поставила у себя в квартире («Для тебя, мой зайчик, — сюсюкает она, — я-то ведь не праздную Рождество!»). Она не спускает глаз с лиц своих гостей — довольны или нет? Она надела короткое платье с глубоким вырезом — сиськи у нее небольшие, но крепкие, а главное — натуральные, не то что у Мод. У той силиконовое «богатство» просто вываливается из блузки — что поделаешь, пластическая хирургия у нас тоже калиброванная, «сталинистская», по меткому выражению архитектора.

Время от времени Шарлотта намеревается углубить дыру в бюджете, пополнив кассу клиники пластической хирургии. Во-первых, переделать нос — у нее это просто мания, потом — почему бы нет? — отсосать жир и убрать целлюлит, сделать подтяжки, ликвидировать противные складки... Особой нужды, конечно, нет, но каждая уважающая себя женщина просто обязана следить

за собой и исправлять промахи матери-природы — такова позиция ее собственного журнала. Шарлотта проконсультировалась у одного из крупнейших хирургов-пластиков (его имя — уже гарантия успеха!), и он за десять тысяч евро разместил фотографию, адрес и телефон своей клиники на страничке ее журнала.

— Было бы хорошо, если бы «EDI/» посвятила подборку материалов проблеме эстетической глобализации, — подает голос Конрад. — В конечном итоге это затрагивает все области нашей жизни.

«Интересно, — думает Марк, — эти его седые кудри — натуральные или нет?» Один облысевший коллега по «EDV» недавно клялся и божился в разговоре, что многие актеры и звезды шоу-бизнеса делали пересадку волос, «о некоторых ты бы и не подумал никогда, это точно...». Каждый утешается как может.

— Подборку такую же полную, как ваш материал о феномене Ваи-Каи, — не унимается архитектор. — Нужно время от времени открывать людям глаза на правду.

Внимание сотрапезников целиком переключается на Марка, словно будущее архитектуры, кино и литературы в целом зависит теперь от него одного. Услышав имя Ваи-Каи, он немедленно переносится мыслями на ферму в Лозере. Вспоминает горящий камин, в котором потрескивают дрова, и застывший, светлый, словно ледяной, силуэт женщины с черными глазами, в которых плещется мировая скорбь. По проходу между столиками движется бледной тенью официант, в спину ему внимательно смотрит метрдотель.

Марк закуривает, не обращая внимания на явное неодобрение на лицах силиконовой супруги архитектора и анорексичной писательницы. Шарлотта не следует его примеру, хотя от желания затянуться у нее даже ладони чешутся. Марк так и слышит, как она распинается на старой лестнице, ведущей к его квартире (сегодня вечером она будет ночевать здесь, на Иль-Сен-Луи, это намного ближе от Бастилии, чем ее дом в XV округе, она все

предусмотрела, поручила заботу о Лабрадоре Гюгюссе подруге — «ее дочка обожает собак!»). «Только невежи в двухзвездном ресторане курят за едой! Тебе разве никто не говорил, что табак портит вкус вина и еды?» Конечно портит — особенно за завтраком на собственной кухне, что Шарлотта и исполняет — со вкусом и редким постоянством.

— Наша подборка о Ваи-Каи — продажное дерьмовое вранье.

Спокойствие, с которым Марк произнес эти слова, повергло компанию в прострацию. Над столом мгновенно повис арктический холод, заморозив лица, сковав движения его соседей. Лицо Конрада-кудрявого вытянулось, челюсть клацнула и отвалилась, едва не задев скатерть. Мод перестала наконец качать головой в знак согласия, от чего ее массивные серьги все время позвякивали. («До чего же она похожа на Будду с этими оттянутыми мочками!» — подумал Марк.) Писательница откинулась на спинку стула, словно пытаясь закопаться поглубже в нору. А Шарлотта — простая душа! — явно мечтала, чтобы землетрясение или еще какое-нибудь стихийное бедствие спасло ее от надвигающегося кораблекрушения. И только продюсер, казалось, неожиданно проявил интерес к ужину, который до этого мысленно сравнивал с провальным кастингом.

— В этих материалах не больше правды, чем в ваших бреднях о Жанне д'Арк, — продолжил Марк, глядя в упор на писательницу.

Она сидит неподвижно, только моргает презрительно накладными ресницами, как будто хочет отогнать назойливое насекомое. Глаза ее мужа, прикрывшего лицо ладонями, искрятся от удовольствия.

— И то и другое — не более чем миф: девственница, превращающаяся в шлюху, козел отпущения — человек, которого приносят в жертву во имя коллективных интересов. А я — «последний рыцарь свободомыслия», как вы меня называли, — участвовал в охоте, чтобы не потерять работу. Чтобы сохранить тридцать тысяч месячной

зарплаты и социальные блага. Чтобы сохранить ее (он кивнул на смертельно побледневшую Шарлотту) и по-прежнему иметь возможность забывать о двадцати пяти годах разницы в возрасте. Наконец, чтобы удержать при себе другую химеру — уверенность в собственном могуществе и вечной молодости.

— Да неужели? Никогда бы не подумала, что между вами такая разница! — мяукает Мод.

Конрад и Шарлотта синхронно расстреливают Марка взглядами, сообщая ему, как глупо он выступает. Метрдотель, профессиональным глазом ухвативший повисшее над столом напряжение, решает прощупать почву и спрашивает угодливо-раболепным тоном:

— Все в порядке, дамы-господа?

Шарлотта натянуто улыбается в ответ и жестом отсылает его. Дождавшись, пока метр отойдет подальше, Марк продолжает:

— Итак, поговорим совершенно свободно, раз уж вы так высоко ставите свободу мысли. Профессиональное и общественное доверие, которым пользуется «EDV», покоится на заслугах далекого прошлого. Сегодня мы превратились в машину для уничтожения репутаций, стали, если угодно, предприятием, торгующим сплетнями, эксплуатирующим имидж благопристойной буржуазности, чтобы сохранить внешние приличия и убедить читателей в нашей правдивости.

— Если «EDV» действительно манипулирует читателями — во что я с трудом могу поверить! — значит, доверять нельзя никому, — шепчет Конрад.

Марк тушит сигарету в пепельнице, а Шарлотта, чьи нервы на пределе, закуривает, руки у нее трясутся, она сыплет пепел в вырез платья.

— Все мы за этим столом живем под экономической капельницей. Мы зависим от неких структур, которые зависят от других структур, а те, в свою очередь... и так далее, и тому подобное — до бесконечности. О каком доверии к отдельным личностям или группам людей

может идти речь, если все они — заложники *структур*? Как можно доверять тем, кто хочет одного — сохранить собственные привилегии?

— Можно зарабатывать деньги и не продаваться...

— Безусловно, но нужно быть готовым в любой момент отказаться от всего. От личного комфорта, привычек, сложившейся жизни. Кто из нас готов все бросить, ради того чтобы жить в мире со своей совестью?

— Только не я! — восклицает продюсер, и на губах — вернее, на их отсутствии — писательницы возникает презрительная, с оттенком отвращения, улыбка.

— К чему впадать в крайности? — протестует Конрад, машинально размахивая блестящим ножом. — Можно ведь договариваться с этими самыми структурами и не компрометируя себя.

— Именно так рассуждают люди, работающие на военных заводах. Или те, кто запирали евреев в товарные вагоны во время Второй мировой войны. Теория простых звеньев цепочки, которым никогда не хватает смелости или хотя бы простого любопытства, чтобы проверить, к какой именно цепочке они пристегнуты.

Марку показалось, что он внезапно оказался один в ледяной пустыне. Мир — его мир — превратился в гигантскую машину по производству этих самых звеньев. Отдельные жизни сосуществовали, никогда не сталкиваясь, не понимая друг друга. Чем больше микроскопически малых частиц открывала наука, тем сильнее суживался горизонт существования отдельных людей, как если бы время все ускоряло и ускоряло дробление и расчленение, загоняя род человеческий в тупик. Куда вела цепь, связывающая его с «EDI/»? Может, он всегo-навсего цепной пес, чьи хозяева там, наверху, в *сферах*, как выразилась учительница Иисуса Мэнгро, тянут его время от времени за поводок?

Одно он знал наверняка: цепь, связывающая его с Шарлоттой, порвалась окончательно. Во взглядах, которые она то и дело украдкой бросала на него, ясно читалось слово «разрыв».

— Вы не просто циник, вы — законченный негодяй, — бросил, побелев от гнева, Конрад. — Как можно сравнивать с нацистами людей, которые просто стараются выжить...

— Люди, выдававшие евреев и конвоировавшие их к вагонам, не обязательно были нацистами, они тоже выживали — как могли. Просто звенья цепи. Вы размахиваете словом «нацист» как жупелом, потому что отказываетесь считать себя звеном и не желаете знать, куда ведет ваша цепь.

Конрад вскочил и перегнулся через стол, чтобы дать пощечину Марку, но тот успел грудью оттолкнуть его руку. А вот продюсер отклониться не сумел, и вода из графина пролилась ему на живот и ляжки.

— Часть моей семьи погибла в лагерях! — хрипло прорычал Конрад, садясь на место.

— И моей тоже, — замогильным голосом сообщила писательница.

Шарлотта не стала уточнять, что она рассказала Марку о гибели в Освенциме деда и двоюродной бабки.

— Я не ставлю под сомнение страдания жертв Катастрофы — я говорю лишь о механизмах, породивших все эти чудовищные вещи. О тех процессах, которые превращают каждого из нас в потенциального участника преступлений против человечности. История никогда и никого ничему не научит, если мы не осознаем, что она творится каждым из нас, отпечатывается в нас, как заезженная пластинка. Мы ежедневно участвуем в гнусностях, творим несправедливые дела, поддаваясь слабостям, которые сиюминутно кажутся совсем незначительными...

Официант торопливо принес салфетки, и продюсер, страшно ругаясь, кое-как вытерся. Прежде чем продолжить, Марк снова закурил.

— ...А между тем наши маленькие слабости подобны ручейкам, стекающим в реку: рано или поздно, когда чаша переполняется, человечество настигает кара — нацизм или какая-нибудь еще чудовищная мерзость.

Возьмите меня — я всего лишь написал лживую, от первого до последнего слова, статью о приемной матери и сводной сестре Ваи-Каи. Крошечная несправедливость, маленькая слабость, страх разорвать цепь-кормилицу. Вы скажете, что я просто отдал двух бедных женщин на растерзание моим читателям-насмешникам, но ведь их смех превратится в улюлюканье и проклятья, когда река...

* -к -к

— Черт бы тебя побрал, сволочь, ты все-таки испортил этот ужин, а ведь я говорила, как он для меня важен!

Шарлотта накинулась на Марка, не успев выйти из ресторана. Остальные испарились, даже не подумав заказать десерт. Все внезапно заторопилось домой: *ты ведь понимаешь, Шарлотта, нужно забрать детей, закончить кое-какие дела, но мы обязательно созвонимся и вернемся к разговору об этой статье...* Никто, кроме продюсера, не попрощался с Марком, а тот, проходя мимо, шепнул ему на ухо:

— Я не все понял, но в одном вы правы: книга моей жены — полный бред, бабские штучки. Мне пришлось дочитать до конца, и я ни разу не возбудился!

Они ждали такси, стоя на углу бульвара, где в этот час все еще было оживленно.

— Ты что, не мог помолчать насчет статьи про этого, как его там... Ва...? Всем плевать на твои душевные терзания, бедный мой старичок! И какого хрена ты приплел к разговору нацистов, а? Не слишком тактично получилось...

От ярости Шарлотта почти визжала, она и не думала понизить голос, хотя вокруг было полно прохожих. Дождь перестал, на небе, в разрывах между облаками, блестели звезды.

Теплый ветер уносил прочь рычание моторов, распространяя в воздухе запах бензина и разложения.

Из общего потока машин выехало такси и притормозило у бордюра в нескольких метрах от них. Шарлотта побежала к машине, размахивая руками, чтобы привлечь внимание водителя.

— Возьми другое такси, я поеду к себе, и не звони мне больше — никогда, не пытайся увидаться, все кончено! Ты не должен был так со мной поступать, слышишь, не должен! Все кончено и... кстати...

Шарлотта приоткрыла дверцу и обернулась к Марку: она стояла слегка откинув голову назад, выгнув спину и приоткрыв рот, в глазах читался вызов.

— ...я уже три месяца трахаюсь с Конрадом.

Марка это признание оставило совершенно равнодушным. Да пусть спит хоть со всеми мужиками на свете, если ей это нравится! Но он не смог удержаться от прощальной шпильки.

— По-моему, ему нравятся большие сиськи. Его жена только что не лопаётся от силикона. Придется тебе, моя красавица, лечь на операционный стол.

— Какой же ты мерзавец!

— А твой Конрад — первостатейный лицемер!

Не дожидаясь ответной реакции Шарлотты, с этой минуты — «бывшей № 2», Марк развернулся и легко зашагал прочь, чувствуя в душе пьянящую радость: он освободился от одной из многочисленных цепей.

Люси погасила фары, выключила мотор и взглянула на видневшийся из-за стены дом: покатая кровля, деревья, серый фасад с темными провалами окон.

Десятью минутами раньше она зашла в единственную в Сен-Совёр-сюр-Эр лавочку, чтобы узнать дорогу до Ранконьер. Хозяин, мужик лет сорока с лицом растлителя, объяснял ей дорогу, двусмысленно подмигивая и ухмыляясь. Вторжение жены — пятидесятилетней тетки с фигурой медведицы и бульдожьей мордой — положило конец этой пародии на флирт. Люси миновала деревню — улицы были украшены дешевыми новогодними гирляндами, проехала три километра по пустынному шоссе местного значения и наконец увидела указатель на Ранконьер — вдалеке она насчитала с десяток современных домов.

Не зная, что делать дальше, Люси закурила. Она взяла напрокат машину и поехала в Шартр, найдя на карте городок Бартелеми. Люси не раздумывала — она была слишком встревожена долгим молчанием человека, с которым целый месяц общалась по шесть-семь раз на день.

Она нашла его адрес через сайт в Интернете: его деятельность была полулегальной с тех пор, как Комиссия по информатике и свободе объявила электронные адресные книги вторжением в частную жизнь граждан. Уже через двадцать секунд поисковая система выдала ей координаты Бартелеми Форжа: Ранконьер, 28220, Сен-Совёр-сюр-Эр. Заплатив еще десять евро, Люси могла бы получить номер его телефона, но не стала этого делать. Она не собиралась предупреждать Бартелеми о своем визите — может, из идиотского страха получить отказ или потому, что боялась разочароваться, услышав наконец, как звучит его голос. Двадцать евро за двадцать секунд — да уж, запрещенный поисковый сайт явно зарабатывал больше, чем тридцать сайтов *sex-aaa-strip//cyberlive*, вместе взятых. Электронная паутина, которую было практически невозможно контролировать законными методами, становилась новым островом сокровищ, на котором самые смелые корсары могли в несколько недель сделать огромные состояния.

Люси снова закурила. Теперь, добравшись до места, она спрашивала себя: «Не сошла ли ты с ума, девочка, забравшись в эту глухую деревушку в окрестностях Шартра?» Вокруг было тихо и темно, дом выглядел как-то странно, и Люси никак не могла решиться выйти из машины. Она пощупала гранату со слезоточивым газом в кармане плаща. Прикосновение к холодной гладкой стали не успокоило ее. Ветер что-то тихо нашептывал деревьям, гнал по небу тяжелые серые тучи. Через несколько минут последние звезды скрылись из виду. Метрах в пятидесяти дальше по дороге стояло несколько домиков. На фасадах начали загораться желтые прямоугольники окон.

Люси решила дать задний ход — вернуться в Париж, укрыться в своей квартире, как в коконе (несмотря на зловещие тени Джереми и его дружков, собственный дом казался ей самым безопасным местом на свете), и положить конец приключению, которое не следовало выпускать из виртуальной реальности. Разъехавшиеся

по стране члены ее семьи собирались встречать Рождество у ее брата в Ла Рошели, но она еще не решила, поедет ли: не хотелось притворяться, изображать родственные чувства.

В тот момент, когда Люси уже собиралась повернуть ключ в замке зажигания, на капот упали первые тяжелые капли дождя. Ветровое стекло запотело. Воздух наполнился шумом, напоминающим звон гонга. Нет, слишком глупо — проделать весь этот путь и уехать ни с чем! Нельзя отступать! Чем она рискует? Встретить неласковый прием? После «знакомства» с мерзавцем Джо ей бояться нечего! Раны и ссадины, конечно, зажили, синяки прошли, но каждый раз, когда Люси присаживалась на унитаз, боль возвращалась. Страшиться призраков! Люси в них не верила, хоть и признавала, что сверхъестественное существует. Бежать от разочарования? Люси знала, что рискует испытать самое жестокое разочарование в своей жизни, но она слишком долго обреталась в виртуальном пространстве и теперь чувствовала инстинктивное желание променять электронное общение на физический контакт с чьей-нибудь живой плотью. Кроме того, Люси хотела понять, почему Бартелеми перестал писать ей. Она унаследовала от матери — завзятой пессимистки — склонность вечно подозревать худшее: такой способ уберечься от возможных разочарований ничем не хуже и не лучше других. Люси никогда не воображала Бартелеми прекрасным принцем, надеясь только, что он не окажется ни отталкивающе уродливым, ни слишком молодым.

Люси накинула на голову капюшон и вышла из машины. Тяжелые теплые капли косо дождя падали на лицо, били по лодыжкам, Вот ведь идиотка — напялила в дорогу короткую юбку и туфли на высоких каблуках (Люси решила подчеркнуть красоту своих ног — очень стройных и немислимо длинных, если верить ее бывшим клиентам по *sex-aaa*)\ Вдалеке свет фар разорвал темноту, перед глазами мелькнула стена дождя и блестящая свинцово-серая лента дороги. На ближайшем перекрестке машина

свернула и начала удаляться, высвечивая один за другим черные стволы деревьев на обочине. Дождавшись, когда завывающий ветер поглотит урчание мотора, Люси перешла на другую сторону и приблизилась к решетке дома.

Люси взмокла, хотя под плащом на ней была только трикотажная маечка (и никакого лифчика — Бартеlemi должен был увидеть ее красивую грудь)!

Ветер раскачивал тяжелую кованую калитку. Люси смотрела на дом поверх металлических прутьев решетки: он выплывал в темноте из-за завесы дождя, как остов погибшего корабля. Построенный в начале XX века, он являл собой яркий образчик так называемого «хозяинского дома» — их возводили, чтобы потрафить тщеславию провинциальных буржуа. Жалкое подражание замку сеньора. Что за бредовая идея пришла в голову первому владельцу этого дома — выставить свое сокровище напоказ в пустоте? Обычно подобные, с позволения сказать, памятники строились в самом сердце городов, поблизости от церкви — «чтобы все видели и знали».

Люси поискала звонок на стене, не нашла, повернула ручку и нажала плечом. К ее превеликому удивлению, дверь скрипнула и поддалась. Прежде чем проскользнуть в парк, Люси оглянулась: ей вдруг показалось, что она как воровка проникает в спящий дом. Люси чувствовала себя такой же виноватой, как во время первого сеанса раздевания в офисе близнецов, словно она пересекала желтую линию, присоединилась к лагерю прбклятых.

Ее каблуки то и дело оскальзывались на гравии аллеи. Сухие ветки трещали прямо у нее над головой, словно кто-то шелкал кнутом. Люси мало что могла разглядеть в темноте, но по некоторым деталям догадывалась, что в парке сохранились лишь жалкие остатки былой роскоши. Дождь усилился, тяжелые капли падали в лужи, поднимая фонтанчики грязи.

Собираясь в дорогу, Люси предусмотрительно послушала прогноз погоды. Дикторша — одна из силико-

новых див с искусственным загаром, которые с утра до вечера вышагивают перед картами всех цветов и форматов, — пообещала три безоблачных дня на территории всей страны, трое суток передышки перед возвращением ненастья. «Три дня, — щебетала она невыносимо сладким голоском, — три дня вы сможете без помех наслаждаться (белозубая улыбка) летним теплом в разгар декабря, а ведь до Рождества осталась всего неделя...» Может, синоптичка и не отвечала за все предсказания, но она не должна была втюхивать свою ерунду поклонникам со снисходительным видом телевизионной пифии. Хорошо еще, что Люси, в силу природной недоверчивости, надела не джинсовую куртку, а плащ!

Она в два прыжка одолела пять или шесть ступенек лестницы и укрылась под козырьком входной двери. Вокруг стояла стена дождя. Люси стряхнула воду с плаща и не сразу решилась протянуть руку к пластиковой кнопке звонка — он болтался на конце провода, свисавшего вдоль дверного косяка. Несмотря на шум ливня, она четко услышала дребезжащий перезвон, прозвучавший в доме. Мысли путались, она отчаянно пыталась найти предлог и оправдание для своего ночного вторжения. Добрый десяток приемлемых сценариев, которые она сочинила, пока ехала из Парижа в Шартр, просто не желал всплывать на поверхность сознания. Ладно, в конце концов, она всегда может сослаться на поломку машины, но никто не гарантирует, что ее пригласят войти или что случится невероятное и дверь откроет сам Бартеlemi.

Люси решила положиться на удачу и еще раз нажала на кнопку. Сухая трель звонка разорвалась в тишине — такими беззвучными бывают только пустые, покинутые обитателями дома. Люси позвонила еще три раза, потом, совершенно уверенная, что никто ей не откроет, машинально повернула массивную латунную ручку.

Двустворчатая входная дверь, украшенная круглым матовым стеклом, не была заперта на ключ. Петли протестующе заскрипели, напугав Люси, и она тут же

пожалела, что, съезжая с шоссе, не зашла еще раз в туалет. Она просто не решилась в очередной раз пережить воспоминание о подонке Джо, и вот теперь три чашки кофе, наспех проглоченные в кафешке при бензоколонке, разрывали ей мочевой пузырь. Невероятным усилием воли Люси поборолла искушение убежать от этого странновато-страшненького дома: она вынула из кармана гранату со слезоточивым газом и проникла в холл. Глаза не сразу привыкли к темноте, зато она мгновенно почувствовала резкий запах, пробудивший в памяти давние воспоминания о чем-то удушающе-омерзительном. За спиной Люси с грохотом захлопнулась дверь, она подпрыгнула от неожиданности и обернулась, вытянув перед собой руку с гранатой. Она задыхалась, сердце билось в горле, указательный палец на кнопке свело судорогой.

Огромный холл выглядел совершенно разоренным. В глубине слева угадывалось начало лестницы. Люси ощупала ладонями стену в поисках выключателя и в конце концов наткнулась на фарфоровый рычажок старой модели.

Заросшие пылью лампочки-миньон, в форме огоньков пламени, вкрученные в люстру в стиле рококо, залили помещение желтоватым светом. Темнота рассеялась, открыв взгляду Люси выложенный стершейся от времени плиткой пол, облупившийся потолок и стены в трещинах, завешанные черно-белыми фотографиями в рамках. Обстановку составляли длинный низкий сундук в стиле «рюстик», два потертых кожаных кресла и вешалки с грудой курток и пальто на крючках. В углу, между стеной и лестницей, валялась обувь.

Как это ни странно, Люси не почувствовала себя в большей безопасности, когда зажегся свет. Страх усилился, стал почти болезненным, он отравленной стрелой пронзал ей внутренности, давил на мочевой пузырь. Обезумевший внутренний голос кричал: «Беги отсюда! Прыгай в машину! Лети, не оглядываясь, в Париж!» Но она не послушалась. Люси чувствовала, что прошла

точку «невозврата» и у нее осталось единственное решение — нырнуть на самое дно своего страха.

Она скинула плащ, не выпуская из ладони гранату. Ночь была влажно-теплой, но голые руки и ноги Люси пробирал озноб. Вонь камнем давила на грудь, вызвала позыв к рвоте, била по нервам.

— Здесь есть кто-нибудь?

Ватная тишина поглотила ее голос, прозвучавший тихо и жалобно.

Люси решила обойти комнаты первого этажа — гостиную, столовую и кабинет — и не нашла там ничего, кроме старомодной мебели и нескольких ничего не стоящих безделушек. В кухне и чулане сохранились следы недавней жизнедеятельности людей: объедки, крошки, грязная посуда в раковине. Вот уж раздолье мышам, так раздолье, судя по кучкам помета на клеенке и фаянсовых столешницах. В кухне тоже пованивало заброшенностью и протухшей едой, но этот запах был все-таки не так ужасен, как вонь, стоявшая в холле.

Внезапно Люси показалось, что она слышит над головой какой-то шум. Сердце снова запрыгало галопом, палец плотнее прижался к кнопке на гранате.

— Кто тут?

Ответом ей стала барабанная дробь ливня по стеклам. Люси вернулась в холл, решив обследовать все этажи дома. Душа Люси разрывалась надвое: больше всего на свете ей хотелось сбежать, но что-то заставляло продолжать. По натуре Люси была скорее робкой и никогда не любила деревню — здесь всегда было слишком тихо, поэтому любой шорох или скрип звучал оглушающе громко. Люси начала подниматься по лестнице, держа гранату в поднятой над головой руке. Она никогда бы не поверила, что способна на такое опасное предприятие — обследовать ночью в одиночку стоящий на отшибе пустой дом.

Преодолев первый пролет лестницы, Люси вышла на просторную площадку второго этажа, куда выходило несколько деревянных дверей. Она нащупала на стене

выключатель, повернула рычажок. Зажглась свисавшая с потолка голая лампочка без абажура. Черные, заляпанные половицы паркетного пола покрывал ветхий ковер.

Люси открыла первую дверь по левой стене, размахивая гранатой как пистолетом. Она осторожно прошла внутрь: розоватые обои, неубранная кровать, стол, заваленный бумагами и карандашами, этажерки с книгами и дисками.

Люси поморщилась: вонь здесь была почти невыносимой. Она принялась искать ванную или туалет, прошла мимо абсолютно пустой комнаты и тут заметила в левом углу на площадке приоткрытую дверь с фарфоровой табличкой: «Ванная комната». Люси не глядя нашла на косяке выключатель, зажгла свет и ввалилась внутрь.

Зрелище, открывшееся ее глазам, заставило Люси окаменеть на пороге. На унитазах сидела полуголая женщина со спущенными до щиколоток трусами. Люси пробормотала: «*Извините!*», собираясь выскочить в коридор, и только тут заметила, что голова женщины находится под каким-то странным углом к плечам, а под подбородком, на шее, разъехался в улыбке еще один, лишний, рот. Взгляд ее скользнул ниже — на пропитанный засохшей кровью халат, грудь и складки живота в бурых пятнах.

В этот момент из глубин подсознания всплыло наконец детское воспоминание — она опознала природу вони, пропитавшей весь дом. Так пахло на бойне. Ее учительница, воинствующая вегетарианка, решила, что дети должны знать, откуда берется мясо, которое они едят в школьном буфете, и отвезла свой второй класс на бойню в парижском предместье.

Против собственной воли Люси опустила взгляд на труп. Мертвая женщина сидела, привалившись плечом и головой к стенке и выставив напоказ перерезанное от уха до уха горло. Сколько времени она мертва? Если судить по восковой бледности кожи, уже много дней.

Почувствовав подступающую рвоту, Люси зажала пальцами нос, круто развернулась на каблуках, чтобы кинуться прочь, и тут заметила нечто, плававшее в ван-

не в густой бурой жидкости. Ей понадобилось добрых десять секунд, чтобы опознать в этом *нечто* голову, обрамленную длинными темными волосами. Голова принадлежала девочке-подростку лет двенадцати-тринадцати: широко открытые остекленевшие глаза невидяще смотрели на Люси, а из-под воды маленьким островком выступала голая коленка. Затылок девочки упирался в краны, а подбородок и нижняя губа скрывались под окрашенной ее собственной кровью водой. От ужаса и отвращения глаза Люси затуманились слезами. Она едва успела наклониться вперед, и ее вывернуло наизнанку. Потом она выползла на лестничную площадку и прислонилась к стене, чтобы не упасть: ее тело сотрясала дрожь, рот наполнял горький вкус желчи.

Люси понадобилось минут десять, чтобы унять дрожь. Первые капли мочи — горячие, едкие — пропитали хлопковые трусики. Перестав сдерживаться, она присела и начала писать прямо на ковер. Процедура затянулась, потому что Люси пыталась не забрызгаться, к тому же ей казалось, что кто-то наблюдает исподтишка — ну точно как в Сети. Но она не в кабине стриптизерши, не в той залитой светом стеклянной тюрьме, которая ограждала ее от безумных желаний интернет-маньяков, — рядом, в ванной, лежали *настоящие* трупы, покрытые *настоящей* запекшейся кровью, с *настоящими* ранами, через которые улетучились их *настоящие* жизни.

Люси услышала... — или ей показалось, что услышала? — шум шагов этажом выше. Придя в ужас, она снова выхватила гранату из кармана и уставилась на череду узких ступенек лестницы на третий этаж. Собрав последние силы и остатки мужества в кулак, Люси поднялась, одернула юбку, перекинула плащ через плечо и ринулась к центральной лестнице. Над ее головой снова слышались шаги по паркету. Кто-то догонял ее. В этот момент Люси зацепилась каблуком за ступеньку, потеряла равновесие, полетела вниз и осталась лежать почти без чувств на холодном каменном полу вестибюля. На

какое-то мгновение Люси задумалась, а что, собственно, она здесь делает, все казалось таким нереальным, даже... виртуальным. В памяти всплыло лицо Девы Марии во всей ее мраморной чистоте.

Звук шагов приближался. Люси уже слышала чье-то свистящее шумное дыхание. Граната со слезоточивым газом выпала у нее из рук и подкатилась к застекленной входной двери. Люси попыталась встать, но ей не хватило ни сил, ни храбрости. Голова кружилась, руки-ноги дергались, спину сводило судорогой, а правая лодыжка разрывалась от невыносимой боли.

Чья-то тень замаячила на завешенной гобеленом стене лестничного пролета.

— Люси?

t l n t m 5

Йенн не переставал удивляться скорости, с которой распространялась идея кочевого образа жизни.

Приверженцы учения Ваи-Каи не довольствовались концептуальным, духовным кочевничеством: они покидали дома, чтобы следовать за Учителем по городам и весям, а к себе пускали пожить тех, кто съезжался из других мест. Символ двойной змеи (двойная цепочка ДНК), выгравированный на дереве, меди или бронзе, отпечатанный на бумаге или попросту нацарапанный на дверях и стенах, служил паролем, приглашая разделить жизнь нового сообщества. Гостей просили об одном — платить за воду, газ, электричество и телефон, а перед отъездом все приводить в порядок. Долгие отлучки законных владельцев создавали определенные трудности с налоговыми органами и оплатой счетов, так что новые кочевники нередко ночевали в помещениях с отключенной водой и вырубленным электричеством. Проблемой становились и отношения с соседями: люди плохо привыкали к бесконечной череде новых лиц, не могли смириться с фактической отменой частной собственности,

ставящей под сомнение законность их собственных прав. И все-таки, несмотря на трения и юридические сложности, движение новых кочевников ширилось, дискуссионные форумы на сайтах Ваи-Каи посещало все больше людей. В эпоху мобильных и ноутбуков связь между кочевниками не прерывалась ни на минуту, «парк» общинных домов и квартир непрерывно увеличивался, число адресов на сайтах росло. Никто не взялся бы сказать, сколько именно мужчин и женщин оставили работу, продав пакеты акций и облигации, которыми владели, чтобы следовать за Ваи-Каи (объявления о времени и месте проведения его лекций вывешивались в Интернете), встраиваясь в невыносимую легкость бытия бродяг.

Каждый вечер толпа, явившаяся на встречу с Духовным Учителем, становилась все гуще и восторженнее. Религиозное рвение первых дней уступило место атмосфере праздника, бьющей через край радости, лихорадки освобождения. Наверное, так же чувствовали себя в Вудстоке хиппи — ровесники родителей Йенна. Он пробовал было произвести самые приблизительные подсчеты, но средства оказались негодными: он заслужил насмешки Ваи-Каи, заработал жуткую мигрень и ощутил полную беспомощность. Следовало смириться с тем, что он утратил контроль над происходящим, став всего лишь одной из нитей ткани бытия.

Духовный Учитель посоветовал Йенну распустить ассоциацию «Мудрость Десана», ставшую совершенно бесполезной, и отказаться от замка в Мегэнври. Так они избежали и судебного разбирательства с детьми бывшего владельца, и многочисленных забот, связанных с управлением поместьем. Не осталось ничего — ни одной структуры, кроме невидимой мифологической паутины индейцев десана. Возник совершенно новый распорядок жизни: теперь Йенн утром не знал ни где состоится вечером лекция Ваи-Каи, ни где они будут есть или спать. Каждый день становился прыжком в пустоту, демонстрацией веры в организующую силу полотна

жизни, вызовом постоянному стремлению человека все контролировать и всем владеть.

Мириам все правильно поняла с самого начала — многим людям, рано узнавшим, как жестока жизнь, порой бывает свойственна жестокая проницательность. Теперь, когда они больше не жили вместе и Мириам стала частью его прошлого, преждевременно закрытой скобкой, Йенн все время думал о ней. В чьих объятиях она нашла утешение? Неужели вернулась к прежнему образу жизни и снова жаждет добиться известности, которая сулит только обман, разочарование и мерзкое послевкусие во рту?

Ассоциация избежала разбирательства с наследниками замка, но им грозили другие судебные тяжбы. Элео подала на Ваи-Каи жалобу за изнасилование. Йенн так и не осмелился спросить Учителя о тех царапинах на предплечье. Время от времени, когда Йенн слишком уставал и мечтал об одиночестве и покое, сомнения возвращались и терзали ему душу. Он так и не нашел ответа на мучивший его вопрос: неужели Ваи-Каи — обычный человек, не способный совладать со своими желаниями? Кто творит чудесные исцеления — Духовный Учитель или всепобеждающая вера тех, кто стремится на встречу с ним? И является ли чудо доказательством чистоты чудотворца?

В Немуре полицейские заявили прямо посреди лекции и увезли Ваи-Каи на первый допрос, после чего ему порекомендовали оставаться в поле зрения правосудия. Противники Духовного Учителя постепенно собирали свою молотилку, и Йенн, даже не зная всех деталей, догадывался о ее страшном могуществе — оно было прямо пропорционально потрясению устоев общества, вызванному откровениями двойной змеи. Ежедневные газеты и журналы задыхались от ненависти к Ваи-Каи. Они писали об обвинениях, выдвинутых Элео, как о свершившемся факте, напрочь забыв о фундаментальном принципе презумпции невиновности. Национальное собрание поручило специальной парламентской комиссии

разобраться в феномене нового кочевничества и выяснить, как именно пресловутый Христос из Обрака и его ученики заставляют французов бросать работу и дом, забывая о долге перед семьей, обществом и собственной душой. Французская медицинская ассоциация, Движение рационалистов и Организация защиты семьи (эти вышли из католического интегризма!) объединились, чтобы выдвинуть против Духовного Учителя двойное обвинение — в мошенничестве и незаконной медицинской практике. Уже всю натаскивались свидетели — мужчины и женщины, поверившие в Ваи-Каи, отказавшиеся от всего, чтобы следовать за ним, и не получившие взамен ни исцеления, ни откровения. Они всё потеряли — деньги, иллюзии, время, иногда даже семью, — и официальные лица считали просто неприличным, что виновник их несчастий, признанный научным и медицинским сообществом опасным мошенником, продолжает без помех путешествовать по Европе. Журналисты, пытаясь переплюнуть друг друга, придумывали все более шокирующие эпитеты: Христос из Обрака превратился в зверя из Жеводана, в чудовище, которое необходимо убить, пока оно не заразило бешенством половину европейцев. Феномен приобретал международные масштабы с угрожающей быстротой: идея нового кочевничества, зародившаяся в 90-х годах в Англии, уже заразила Германию, страны Бенилюкса, Италию, Испанию, Северную Европу, Балканы, Грецию и даже Швейцарию — сейф Старого Света.

Йенн слишком хорошо знал изнанку власти, чтобы не понимать смысла всей этой кампании очернения, но ядовитая пена клеветы проедала его веру, как вирус иммунодефицита. Он ловил себя на том, что выискивает промахи и фальшь в словах и жестах Ваи-Каи, в его молчании и сдержанности. Когда Ваи-Каи возлагал руки на больную женщину или девушку, Йенн караулил, как стервятник, пытаясь подметить хоть малейший признак сладострастия, которое приписывали Учителю журналисты. Ночью, после лекций, он шнырял поблизости от комнаты

Ваи-Каи, проверяя, не принимает ли тот у себя молоденькую последовательницу, принесенную в жертву идиотами-родителями. Йенн никогда не видел ничего подозрительного, и ему оставалось одно — укорять себя за сомнения. Ему выпала честь быть рядом с удивительным существом, чью исключительность признает все больше и больше людей, а он, Йенн, хочет одного — убедиться, что в омерзительных слухах, распространяемых врагами Ваи-Каи, нет ни слова правды. Тщетно он каждый день обещал себе отбросить все подозрения — они возвращались, терзая ему душу, при первом же неприятном замечании Учителя (Ваи-Каи не отказывал себе в колкостях).

Духовный Учитель, с которым он ежедневно общался вот уже три года, оставался для него загадкой. Книга, которую они должны были передать издателю через два месяца, не продвинулась ни на строчку. Из их разговоров в машине следовало, что учение Ваи-Каи предлагает миру не одну правду, а несколько, множество встроенных друг в друга истин — меняющихся, парадоксальных и таких далеких от религиозных догм или законов науки, представляющихся застывшими и взаимоисключающими.

— Языческие верования, психологическая история личности и научный опыт — законные составляющие мирового знания, являющегося частью бесконечного банка данных, который шаманы Амазонии называют двойной змеей, а ученые — ДНК. Западная цивилизация отправилась на поиски этой базы данных внешним путем, потому что люди на Западе всегда жили с идеей бога вмешивающегося, догматичного, мужского, отеческого начала. А вот шаманы искали изнутри, через личный опыт и глубинное познание окружающей среды. Одни обвинили женщину из райского сада и отбросили прочь понятие Матери-Богини, чтобы лучше понять, что движет миром. Другие всегда смотрели на Землю как на свою кормилицу и, не пытаясь понять, наслаждались ее любовью, как дети, принимали ее благодеяния, разделяли

ее тайны и знание, которое в большинстве традиций символизирует двойная змея.

— В том числе в Библии, так ведь?

— За тем лишь исключением, что в Библии змей — искуситель, а потому естественное стремление к знанию порицается. Западное научное знание приручило ничтожную часть природной силы. Западные ученые познали практически весь цикл огня: от первых угольков до термоядерной реакции. А теперь они пытаются проникнуть в дом всех законов, в самое сердце змеи — в ДНК, но не станут вести себя со священным смирением шаманов. Они разграбят Дом, как завоеватели, как укротители, уподобятся европейцам, подчинившим себе африканский и американский континенты, или биотехнологическим компаниям, уничтожающим генотип народов юга. ДНК — главная ставка в игре XXI века, новое эльдорадо. Науке известно, что это та самая волшебная палочка, с помощью которой можно продлить жизнь, подарить вечную молодость, создать генетически совершенных людей, наконец, сравняться, а может, и превзойти Создателя, Бога Отца, сотворившего человека по образу и подобию своему.

— Не есть ли это вековая мечта человечества?

— Об этом мечтают те, кто считает смерть концом. Так понимают рай люди, отказывающиеся мыслить циклично. Это результат линейного, однонаправленного видения времени. Завершение всех догм. Человек, ведомый страхом, всегда прислушивается к доводам храмовых менял, тех, кто манипулирует природой. Одержимый поиск выгоды можно объяснить и оправдать только одним — страхом. Тот, для кого время — священный космический водоворот, не станет копить деньги и наживать добро. Христос говорил: «Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш небесный питает их»*.

* Евангелие от Матфея, 6:26.

— Отец Небесный — не Мать...

— Христос, говоря об Отце, не имел в виду именно мужскую сущность, но его современникам было проще всего обозначить так созидательную силу.

— Почему... почему обычные люди — такие, как я, — не могут войти в дом всех законов?

На несколько мгновений смех Ваи-Каи заглушил урчание мотора.

— Тебе просто не хватает смирения. Дверь очень узкая, а ты похож на лягушку из басни — весь раздулся от самомнения, желаний и чувств, вот и не можешь протиснуться.

На поверхность сознания Йенна всплыло воспоминание о поцарапанном Элео предплечье Духовного Учителя. Он молчал, глядя на дорогу и пытаясь избавиться от неудобных мыслей. Машинально бросив взгляд в зеркало, он увидел, что за ними тянется целый караван машин. С момента выезда не переставая шел мелкий холодный дождь.

Перед ними ехал микроавтобус учеников Ваи-Каи, организовавших этот тур лекций по северу Франции, Бельгии, Голландии и Люксембургу. Как случилось каждое утро, многие просились в машину Ваи-Каи, и Йенн, как всегда, всем отказал под тем предлогом, что они с Духовным Учителем используют эти несколько спокойных часов, чтобы обсудить книгу.

— Что я должен сделать, чтобы войти? — спросил наконец Йенн, почти не разжимая челюстей.

— А почему ты этого хочешь?

— Но ведь именно в этом состоит конечная цель?

— Цель — дитя линейного времени.

— Так зачем же все это? — нервно спросил Йенн, оторвав руку от руля и махнув в сторону едущей следом вереницы машин.

— Я не знаю никакого четкого ответа на твой вопрос. Это всего лишь игра, в которую втягивает нас настоящее.

— И... игра?

Йенн был не только изумлен, но и возмущен.

— Ты и правда думаешь, что те, кто верит в тебя, кто бросает все ради тебя, просто играют? Полагаешь, что судебные угрозы — тоже игра, шутка?

Один из учеников Ваи-Каи — адвокат — предупредил их, что любой его выезд за границу французской территории будет рассматриваться как попытка чинить препятствия правосудию. Учитель только отмахнулся.

— Большинство людей забыли не только правила игры, но и то, что участвуют в ней, поэтому они такие печальные, беспокойные и жадные. Таков ответ на твой вопрос.

— Какой именно вопрос?

Ваи-Каи промолчал. Он часто отключался посреди беседы, словно приглашая Йенна самостоятельно искать решения. Этот прием невероятно раздражал ученика, но всякий раз ответы действительно приходили сами собой — четкие и ясные.

— Может, нам все-таки стоит поработать над этой проклятой книгой, — буркнул Йенн. — Мы подписали договор с издателем — он начинает проявлять нетерпение. Хорошо было бы закончить работу.

• Ваи-Каи бросил на него изумленный взгляд, сменившийся обезоруживающе простодушной улыбкой.

— Как? Разве ты еще не понял, что мы *уже* пишем нашу книгу?

— Но мы ведь ничего не кладем на бумагу, не делаем ни заметок, ни записей! С Элео ты...

Йенн прикусил губу, сообразив, что рискует нарваться на разговор, к которому не готов.

— По сути дела, мы с Элео не работали над книгой, — пробормотал Ваи-Каи через несколько долгих секунд тягостного молчания.

Йенну показалось, что ему в кишки вонзилась острая стрела, он с трудом мог сосредоточиться на дороге.

Бампер минивэна, лента дороги, треугольник серого неба превратились в размытые отражения в ветро-

вом стекле. Его доверие ученика зиждилось исключительно на сотворенном им самим образе Ваи-Каи. Если этот образ будет поколеблен, запачкан, вера рухнет, как картонный домик. Если все отклонится от идеальной траектории, Йенн снова станет разочарованным, пресыщенным скептиком первых лет учебы в университете, циничным свидетелем эпохи коровьего бешенства! Возможно, он так и не задал вопроса, который готов был в любую минуту сорваться сего губ, потому что боялся. Ему было страшно не пережить ответа.

Страх. Снова и всегда только страх.

— Элео как личность была гораздо важнее книги, — продолжил Духовный Учитель. — Она сама по себе — книга, и страницы ее запачканы и разорваны. Элео нуждалась во внимании и любви.

Неужели эта потребность в любви закончилась попыткой изнасилования?

— Элео не станет свидетельствовать против меня, потому что она этого не вынесет — несмотря на то что пережила ужасное насилие.

Вызов, который Йенн прочел в глазах Ваи-Каи, потряс его.

Они молчали всю дорогу до съезда с дороги на Ватиньи в окрестностях Лилля. Йенн включил приемник, но, вместо того чтобы поставить один из любимых дисков Учителя (тот предпочитал музыку народов мира, особенно ирландские напевы), рассеянно слушал новости, которые сухим, почти неприятным голосом зачитывала дикторша.

Сообщив международные новости — по большей части зловещие, — она коротко описала слушателям феномен нового кочевничества, а потом предоставила слово социологу (дребезжащий голос свидетельство о почтенном возрасте). Из сбивчивого монолога гостя следовало, что общество обязано немедленно выкорчевать это зло, чтобы не быть уничтоженным изнутри, подобно «зданию, съеденному термитами». Когда социолог углубился в высокопарный разговор

ВМР ВВРДЙК

с самим собой о капитальном вкладе западной демократии в жизнь остального мира, ведущая прервала его и передала слово журналисту, находившемуся на борту вертолета, летящего над диснеевским парком в Марн-ла-Валле.

Слышимость была неважная, и Йенн понял одно — террористы совершили нападение у входа в этот огромный парк развлечений.

и т и т б

Матиас выпустил очередь из ручного пулемета, стараясь никого не задеть. Пули продырявили прозрачную круглую крышу. Тысячи посетителей рассеялись по проходам вдоль движущихся дорожек, которые вели от станции *RER* ко входу в парк. Гранаты, начиненные гвоздями, причинили значительный ущерб, сильный ветер не рассеял густого дыма от взрывов. На бетонных бордюрах в лужах крови и кишок валялись изуродованные тела. В небе над парком, как обезумевшие шмели, кружили три вертолета. Завывание сирен разрывало мертвую тишину, опустившуюся на Диснейленд после нападения фалангистов «Джихада».

Все выстрелы Матиаса ушли в молоко. Большую часть своей жизни он хладнокровно убивал мужчин и женщин, но эта бойня была ему омерзительна. Разве есть что-то общее между профессией наемного убийцы и жестоким, тупым, обезличенным нападением на тысячи случайных людей, собравшихся у ворот искусственного рая? Как отыскать в кровавом бедламе потаенную нить, всегда связывающую охотника и дичь?

Девять членов убойной команды растворились в беззащитной, беззаботной толпе: помповые ружья были спрятаны под одеждой, гранаты рассованы по карманам. Лица боевики прятали в поднятых воротниках. Три машины с интервалом в несколько минут доставили моджахедов на станцию Шесси, там они погрузились в скоростной поезд, доехали до диснеевской деревни, где, несмотря на плохую погоду, было полно посетителей, и поехали по движущимся дорожкам к парку.

Взрыв первой гранаты дал сигнал к атаке. Они закрыли лица висевшими на шее косынками и начали палить. Посетители попадали под ураганный перекрестный огонь автоматов и пулеметов, погибали от осколочных ранений, и последним, что эти люди слышали в жизни, были гортанные голоса убийц, выкрикивающих суры Корана. Одурающий запах крови смешивался с пороховой вонью. Шум дождя и завывания ветра заглушались предсмертными стонами и криками ужаса.

Матиас взглянул на часы — 9:15.

Пора отступать. Нападение длилось ровно шесть минут. Не так долго, но вполне достаточно для того, чтобы поднять в воздух вертолеты и объявить тревогу по полной программе. Вой сирен раздавался все ближе — легавые вот-вот будут здесь. Все три машины, выгрузив пассажиров, немедленно уехали — рядом со станциями скоростной железной дороги парковка была запрещена. Боевикам были даны четкие указания: рассеяться по парку, затеряться в толпе, а до базы в окрестностях Герара добираться самостоятельно, поодиночке. Но главным был другой приказ: любой солдат армии «Джихада» при угрозе пленения должен был подорвать себя гранатой.

Матиас огляделся: на дорожках, на расстоянии метров в двадцать друг от друга, стояли остальные боевики. Вокруг не было выживших — только изуродованные трупы, кровь и ошметки плоти забрызгали столбы ограждения, рекламные щиты Макдоналдса и световые афиши последних диснеевских мультяшек. Матиас увидел,

как стоявший к нему ближе всех боевик перепрыгнул через ограждение и кинулся в заросли зелени, и ему показалось, что он узнал худую высокую фигуру угандийца Хакима. Они попали в разные машины и не сумели поговорить перед отъездом, а улыбка, которой они обменялись, была такой печальной, словно оба предчувствовали, что прощаются навсегда.

Остальные нападавшие тоже разбежались, но что-то — возможно, интуиция — помешало Матиасу кинуться следом: он понимал, что бегство — худшее из всех возможных решений, именно такой реакции все от него и ждут, это ловушка, в которую он ни в коем случае не должен попасться. Необходимо было найти другой выход — но какой? Выбора у Матиаса не было: он не станет подрывать себя гранатой, даже если его прижмут к стенке, но он слишком много знает, так что Блэз и Кэти не рискнут оставить его в живых. В голове зазвучал насмешливый голос Хасиды: *«Ты проглотить пулю, не успеешь и рта раскрыть. Ты — всего лишь один из вариантов, у них всегда найдется замена...»* Гудение вертолетов, стоны раненых и вопли сирен били по нервам, мешая думать.

Что делать, черт, что делать?!

Матиас был лишен возможности успокоиться и сосредоточиться, привычно поглаживая кончиками пальцев семейную реликвию — ладанку Богоматери. Блэз и Кэти поклялись, что вернут ее, как только его миссия будет завершена, но он ни на грош не доверял обещаниям людей, ставших его «поручителями», а вернее сказать — «кукловодами», управляющими его судьбой из-за кулис.

Взгляд Матиаса упал на огромный мусорный контейнер, замаскированный латунным щитом, и решение пришло мгновенно, во всей ужасающей ясности единственного возможного выхода. В первый момент он отбросил его с яростью отчаяния, но тут же взял себя в руки — инстинкт выживания победил.

Он сорвал с себя шарф и пальто, опустил в ближайший контейнер и постарался закопать как можно глубже

под смятыми картонными коробками и стаканчиками, перепачкав руки горчицей, жиром и сладкой липкой водой. Прodelав все это, Матиас левой рукой нацелил дуло винтовки себе в правое плечо и, поколебавшись мгновение, нажал на курок. Никому не удастся покалечить себя с легким сердцем. Выстрел в упор заставил его отступить на три шага. Через секунду боль залила всю правую сторону тела. Кровь мгновенно пропитала одежду. Он сжал зубы, чтобы не выпустить оружие и не рухнуть на бетонные плиты. Нужно продержаться еще чуть-чуть. Шатаясь, Матиас добрал до контейнера, запихнул в него ружье, на долю секунды, видимо, потерял сознание и удивился: что он делает здесь, над этой помойкой, воняющей холодным жиром? Адская боль вернула его к реальности, он снова услышал гудение вертолетов и вой сирен и, прежде чем провалиться наконец в небытие, бросил ружье в контейнер.

•к -к "к

Прошло некоторое время, прежде чем Матиас начал различать чьи-то голоса над головой. Ему показалось, что его поднимают, несут, закрывают в каком-то темном пространстве. Там с него сняли одежду, и в руку впилась игла. Над ним склонилось чье-то лицо — женщина, такая же белокурая, как его мать... те же глаза небесно-голубого цвета, та же славянская бледность, та же тонкость черт, те же нежность и мягкость лица, выражающего предельную собранность.

* * *

Он проснулся в комнате со светлыми стенами и мебелью. По запаху Матиас мгновенно понял, что он в больнице. Притаившаяся в теле боль могла в любое мгновение ожить и укусить. Тугая повязка стягивала плечо, фиксируя руку. Из вены над запястьем торчала игла капельницы. Неясный шум где-то вдалеке смешивался

с монотонным стуком капель дождя по стеклам. На стене напротив кровати висел на кронштейне телевизор, бесстрастно фиксирующий лицо больного.

Он поискал глазами часы, не нашел, попытался сориентироваться по свету из окна и решил, что сейчас, скорее всего, вечер (допуская при этом, что грязно-серая хмарь могла ввести его в заблуждение). В памяти всплывали беспорядочные обрывки воспоминаний о налете... Он слышал шум, чувствовал запах, видел изуродованные человеческие тела, дергающиеся на асфальте, подобно жукам с оторванными лапками. Скрежет, крики, стоны, дым, запах пороха, кровь... У Матиаса было странное, обескураживающее чувство, что он опрокидывается в другое время, парит в свободном полете по иным, адским мирам...

Матиас был в палате один, а это означало, что затея удалась и его посчитали жертвой. Белокурые волосы и ангельская бледность не позволяли причислить его к террористам и уж тем более — к исламским экстремистам. Легавые могли, конечно, поставить охранников в коридоре, удверей палаты... Вбежавшая медсестра не закрыла за собой дверь, и Матиас убедился, что его никто не сторожит — ни полицейские в форме, ни агенты в штатском, по коридору шастали только ангелы милосердия в белых халатах.

— Как вы себя чувствуете? — спросила медсестра, постаравшись любезно улыбнуться, но эта улыбка не только не располагала — она подчеркнула жесткие черты ее лица.

— Почти... почти хорошо, — пробормотал Матиас.

Звук собственного голоса показался ему странным, непривычным, словно какой-то чужак проник в его тело, воспользовавшись потерей сознания.

— Нуда, конечно, как человек, получивший невесть сколько пуль в плечо! — воскликнула медсестра.

Женщина подошла к кровати, надев на лицо маску театрального сострадания, типичную для людей, каждый день имеющих дело с людскими несчастьями и оттого

утративших последние остатки милосердия. Пряди седых волос, морщины, темные круги под глазами и усталые жесты с жестокой очевидностью выдавали возраст медсестры — ей было не меньше пятидесяти.

— Некоторые пули прошли навывлет, — продолжила она, проверяя капельницу. — Вы потеряли много крови, но переливание, к счастью, не понадобилось — у вас редкая группа крови, и могли возникнуть проблемы.

Кивком подбородка она указала на правое плечо Матиаса.

— Рана не слишком красивая. Ключица и лопатка раздроблены, мягкие ткани разорваны в клочья. Вас оперировали больше пяти часов, и вам очень повезло, что дежурил доктор Блерио, — он лучший хирург в Мо.

От медсестры исходил легкий запах духов, раздражавший ноздри Матиаса.

— Пятьсот человек убиты. Можете себе представить? Эти... выродки — простите, но я не нахожу другого слова — уничтожили пятьсот невинных детей и женщин! Они расстреливали посетителей из пулеметов, забрасывали гранатами! Люди просто хотели приятно провести время в парке. В каком же мире мы живем, Господь милосердный, в каком ужасном мире!

«В мире, который отвергает людей, — мысленно ответил женщине Матиас. — В мире, который готовится сменить кожу и уничтожить неблагодарных вредоносных тварей, пожирающих его изнутри с незапамятных времен. Ну и что с того? Никто не заплачет над родом человеческим!»

Потоп, небытие, уничтожение...

— Я не ретроградка, но, думаю, нам следует немедленно восстановить смертную казнь. Во всяком случае, за некоторые преступления — например, за убийства детей или за то, что произошло в Шесси. Вы со мной не согласны?

Матиас уже много лет работал наемным палачом и не был уверен, что узаконивание государством убийства собственных граждан способно что бы то ни было изме-

нить в судьбе человечества. В первую очередь пришлось бы казнить тех, кто знал о готовящейся бойне и позволил ей совершиться.

Сиделка нагнулась, чтобы поправить Матиасу подушку, и в нос ему ударил едкий запах пота, смешавшийся с ароматом духов. В вырезе расстегнутой блузки он видел верх ее пышной груди и лямки лифчика.

— Как насчет «маленькой» или «большой» услуги?

Матиас не сразу понял, о чем она говорит, но потом сообразил, что вставать ему нельзя и придется ходить на утку. Он отрицательно покачал головой.

— Я скоро вернусь. Если что-нибудь потребуется, позвоните. Видите кнопку? Вам достаточно протянуть левую руку.

— Который час? — спросил Матиас.

Она отодвинула рукав халата.

— Десять...

— Утра?

Сестра издала смешок, слегка откинув назад голову и отведя плечи, потом махнула рукой на окно.

— Время, конечно, перекошилось, но в десять утра ночь пока не наступает!

— Значит, я...

— Ну да — вы здесь уже сутки.

• к -к -к

После завтрака в одиннадцать тридцать — он состоял из тех пресных блюд, которые в промышленных количествах подают в больницах, школьных и заводских столовых, — после налета медсестры с уткой, обмывания «передка» и подмывания задницы, после блиц-визита знаменитого доктора Блерио и двух интернов (девушка — аппетитная брюнетка — смотрела на врача с обожанием) Матиас позволил себе вздремнуть. Поспать ему дали недолго — в палату заявили два инспектора из бригады по борьбе с терроризмом. Он старался отвечать на их вопросы максимально уклончиво, дабы не

возбудить подозрений: он живет в Париже и решил провести свободный день в Дисней-парке, нет, он не видел толком, что произошло, услышал взрывы, выстрелы, вопли, хотел убежать, его ранили в плечо, он упал, потерял сознание... Полицейские не настаивали: они ушли, объявив, что его показания могут им понадобиться... даже если суд над исламскими террористами никогда не состоится. Последние слова повергли Матиаса в задумчивость, но он снова отключился — подействовали транквилизаторы, которые сестра заставила его принять после еды.

Когда Матиас открыл глаза, преследуемый тревожным чувством, что за ним кто-то наблюдает, он встретился взглядом с человеком, которого сразу узнал, несмотря на затуманенное сознание. Хасида сидела на единственном стуле для посетителей и как ловчая птица смотрела прямо на него черными блестящими глазами. Ее пышные волосы падали на воротник плаща и плечи девушки. Она показалась ему еще привлекательнее, чем в тот вечер на ферме, когда Хаким-угандиец прислал ее к нему в комнату в качестве подарка.

— Твоя идея оказалась просто гениальной, — произнесла она, криво улыбнувшись. — Только ты сообразил, что надо делать. Ты один выжил.

— Хочешь сказать, что...

— Из всей команды в живых остался только ты. Остальных либо перестреляли легавые, либо они подорвали себя гранатами.

— Хаким...

— Он тоже погиб. Только о нем я и сожалею. Он единственный был человеком в этой банде чокнутых убийц.

— Кто тебя предупредил, что я здесь?

Хасида пожала плечами. Она была сейчас похожа на девочку, вырядившуюся в одежду матери, чтобы казаться старше.

— Они проверили список жертв, обнаружили, что твоего имени в нем нет, и послали меня на разведку. Хотят убедиться, что никто не связал твое имя с «Джихадом».

Хасида ни словом не обмолвилась об электронном чипе, внедренном Матиасу под кожу, — следовательно, ничего о нем не знала.

— А если бы связали?

— Тогда я должна была бы немедленно предупредить моих шефов и тебя ликвидировали бы.

— И ты доложишь?

Она наклонилась, глядя на круглые носки своих кроссовок.

— Никто ничего не заподозрил, — прошептала она, не поднимая головы. — Ты здесь как Матиас Сирименко, одна из несчастных жертв. Можешь и дальше спокойно играть в шпионов.

— Люди из «Джихада» знают, что ты здесь?

— Им неизвестно даже то, что ты выжил.

— Полагаю, тебе поручили передать мне дальнейшие инструкции.

Хасида выпрямилась, сверкнув на него взглядом.

— Меня прислали с заданием, но...

Она помолчала несколько секунд, потом мягко коснулась пальцами его левой руки.

— ...лично я чертовски рада, что ты выкарабкался, — добавила она неожиданно севшим голосом.

— Но ты же не захотела остаться со мной той ночью.

Хасида встала, подошла совсем близко к его кровати. Она не надушилась, но Матиас с вожделением вдыхал аромат ее влажной кожи и пота. Девушка пахла перченым мускусом.

— Беда в том, что ты мне нравишься, Матиас. Очень нравишься. Даже слишком нравишься.

— Не вижу, в чем проблема.

Хасида наклонилась и коснулась губами его лба и переносицы.

— Легавые превратили меня в шлюху. А для шлюхи нет ничего опасней, чем...

Окончание фразы утонуло во рту Матиаса. Они поцеловались, и страсть разгорелась в обоих, как сухая солома. Забыв о ране, Матиас обнял Хасиду, но боль

напомнила о себе с такой жестокостью, что у него перехватило дыхание, он смертельно побледнел и без сил упал на подушки.

— Не шевелись, — нежно шепнула Хасида.

Ее ладонь нырнула под простыню и долгим медленным движением заскользила по коже, пока пальцы не перестали дрожать. Тогда она начала ласкать его с вкрадчивостью паучихи, одновременно осыпая лицо и шею поцелуями.

Телефонистка на коммутаторе — женщина неопределенного возраста, ждущая новой любви и жаждущая найти другую работу, — улыбнулась Марку самой усталой из понедельничных улыбок.

— Как-сегодня-дела-мсье-Марк?

Был момент, когда «мсье Марк» полагал, будто Альенор — да-да, ее звали Альенор! — завлекает его (проклятое мужское тщеславие!), но потом он заметил, что она строит глазки, надувает губки и виляет бедрами при виде любого мужика, проходящего мимо нее к лифтам. Альенор была зрелой женщиной на пороге безжалостной старости, живущей надеждой на «последний шанс». Она вечно читала какой-нибудь глянцевого журнала из тех, что убеждают каждую женщину в том, что она — Самая Великая Соблазнительница Всех Времен и Народов, рассказывают, как остаться молодой, как спасти свой брак, как сделать гармоничными сексуальные отношения и — главное — что сделать для достижения полного совершенства... Те же самые журналы регулярно, не боясь греха, печатали кучу материалов в стиле «тревожного

предупреждения» («Будьте бдительны — *мачизм* жив!», «Помните — ваши права ущемляют при найме на работу и назначении зарплаты!», «Остерегайтесь блюстителей общественной морали!», «Караул! Право на аборт под угрозой!», «Сестры! Убережем равенство в избирательных правах!»), не забывая ни о рекламе, ни о высокой моде. Публикуя фотографии божественно красивых и сексуальных моделей с идеально гладкими молодыми лицами, эти издания создавали и поддерживали миф об Олимпе, где живут недоступные богини и куда никогда не попасть ни телефонистке с коммутатора «EDV», ни другим рядовым читательницам. Их, этих жалких смертных, подстерегают целлюлит и морщины, они скованы по рукам и ногам домашними проблемами: хамоватые мужья громко храпят по ночам, а бездарные дети, домашние заботы и вечная нехватка денег доставляют одни только неприятности.

— Неплохо. А вы как, Альенор?

Марк испытал жгучее желание вырвать у нее журнал. Шарлотта часто говорила, что он и его ровесники не любят женские журналы исключительно из-за мужского шовинизма: «Что поделаешь, бедный мой старичок, впитанное с молоком матери воспитание неистребимо!»

Марк ничего не слышал о Шарлотте с того самого злополучного ужина с Конрадом-дизайнером-по-интерьерам и вынужден был признать: ему не хватает этой женщины со всеми ее недостатками и хилой чувственностью — и не хватает больше, чем он мог ожидать. Марк даже чувствовал ядовитую ревность к Конраду — этот тип ухитрился сохранить все свои волосы и уж точно был счастливым обладателем всех тех достоинств, которые молодые женщины ценят в зрелом любовнике. Конрад был опытен, умен, предупредителен, внимателен и очень удобен. Последние остатки гордости помогли Марку устоять перед искушением раскрыть глаза милой-милой Мод — обманутой супруге. Теперь ему придется заново привыкать к одиночеству — вечному спутнику долгих скучных дней и ночей — и к неожиданной сво-

боде — в первые дни она обернулась растерянностью и тупым ничегонеделанием. Жизнь словно утратила вкус, цвет и запахи, превратившись в уцененное холостяцкое существование: холодные ужины на скорую руку, вечеринки, больше похожие на оргии, завтраки под монотонную бубнежку радиообозревателей. Нуда, теперь он мог макать рогалик в кофе, не рискуя нарваться на язвительное замечание, имел полное право ругаться, рыгать, пукать, ковырять в носу или в заднице, зная, что никто не станет «убивать» его взглядом, но ощущал лишь скуку, обращавшую все желания в прах. Умирало не только сексуальное желание — угасали жизненная сила, вкус к жизни, любопытство и азарт. Мастурбируя — нельзя же позволить механизму заржаветь! — Марк добивался вялой эрекции, выдавливал из себя несколько капель странно жидкой спермы и почему-то испытывал отвращение к самому себе. Ему не хватало суетливости и бойкости «бывшей № 2», звука ее голоса, рта, рук, сисек, попки и уютной влажной норки.

Он имел глупость рассказать «бывшей № 1» о разрыве с Шарлоттой, и она теперь доставала его телефонными звонками, настаивая, чтобы он навестил ее — «*Это доставит такое удовольствие девочкам!*» (тем самым девочкам, которые через раз отлынивали от свиданий с папочкой)! «Бывшая № 1» Марка была та еще штучка — умела спрятать облачение палача под лохмотьями жертвы и в совершенстве владела искусством вести огонь на изнурение. Именно так четверть века назад она ухитрилась привлечь к себе его внимание, вошла в его жизнь и загнала-таки в сети брака. Марк время от времени почти готов был согласиться на визит — взглянуть, так сказать, в чужое зеркало, а не пялиться без конца на свое лицо стареющего отчаявшегося неудачника.

— Предупреждаю — шеф-с-самого-утра-не-в-духе...

Альенор выдохнула информацию тоном доверенного человека или того, кто знаком с таким человеком.

Работа не могла вылечить Марка от угрюмой хандры. После выхода ударного материала о Христе из Обрака

снова началась привычная монотонная редакционная жизнь: убойные статьи писали увенчанные лаврами великие и храбрые члены «банды насильников», а Марк «затыкал дыры», вернувшись к столь удобной для него привычной безвестности.

Марк кивнул телефонистке и пошел к лифту. Когда-то, сразу после основания, «EDV» арендовал помещение в предместье Сен-Дени, а теперь вот перебрался во II округ, в старинный (чтобы не сказать — ветхий!) особняк — вопрос престижа. Стоянка у здания была крошечная (десять мест, из них три — лично для *BJH*, три — для заместителей главного редактора и по одному для главного бухгалтера и шефа отдела рекламы), а парковаться на соседних улицах значило себя не любить из-за вечных пробок в центре города. В отличие от собратьев по перу, игнорировавших правила и запреты, Марк в конце концов принял единственно возможное для себя решение — ездить на работу на метро. «Золотые перья» СМИ так, конечно, не поступают: когда рогоносцы истории теснятся на платформах и толкаются в вагонах метро, любимцы славы едут в собственных авто (в крайнем случае — на такси)!

Тридцать насильников — они перестали быть *великими и ужасными*, придется придумать для банды другое название — сидели вокруг огромного овального стола зала заседаний редколлегии. Большинство, в том числе Марк, немедленно закурили, несмотря на четыре таблички в четырех углах комнаты с грозной надписью «Не курить!». Секретарши заместителей главного разносили на подносиках стаканчики и круассаны (от одного взгляда на эту выпечку вы и сами начинали истекать жиром). Перемены сказались и на этом: кофе без вкуса и запаха в картонных стаканчиках и готовая выпечка вместо настоящего черного кофе в красивых фаянсовых чашечках и рогаликов из частной пекарни.

BJH сидел во главе стола между своими заместителями и незнакомцем со строго-постным выражением лица — скорей всего, его прислали американские ауди-

торы. Большой Босс ни разу не улыбнулся и не произнес ни единого слова, пока журналисты рассаживались и обкуривали зал заседаний. Его глаза за толстыми стеклами очков сверкали ледяным блеском. Периодически он поглаживал себя трясущейся ладонью по лысине, потом снова начинал перебирать документы в папках — это были знаменитые досье *BJH*. Да, Альенор не ошиблась — патрон в омерзительном настроении, все признаки налицо.

Позволив сотрудникам отравиться кофеином и никотином, *BJH* жестом потребовал тишины. Соседка Марка — тридцатилетняя блондинка, довольно миленькая, несмотря на явную склонность к полноте, — бросила на него тревожно-вопрошающий взгляд. Он ответил гримасой, означавшей: согласен, мало не покажется никому. Она улыбнулась, скрестила ноги и повернулась — вся внимание! — к Богу Отцу. Неужели она?.. Да нет, что за глупости, она замужем, у нее то ли двое, то ли трое детей. Марк видел ее как-то на редакционном приеме под ручку с мужем — она сияла. По большому счету она была не так уж и хороша: намек на двойной подбородок, в районе талии наверняка уже появились противные складки жира, тяжелые ляжки, лошадиный круп, губы чуть-чуть тонковаты. Он бы не доверил такому роту ни язык, ни член. На память почему-то пришли слова отца Симона: «Там я познал наслаждение столь чистое и чудесное, что все стало мне безразлично...» На пороге пятидесятилетия Марк все еще жаждал познать полное единение и освободиться от своих жалких комплексов.

«...прямо противоположный, повторяю, результат, прямо противоположный тому, которого мы ожидали!»

Голос *BJH* гремел, отдаваясь от серых стен зала заседаний. Соседка Марка явно нервничала: ее ноги в черных колготках поминутно меняли положение, отчего юбка задиралась все выше. Над сотрудниками журнала витала угроза нового сокращения, и доказательством

тому — молчаливое присутствие на летучке стервятника-американца и усиливающаяся нервозность членов «банды тридцати».

На прошлой неделе то и дело возникали словесные перепалки, журналисты обменивались оскорблениями и даже плескали друг другу в лицо горячий кофе.

— Идея неокочевничества распространяется ужасающе быстро! Ужасающе! Рассыпаются основы нашей цивилизации! Именно так, черт бы все это побрал! (*ВЖН* даже пальцами прищелкнул от раздражения!) Номер, посвященный Христу из Обрака, этому... — взгляд в лежащую на столе бумажку — ... Ваи-Каи, как он сам себя именует (гребаное имечко!), не помог остановить это движение. Отнюдь! Совсем наоборот! Мы выбиты из колеи, не поспеваем за событиями! Плетемся у них в хвосте! Знаете, что это означает?

ВЖН обвел ледяным взглядом застывшие лица сотрудников.

— А это означает, *во-первых*, что мы не слишком хорошо выполнили свою работу, а *во-вторых*, если не сменим тактику, нас просто-напросто выкинут из игры. Говоря *нас*, я имею в виду не только «*EDI*», но всю прессу в целом, всех людей нашей профессии. Вашей гребаной профессии, дамы и господа журналисты! Если не докажем свою нужность, превратимся в динозавров, в бесполезных ископаемых, приговоренных к исчезновению. «Мы больше не нуждаемся в ваших услугах, у нас теперь есть собственные корреспонденты во всех странах!» — вот что скажут нам читатели. Поток информации выливается на потребителей из интернетовского «крана» в их собственной гостиной или спальне. Вот я и спрашиваю — на хрена мы им сдались?!

Голый череп *ВЖН* покрыт каплями пота, слабый свет настенных ламп, развешанных через каждые три метра по периметру зала заседаний, отражается в лысине Большого Босса. Трое его заместителей смотрят на остальных, строго насупившись, они-то — по нужную сторону баррикад, они — стратеги, посылающие на убой

мелкую сошку, чтобы защитить позиции. Ж.-Ж. Фрельон, самый влиятельный из троицы и самый близкий *КВЖН* человек, — гроза юбок и корсажей редакционных барышень — кивает с убежденным видом, крутит седой ус.

— Спрашиваю еще раз — на кой ляд мы тогда сдались читающей аудитории?

Обычай велит, чтобы в подобную минуту какая-нибудь архипреданная душа промямлила в ответ любую глупость, отдав пас *ВЖН* и позволив ему исполнить любимый номер под названием «Полет фантазии». На амбразуру бросается белокурая соседка Марка. Юбка у нее задралась почти до пупа, черная водолазка обтягивает пышную грудь (сиськи хороши, но в районе талии у блондинки явно намечился жирок!). Когда журналистка открывает рот, ее губы перестают казаться слишком тонкими, они притягивают к себе внимание, как и низкий, с хрипотцой, голос, неожиданный в такой «правильной» женщине.

— Все мы здесь убеждены в нашей полезности. Иначе просто сменили бы профессию. Если бы никто не проверял поток сведений, не выстраивал его в должном порядке, информация исчезла бы как понятие.

Женщина ищет одобрения у соседей по столу, Марк отводит взгляд, прикуривая очередную сигарету.

— Не уверен, что *все* вы убеждены в собственной полезности, — отвечает *ВЖН* медоточивым тоном, в котором проскальзывают стальные нотки. — Не думаю, что вы полностью отдаетесь «*EDI*». Скажу еще жестче — я полагаю, что большинство из вас внаглую дрыхнет — и им следует срочно проснуться! Немедленно!

На прошлой неделе члены «банды тридцати» послали делегацию в ПФЖ — Профсоюз французских журналистов — выяснить свои права в свете более чем реальной второй волны сокращений. Профсоюзные боссы разговаривали с тремя представителями «*EDV*» не только с царственным презрением — они явно ликовали. Люди из ПФЖ брали реванш за травлю, организованную цепными псами *ВЖН* двенадцать лет назад:

журнал тогда опубликовал подборку материалов о профсоюзе, его филиалах и профсоюзных комитетах на предприятиях, разоблачая злоупотребления и политические интриги номенклатуры, призванной защищать интересы служащих. После выхода номера «EDV» в профсоюзах начался самый настоящий кризис: в 80-х годах приток новых членов был весьма жидким, а теперь и вовсе почти прекратился. Как любил повторять *ВЈН*, это были хорошие времена, когда независимый еженедельник оказывал на общественное мнение ощутимое влияние.

— На каком сюжете мы можем и должны сегодня доказать свою полезность и нужность?

Подчинять и держать в полной зависимости — по образу и подобию организмов-паразитов... Сухой голос бывшей учительницы Иисуса Мэнгро выплыл из оцепеневшего подсознания Марка и, слившись с дрожащим, едва слышным шепотом отца Симона, мысленно перенес его к огромному очагу на обракской ферме. Он снова, как наяву, почувствовал на себе трагический взгляд черных глаз Пьеретты. *Общность, чье существование не оправдано жизненной потребностью, жаждущая одного — выжить...*

Соседка Марка то и дело меняла положение ног, ее юбка задиралась все выше, аромат духов перебивал убойный запах табачного дыма и остывающего кофе. Она снова решила подать голос, словно добровольно взяла на себя роль пресс-секретаря шефа «EDV»:

— Эволюция. Вернее — перемены, глобальные перемены во всех областях.

— Совершенно верно. Вернемся мысленно на семьдесят—восемьдесят лет назад — это несложно, все вы учили историю! И что мы там видим?

— Кризис 29-го года, зарождение нацизма.

Обмен репликами между *ВЈН* и соседкой Марка выглядел так убедительно, словно они несколько недель репетировали.

— Смогли бы вы молчать, видя, как поднимает голову нацизм? Стали бы трусливо отсиживаться в кустах, пытаясь уберечь свои яйца?

— Нет, конечно нет. Даже я не смогла бы.

Острота соседки Марка — черт, да как же ее зовут? Сильвена? Лилиана? — вызвала улыбки на лицах сидящих вокруг овального стола людей — улыбнулись и три зама главного, и даже сам *ВЈН*. А вот тип из аудиторской конторы никак не отреагировал на шутку — но разве можно ждать от пуриста, проповедующего общественное воздержание, что он оценит сальный юмор штатных насильников «EDV»?

— Никто не сомневается в вашей женственности, Лорейн!

Ну конечно, Лорейн... Много ездит, хотя у нее то ли двое, то ли трое детей, пишет удивительно сухо и едко — а на вид такая пышечка... Марк вдруг вспомнил, как они с насильниками забавлялись оскорбительно-непристойной игрой в слова (и он чаще всего задавал тон!), придумывая рифмы к имени коллеги по перу — кстати, натуральной блондинки, если верить сведениям, полученным от самых наглых и любопытных членов мужского клуба (может, они просто-напросто бахвалились?).

— Ни один журналист, достойный этого звания, не спасует перед наступающим ужасом.

— Сейчас легко говорить — у журналистов в те времена не было путей отступления.

Этот низкий голос прозвучал с другого конца овального стола. И принадлежал он Жан-Жаку Браю — одному из самых старых и свирепых псов *ВЈН*. У *ЖЖБ* было самое острое и ядовитое перо среди пишущей братии. Он был единственным, кто позволял себе дерзить в присутствии большого ареопага еженедельника. Брай охотно всё прощали — его подпись под статьей означала рост подписки и увеличение продаж в розницу. Кроме всего прочего, этот человек обладал редчайшим качеством — он сидел на своем месте и ни разу не потребовал повышения, хотя явно заслуживал поста

заместителя главного. Человеком Жан-Жак Браль был омерзительным — высокомерный мерзавец, мизантроп, женоненавистник и холостяк. Из всей одежды он предпочитал поношенные и не слишком чистые бархатные пиджаки, а внешность имел под стать характеру: саленые волосы, зеленовато-бледное лицо, густая борода и очки с дымчатыми стеклами.

— Ты прав, прав, Жан-Жак. Но мы-то извлекли уроки из проклятой истории человечества. И мы просто не имеем права повторить прежние ошибки. Вокруг нас, как сорная трава из-под земли, появляются фундаменталисты и фанатики всех мастей — христиане, иудеи, мусульмане, индуисты...

— Эти-то как раз вполне управляемы и легко контролируются, — бросил очередную реплику ЖЖБ. — Все фундаменталистские революции — детище властей или партий, желающих утвердиться у власти. Последнее нападение в Дисней-парке — всего лишь эпизод закулисной войны, которую ведут сильные мира сего и великие державы на деньги миллиардеров-террористов. Во все времена и эпохи правительства использовали религиозных экстремистов, чтобы завоевывать чужие земли, контролировать природные богатства, народы и границы.

— Но при этом всегда существует риск, что те, кем вы вроде бы манипулируете, в один прекрасный день выйдут из-под контроля и повернут оружие против вас. Такое неоднократно происходило в прошлом, тому море примеров в настоящем, и, боюсь, подобное еще много раз случится в будущем.

— Возвращаясь к проблеме Христа из Обрака — не вижу, кому было бы выгодно манипулировать им. Он — всего лишь один из многих «просветленных»: некоторые из них заявляют, что напрямую общаются с Богом или с инопланетянами, другие перекраивают под себя священные тексты, третьи придумывают новые вероучения, четвертые наживаются на идее Нового Века, пятые якобы исцеляют наложением рук...

— Существенная разница между ним и всеми остальными, — перебивает *ВЛН* (его глаза от злости стали почти белыми, с лысины льется пот), — заключается в том, что *наш* «просветленный» якобы творит чудеса и все больше людей проникаются его идеями. А еще — он прямо у нас под носом перекраивает историю, как Гитлер и его штурмовики в коричневых рубашках в 30-е годы.

— Да нет же, черт побери!

Этот крик — он был настолько пронзителен, что в комнате мгновенно установилась мертвая тишина, — вырвался из глотки Марка. Все взгляды — осуждающие и сочувствующие — обратились на него. Его уже считали первым осужденным на казнь — как того кретина, что сам, добровольно, влез в тележку, едушую на Гревскую площадь. Марк заерзал на стуле, яростно затягиваясь сигаретой, как будто курил последний раз в жизни. Лорейн попыталась отъехать как можно дальше от парии. Мгновенное отречение было любимым видом спорта в коридорах и кабинетах «*EDV*» — солидарность здесь признавали только в постели, за чашкой кофе или кружкой пива.

Американский аудитор изучал Марка со внезапным интересом естествоиспытателя, обнаружившего накоонец короеда, пятнадцать лет подтачивающего структуры и счета «*EDV*».

На мясистых блестящих губах *ВЛН* мелькнуло подобие улыбки.

— Хотите что-то сказать, Марк?

У него появилась мысль, что в этот самый момент он все посылает к черту, как уже потерял «бывшую № 1», «бывшую № 2», дочерей и волосы, как утратил все иллюзии. Марк вспомнил лицо Пьеретты и мотыльком полетел на огонь.

— Скорее спросить: а что, если прав Ваи-Кай? А мы ошибаемся? Возможно, наш мир и правда нуждается в глубинном переустройстве?

— Только не говорите мне, Марк, что этот мошенник хочет улучшить наш мир. Тысячи людей бросают дома,

работу, сбережения, чтобы следовать за ним, а сливки снимает его... не знаю, как это назвать... его Церковь. Феномен нового кочевничества распространяется по американскому континенту. Этот парень, он один стоит кризиса 29-го года, он — разрушение, катастрофа, переломной, из которого уже произрастают тошнотворные идеологии. Хочу вам напомнить — за ним тянется хвост правонарушений: изнасилования или попытки изнасилования несовершеннолетних, финансовые злоупотребления, мошенничество, незаконная медицинская практика и много чего другого. Именно поэтому мы должны сделать все, чтобы преуспеть там, где в первый раз потерпели неудачу, мы...

— Черт возьми! А может, напишем о нем честную статью?! — в сердцах закричал Марк.

Лорейн отъехала на стуле к самой стене, осознала внезапно, что ее промежность выставлена на всеобщее обозрение, сдвинула колени и одернула юбку. *BJH* раздраженным жестом вытащил из кармана платок, дрожащей рукой вытер лысину.

— Как это понимать? Вы намекаете, что «*EDV*» — бесчестный, продажный журнал?

— Да я не намекаю, а утверждаю. Ни одно слово из написанного нами о Ваи-Каи не имеет ничего общего с правдой. Я осмелю его приемную мать и сводную сестру, чтобы угодить вам и сохранить работу, но честь и совесть велят мне признать, что я встретил там двух женщин редкого великодушия и чистоты. Они впустили меня в свой дом, обогрели и накормили. А еще я встретился в Обраке с бывшей учительницей Иисуса Мэнгро — женщиной редкого ума, и она рассказала, что мальчик исцелил ее от рака поджелудочной железы. В Париже я навестил отца Симона — миссионера, который привез Ваи-Каи во Францию. Этот удивительный человек не принимал пищу пятнадцать лет и умер сразу после нашей встречи. Факты, информация, заслуживающие доверия свидетели... но вам плевать на все это, потому что вы хотите уничтожить жертву, а вовсе не

приблизиться к истине. Отсюда мой следующий вопрос: кто отдает вам приказы? Вам, единственному независимому главному редактору Франции — так, кажется, вы себя называете?

Марк до странного отчетливо слышал, как бьется его собственное сердце, как шуршит юбка и скрипит нейлон чулок Лорейн, ерзающей на пластиковом сиденье. Глаза окружающих за дымовой завесой мерцали, как пульсары перед взрывом. Обескураженный наскоком Марка, *BJH* нервно одергивал рукава куртки. Три его зама сидели опустив головы и уставясь в стол, чтобы не вызвать огонь на себя. Аудитор, похоже, наслаждался ситуацией, как будто перепалка между подчиненным и боссом казалась ему хорошей шуткой.

— Если вы так уверены в бесчестности «*EDV*», Марк, почему не подали в отставку?

Пугающе спокойный голос *BJH* прорезал душную тишину комнаты, как острый хирургический скальпель.

— Потому что я — всего лишь звено цепочки. Зависящее от этой цепочки. Страх, если хотите. Страх потерять работу, зарплату, привилегии. У меня две несовершеннолетние дочери и молодая любовница — сами знаете, овес нынче дорог. Страх в чистом виде. Я боюсь постареть, боюсь отказаться от удобств и привычек, боюсь выпасть из гнезда...

— Но теперь, перестав бояться, вы, надеюсь, уйдете...

Марк откинулся на спинку стула, развел руками, потянулся, сцепил пальцы замком на затылке.

— Вам придется меня уволить со всеми вытекающими отсюда неприятностями и визитами в арбитраж.

— Арбитраж? Когда служащий отказывается выполнять работу, за которую ему платят, это называют профессиональной ошибкой.

— Вам прекрасно известно, что я как журналист могу в любой момент сослаться на конфликт между профессиональным и этическим долгом. Моя совесть запрещает мне участвовать в организованном вами похабном

линчевании Ваи-Каи — вы называете этого человека Христом из Обрака.

ВЖН ледяным взглядом обвел лица сидящих за столом журналистов.

— Может, у кого-то еще здесь возник «конфликт интересов»?

Никто не раскрыл рта, чтобы ответить, ни одна рука не поднялась, ничья бровь не изогнулась. Лорейн, с ее скрещенными руками и ногами, ангельски-белокурыми волосами и затравленным взглядом выглядела маленькой перепуганной девочкой.

— Мы поговорим о... вашей проблеме после заседания редколлегии, Марк, — спокойно произнес *ВЖН* — с внешней безмятежностью плохо стыковались дрожащие пальцы и потная лысина. — А сейчас убирайтесь — вы и ваша совесть. У нас еще много работы.

Марк поднялся и нетвердой походкой, испытывая легкое головокружение, направился к двери. Никто больше не обращал на него внимания. Людьми руководил страх — они боялись скомпрометировать себя даже взглядом.

— Их убил мой отец.

— Почему?

— Он делал *DVD* и порноснимки — сам снимался с моей сестрой, и ее подружками, и его приятели с ней снимались.

— Разве ты не писал мне, что он работает в фармацевтической лаборатории?

— Это была «сверхурочная» работа — и он делал на ней кучу бабок.

— Но за что он их убил?

— Они с матерью поссорились вечером. Она угрожала, что все расскажет легавым.

Лежа на смятых простынях, Люси наблюдала за Бартеми. Он сидел верхом на стуле, положив голову на скрещенные руки. Люси провела ужасную ночь — болела вывихнутая лодыжка, она задыхалась от удушающего запаха разлагающейся плоти, мучили воспоминания о двух трупах в ванной, собственное ослабевшее тело казалось чужим. Мысли путались. Хмурый день просачивался в мансарду через запотевшее чердачное окно.

Шум дождя под крышей превращался в бешеный, оглушающий грохот.

Бартелеми не был похож на девочку, лежавшую в ванне с перерезанным горлом. Смуглая кожа, темные волосы и бархатные черные глаза выдавали индийское происхождение. Он из южноиндийского штата Керала, уточнил Бартелеми, родители взяли его из католического приюта, когда ему было шесть месяцев. Бартелеми выглядел старше своих восемнадцати лет — излишняя худоба и низкий голос усугубляли это впечатление. Он помог Люси спуститься по лестнице, устроил ее в спальне, как мог перебинтовал лодыжку и лег рядом с кроватью на полу, устроившись на куче одеял.

По взгляду Бартелеми, устремленному куда-то вдаль, трудно было понять, что он чувствует, о чем думает, что намерен делать.

— А почему он тебя не убил? — спросила Люси.

— Я спрятался.

— Почему...

Люси так устала, что от множества вопросов у нее кружилась голова. На стене висел увеличенный снимок женского тела в гротескной позе — Люси показалось, что она узнает себя, фотография скорее всего была сделана во время одного из ее «выступлений» на сайте *sex-aaa*. На массивном сосновом письменном столе, испещренном царапинами и пятнами всех цветов и размеров, стоял старенький компьютер. В темном углу притаилось инвалидное кресло, похожее на домашнюю зверушку, ждущую знака от хозяина. От деревянной обшивки стен пахло гнилью.

— Почему ты не позвонил в полицию?

— Я прятался больше недели. Боялся, что они меня подкарауливают — дружки отца или его заказчики. Им тоже не очень-то нужно, чтобы я все рассказал.

— Я имела в виду — почему ты не пошел в полицию раньше? Чтобы рассказать об издевательствах над сестрой и ее подругами?

Бартелеми выпрямился, бросил на нее взгляд исподлобья, и Люси не поняла, чего в нем было больше — тоски или угрозы. У Люси теперь не было гранаты, она почти не могла ходить, полностью зависела от Бартелеми и в душе не была уверена, что этот парень совершенно не причастен к жуткому побоищу, случившемуся этажом ниже.

— Я ничего не знал, клянусь тебе. Сестра мне все рассказала только после того, как предки поругались.

— Твою сестру тоже удочерили?

— Да, она албанка.

— И ты совсем ни о чем не подозревал?

Бартелеми вскочил и встал под окном, словно хотел напиться светом нарождавшегося дня.

— Я знал, что она с подружками часто запирается после обеда в комнате на цокольном этаже, но мне было запрещено туда приходить, и я понятия не имел, что отец и его приятели тоже там бывают. Они попадали внутрь через дверь из подвала.

Он махнул рукой на свое инвалидное кресло.

— В любом случае, пока я в нем сидел, не во все помещения в доме мог попасть.

— А как это с тобой случилось?

— В тринадцать лет я возвращался на велосипеде от приятеля, и меня сбила машина. Родители забрали меня из школы и купили компьютер. Вот этот. Он не последней модели, но я его подкачал, здорово усовершенствовал. Потом они заплатили за выход в Интернет. Отец говорил, это очень важно — овладеть всеми технологиями. Он, наверное, надеялся, что я потом помогу ему открыть и сумею защитить наш сайт в Интернете, чтобы напрямую продавать свою продукцию таким же грязным свиньям, как он сам. Я ведь был для него идеальным кандидатом — сидел себе в инвалидном кресле, прикованный к дому, и платить мне не требовалось. Отец не предвидел одного — что друзья отвезут меня на встречу с Ваи-Каи. Ну и рожа у него была, когда я вернулся домой на своих двоих!

— Почему ты здесь оставался? С этими... этими...
— Трусами? Я же тебе объяснял — прятался неделю, боялся, не знал, кто или что ждёт меня снаружи.

— Без еды? Без воды?

Бартелеми стремительно повернулся к Люси, внешне осознав, что ее вопросы звучат как обвинения.

— Тебе достаточно будет прочитать свидетельства тех, кого вылечил Ваи-Каи. Некоторые из них не ели и не пили по многу месяцев. Их питало нечто иное. На интернетовских форумах они называют это чистой энергией, или божественной, или энергией двойной змеи. Это... ну... это чистая правда, хотя объяснить ее почти невозможно. Кажется, что паришь в пространстве и свет наполняет все твоё тело.

— А до выздоровления чем ты целый день занимался — сидел в компьютере?

— Да. Путешествовал по миру.

— Подглядывание за девицами, раздевающимися перед камерой, — *это* ты называешь путешествиями?

Бартелеми снова оседлал стул, уперся подбородком в ладони.

— Мой отец, этот чертов хрен, думал, что закрыл мне доступ на порносайты, поставив защиту. У меня были карточка и счет для покупок в Сети. Защита, экраны для проверки возраста пользователя — все эти прикормки могут успокоить только идиотов вроде моего папаша. Если хоть чуть-чуть ориентируешься в ловушках, можно в любой момент войти на любой сайт. И счета легко пополнить, способов для этого — тысяча! Я много бабок заработал и все спустил в пип-шоу, ведь настоящий мир — там, а вовсе не на туристических или музейных сайтах. Я гораздо больше узнал о жизни, общаясь с этими девушками, чем из курсов заочного обучения.

— Что именно ты узнал?

— Человеческую душу. Я все время общался с ними. Они мне писали, они со мной разговаривали и были совершенно искренни: если человек голый, скрывать ему нечего.

В этом Бартелеми был прав: послания, которыми обменивались девушки и клиенты сайта, действительно были по-настоящему откровенными. Многие мужчины верили голым женщинам на экранах мониторов самое сокровенное — секреты, тайные пороки, мечты. Люси помнила, как некоторые клиенты трогательно исповедовались ей после первого оргазма и потока грубой брани, как если бы, избавившись от похоти (она-то и приводила их на сайт *sex-aaa*), могли наконец излить душу — анонимность защищала их от условностей и осуждения.

— Однажды я случайно набрел на твой сайт, мне понравилась твоя фотография, я купил час свидания с тобой, а когда кончил, мне захотелось поговорить, потому что я видел не тело, а душу, свет и захотел узнать тебя настоящую.

— Так почему ты без конца откладывал день нашей встречи?

Взгляд Бартелеми на несколько мгновений завис в пустоте.

— Я не решался, боялся, ты станешь обращаться со мной, как с мальчишкой, — наконец ответил он. — Ты чертовски красивая, а я ужасно худой, слишком молодой и ничего не знаю об этой проклятой жизни. И потом, ну... мои родители. Они не хотели выпускать меня из дома, говорили, что я еще слишком слаб, что нужно подождать, набраться сил, обрести форму, — в общем — обычная бодяга. Как-то утром я все-таки отправился пешком в деревню, но так устал, что назад меня привез приятель отца, аптекарь. По-моему, он тоже ходил на «фотосессии» к отцу в подвал. И не раз. После того случая отец отобрал у меня компьютер и надолго запер в комнате.

Бартелеми помолчал, измучившись воспоминаниями. Люси до смерти хотелось крепкого кофе, ей были необходимы горячий душ, чистое белье и стерильный унитаз, чтобы присесть и облегчить наконец чертов мочевого пузырь.

— Сестра пришла выпустить меня в тот вечер, когда родители сцепились. Отец забыл ключ на каминной полке, и она стянула его. Сестра тряслась от страха, она рассказала, что мать грозилась пойти в полицию, кричала, что отец совсем свихнулся. Вот тут она мне все и рассказала — про подвал, про фотографии, про кино и людей из Шартра. Потом родители успокоились, и сестра спустилась к ним. Я не хотел ее подставлять и велел снова закрыть меня на ключ. Дальше я услышал шум, крики и понял — происходит что-то серьезное. Я не мог вмешаться, потому что был заперт, как полный мудак, и не мог открыть эту гребаную дверь! А потом снова наступила тишина. Минут через пятнадцать я услышал, что отец поднимается по лестнице. Он вошел — с огромным мясницким ножом в руке — и попытался пригвоздить меня к кровати. Я начал отбиваться, вырвался, убежал и спрятался на чердаке. Думал, я один знаю о тайнике, вот и сидел там до твоего появления. Я... в полу была дырка — наверняка проделал прежний хозяин дома, — через нее было видно все, что происходило в ванной. Ты зажгла свет, я увидел тебя, потом заметил трупы матери и сестры.

Даже если история, рассказанная Бартелеми, была правдой — хотя трудно поверить, что человек способен больше недели просидеть в тайнике без еды и питья! — Люси чувствовала, что часть правды он от нее утаил. Она попыталась шевельнуть ногой под простыней и не удержалась от стоны — боль в лодыжке так и не успокоилась.

— На этом этаже есть туалет?

Бартелеми покачал головой.

— Только на втором и на первом. Хочешь, я помогу тебе спуститься?

— Больше не боишься, что кто-нибудь караулит тебя с ножом?

В ответ он сверкнул белозубой улыбкой, и на несколько мгновений к нему вернулась юношеская беззаботность.

— С тобой я больше никогда и ничего не буду бояться.

— Странно, что твой отец не забрал свои фотографии...

Они спустились в подвальный этаж, после того как выпили растворимого кофе и погрызли сухого печенья, которое нашли в шкафу. Идея пришла в голову Люси — несмотря на жуткую боль в ноге, ей хотелось сбежать от гнетущей атмосферы дома и заодно проверить правдивость рассказа Бартелеми. Им понадобилось немало времени, чтобы спуститься в подвал по узкой скользкой каменной лестнице. Без поддержки Бартелеми — он оказался намного крепче, чем выглядел, — Люси не прошла бы и трех метров по коридору от кухни до лестницы. Внизу он дал ей деревянную трость — она принадлежала какому-то предку, и отец Бартелеми хранил ее как драгоценную реликвию.

Комната со сводчатым потолком была оборудована под студию: белые стены, кинопроекторы, ни одного окна и полное отсутствие естественного освещения. Зонтики-отражатели и стационарные кинокамеры были установлены вокруг огромной кровати, застеленной голубым бельем, диванчика с бархатной обивкой бутылочно-зеленого цвета и полукруглых кресел. На металлических стеллажах, установленных вдоль стен, хозяин аккуратно разложил кассеты, пленку и коробки с дисками.

Фотографии и полароидные снимки — их, скорее всего, делали, когда ставили свет и искали нужный ракурс, — валялись на столе, обтянутом белым меламином, рядом со сверхплоским монитором компьютера.

— Мадо, моя сестра, — выдохнул Бартелеми.

Он показал Люси фотографию улыбающейся девочки-подростка — она стояла рядом с мужчиной, вернее, с половиной мужского торса. Снимок запечатлел только складки отвисшего живота, гениталии и бедра. На других фотографиях Люси увидела практически один и тот же сюжет — с небольшими вариациями: девочки и зрелые мужчины, магия контрастов, извращенная невинность. Мужских лиц ни на одном снимке не было — только

низ живота и руки, словно целью их существования было обладать и развращать.

— Вот его аппаратура для записи на *DVD*.

Бартелеми кивнул на машину, подсоединенную кабелями к экрану, сканеру и компьютеру. Диски лежали на стеллаже — стопка нераспечатанных и готовая продукция, подписанная печатными буквами и зашифрованная: *A.02.FS v\pv\J.04.EF*.

— Кодовые имена. Для клиентов, — пояснил Бартелеми.

— И ни одна девочка ни разу никому ничего не сказала? Родителям? Другам? Учителям?

— Мадо говорила мне, что отец и его дружки угрожали убить их, если они посмеют открыть рот. А еще я думаю, что некоторые родители были в курсе и получали свою долю.

Тяжело опираясь на трость, Люси подошла к ближайшему креслу. Запах разложения, пропитавший весь дом, почти не чувствовался в студии, но здесь к нему примешивался какой-то неуловимый оттенок — может, так пахли страх и угрызения совести приходивших сюда мужчин. Одетый в заляпанную майку и вылинявшие джинсы, угловатый и нескладный, как олененок, Бартелеми мало чем отличался от своих ровесников, но Люси пока не могла воспринимать его отдельно от грязи и ужаса этого дома.

— Теперь нужно предупредить полицию, — устало прошептала она.

— И что это даст?

Прежде чем опуститься в кресло, Люси обвела рукой помещение и спросила, сдвинув брови:

— Не думаешь, что нужно остановить все это?

Он бросил короткий взгляд на полароидный снимок, глянцево блестящий в свете неоновых ламп.

— Возможно, легавые арестуют дружков отца и тех, из Шартра — хотя и это не факт, но одно я знаю точно — *все это* они не прекратят. *Все это* заложено в коллективное бессознательное человека, *все это* всплы-

вает на поверхность, как грязная пена, после столетий запретов. Сеть — это коллективное бессознательное, до которого легко добраться, кликнув мышкой, настоящая помойка, в которой можно откопать любую мерзость, подавлявшуюся и копившуюся два тысячелетия. И ты очень ошибаешься, если веришь, что, предупредив полицию, сможешь изменить что бы то ни было во *всем* этом!

Потрясенная его страстной речью, Люси сидела, не поднимая глаз. Нога у нее опухла и посинела, ей не удалось не только обуться, но и надеть носок, предложенный Бартелеми. Тишину в студии нарушал только тяжелый монотонный шум дождя.

— Ты бросил школу, но разговариваешь по-книжному, — наконец сказала Люси. — Где учился красноречию?

— На форумах в Интернете. Я не участвовал в дискуссиях, но составлял собственное мнение, выслушивая аргументы сторон.

— И все-таки твой отец — преступник. Если оставить его на свободе, есть риск, что он начнет все с начала.

— Не начнет.

— Как ты можешь быть так уверен?

Взгляд чернильно-черных глаз Бартелеми встретился со взглядом небесно-голубых глаз Люси.

— Знаю, и все. Уж поверь мне.

— Поверить? Думаешь, это так легко сделать? Мы познакомились вчера вечером...

— Но мы часто писали друг другу. И я видел тебя совсем голый.

Щеки и лоб Люси покрылись дурацким румянцем.

— Ну и что с того?

— Я не вру женщине, которую видел обнаженной. И мне нечего от тебя скрывать.

— Ты... — Люси села поудобнее и прокашлялась. — Ты убил отца, ведь так?

Бартелеми молниеносным движением смахнул со стола фотографии, с яростью ударил кулаком по гравировальной машине.

— Папаша в конце концов нашел мое убежище, — произнес он дрожащим от гнева голосом. — Мы подрались. Я вырвал у него нож. И ударил его в живот. И в грудь, и в лицо. Мне показалось, он был рад, что умирает. Думаю, собственная жизнь приводила его в ужас. Кажется, он был мне благодарен. Его тело все еще там, наверху.

— Почему ты сидел в тайнике с трупом отца?

Бартелеми пожал плечами, глаза его были мокрыми от слез.

— Я боялся его дружков из Шартра. К тому же, Ваи-Каи говорит, когда убиваешь кого-то, в полотне человеческого бытия появляется разрыв...

Люси вдруг захотелось взять Бартелеми на руки, как ребенка. Маленького ребенка, которого у нее никогда не было.

— Эти самые бандиты из Шартра, о которых ты мне рассказал, они могут здесь нарисоваться? А все остальные, участвовавшие в...

— Через неделю Рождество, — перебил ее Бартелеми. — Могу я... Можно мне провести его с тобой?

У него был такой несчастный умоляющий взгляд, что Люси, не раздумывая, кивнула.

— Да, но давай сначала решим, что делать со всеми этими трупами, хорошо?

Страсбургские ученики устроили Ваи-Каи торжественный прием. Его поселили в самом центре города, в доме, отмеченном знаком двойной змеи. Дав Учителю отдохнуть несколько часов, они предложили ему сосершить экскурсию по Маленькой Франции — знаменитому рождественскому рынку, и осмотреть уникальную церковь.

— Каждое святилище — будь то храм веры человеческой, или животной, или растительной — бесконечно важнее, сложнее и драгоценнее этой церкви, — произнес Духовный Учитель, разглядывая величественное здание.

Йенн заметил, что страсбуржцы непонимающе переглянулись: Учитель что, дает понять им, так гордящимся своей церковью и своим городом, что ни то, ни другое не имеет в его глазах никакой ценности? Йенн не сумел подавить нехорошую, мстительную радость: пусть кто-нибудь еще станет мишенью насмешек Ваи-Каи и почувствует себя полным идиотом.

— Люди, несмотря на всю их гордыню, никогда не сравниваются в величии и сложности замысла с Творцом, —

продолжил Учитель, не отводя глаз от единственного шпиля собора.

— Что именно вы пытаетесь нам сказать? — осмелилась спросить женщина лет пятидесяти. Ухоженная, нет — дорогая — внешность выдавала не искорененное до конца пристрастие к некоторым материальным благам этого мира.

— Эта церковь, как и все остальные, — гимн во славу людей, она утверждает их могущество. Или самоощущение могущества. Если бы люди действительно хотели отдать дань Творцу, они берегли бы свой сад, открывая храм в каждом дереве, каждом кусте, каждой травинке, каждом звере и каждом человеческом существе.

— Не слишком... католический взгляд на жизнь, — с сомнением покачала головой его собеседница.

Двадцать человек, топтавшиеся на блестящей от влаги паперти, выворачивали шеи, рассматривая терявшийся в тумане шпиль.

Редкие тяжелые капли падали с черного неба — такого низкого, что оно словно лежало на крышах окружающих зданий. Страсбург был красив — несмотря на мерзкую погоду, серый свет и огромное количество машин, поглядишь — и поверишь, что и в Эльзасе можно жить.

— Христианское понимание праведного существования не есть понимание самого Христа, — сказал Ваи-Каи. — Так его толковали апостол Павел, Рим, папы, миссионеры, фанатики и конкистадоры.

С недавних пор вся одежда Ваи-Каи состояла из набедренной повязки из растительного волокна. Когда он впервые появился на публике в этом наряде — вернее, в его отсутствии! — некоторые ученики почувствовали себя оскорбленными и немедленно отреклись. Йенн предполагал, что сейчас они пытаются вернуть свои дома, работу, счета в банке. Другие приняли случившееся, как горькое лекарство, а третьи просто-напросто собезьянничали, и на собраниях стали появляться мужчины в набедренных повязках и женщины, обмотанные куском ткани. Мягкая зима располагала к подобным

экспериментам, но если нагота Ваи-Каи была естественной, то подражатели с их розовой пухлой плотью выглядели смешно и нелепо. Он открыл свои мысли Учителю.

— Прекрати наконец судить других, — ответил ему Ваи-Каи. — Ты одет, но выглядишь так же смешно. Эти люди просто пытаются научиться жить заново, с доверием.

— Если завтра ты явишься им без одной руки, каждый немедленно лишит себя одной конечности. Я называю это не доверием, а придурью.

— Так они выражают любовь и привязанность ко мне.

— Ты неустанно повторяешь, что все мы — разные, что мы уникальны, хоть и принадлежим к одному племени. Так почему же они считают своим долгом слепо копировать все, что ты делаешь?

— Они подобны детям, они подражают и будут так поступать до тех пор, пока не услышат собственную песню, не найдут свой путь в жизни.

— Но разве не механическое подражание, не молитва без истинной веры привели христианскую и многие другие религии к ненависти и разрушению?

— Именно так, и по этой самой причине *ты* должен будешь убереечь тех, кто идет за мной, от всех обязательств, ритуалов, законов и заветов.

Тя? Но...

Йенн был потрясен — ему понадобилось несколько долгих мгновений, чтобы привести в порядок мысли и продолжить.

— Говорить с ними должен ты, тебя они слушают, тебя почитают. А ты ведешь себя так, будто я вот-вот стану твоим преемником.

Духовный Учитель подарил Йенну одну из тех обезоруживающе безмятежных улыбок, которые сообщали ему почти магическое очарование.

— Не сейчас, не сразу, успокойся. Это произойдет, когда моя душа покинет мое тело, когда ты перестанешь видеть во мне того, кем я не являюсь, и считать себя тем, кем не являешься ты. И потом, ты будешь не один.

Йенн никогда не задавался вопросом, что будет с учением Ваи-Каи, когда тот покинет этот мир, но Учитель неизбежно уйдет, потому что пребывание в доме всех законов не освобождает от смерти, но делает ее неотделимой от человека, превращая в чудесную и не менее желанную спутницу, чем жизнь.

— Что значит — не сейчас?

— Мой срок на этой земле еще не истек, но конец уже близок.

Слезы гнева и отчаяния затуманили взгляд Йенна.

— Ты хочешь сказать, что... видел свою смерть в будущем?

— Я не торговец временем. Моя смерть предначертана в настоящем, в ткани бытия.

— Это невозможно! У тебя теперь слишком много учеников, чтобы кто-то попытался тебя убить.

— Именно поэтому меня и хотят убить.

Йенн поднял кулак, словно собираясь нанести удар невидимому противнику.

— Кто?

— Неважно. Я люблю его, как каждого из моих братьев по двойной змее, как тебя.

— Подставь левую щеку, да? Если бы отец Симон подставил левую щеку, если бы не вырвал тебя из лап негодаев, истребивших племя десана, у мира не было бы шанса узнать тебя.

— Отец Симон — да будет он благословен! — сделал то, что должно было свершиться в тот момент, так и я, когда настанет мой час, сделаю то, что должно. А негодяи, как ты их назвал, тоже дети дома всех законов и нити ткани бытия.

— Но, черт возьми, если бы все рассуждали подобным образом, не было бы...

Йенн замолчал, не успев ляпнуть глупость: если бы весь мир рассуждал, как Ваи-Каи, человечество не стояло бы сейчас на краю бездны забвения. С самого начала времен люди были пленниками спирали, гнавшей их навстречу все новым и новым конфликтам, приближая к пучине.

— Подставлять левую щеку не означает бездействовать, — добавил Духовный Учитель, — совсем наоборот, подобный жест требует силы характера. Чтобы так поступить, необходимо освободиться от гнета условностей и установок.

— Я не готов подставлять щеки — ни левую, ни правую.

— Я всегда знал, что ты ужасный трусишка!

Веселый смех Ваи-Каи прозвучал в ушах Йенна, как звук пощечины. Неужели именно ему — гордецу, трусу, невеже, жертве, терпеливо сносящей все его насмешки, — Ваи-Каи хочет передать эстафету, покинув этот мир?

— Ты слишком многого от меня требуешь. Я — всего лишь человек...

— За кого ты себя принимаешь? Ты еще очень далек от истинной человечности. Но ты отрекаешься, отсекаешь, сжигаешь, и очень скоро не останется ничего, кроме твоей собственной истины, твоей нити в ткани бытия, неповторимой и блистающей.

* * *

Аудитория, собравшаяся в маленьком амфитеатре Технологического университета, арендованном Страсбургским отделением Движения новых кочевников, беспокойно переговаривалась. Перед входом в зал, в холле, люди сердито огрызались, обмениваясь оскорблениями и тычками, и эта агрессивность производила тем более странное впечатление, что обычно adeпты Духовного Учителя пребывали в состоянии приторно-сладкой и пылкой взволнованности.

Йенн даже не попытался вмешаться и навести порядок, оставив эту проблему организаторам семинара, маленькой группке страсбургских учеников, куда входила и элегантная дама, которую так огорчили высказывания Ваи-Каи на паперти кафедрального собора.

В последнее время ему все меньше и меньше хотелось вмешиваться. Он то и дело задавался вопросом, не

поддается ли, незаметно для себя самого, лени, инерции или усталости. Освободившись от большей части дел, он наслаждался той беззаботной расслабленностью, которую его родители и брат наверняка посчитали бы легкомыслием и непоследовательностью. Если управлять — это предвидеть, значит, он ничем больше не управляет, позволяя ходу событий нести его, не пытаясь связывать одно с другим, не ища связи и логики в череде, казалось бы, случайных происшествий. Он утратил вкус к организованности, к анализу, он больше не был одержим манией все контролировать, которой поддавался и во времена своего членства в партии неоеккологов, и в ассоциации «Мудрость Десана», и в отношениях с Мириам. Самоотречение давалось Йенну нелегко. Время от времени у него возникало желание вмешаться, что-то спланировать, организовать, придумать новый проект, но он немедленно отступал, столкнувшись с волей и добрыми намерениями других людей. Йенн чувствовал, нет — знал, что это всего лишь проявление людской гордыни, рядящейся в одежды милосердия и благородных намерений.

Теперь его занимали податливость, гибкость, действие без противодействия, подобное горному ручью, текущему по склонам и принимающему форму земного рельефа. Человеческие существа без конца возводили препятствия, выстраивали порядки, придумывали законы, догмы и ритуалы, чтобы пресечь, затруднить течение жизни, попытаться задержать, приостановить ее, превратив в затхлое болото. Новые кочевники не были исключением: они с угрожающей скоростью создавали новые структуры и иерархии, их словно бы пугали новые пространства, которые открывал перед ними Духовный Учитель, и они стремились как можно скорее упорядочить их с помощью старых привычек.

Йенн никого не осуждал, он был одним из них — человеком, жаждущим признаний, душой, томящейся в тюрьме плоти. Ему достаточно было взгляда на этих людей, чтобы увидеть самого себя как в зеркале с тыся-

чекратным увеличением, осознать собственные пределы, понять свое личное страдание. Они были пустыми оболочками, стремящимися наполнить себя содержанием, потерянными, тоскующими детьми-невротиками, ищущими свой путь во тьме. Они не слушали Ваи-Каи, а порхали вокруг него, как мотыльки, влекомые его магической аурой. Йенн спрашивал себя, что станет с этой лихорадкой и трепетом, когда свет Духовного Учителя угаснет и ветер развеет память о его чудесах.

— Скоро Рождество, так скажите нам, что вы думаете о Христе, о подлинном Спасителе! — крикнул кто-то со ступенек амфитеатра.

Со своего места на конце стола, где сидели Ваи-Каи, четверо членов оргкомитета и журналист из *DNA*, Йенн наблюдал за задавшей вопрос женщиной. Одетая в строгий костюм, старомодно причесанная, она глядела на Учителя с тем враждебным вниманием, с каким строгий экзаменатор ждет ответа нерадивого ученика.

— О чем ты спрашиваешь, женщина? О Христе или о Церкви Христовой?

Смушенная непривычным «тыканьем» — Ваи-Каи нечасто прибегал к подобному обращению, — его собеседница мгновенно стала агрессивной.

— О Его заветах.

— А ты сама следуешь Его заветам? Что ты о них знаешь, женщина?

Почувствовав неловкость, она заерзала на сиденье и зашла с другой стороны.

— Вы называете себя новым Христом. Но ведь это богохульство?

— Объясни мне, что такое богохульство.

Женщина обвела взглядом лица сидевших вокруг нее мужчин и женщин: они были бледны — то ли от света софитов, то ли от фанатичной нетерпимости и с трудом сдерживаемого гнева. Католики-интегристы, вне всяких сомнений. Йенн не знал, пришли эти люди по собственной воле или их в качестве передового отряда прислала власть, притаившаяся, подобно гигантскому спруту,

в темных холодных глубинах. Йенн не питал никаких иллюзий: если фанатики — любого розлива — ходят на выборы, политики будут гладить их по шерстке — каждый хочет получить лишний голос. Демократия — та самая демократия, которой так кичится Запад, — держится на тоненькой хрупкой ниточке — навязчивом страхе потерять голоса избирателей.

Страх, всегда и везде только страх.

— Богохульство — взять имя нашего Господа! — со злобой выкрикнула женщина. На лице ее читалась неприкрытая ненависть.

— Как зовут вашего Господа?

— Христос, наш Спаситель. Тот, чье рождение мы будем праздновать через два дня.

— Но разве вы не знаете, что каждый из вас, каждый из нас — помазанник Божий, любимое дитя Творения? Что каждый из нас — Мессия, Христос, Спаситель?

— Есть только один Христос, один Спаситель, Сын, которого Бог послал на Землю, чтобы искупить наши грехи! — завизжал в ответ тощий бородатый мужчина.

— Если бы люди за всю историю своего существования совершили всего одну ошибку, ею стала бы вера в первородный грех. Христос пришел на Землю вовсе не за тем, чтобы искупить нечто несуществующее, но для того, чтобы напомнить: все мы — дети Господа, или Творения, или животворящей энергии, или дома всех законов, название не имеет значения.

Сидевший на стуле по-турецки Ваи-Каи засунул руку в набедренную повязку и почесался, шокировав своим простодушным бесстыдством не только католиков-интегристов, но и организаторов лекции, и даже некоторых учеников, повсюду неотступно следовавших за ним.

— Христос пришел, чтобы научить каждого из нас воспринимать себя как единственную в своем роде и неповторимую нить ткани человеческого бытия. Он хотел, чтобы мы внимательнее относились к самому

маленькому, самому незаметному среди нас. Чтобы каждый смотрел на ближнего как на зеркальное свое отражение. Грехи, правила, отпущение грехов, обряды изобрели священники, чтобы оторвать каждое человеческое существо от его источника и изгнать из сада. Приход в мир — вовсе не проклятие. В доме всех законов нет ни проклятий, ни демонов. Несчастье, труд, пот, страдание — мы сами несем их в мир. Так перестанем же бояться змеи и научимся наслаждаться каждым днем нашей жизни, как прекраснейшим из яблок, и тогда древо познания предстанет перед нами во всем его великолепии и людям больше не придется ни создавать законы, ни выдумывать вероучения, ни строить храмы.

— Что вы пытаетесь сделать?! — зашелся в возмущенном крике бородач. — Отвратить христиан от их веры?

— Перестаньте верить в райское «завтра», проживайте полной мерой каждое мгновение, выбросьте вашу веру на помойку.

Шепот возмущения заглушил последние слова Ваи-Каи. Журналист, сидевший на сцене, жестом потребовал тишины и поднес к губам микрофон. Йенн думал, что корреспондент пропустил мимо ушей всю предыдущую дискуссию, а то и вовсе проспал — возможно, так казалось из-за тяжелых складчатых век.

— Если мои сведения верны, вы — уроженец Амазонии. Думаете ли вы, что... э-э, особые экологические условия этого региона земного шара, шаманические техники и учения действительно могут прижиться на западной почве?

— Христос проповедовал на Ближнем Востоке, но вы принимаете его учение. Будда жил на Востоке, но никто не возражает, когда глоссы западного мира принимают буддизм. Дом всех законов хранит не только Амазонию, но всю Землю. Настоящая экология занимается не исключительно лесами Амазонии, она воспринимает планету как единое целое, как неразделимую и священную общность.

Лицо журналиста сморщилось в подобии улыбки.

— Христос, Будда... как заметил ваш последний оппонент, вы не боитесь сравнивать себя с самыми великими религиозными фигурами человеческой истории...

— Каждый из нас сравним с ними. Их не отделишь от экологии человека.

Больные в инвалидных креслах сидели в первом ряду амфитеатра, некоторых сопровождали сиделки или родственники. Надежда в их глазах постепенно угасала. Они знали, что Ваи-Каи творит свои чудесные исцеления отнюдь не на каждой лекции, а разгоравшийся в Страсбурге спор оставлял им мало надежды. Многие вотуже год посещали все лекции Духовного Учителя и каждый раз с замиранием сердца ловили его взгляд, ждали, когда он возложит руки на их головы.

Йенн много раз с тревогой спрашивал Ваи-Каи:

— Почему ты не исцеляешь тех, кто в тебя верит, на каждой встрече, раз уж тебе дана такая власть?

— Они сами не всегда позволяют мне делать это. Я ничего не могу без их дозволения.

— Но, черт возьми, все хотят поправиться! Лучшее тому доказательство — они преодолевают расстояние в сотни километров, чтобы встретиться с тобой!

— Дело не в километрах. И не во внешней стороне поступков.

Йенн протер бумажным платком очки и обвел взглядом сидящую в амфитеатре толпу. Как понять, искренни ли побуждения людей? Чем истинные ученики отличаются от лицемерных фарисеев? И есть ли вообще между ними хоть какая-то разница?

— Тот, кто осмеливается сравнивать себя с Христом, может быть только шарлатаном! — вопит, подняв кулак, бородач.

— Да нет, он — сам дьявол! — подхватывает крупная седовласая женщина. — Мои дочь и зять бросили все — работу, дом, своих близких, — чтобы следовать за ним. Что теперь с ними будет? В кого превратятся их дети? В изгоев? В бродяг?

Ваи-Каи жестом попытался успокоить волнение, возникшее на сцене.

— *И всякий, кто оставит думы, или братьев, или сестер, или отца, или мать, или жену, или детей, или земли ради имени Моего, получит во сто крат и наследует жизнь вечную**.

Спокойный голос Ваи-Каи прозвучал с удивительной мощностью. Он улыбнулся, распрямил свое гибкое смуглое тело, пошел к инвалидным коляскам и, не обращая никакого внимания на перешептывания слушателей, возложил руки на первого больного.-

* Евангелие от Матфея, 19:29.

Матиас ринулся к лестнице: дыхание сбивалось, глаза застилала пелена красного тумана.

Он вернулся на ферму пять дней назад — сначала ехал на автобусе, потом шел пешком. Ферма практически опустела — руководители французской ячейки «Джихада» решили перевезти людей, оружие и все оборудование на базу в департаменте Уаза. Он единственный из всей команды выжил, за что и был подвергнут допросу с пристрастием. Собеседник Матиаса — талиб с сухим лицом и горящим взглядом фанатика (он отвечал за операцию перебазирования) — выслушал его объяснения с недоверием, которое не считал нужным скрывать.

— Ты должен был убить себя, как сделали остальные, Малик! — Талиб говорил на превосходном, с едва уловимым акцентом, французском. — Рискую попасть живым им в руки, ты подвергал опасности весь «Джихад». Очень большой опасности.

Матиас поклялся, что скорее пустил бы себе пулю в сердце, но не сдался бы легавым. Афганец долго смотрел на него, щуя с подозрением глаза и поигрывая

спусковым крючком своего пистолета, потом отослал, махнув рукой и пробурчав в спину, что на новом месте его снова допросят. Матиас понял: руководители «Джихада» и не планировали, что боевики вернутся живыми из Дисней-парка. Смерть была «дежурным блюдом» в меню моджахеда, и неважно, убивали его враги Аллаха или он кончал жизнь самоубийством. Смерть являлась неперенным моральным условием договора, который Бог заключал со своими воинами.

Матиас не хотел умирать.

Не сейчас, когда он обрел Хасиду и они со всей энергией отчаяния любили друг друга везде, где только удавалось: в темных углах на ферме, в зарослях одичавшего ягодного кустарника, в лесу.

Хасида договорилась с подругами, чтобы они помогли ей избавиться от «каторжного траханья» (так они это называли между собой). Она больше не желала быть обезличенной «дыркой» для моджахедских членов. Хасида попросила своих кураторов, чтобы их обоих — ее и Матиаса — сняли с дела, но «высокие сферы» ответили, что им плавать на романтическое состояние души агентов, работа есть работа и ее нужно выполнять. Кстати, альтернатива проста: продолжать или провести тридцать ближайших лет в камере.

Остальные женщины сказали Исмаилу, распоряжавшемуся «каторжным траханьем», что у Хасиды небольшая инфекция, но некоторые боевики требовали, чтобы их «обслуживала» именно она, так что — рано или поздно — ей придется вернуться к обязанностям шлюхи Аллаха. Если бы их с Матиасом поймали, она немедленно получила бы пулю в затылок или в сердце: в «Джихаде» смертью каралось малейшее неповиновение, любая ложь или нарушение правил.

Вездесущая тень опасности придавала жестокую чувственность и особую остроту любовным играм Хасиды и Матиаса. Они обнимались, целовались, ласкали, кусались, царапались, исследовали тела друг друга с отчаянной страстью, как будто виделись в послед-

ний раз и чувствовали, что разрушительные силы уже обрушились на райский сад человечества. Теперь Матиас шагал по нити, протянувшейся между ним и Хасидой, и эта нить сверкала, напоминая ему о великолепии простых древних радостей, выводя к свету, к жизни. Матиас больше не чувствовал потребности укрываться в лоне ночи, разве что затем, чтобы спрятать свое счастье от чужой зависти, как хранят клад в темноте пещеры.

Каждое утро, просыпаясь в пустой общей спальне под крышей, он радовался, что принял предложение Блэза и Кэти, упивался пусть и условной, но свободой, гнал прочь черные мысли о том, что дни несчастий вернутся. Вскочив с постели и обмотав раненое плечо пленкой, чтобы не намокли бинты, Матиас принимал душ, одевался, спускался в кухню и наспех завтракал. Женщины — наперсницы любви Хасиды — смотрели на него умиленными взглядами. Поев, Матиас бежал через парк к тайной двери в крепостной стене, выходящей прямо в лес.

Хасида уже ждала его в маленькой хижине-шалашике — наверное, его когда-то построили дети. Она растянулась на засыпанном листьями, влажном от дождя полу принесенные одеяла, и Матиас открывал для себя в ее объятиях ту жажду любви, которой не познал ни с одной другой женщиной. Страсть выталкивала их из хижин на улицу, заставляя кататься по грязи. Они лихорадочно искали встреч вечером, на закате дня, и ночью, кидались друг на друга, как дикие животные, занимались любовью на чердаках сараев, амбаров и гаражей. Матиас познал наконец утонченно-болезненное ощущение страха. У него останавливалось сердце при одной только мысли о том, что Хасида может уйти из его жизни также внезапно и необъяснимо, как пришла в нее, уподобившись неуловимому божеству из языческих сказаний древних славян.

Связывавшая их нить была не толще паутины.

Этим утром Матиас проснулся с ощущением неосознанной тревоги, ему вдруг показалось, что их подстерегает несчастье. Кое-как одевшись, наплевав на умыванье

и бритье, он спустился в кухню, не нашел там ни единой живой души (похоже было, что никто даже не завтракал), стрелой, забыв об осторожности, промчался через парк и побежал под убийственно-тяжелыми каплями дождя на обычное место их свиданий.

Хасиды там не оказалось.

Не зная, что делать, Матиас несколько минут неподвижно стоял под зеленым навесом, глядя, как заполняются водой желобки и канавки. Внезапно он услышал крики — не извне, а внутри себя, по телу пробежала судорога жуткой боли, и он понял — там, на противоположном конце нити, Хасида в опасности.

Матиас ощущал ее ужас и страдания, как свои собственные. Он кинулся обратно: ветви деревьев били его по лицу, колючие кусты царапали руки.

* * *

Вопли раздались снова, на сей раз совсем близко, удвоив решимость Матиаса. Он выскочил на площадку второго этажа и кинулся к двери, из-за которой доносились жуткие крики.

Выпрыгнувшая навстречу тень ударила его чем-то твердым в живот.

— На твоём месте, Малик, я бы остановился!

Исмаил — сутенер «сестер джихада» — погладил его по ребрам дулом пистолета. Вьющиеся волосы и белая борода — в обычной жизни этот человек наверняка выглядел бы вполне благообразно! — подчеркивали жестокое выражение морщинистого лица. Он угрожающе вращал черными сверкающими глазами, дыша в лицо Матиасу удушающим, почти тошнотворным запахом светлого табака.

— Я тут посчитал — с учетом «трехразового питания» ты мне должен около двухсот пятидесяти евро, — продолжил Исмаил с мерзкой улыбкой. — И учти, я считал по ночному, а не по дневному тарифу, иначе вышло бы вдвое дороже!

Матиас задрожал всем телом, услышав из-за двери жалобный стон Хасиды.

— Пропусти меня, — прошептал он, глядя Исмаилу прямо в глаза.

— Она всего лишь женщина. Маленькая грязная шпионка французского правительства, только и всего.

— Кто вам это сказал?

— Она сама. Ее застукали, когда она звонила. Теперь получает, что заслужила.

Матиас с убитым видом покачал головой. Реакция Исмаила — правоверного мусульманина — оказалась предсказуемой: он ослабил внимание, опустил пистолет и сунул руку в карман за сигаретами.

— Я тоже удивился. Никогда бы не подумал, что эта...

Исмаил подавился окончанием фразы. Матиас с такой силой ударил его ребром ладони по кисти, что хрящи хрустнули, как сухой хворост. Второй удар — на сей раз в солнечное сплетение — заставил надсмотрщика согнуться пополам. Пистолет выпал у него из руки, сигареты из открытой пачки посыпались на пол. Матиас нанес Исмаилу еще один удар по горлу, подобрал пистолет — автоматический *MAC 50*, устаревшая модель, была на вооружении во французской армии. Удостоверившись, что он заряжен, Матиас отвинтил глушитель и, перешагнув через тело моджахеда, направился к двери. На его удачу, руководители французской ячейки «Джихада» уже перебравшись на базу в Уазе и увезли с собой американских телохранителей, бывших солдат американской армии — те были куда опаснее охранников-мусульман.

Матиас толкнул приоткрытую дверь, заглянул в комнату. Двое мужчин — допрашивавший его афганец и Юсуф, одетый в свою вечную майку с капюшоном, — избивали ремнями лежащее на полу тело.

Хасида. По пояс обнаженная. На располозованной груди блестят капли крови. Она слабо подергивалась, как полумертвое насекомое с оторванными лапками.

Мужчины хлестали ее, осыпая оскорблениями на смеси афганского, арабского и французского.

Скрипнула половица, и талиб обернулся — в тот самый момент, когда Матиас нажал на курок. Он отпрыгнул назад, попытавшись уклониться, но опоздал, и пуля попала ему в грудь. Отлетев по инерции к стене, он ударился об нее и упал на пол, как тряпичная кукла, оставив на отсыревших обоях кровавый след.

Юсуф бросил ремень и одним прыжком оказался у двери в смежную комнату (это была то ли ванная, то ли гардеробная). Первая пуля попала ему в бедро, но он не остановился. Матиас выстрелил второй раз, и Юсуф, потеряв равновесие, рухнул на паркет, перекатился несколько раз через себя и застыл у стены. Матиас убедился, что афганец больше ему не опасен, подошел к Юсуфу, присел рядом с ним на корточки и приставил дуло к виску.

— Хочешь помолиться перед смертью?

Слезы и умоляющий взгляд ясно свидетельствовали о том, что Юсуф вовсе не хочет умирать, даже рискуя вызвать гнев Аллаха. Он стонал, громко и жалобно, как больной щенок, дышал часто и прерывисто. Указательный палец Матиаса застыл на спусковом крючке *MAC 50*, но что-то мешало ему выстрелить, — не сострадание, нет, скорее уверенность, что их нити пока не пересеклись. Он знаком приказал Юсуфу молчать, встал, склонился на Хасидой, чтобы осмотреть ее раны. Некоторые увечья, нанесенные металлическими пряжками, выглядели устрашающе. Она скользнула по нему взглядом, не узнавая. Не в силах выносить страдания, Хасида прервала все связи с этим миром и теперь блуждала в иной реальности. Палачи с невероятной жестокостью надругались над ее грудью, и Матиас почувствовал такую ярость, что чуть было не вернулся к Юсуфу, чтобы прикончить его.

Ему удалось поставить Хасиду на ноги и натянуть на нее футболку. Она не сопротивлялась, пошатываясь и подергиваясь, как тряпичная кукла. Матиас закинул ее

на плечо, пошатнулся, когда тело всей тяжестью навалилось на раненое плечо, и вышел из комнаты на лестничную клетку, закрыв за собой дверь. Валявшийся на полу Исмаил хрипел, держась обеими руками за июю.

Никто не попытался остановить Матиаса ни на лестнице, ни в холле на первом этаже. В дверях салона Матиас заметил силуэты застывших в полной неподвижности женщин. Выйдя под навес крыльца, Матиас остановился, глядя на заливаемый дождем парк. Ему была необходима машина, чтобы отвезти Хасиду в ближайшую больницу в Куломье. Майка девушки промокла от крови, его раны тоже открылись и начали кровоточить. Двое мужчин пробежали по залитой дождем аллее к ближайшему сараю, не обратив на Матиаса никакого внимания.

— Что они с ней сделали?

Вздрогнув, он стремительно обернулся, направив пистолет в ту сторону, откуда раздался голос, но тут же опустил руку: к ним приближалась группка женщин.

— Отхлестали ремнями, — ответил он со слезами на глазах.

— Тот чокнутый талиб, да? — процедила сквозь зубы одна из них — Мессауда. — Он всегда избивал меня в постели. Ты... ты его убил?

Матиас кивнул.

— Я жалею, что мне не хватило смелости зарезать его во сне! — дрожащим от гнева голосом заявила Мессауда.

Она была еще молода, но общение с солдатами «Джихада» состарило ее на сто лет.

— Она и правда работала на легавых?

Матиас ничего не ответил, прекрасно понимая, что его молчание — самый убедительный из всех возможных ответов.

— Оставайся с ней, я пригоню машину.

Мессауда скинула чадру, подобрала юбки и помчалась по центральной аллее, даже не поинтересовавшись мнением Матиаса.

Раненое плечо болело так сильно, что сам он все равно далеко бы не ушел. Осторожно положив Хасиду на каменные плиты крыльца, он сел рядом, стараясь побороть головокружение и не потерять сознание. Четверо оставшихся с ними женщин встали перед Хасидой и Матиасом, заслоняя их от окружающих (будьте благословенны, чадра и длинное платье!). Проходивший мимо моджахед усмотрел в этом «стоянии» очередное доказательство женской глупости.

— Этот — настоящий маньяк, — прошептала одна из них, когда талиб скрылся за углом дома.

— Со мной он кончает только в «дурное отверстие», — добавила другая.

— Ну, Аллах был к нему не слишком милостив, — съязвила третья. — Тем, что у него болтается между ногами, он не сделает женщине больно — ни в одном из «отверстий»!

Женщины смеются.

— Между ног у него, может, мало что есть, но он все-таки мужчина, — снова вступает в разговор первая из женщин.

Через несколько мгновений к крыльцу подъезжает машина — белый универсал «рено». Женщины помогают Матиасу уложить Хасиду на заднее сиденье, потом Мессауда, видя, что он не сможет сесть за руль, предлагает отвезти их в Куломье.

— Я не вернусь, — бросает она остальным, открывая дверцу. — Никогда. Пусть эти слуги Аллаха ищут меня, если хотят. Они меня уже убили. И не один раз.

Пребывая в полубессознательном состоянии, Матиас все-таки заметил, что лица Мессауды и ее подруг мокры не только от дождя, но и от слез. Долгие месяцы они находили поддержку и тепло только друг в друге, и теперь их мучила одна и та же мысль: как выжить в разлуке, выживать в одиночку, с глубочайшим отвращением к себе и всем мужчинам на свете, зная, что помощи ждать неоткуда?

'к -к "к

— Ты тоже работаешь на полицию?

— Можно и так сказать.

Резкий запах дезинфекции смешивался с ароматным дымом легких сигарет Мессауды, вызывая у Матиаса гошноту. Унылый цвет стен приемного отделения наводил тоску. Раны в плече перестали кровоточить, и он отказался показаться врачу, хотя после того как санитары скорой помощи унесли Хасиду, Мессауда уговаривала его это сделать. Матиас чувствовал слабость, его бил озноб, но боль постепенно уходила, а силы возвращались. За стеклами палат и коридоров, как пчелы, суетились врачи в белых и зеленых халатах. Следом за Матиасом и Мессаудой в приемном покое появилось еще трое пациентов: вусмерть пьяный мужик, раскrojивший лоб о стену собственного дома, мальчик, сломавший палец на тренировке по дзюдо, и молодая женщина в ссадинах и синяках — ее наверняка «обработал» собственный муж.

— Ты не похож на легавого...

— Ты права, — кивнул Матиас. — У меня был тот же выбор, что у Хасиды: работать на них или кончить жизнь в тюрьме.

— В тюрьме? Что ты сделал? Убил кого-нибудь?

— Многих, — ответил Матиас после секундной паузы. — Это была моя работа.

Мессауда глубоко затянулась сигаретой, задумчиво глядя на Матиаса.

— Ты и на убийцу не похож.

— А как, по-твоему, выглядит убийца?

— Как член «Джихада». У них глаза сумасшедшие.

Мессауда трянула головой, откинув назад волосы, с трудом подавила подступившие к глазам слезы. Теперь она будет плакать при любом упоминании об этих психопатах, и неважно, кто о них заговорит — случайный собеседник, телекомментатор или радиообозреватель. Мессауда наверняка искренне верила, что «Джихад» принесет на эту Землю чуточку больше справедливости,

покая и счастья. Ее иллюзии разбились о жестокость мужчин с черствыми сердцами.

— А ты как оказалась в этом...

— ...дерьме? Я плевать хотела на религию, пока не влюбилась кое в кого. Мне было пятнадцать, и я все ради него бросила. Как полная дура. Этот ублюдок отвечал за вербовку...

Рассказ Мессауды был прерван появлением врача-интерна в зеленом хирургическом костюме. Рыжий лысеющий толстяк с обрюзгшим лицом окинул Матиаса и Мессауду недоверчивым, даже подозрительным, взглядом.

— Та молодая женщина, которую вы привезли... Уверены, что она совершеннолетняя?

— Она просто выглядит намного моложе своих лет, но не волнуйтесь, все в порядке, — сухо бросил в ответ Матиас.

Интерн раздраженно вздохнул, потер небритый подбородок.

— Знаете, с кем из членов ее семьи можно связаться?

— У нее нет семьи.

— Где вы ее подобрали? Кто ее «обработал»?

На этот раз врачу ответила Мессауда.

— Скоты.

— Вы их знаете?

— В общем-то, нет. А почему вы задаете нам все эти вопросы?

Интерн кинул на них взгляд, в котором сквозило высокомерное превосходство *знающего*.

— Мадемуазель, вы разве не заметили, что в этом помещении запрещено курить?

Потеряв терпение, Матиас закричал:

— Что с Хасидой? Это опасно? Сколько времени она пробудет в больнице?

Интерн выдержал долгую паузу, очевидно, надеясь внушить хоть каплю уважения странной парочке, попавшей к нему на прием.

— Дольше, чем мы могли предположить после первоначального осмотра, — объявил он с ученым видом (паршивый интернишка, а гонору-то, гонору!). — У нее неврологическая травма, что-то вроде паралича нервной системы. Точный диагноз мы пока поставить не можем. Никто не возьмется утверждать, что ее физические и умственные способности вообще когда-нибудь восстановятся в полном объеме.

— Чем теперь займешься?

«Бывшая № 1» смотрела на Марка поверх чашки взглядом удава, караулящего кролика. Они встретились в маленьком кабачке в XIII округе, куда забегали поесть в те далекие времена, когда были женаты. Экс-супруга Марка еще больше похудела — это был ее способ выкрикнуть в лицо миру признание в собственной несчастливое™. Навязчивая идея похудания выродилась у нее в патологический отказ от еды, очень коротко постриженные волосы цвета воронова крыла обрамляли изможденное морщинистое лицо. Девочки, проводившие мать до дверей ресторанчика, сбежали, наспех поцеловав отца: у молодых ведь всегда так много дел — нужно прогулять свою скуку и прыщи по улицам, поездить в метро, прыгнуть в НЕИовский поезд, поесть на ходу, сходить в киношку, а оттуда на каток, а потом на вечеринку, пофлиртовать и порвать с парнем. Дочери Марка являли собой ярчайший пример конфликта поколений: обесцвеченные почти до белизны волосы, упитанные тела (а не надо все время жевать!), бесформенная одежда,

духи с агрессивными ароматами и выражение вечного недовольства на лице. Обе — старшая и младшая, — не снимая наушников, без конца слушали американских рэперов или таких международных звезд, как Тай Ма Радж, Иник и иже с ними.

— Пока не знаю.

— Но ты получишь выходное пособие?

— Если верить профсоюзному адвокату, увольнение по причине этических несогласий приравнивается к увольнению по экономическим причинам.

— Профсоюз? Разве ты не говорил, что они и пальцем не шевельнут ради журналиста из «EDV»?

Марк допил кофе, закурил. Его бывшая жена, бросающая курить, не переставая, десять лет подряд, цапнула сигарету из его пачки, лежавшей на искусственном мраморе столешницы. Марк смотрел, как она прикуривает, наклонив голову к пламени зажигалки, и пытался вспомнить ее запах, вкус ее губ, ощущение от прикосновения к ее коже и нежному животу, но в памяти всплывали лишь вкус и запах «бывшей № 2»: так на экране цветного телевизора оживают полузабытые воспоминания.

— Профсоюзу в первую очередь нужна шкура *ВЖН*, — пояснил он, — чтобы получить ее, эти деятели используют любые возможности, им на руку все конфликты. Меня это устраивает: бесплатный адвокат плюс обещание добиться результата.

Несколько минут «бывшая № 1» молча курила, задумчиво склонив голову к плечу. Она все еще инстинктивно вытирала рот после каждой затяжки — атавизм давних времен, когда от сигарет без фильтра и косячков на нижней губе оставались табачные крошки. В вырезе свитера Марк видел жилистую шею и худую ключицу.

— Я имела в виду — чем ты займешься, когда все закончится, потом? Какие у тебя планы? Ты, пожалуй, слишком молод для выхода на пенсию, разве нет?

— Честно говоря, не знаю. Возможно... может быть, использую это время, чтобы писать или... не знаю... уточнить, конкретизировать старые наброски моего романа.

Темные глаза «бывшей» затуманились ностальгическим воспоминанием, приправленным изрядной долей иронии. Он начал трепаться о своем романе на первом же их свидании, и она — мудака! — поверила, увидела в нем великого человека, возмечтала стать его музой, новой Эльзой*. Будущая слава великого романиста сыграла не последнюю роль в ее решении разделить жизнь Марка. Она, так нуждавшаяся в поддержке и опоре, не ропща прожила первые — самые трудные годы их чертова брака, терпела нужду, изворачивалась, чтобы позволить своему гениальному мужу разродиться наконец великим творением. Но роман остался химерой, романист превратился в обычного журналиста-ремесленника, а бюст гения покрылся паутиной повседневности и рухнул с пьедестала.

Жена Марка — на вполне законных основаниях — возненавидела всех мужчин и укрылась в болезненных воспоминаниях прошлого, раз уж настоящее не сулило ей ничего хорошего. Рождение дочерей мало что изменило, разве что ей пришлось вылезти на некоторое время из своей скорлупы — хотя бы для того, чтобы выполнить материнские обязанности. После рождения второй дочери она, как и многие другие женщины, попала в ловушку, ей пришлось выбирать, кем быть — женой или любовницей, и она замкнулась в сексуальном аутизме, так что, овладевая собственной женой, Марк каждый раз чувствовал себя насильником. Она принимала его, но лежала неподвижно, как мертвая, застыв в молчании — она ведь обязана исполнять супружеский долг! — а потом пулей неслась в ванную и начинала яростно тереть себя жесткой губкой, как будто хотела очиститься от всех мужских выделений — пота, слюны, спермы, запаха... По логике вещей, эта женщина не должна была бы удивляться тому обстоятельству, что Марк начал искать утешения и плотских утех на стороне, в объятиях других женщин, но, узнав, что у нее мужа роман (а может, и не один!),

* Знаменитая возлюбленная Гете.

она начала шантажировать его самоубийством, без конца глотая таблетки целыми пузырьками. Потом начался долгий и мучительный путь к разводу с приступами взаимной яростной ненависти и попытками примирения. Она мстила Марку, выставляя его перед дочерьми дьявольским донжуаном, законченным мерзавцем и единственным виновником неудачи их брака. Когда девочки были маленькими, они, конечно, верили матери, но как только подросли, поняли, что их неуравновешенная мать несет свою долю ответственности за разрушение семьи.

— Бедный мой старичок, ты и сам прекрасно знаешь, что никогда не напишешь этот роман, — зло хихикнула «бывшая № 1», раздавив сигарету в пепельнице.

Забавно, как часто «бывшая № 1», «бывшая № 2» и некоторые коллеги называли его в разговоре «бедным старичком»! Может, его сглазили или проклятье наложили? Марк машинально взглянул на свое отражение в витринном стекле и увидел жалкого пятидесятилетнего типа... стареющего мужика.

— А почему, собственно, нет?

— Да потому, что для этого надо яйца иметь!

Бывшая явно ужасно гордилась своей репликой, ее улыбка выглядела бы совершенно отталкивающей, не будь она столь патетичной. Этот роман был ее разбитой мечтой, ее великим поражением, и она не потерпит, чтобы он сдержал свое обещание, дав его кому-то другому.

— Я имела в виду не то, что болтается у всех самцов между ногами, — заявила она, выковыривая очередную сигарету из пачки Марка. — Они есть и у людей и у животных. Я имела в виду голову (она потыкала указательным пальцем в лоб экс-мужа), мозги, отличающие посредственность от таланта. Я давно перестала верить, что ты — исключительный, талантливый человек, Марк.

— Разница между нами в одном — я никогда в это не верил, — пробормотал в ответ Марк. Слова «бывшей» задела его сильнее, чем он готов был признать.

— Девочки хотят, чтобы ты в кои веки отпраздновал Рождество дома.

— Девочки или ты?

— А хоть бы и я...

Каждый раз, встречаясь, они начинали спорить, и всякий раз спор замирал, повиснув в горькой тишине, полной невысказанных упреков. Женские журналы, эти торговцы счастьем по цене двадцать монет за штуку, предлагали множество рецептов на тему: «Как преуспеть в разводе». Их послушать, так все эти рецепты сообщали в редакцию воссоединившиеся и снова живущие в полной гармонии пары или какие-то доисторические чудачки, которым нравится жить общим зверинцем со свекрами, тестями, свекровьями, тещами, невестками, снохами, шуринами, меринами... тьфу! У Марка и его «бывшей № 1» все было иначе: в душе у обоих жила глухая боль из-за провала, рана нарывала и гноилась, провоцируя агрессию, нравственную глухоту, непонимание. Они как всегда расстанутся, не поцеловавшись, не выказав друг другу ни малейшей нежности, и каждый пойдет своим путем, расковыривая болячку, копя обиду и злость, лелея боль и сожаления и вынашивая планы мести. А потом она воспользуется первым же предложением и позвонит ему, чтобы позвать в гости — «это доставит удовольствие девочкам», а он будет отказываться, выдумывая несуществующие причины, откладывая визит на завтра, на следующую неделю, на «как-нибудь потбм». На благословенное «никогда».

• * * •

— Ты тогда задал очень хороший вопрос — единственный по-настоящему верный: кто отдает приказы *ВЖН*?

Жан-Жак Браль кусал мундштук своей трубки с яростью собаки, грызущей кость. После расставания с «бывшей № 1» Марк пересек пешком почти весь XIII округ, направляясь в «Кловис», знаменитую пивную на пересечении улиц Алезия и Томб-Иссуар.

Раздавшийся три дня назад звонок ЖЖБ изумил его до невозможности: звезда, ведущий журналист «EDV», еще недавно практически не обращавший на него внимания в коридорах и кабинетах журнала, просил о секретной встрече вдали от чужих глаз и ушей. Черт, вот что он должен был рассказать своей бывшей час назад в том кафе: не такое уж я ничтожество, как ты утверждаешь, сам ЖЖБ, святой Браль, просит у меня аудиенции! Марк никогда не спекулировал авторитетом журнала или своих звездных знакомых — хотя Шарлотта умоляла его об этом, приглашая на тот катастрофический ужин с Конрадом-ибн-дизайнером и романисткой-некрофилкой, написавшей так называемую биографию Жанны Д'Арк.

Время от времени Марка охватывало жгучее желание позвонить Шарлотте, насладиться нескончаемым потоком слов, осторожно поинтересоваться, как там у нее дела с Конрадом-как-его-там на... постельном фронте, успокоиться, утешиться, проверить, на что он способен.

Он так ни разу и не поддался искушению из страха быть отвергнутым, униженным сравнением с таким сексуальным и удачливым типом, как Конрад-дизайнер-поинтерьерам. Чтобы утешиться, Марк представлял, как прыгает в машину, едет на плато Обрак, паркуется во дворе фермы, стучит в тяжелую деревянную дверь и погружается взглядом в черные бездонные глаза Пьеретты. Это была не более чем мечта, облачко, набежавшее на небо его воспоминаний: мучимый угрызениями совести, он бы никогда не решился выдержать взгляд матери или сестры Христа из Обрака. Тут «бывшая № 1» не ошиблась — кишка у него была тонка.

ЖЖБ отпил глоток пива и вытер губы рукавом. Вблизи он не казался таким отталкивающим, в седобородом лице, в глазах под дымчатыми очками проглядывало нечто человеческое. Браль заказал антрекот с кровью, а Марк остановился на блюде дня — форели с миндалем. Посетителей в пивной было совсем немного, но

выкрики официантов, озабоченно курсировавших по залу, делали ее похожей на улей.

— Такой журнал, как «EDV», не может, да никогда бы и не стал претендовать на роль провозвестника истины, — продолжил Браль. — Впрочем, единой истины в этом мире не существует, она многообразна и все время меняется. Мы можем только высказывать наши мнения, делиться своими ощущениями и чувствами. Люди, объявляющие себя объективными свидетелями, — просто кретины, наивные типы, опасные для своей профессии.

— Но именно это пытаются втемяшить в голову журналистам-подмастерьям: объективность информации, отказ от эмоциональной оценки фактов.

ЖЖБ отмахнулся, едва не задев рукой накладной пучок блондинки, в одиночестве обедавшей за соседним столиком.

— Полная херня! Объективность — не более чем метод, который использует система, штампуя маленьких преданных солдатиков с пустой головой, рядовых исполнителей. Лично я предпочитаю такие понятия, как ясность и, если нужно, осознание.

— Что значит, если нужно? Разве ясность без осознания не есть цинизм?

ЖЖБ затыкнулся трубкой, и это движение можно было принять за улыбку.

— А я предпочитаю циников идеалистам. Циники благоразумны, но они не боятся фактов, а с идеалистами торговаться невозможно.

Марк сделал глоток белого вина — его вкус показался ему слишком терпким, закурил сигарету, чтобы перебить запах трубочного табака ЖЖБ, от которого к горлу подкатывала тошнота.

— Я так понимаю, себя ты записал в циники, а меня — в идеалисты?

ЖЖБ откинулся на спинку стула, развел руками, и на этот раз задел-таки блондинку. Она обернулась, не донеся до рта вилку, и метнула в него убийственный взгляд.

Браль посмотрел ей в глаза как маньяк-чистюля, заметивший пятнышко грязи на своем ковре. Ошарашенная его презрением, блондинка насупила выщипанные брови, но промолчала: если бы она затевала перебранку с каждым мужланом, перешедшим ей дорогу, жизни не хватило бы на выяснение отношений.

— Скажем так — будет продуктивнее... встать на позиции ясности.

— Продуктивнее для кого? Какой у *тебя* интерес в этой истории?

— Неважно. Я всего лишь хочу показать тебе проблему в ином свете, чтобы ты знал, во что собираешься вляпаться.

— Ты говоришь о Христе из Обрака?

ЖЖБ молчал, пока официант подавал им горячее. Он положил трубку на стол, в несколько глотков допил свое пиво, посолил и поперчил антрекот, похрустел жареной картошкой и наконец взялся за нож и вилку.

— Я добыл некоторые сведения об Иисусе Мэнгро, он же — Ваи-Каи, он же — Христос из Обрака, — сказал он, пытаясь разрезать мясо. — А также об отце Симоне, том миссионере, который привез мальчика во Францию.

Мясо оказалось жестким — Браль жевал с выражением мученического старания на лице. Марк принялся расчленять форель, что оказалось непростой задачей: нежное мясо рассыпалось.

— Мы во Франции не имеем даже отдаленного представления о том резонансе, который эта история имела не только в Колумбии, но и во всей Амазонии, — продолжил ЖЖБ. — Колумбийская католическая церковь перебила — с благословения Рима — индейцев десана, а стервятники всех мастей, слетевшиеся на запах крови, продолжили ее черное дело, истребляя все подряд амазонские племена, хотя их защищают декреты ООН. Все поживились — торговцы лесом, золотоискатели, нефтедобытчики, разработчики-биогенетики, пашущие на фармацевтических монстрах... Теперь они дружно грабят девственные леса Амазонии, «легкие планеты».

— Я не понимаю, зачем совет шаманов предупредил Церковь о пришествии Ваи-Каи. Недоступна моему пониманию и позиция церковников. С чего бы им верить в пророчества колдунов, язычников?

— Церковь поражена паранойей — как все империи на закате. Официально они презируют шаманизм да и все остальные примитивные культы — или первичные, называй как хочешь! — но в действительности они их боятся, как чумы. Легитимность Церкви покоится на более чем хрупкой основе и может рухнуть в мгновение ока. Церковь как институт с ума сходит при одной только мысли, что пришествие нового Мессии — языческого Мессии — прикончит ее. Ваи-Каи — это возвращение Матери-Богини, конец правления патриархов и догм, возвращение в сад Эдема, к эпохе «до первородного греха», отрицание жестокого принципа искупления, который попы три, а то и четыре тысячелетия вдалбливали в головы верующим. А ведь это единственный реальный способ выйти из того тупика, в который загнало себя человечество.

Форель оказалась несъедобной, и Марк удовольствовался горсткой клейкого риса, присыпанного миндальной стружкой, запивая его белым вином. Блондинка за соседним столиком безуспешно пыталась привлечь к себе внимание официанта, который притворялся, что в упор ее не видит. Темный продымленный зал рестораника напоминал волнуемое море.

— Тут на сцену выходит отец Симон, — рассказывал ЖЖБ. — Миссионер-расстрига, принявший шаманизм, жил с индианкой, она родила ему двух дочерей...

— Он мне рассказал, — перебил его Марк.

— Но он наверняка не признался, что сначала согласился работать на архиепископа Боготы, — ему пообещали прощение и возвращение сана. Ему даже поручили готовить нападение на племя и убийство нового мессии. Он понял, что натворил, когда увидел жену и дочерей изрезанными на мелкие кусочки, явился на совет шаманов и сказал, что поможет спасти и защитить Ваи-Каи.

— Откуда у тебя эти данные?

Прежде чем ответить, ЖЖБ расправился с еще одним куском непокорного антрекота:

— У меня в Колумбии есть хороший дружок-журналист. В жизни не встречал человека, который был бы лучше информирован. Он как рыба в воде плавает среди политиков, картелей, военных, партийных функционеров, церковников, латифундистов, *barrios*... Он в любой момент может понадобиться одному из них, поэтому никто не смеет и волоска на его голове тронуть. Этот человек был в курсе сообщения совета шаманов, он знал о сговоре между Колумбийской католической церковью и Ватиканом, церковниками и лесными компаниями, архиепископом Боготы и отцом Симоном. В погоню за миссионером послали даже армию, но ему удалось добраться до Венесуэлы — никто не знает как. Потом его следы теряются, и появляется некий Иисус Мэнгро, ребенок родом из Колумбии, живущий в Лозере, называющий себя Ваи-Каи, Духовным Учителем из шаманических предсказаний.

— Как получилось, что Церковь не смогла найти отца Симона? Он двадцать лет угасал в одной из католических богаделен.

Блондинка бросила им на прощанье злобный взгляд, поднялась и пошла к двери, виляя крепкими бедрами в слишком узкой юбке.

— Странно, правда? Его... словно защищали. Кстати, как и Иисуса Мэнгро. Они, казалось, стали тогда невидимками, их как будто окутало и несло волшебное облако. Мой колумбийский информатор усматривает во всем этом вмешательство высшей силы шаманов. Иначе наемные убийцы Церкви нашли и уничтожили бы обоих.

— Только не говори, что веришь в такие штучки!

ЖЖБ, святой Браль, считался среди пишущей братии апостолом чистого разума, записным, заклятым врагом парапсихологии и всех видов интеллектуального мошенничества. Браля часто приглашали на ток-шоу

и теледебаты — хотя внешность у него была более чем нетелегеничная! — где он с инквизиторским пылом разоблачал астрологов, ясновидящих и гуру всех мастей.

— Какая разница, во что я верю, — усмехнулся ЖЖБ, пожимая плечами. — Церковь считала, что избавилась от Ваи-Каи, его «воскресение» застало всех врасплох. Католическая церковь, другие конфессии, политическая и экономическая власть... все они одним миром" мазаны. Сначала феномен учения Ваи-Каи сочли возрождением движения хиппи, его последователей называли новыми «*детьмицветов*», говорили о возвращении Нью-Эйджа* под экологическим соусом, но потом начались массовые исцеления, появилась информация в Сети, сайты, форумы, собрания, толпы, новое кочевничество. И тут стало ясно, что явление угрожает основам нашей цивилизации: территория, закрытость, граница, предпочтения. Было решено вмешаться...

— Решено? Кем?

— Скажем так, Священный Союз составили те, чьи интересы совпадали: передовые отрасли науки, многонациональные компании, масонские ложи, политические круги, религиозные власти — давние и новые, одним словом — все те, кто обещает людям рай в материальной и духовной его формах. Те, кто превратил человека в потребителя, в существо, зависящее от ритуалов, законов, материальных благ. Те, кто — тем или иным способом — обеспечивает материальное существование человека. По сути дела, почти всемы — звенья цепи, или цепочки, как ты вчера очень точно подметил.

Они сделали знак официанту, чтобы он убрал тарелки и принес им кофе.

— Итак, было решено устранить Ваи-Каи, — продолжил ЖЖБ. — Но не абы как, не топорным способом.

* Нью-Эйдж — («New Age» — «Новая Эра») — собирательное название для новых идеологических, философских, культурных и религиозных течений, родившихся благодаря 1968 году. Происходит от т. н. «Эры Водолея», астрологической эпохи, наступления которой ждали хиппи и оккультисты.

Никто не хочет превращать его в мученика и способствовать распространению его учения. Потому-то и начали атаку с очернения через прессу и телевидение.

— И тут понадобилась банда из «EDV»...

— У *BJH* финансовые трудности — не зря у нас постоянно торчит кто-нибудь из американских аудиторов. Вот ему и дали деньги — настоящие, большие деньги! — и попросили отработать. Такое и раньше случалось, но не в подобных масштабах: *BJH* — Великий и Независимый — брал деньги за уничтожение конкурентов или надоед. Но на сей раз мы имеем дело со Священным Союзом, который в ужасе наблюдает, как разбегается его паства, его верные прихожане-потребители. Церковь без паствы — это нонсенс, как и корпорация без потребителей. У «EDV» репутация неподкупно-честного журана, вот его и натравили первым. Был бы локомотив, а вагоны найдутся, в том числе радио и телевидение. Вот тебе и ответ на вопрос «кто приказывает *BJH*?». И это только начало. Наступление продолжится, давление усилится, дана команда «огонь на уничтожение!».

ЖЖБ вытряхнул из трубки пепел, снова набил ее табаком, чиркнул спичкой и начал прикуривать, поднеся огонек к чашечке. На несколько коротких мгновений его седая борода и стекла очков вспыхнули красным отсветом. Дождавшись кофе, Марк закурил священную и самую вкусную — последнюю — сигарету.

— Не уверен на сто процентов, но думаю, что нападение на Дисней-парк как-то связано с запланированным уничтожением Ваи-Каи. Исламские фанатики идеально подходят на роль козлов отпущения, как две тысячи лет подряд евреи были идеальными виновниками гибели Христа.

Официант принес кофе, Марк сделал глоток горького, в меру горячего напитка, затянулся сигаретой, наслаждаясь вкусом табака.

— А Священный Союз умоеет руки, — добавил *ЖЖБ*. — Они хорошо учили историю.

— Как ты предлагаешь этому помешать?

Браль взглянул на него, и Марк увидел в его глазах, укрытых дымчатыми стеклами, жестокую тоску.

— Я? Да никак.

— Предпочитаешь оставаться в знакомых пределах простого и ясного осознания проблемы?

— В обычных рамках встречи двух коллег. Я передал тебе информацию, а выбор за тобой, так что принимай решение. А я возвращаюсь на столь привычную для меня почву здорового цинизма.

Марк поднял чашку, осторожно подул на дымящуюся черную жидкость, покрытую ароматной желтой пенкой.

— Если ты искренне веришь, что Ваи-Каи — последний шанс человечества, почему самоустранишься?

ЖЖБ, не поднимая глаз от глянцевой столешницы, пыхнул трубкой.

— У меня есть... скажем так, некий порок. Тайное пристрастие, без которого я не могу обойтись. Это увлечение выше меня и стоит чертову прорву денег. Мне необходимы бабки, я трачу на *это* почти все, что зарабатываю. Я точно знаю, к какой цепочке пристегнут, и не хочу от нее освободиться.

— Что за порок?

Изможденное лицо Браля передернулось, Марк отчетливо увидел на нем страдание.

— А такой, что за него можно отправиться прямиком в тюрьму. Не наркотики — это все, что я могу тебе сказать.

Они молча допили кофе, потом *ЖЖБ* подозвал официанта, попросил счет, расплатился карточкой, буркнул Марку «Счастливого Рождества!» и медленно пошел в сторону улицы Томб-Иссуар.

Первые гости появились перед Рождеством, через два дня после того, как Бартелеми внес дом в Ранконьер в интернетовский список. На сайтах перечислялись адреса и давались практические советы по содержанию домов, жилищному и налоговому законодательству в европейских странах и упоминались многочисленные уловки и хитрые советы, как справиться с отключением электричества и газа.

Приехавших было четверо — родители и двое маленьких детей. Муж, Дамьен, тощий маленький человек, болтал, не закрывая рта, жена — Сирьель — крупная, рыхлая и молчаливая, практически не отнимала от груди младшего восьмимесячного малыша. Дамьен рассказал, что впервые встретился с Ваи-Каи в Тулузе и сразу ощутил сильный жар в области солнечного сплетения, и внизу живота, и у основания черепа — это было похоже на открытие всех чакр, вы что, никогда не слышали о чакрах? Теперь все его тело наполнено такой энергией, что ночью он спит не больше двух часов, а она, Сирьель, не всегда свободна из-за детей — ну, вы

понимаете? — вот он и ищет партнерш, чтобы... ну, сами понимаете... обмениваться энергией, чтобы использовать те восхитительные способности, которыми наделила нас природа, раскручивать кольца змеи... вдвоем, раз она, эта змея — двойная. Произнося свой монолог, он ненароком положил руку на бедро Люси, и она отшатнулась, как если бы ее и правда укусила змея. Ничем другим, кроме банальных любезностей, она с этим типом обмениваться не намерена, а если он не сбавит обороты, его треп скоро станет невыносим.

Неделей раньше они с Бартелеми вычистили весь дом и долго проветривали, чтобы прогнать запах разложения.

Но первым делом они похоронили в глубине сада три трупа.

— Если предупредим полицию, никогда эту историю не расхлебаем, — убеждал ее Бартелеми. — Лучше все сделаем сами, а потом прикрепим над воротами знак двойной змеи и никто не удивится их отсутствию. Очень скоро люди всю жизнь станут колесить по дорогам и легавым будет практически невозможно кого-нибудь обнаружить.

Похороны оказались делом малоприятным. Сначала зловонную гниющую плоть пришлось оттащить в глубину сада ночью, чтобы никто их не застукал за этой работенкой. Люси обвязала лицо платком, вылила на волосы и шею литр духов, но ее несколько раз вывернуло наизнанку. Бартелеми же, напротив, не выказал ни малейшего волнения, как служащий похоронного бюро со стажем. Он вырыл глубокую яму и сколотил гробы для матери, отца и сестры. Труднее всего пришлось с Мадю: раздувшийся труп трижды выскальзывал у них из рук и снова падал в ванну, когда они несли вниз по лестнице это бесформенное «нечто», все вокруг залили водой, а чтобы уложить тело в грубо сколоченный гроб, пришлось — в прямом смысле слова — уминать его.

Когда гробы были наконец опущены в яму и засыпаны землей, а слезы отвращения высохли, Люси ощутила

глубокую эйфорию. Она сумела сделать то, что еще несколько часов назад казалось ей невозможным, и стала сильнее, очистилась.

Люси с легким сердцем взялась за уборку дома. Они развели посреди сада огромный костер и кинули в него весь хлам — мебель, документы, одежду, обувь, фотографии и безделушки. Веселый огонь жертвенного костра жадно пожирал ставшие ненужными воспоминания старого дома. В четыре руки Люси и Бартелеми надраивали кафель, натирали паркет, приводили в порядок ванн-ные комнаты, отмывали жавелевой водой туалеты. Хлорка прогнала запах смерти, но теперь им казалось, что они находятся на дне пустого бассейна, — не помогали ни (жвоняки, ни очистители воздуха. Жизнь Люси и Бартелеми была простой, но очень счастливой: они разговаривали, ели, ходили за покупками в городок, курили и все время хохотали. Ночевали оба в комнате Бартелеми, она — на узкой кровати, застеленной чистыми простынями, он — на полу, на груде одеял. Они так устали, что засыпали мгновенно, едва прислонив голову к подушке. Порой у них не было сил даже на то, чтобы захлопнуть чердачное окно, хотя погода часто бывала пасмурной. Ни один из двоих не спрашивал себя, стоит ли делать следующий шаг в их отношениях. Бартелеми наверняка хотелось познать любовь в объятиях Люси, но ей нужно было время, чтобы привыкнуть к его молодости и нетронутости, перестать чувствовать себя одновременно матерью и старшей сестрой, научиться смотреть на него как на взрослого, как на мужчину.

Накануне в дом позвонил начальник отдела кадров лабораторий Эллебон — его интересовало, почему Андре Форжа, отец Бартелеми, так долго не выходит на работу.

— Он стал новым кочевником, — ответил Бартелеми, — и теперь колесит по дорогам вместе с моими матерью и сестрой.

На несколько мгновений установилась гробовая тишина — человек на другом конце провода был потрясен.

— Повторите, чтб вы сказали? Он? Адепт этого... этого... этого...

Видимо, не найдя достаточно бранных эпитетов для Христа из Обрака, кадровик повесил трубку, сообщив на прощанье тусклым голосом, что мсье Андре Форжа получит в ближайшее время письмо с уведомлением об увольнении за ничем не оправданное отсутствие на рабочем месте и может не надеяться на компенсацию.

Люси отогнала взятую напрокат машину в агентство — в их распоряжении были практически новый БМВ и «Рено-клио» родителей Бартелеми (оба автомобиля стояли в гараже, страховка была выплачена до апреля). Взломав гвоздодером сейф в гостиной, они нашли около ста тысяч добрых старых франков, а лежавшие там же фотографии и *DVD* — разложенные по конвертам и готовые к доставке, — сожгли.

— А что будет, если здесь появятся люди из Шартра?

Бартелеми в ответ только улыбнулся, как будто уничтожение последних дисков могло само по себе обезопасить их.

* * "к

— Как вы собираетесь жить? — спросила Люси. — Вам ведь нужно детей кормить. — Дамьен и Сирьель, сидевшие за кухонным столом, переглянулись с улыбкой сообщников. В этой улыбке было превосходство «тех, кто знает».

— Новое кочевничество — акт доверия, — ответил Дамьен. — Посмотрите на птиц небесных — они не сеют и не жнут, но Отец Небесный заботится о них.

— Мы ни в чем не нуждаемся с тех пор, как выбрали эту жизнь, — перебила мужа Сирьель.

— Больше того — перед нами открываются все двери, природа из шкурки вылезает, чтобы нам угодить, посылает нам самых замечательных и открытых людей на свете.

Многозначительный взгляд Дамьена не оставлял никаких сомнений насчет природы этой самой «открытости»: Сирьель смотрела ему в рот, а он, с полного ее одобрения и согласия, глотал мышей — за неимением двойной змеи.

— Но где вы берете деньги на бензин? — не успокаивалась Люси. — А если машина сломается, чем платите за ремонт?

Дамьен отрезал себе ломоть хлеба, открыл коробку камамбера и отхватил от куска добрую четверть. «Интересно, — подумала Люси, — как в этом тощем теле умещается столько жратвы?»

— У нас осталось немного денег от продажи квартиры и компенсации за увольнение, которую мне удалось выторговать. Скоро придется забыть о машине, бензине, деньгах и вернуться к первобытному кочевничеству, полностью положившись на щедрость матери-природы, тогда-то и обнаружатся истинные ученики Ваи-Каи, а пока мы живем между двумя мирами.

— Вы...

— Ты. Новые кочевники не говорят друг другу «вы».

— Хорошо. Значит, ты и твоя жена, вы собираетесь вернуться к состоянию первобытной дикости?

Резкий смехок Дамьена на несколько мгновений завис в тишине кухни. Сирьель тоже засмеялась — гораздо сдержаннее, потом встала и отправилась взглянуть на детей, их уложили в бывшем кабинете Форжа-старшего на первом этаже.

— Для начала нужно договориться о значении слова «дикость». Если дикость — это варварство, то наша прекрасная цивилизация была самой дикой, самой свирепой, самой убийственной и самой разрушительной из всех, что когда-либо существовали на этой земле. А если быть диким — значит заново открыть для себя изначальный Рай, дом всех законов, богатства двойной змеи, особые отношения между природой и чадами ее, — что ж, мы собираемся вернуться к дикости.

Люси кивнула на сверхплоский ноутбук последней модели, стоявший на краю стола.

— Эта штука работает на батарейках, от розетки, по кабельным или телефонным сетям...

— Всего лишь *протез*. От которого придется отказаться, когда придет время. Как и от машин, холодильников, телевизоров и прочего хлама. Мы так гордимся нашими технологиями, что до сих пор не поняли — это всего лишь гигантская машина по производству протезов. Когда мы снова найдем дорогу к дому всех законов...

— А если ты ее не найдешь?

Дамьен засунул в рот остаток сыра с хлебом.

— Это будет означать только, что я не сумел преодолеть свои закоснелые суждения и страхи, — ответил он, прежде чем начать жевать.

Когда Люси вышла покурить перед сном, Дамьен присоединился к ней и без проволбчек и подходов спросил, хочет ли она заняться с ним любовью. Одет он был по моде новых кочевников — если можно назвать одеждой мешочек-начленник, не скрывавший возбуждения тощего неопита. Люси посмотрела на него так, как могла бы, наверное, взглянуть на шлепнувшуюся ей на ногу жабу. В свете лунной ночи Дамьен показался ей особенно уродливым, вульгарным и страшно далеким от райской чистоты, которую он так пылко и даже талантливо защищал в конце обеда. Им, как и большинством клиентов Люси, управляла не голова, не сердце, а член. Между разговорами и реальностью, между декларируемыми принципами и живым человеком лежала пропасть. Дамьен укрывался в идеализируемом, воображаемом мире, чтобы было легче выносить себя самого и оправдывать свои поступки, вовлекая в эту жизнь жену и детей. Добрый дикарь оставался пока не более чем мифом.

— Отправляйся к жене, — посоветовала ему Люси, и в ее голосе отчетливо прозвучало раздражение.

— Она уже спит. Дети отнимают у нее все силы. А я остаюсь один на один со своей энергией и не знаю, что мне с ней делать.

Дамьен нетерпеливо кивнул на свое «восставшее сокровище» — оно самым наглядным образом доказывало, сколь велика пресловутая «энергия». Терраса под черепичным навесом примыкала к гостинной и выходила в сад, превращенный дождями в раскисшую кашу. Время от времени в разрывах между тучами появлялась круглая бледная Луна, окруженная звездным шлейфом.

— Попробуй «ручной метод»!

— Даты что! Я предпочитаю разделить с кем-нибудь эту энергию. С тобой, например!

Люси машинальным жестом плотнее запахнула полы халата — это старое платье она нашла в шкафу (оно было ей велико на несколько размеров) и решила оставить себе в качестве сменной одежды. Она тут же поняла, как глупо выглядело это рефлекторное движение. Бартелеми только что пошел спать, бросив ей на прощанье умоляющий и одновременно сочувствующий взгляд.

— Представь себе — если способен, конечно, — что мне этого совсем не хочется!

— Ну, желания, они ведь чаще всего происходят из наших страхов и суждений. Откройся мгновению, прими то, что дарит тебе настоящее.

Словно желая проиллюстрировать свои слова, Дамьен начал ласкать грудь Люси. Она отреагировала мгновенно, залепив ему крепкую звучную пощечину. Он отскочил на два шага, пытаясь от неожиданного унижения и злости.

— Что... что на тебя нашло?

Люси с сердцем затоптала каблуком окурков.

— Я просто последовала твоему совету — открылась навстречу мгновению и поступила так, как мне захотелось.

* * ~κ

На следующий день, в канун Рождества, приехали другие кочевники. Они прибывали в основном с севера и запада Франции, из Бельгии и Голландии. Все эти люди

направлялись на большой сбор в Лозер, чтобы поддержать Духовного Учителя: он должен был предстать перед судом в Манде по обвинению в попытке изнасилования несовершеннолетней, якобы совершенной им в начале января. Никто из них не сомневался, что выдвинувшая против Ваи-Каи жалобу девушка по имени Элеонора Марселей специально заманила его в ловушку. Неизвестно, кто ею манипулировал, но в суде все наверняка выяснится. Когда бывшая ученица Ваи-Каи столкнется с Учителем лицом к лицу, ей останется одно — сказать правду, признать существование заговора и назвать имена.

Вновь прибывшие были куда симпатичнее и воспитаннее Дамьена, они не походили на экстремистов, их прагматизм примирил Люси с новыми кочевниками. В их обществе она словно купалась в ласковом тепле семейного круга, освобождаясь от скелетов в шкафу, страхов и призраков, ощущая чистую радость воссоединения. Кочевники не были знакомы друг с другом, но, живя под одной крышей, сидя за общим столом и руководствуясь принципом взаимопомощи — ведь все они принадлежали к храму двойной змеи, — эти люди считали себя членами огромного братства, клетками единого организма. Некоторые из них — адвокаты, преподаватели, директора крупных предприятий, врачи — отказались от престижной работы и карьеры, чтобы внимать словам Духовного Учителя... Они заявляли, что были счастливы оставить прежнюю жизнь со всеми ее обязанностями, обязательствами и заботами. Самые пожилые говорили, что обрели вторую молодость, а самые молодые — беззаботное счастье, попусту растраченное в коридорах лицеев и университетов. О да, конечно, не у всех все прошло гладко, пострадали чьи-то семьи, случались разводы, расставания, кое-кто отрекся, но они согласились заплатить за то, что называли освобождением. Все хотя бы один раз встречались с Ваи-Каи, и каждый был потрясен красотой, добротой и невероятной чистотой его личности (вот почему никто не верил обвинениям Элео-

норы Марселей — бедняжка, она ведь тоже часть ткани бытия, ей отведена дурная роль, но нужно любить деточку и верить, что ее нить сияет, как и нити остальных людей!).

Бартелеми не особенно хотел распространяться о своем исцелении, но один из кочевников, бродя по дому, наткнулся на инвалидное кресло, пошли вопросы, просьбы рассказать, как именно произошло чудо. Никто из них странным образом не был свидетелем чудесных исцелений, приписываемых Духовному Учителю, и они, сидя за большим кухонным столом, внимали Бартелеми с почти религиозным почтением.

Уже решив доверить свои судьбы Ваи-Каи и пустившись в приключение под названием «Новое кочевничество», они впитывали слова чудом исцеленного с жадностью умирающих от жажды людей. Рассказ Бартелеми укреплял решимость, прогонял последние сомнения, заполнял трещины в душе, проделанные страхом, представлял вешки и предупредительные знаки на их жизненном пути. Когда Бартелеми закончил, все вскочили в едином порыве и начали обниматься — пылко, почти лихорадочно. Их вера получила подтверждение, и они были счастливы идти вместе по верному пути. Йоханн, сорокалетний гигант-голландец, вопя от счастья, подбрасывал над головой детей. Алида, бывшая танцовщица из труппы Бельгийского Королевского балета, станцевала импровизацию, а потом все присоединились к шумному хороводу.

Так Люси очутилась в объятиях Бартелеми, и они, поддавшись общей эйфории, расцеловались в щеки, потом чмокнули друг друга в губы и наконец обменялись страстным поцелуем, обещавшим продолжение.

* * *

Бартелеми оказался вовсе не таким уж худым. Его кожа — Люси терлась об нее всю ночь — была очень нежной на ощупь. Некоторую неловкость он компенсировал

нежностью и внимательностью, удивительными в таком юном существе... нет, в молодом мужчине. В первый раз он кончил, как только они устроились на узкой кровати, и его тонкий, прямой, как прут, член соприкоснулся с животом Люси. Она обняла его, успокоила нежными ласками, и он очень быстро обрел силу. Бартелеми принялся обнюхивать Люси, лизать и ласкать ее, словно хотел убедиться, что женщина, увиденная им однажды на экране компьютера, теперь присоединилась к нему в реальном мире. Зрение — самое обманчивое из чувств, самое иллюзорное, и Бартелеми чувствовал, что должен подтвердить свои ощущения осязанием, обонянием и вкусом. Люси неподвижно лежала на спине, словно преподносила себя ему в дар, она вздрагивала от теплого дуновения его дыхания и нежных прикосновений языка и рук. Она вернула себе инициативу, когда ее собственное желание стало неодолимым: она скользнув под него, обняла ладонями за затылок, обвила ногами талию. Она проглотила его целиком и начала медленно и плавно двигаться вверх и вниз. Оба очень скоро кончили одновременно, он — потому что пока не умел управлять своим наслаждением, она — потому что ее тело, почти убитое ублюдком Джо, выжило, ожило и теперь жаждало наслаждения.

Чуть позже, ночью, Бартелеми снова захотел заняться с ней любовью, и Люси, усталая и сонная, не отказала ему. Она просто повернулась спиной, приглашая к любви ленивой, почти задумчивой — то ли ко сну наяву, то ли к мечте.

Бартелеми проснулся, протер глаза, потянулся, как молодой кот, и взглянул на Люси, не веря своим глазам. Она наклонилась над ним, поцеловала и произнесла торжественным тоном:

— Думаю, я в тебя влюбилась. С Рождеством, Бартелеми!

— Я-то не думаю, а уверен! Ты — самый прекрасный рождественский подарок в моей жизни.

— Что скажешь насчет... поездки в Лозер?

Он положил голову ей на грудь.

— Хочешь увидеть Ваи-Каи?

Люси и сама не знала, чего хочет, у нее было чувство, что она заново учится жить в тридцать два — нет, скоро ей будет тридцать три — года. Она поднимала якорь, отдавала швартовы, и течение унесет ее сегодня утром в Лозер, к Духовному Учителю, к новым, неизвестным берегам. Она, всегда ненавидевшая постные дни, ощущала сейчас головокружение пополам со священным ужасом. Потом губы Бартелеми впились в ее рот, руки Бартелеми обвились вокруг плеч, пальцы бабочками запорхали по коже, и она, не сопротивляясь, открылась навстречу мгновению.

Йенна поразило количество народа на улочках Манда. В префектуре Лозера не помнили подобного нашествия ни в разгар туристского сезона, ни даже во время гонки «Тур де Франс» — в прошлом году через город проходил один из ее этапов. Новые кочевники с бою брали немногие дома, отмеченные знаком двойной змеи. Те, кому не повезло, селились в гостиницах. Местные власти в срочном порядке открывали кемпинги, чтобы хоть как-то справиться с нашествием, — люди прибывали со всех концов Европы. Дожди шли не переставая, но температура воздуха, державшаяся на отметке +20 °С, делала вполне сносным проживание в палатках и бунгало.

«А чего им жаловаться, они же сами хотят вернуться к дикой жизни... Вот пусть и привыкают», — ерничали местные жители.

По крутым живописным улицам Манда разгуливали мужчины и женщины в набедренных повязках, саронгах и сандалиях на ремешках, но при деньгах (где они их зарабатывали? куда клали?), так что местные торговцы встречали экзотических клиентов улыбками и натужным

радушием, принимая в уплату не только евро, франки, марки и кроны, но и любую другую традиционную европейскую валюту... Над чудаками открыто насмехались в кафе, булочных, колбасных лавках, на почте и на паперти собора Нотр-Дам — короче, во всех обычных общественных местах, где сограждане так любят обсуждать и хаять ближнего своего и власти. Люди спрашивали себя, что за проклятье висит над их департаментом: двести лет назад — чудовище из Жеводана, а теперь вот новоявленный Христос — любитель маленьких девочек в сопровождении орды последователей-нудистов?! Справедливости ради, стоило признать: жаркие споры о Жеводанском звере сделали хорошую рекламу провинции, а новые кочевники стали просто манной небесной для Манда и окрестных городков, вырвав их из зимней спячки.

— *Этим голожопым мало не покажется, когда наступят холода...*

— *Ладно уж, пусть сверкают задницами — пока денежки платят...*

— *А там, глядишь, осудят этого их Христа несчастного, вот люди и вернутся по домам, к семьям, работе, дивану и телевизору. Никто и имени его не вспомнит, этого Ва... как там бишь его... Босоногого... Эй, а здорово звучит, так его и надо звать...*

— *Он один и виноват, всех с толку сбил, а ученички его — дураки, но за глупость ведь в каталажку не сажают, лучше всех их запереть в психушку — вместе с теми, кто читает по утрам гороскопы в газетах или гадают на картах...*

— *Вот именно... Зато уж журналисты, и телевизионщики, и люди с радио вон как восторжествовали, только о нас и пишут... Это хорошо и для города, и для всего департамента... Бесплатная реклама... Мэрия ни су не потратила, а вспомните, во что нам встала гонка в прошлом году!*

— *Его бедная матушка, должно быть, ужасно страдает — там, в своем доме на плато...*

— *Да она ему не родная, он не из Обрака, а из Амазонии, индеец дезеза, вроде как племя там есть такое...*

Заседание было назначено на 6 января — суд возвращался после рождественских каникул в день святой Епифании. Первоначально планировалось начать слушания по делу между 25 декабря и 1 января, но это предложение вызвало всеобщее возмущение. Служащие суда твердо отстаивали свои права в том, что касалось отпусков и праздничных дней. Фемида, обычно более чем медлительная, тут проявила необыкновенное усердие. Тем, кто удивлялся подобной торопливости и высказывал сомнения насчет пресловутой независимости судебной системы, отвечали в том духе, что, мол, криминальная обстановка в Лозере — не то что в некоторых других департаментах... далее следовало красноречивое подмигивание.

Йенн, жаждавший остаться неузнанным, был, несмотря на каскетку и темные очки, вычислен учениками Ваи-Каи, к нему подходили, атаковали вопросами. Ему казались нелепыми их наряды а *1a* «новые кочевники» да и само понимание этими людьми идеи нового кочевничества. Они слишком радикально, а порой и гротескно интерпретировали слова Ваи-Каи, но он был потрясен и растроган количеством людей, явившихся поддержать Учителя. Адепты учения являли собой силу, которую власти, при всем желании, не могли больше игнорировать. Голоса новых кочевников стоили ничуть не меньше голосов других европейских групп влияния — христиан, иудаистов, мусульман, буддистов, фермеров, охотников, рабочих автомобильной промышленности, экологов и экстремистов всех мастей... Если демократия все еще хоть чего-нибудь стоит, власть признает, что движение людских масс подобного масштаба означает наступление глубинных и стойких перемен в коллективном сознании человечества. Начинается новая эра, и она станет точкой отсчета столь необходимого земному

сообществу очередного витка эволюции. Если человечество хочет выжить, ему неизбежно придется участвовать в глобальных переменах, ниспосланных домом всех законов, и изменение климата планеты есть всего лишь предвестие великого слома.

Жители Северной и Южной Америки, австралийцы, африканцы и азиаты смешивались с толпой европейцев, штурмующих префектуру Лозера. Голос Ваи-Каи звучал на пяти континентах Земли, транслируемый через Сеть (Интернет ведь, по сути своей, есть не что иное, как грубое воспроизведение космической паутины из мифов индейцев десана). Феномен распространялся от компьютера к компьютеру, от одной группы людей к другой, минуя официальные СМИ, радио- и телеканалы. Зародившееся в виртуальном мире кипение внезапно материализовалось на улицах Манда, застав врасплох городские власти. Встреча в Лозере, создавшая определенные организационные проблемы — нужно было поселить, накормить и напоить кучу людей, оказывать им медицинскую помощь! — безусловно войдет в историю как первое массовое собрание адептов Духовного Учителя.

* * *

— Ты останешься здесь на все время процесса, с моей матерью и моей сестрой Пьереттой.

Тон Ваи-Каи был абсолютно безапелляционным, но возмущенный Йенн не смог удержаться от протеста:

— Я буду с тобой, куда бы ты ни пошел! Хочешь ты того, или нет!

Духовный Учитель бросил на него холодный взгляд, лишенный какой бы то ни было иронии или любви. Его приемная мать и сводная сестра неподвижно стояли чуть поодаль, рядом с разожженным камином.

— Перестань наконец считать себя незаменимым, Йенн. Ты действительно полагаешь, будто я не могу обойтись без тебя?

Йенн взглянул на женщин, рассчитывая на их поддержку, но они не помогли ему — ни жестом, ни даже взглядом. Он не мог оставить Учителя один на один с судьями, ему становилось страшно при одной только мысли о той волне ненависти, которую спровоцирует процесс. Другие ученики узнали его на улицах Манда, и Йенну казалось, что его долг быть рядом с Ваи-Каи в зале заседаний, он обязан отражать наскоки прессы.

Недели две назад они укрылись в доме, где прошло детство Ваи-Каи, и прожили десять дней в покое, веселье и простом счастье. Уже неделю ни один журналист, никто из зевак не показывался в окрестностях. Этой передышкой они были в определенной степени обязаны новогодним праздникам. Во втором материале «EDV», посвященном Христу из Обрака, был указан точный адрес дома — словно журнал намеренно приглашал читателей собираться у логова шарлатана. Мать Ваи-Каи рассказала, что в декабре повсюду шныряло множество любопытных, в том числе и агрессивных. Те, что были поспокойнее, исписывали стены дома баллончиками с краской или растягивали лозунги перед входом во внутренний двор, а самые активные забрасывали камнями окна и черепичную крышу, а то и самих женщин, когда они выходили за дровами или инструментами в сарай. Булочник, бакалейщик и мясник, обычно заезжавшие раз или два в неделю, больше не появлялись — из страха быть причисленными к семье Мэнгро (кроме того, никому не нравится, когда его забрасывают камнями!). Заботу о пропитании взяла на себя учительница Иисуса Мэнгро, женщина на редкость энергичная и властная — она явно была счастлива посвятить часть времени бывшему ученику. Она завозила покупки на исходе дня, когда самые отъявленные противники Ваи-Каи убирались прочь, и засиживалась до ночи. Она отпраздновала с ними сочельник — единственным деликатесом за ужином был замечательный шоколадный торт, испеченный Пьереттой.

— Да нет, уж скорее я не обойдусь без тебя, — прошептал Йенн.

— Я не всегда буду с тобой. Тебе пора взрослеть.

Йенн ненавидел бесконечные намеки Духовного Учителя насчет его ухода. Что будет с учениками в отсутствие поводыря? А что станет с ним, Йенном, раздражаемым гордыней и страхом перед мужской несостоятельностью?

— Я поручаю тебе заботу о матери и сестре, — продолжил Ваи-Каи. — Ты будешь оберегать их в мое отсутствие.

— Как... кто отвезет тебя в Манд завтра утром? — спросил Йенн со слезами на глазах.

— Мадам Гандуа, моя учительница. Она останется со мной на все время процесса.

— А как же ее ученики?

— Она нашла замену.

Неожиданный остракизм после трехлет верного ученичества наполнил душу Йенна горечью. Он догадывался — или полагал, что догадывается, — что Ваи-Каи готовит его к грядущему расставанию, но ему требовалось еще немного времени, он не хотел, просто не мог разорвать сейчас духовную связь с Учителем. Йенну казалось чудовищной несправедливостью, что другие, а не он — первый ученик! — будут рядом с Ваи-Каи во время первого серьезного испытания.

— Ты сделаешь, как я прошу? — мягко спросил Учитель.

Йенн молча кивнул в ответ. У него не было иного выбора, кроме как покориться, но никогда прежде участь ученика не казалась ему такой тяжелой. Не в силах взглянуть в глаза Ваи-Каи, Йенн ушел в маленькую комнатку под крышей, где его поселили, и лег спать.

if-к "к

Йенн не мог понять, что за игру предлагает ему Пьеретта.

Ваи-Каи уехал на рассвете в сопровождении своей бывшей учительницы. Несмотря на ранний час, группка

••прагов Антихриста», собравшаяся перед воротами во ипутренний двор, закидала камнями маленькую машинку, разбив заднее стекло и помяв дверцу. Потом они начали швырять в сторону дома камни и гайки — что исключало спонтанность, — словно достаточно было разбить несколько черепичин и стекол, чтобы низвергнуть царство врага рода человеческого.

Йенн наблюдал за ними в щель между ставнями. Где-то там, далеко, ребяташки швыряют камни, потому что у них нет другого оружия против танков, гранат и помповых ружей, а здесь люди ополчились против фермы, заперянной в Обракской глуши, потому что кто-то сознательно провоцирует ненависть и нетерпимость. Неужели под иными небесами они с тем же рвением побивали бы камнями неверных жен? Очень часто сознательно разжигаемую ненависть и бытовую нетерпимость к «инаковости» разделяет только узкое пространство закона.

Пьеретта не отпускала руку Йенна, пока они взбирались вверх по холму над полями. После обеда она пришла за ним в его комнату и повела его на прогулку по Обракской равнине. Небо затянули низкие черные тучи, но дождя не было. Температура здесь упала ниже, чем в других районах Франции и Европы, но холод был вполне переносимым. Йенн и Пьеретта поднялись уже довольно высоко: их теперь окружал суровый и загадочно-прекрасный пейзаж, где камни и растения сливались в невероятном симбиозе.

Убийственное настроение Йенна постепенно рассеивалось. Он не спал всю ночь, пытаясь понять, чем прогневал Ваи-Каи, но ни один из приходивших в голову доводов не прояснял мотивов Учителя. Оставалось страдать, как собаке, брошенной хозяином, с той лишь разницей, что человеку, в отличие от пса, нравится беречь собственные раны. На заре Йенн спустился вниз в безумной надежде, что Ваи-Каи передумает, но Учитель, отправлявшийся в суд в одной набедренной повязке, не обратил на него ни малейшего внимания, не удостоил даже взглядом, о котором ученик молил, как нищий.

— Этот человек навлечет на тебя несчастье! — кричала Йенну по телефону несколько дней назад его мать. — А заодно и на всех нас!

Он ответил, что несчастье этому миру приносят не такие существа, как Вай-Каи, а подавление человека человеком, в том числе родителями детей. Йенн почувствовал, как напряглась на другом конце провода мать.

— Я думаю только о твоём счастье.

— Ну да — о *моем* счастье на *твоей* лад.

— У меня есть право высказать свое мнение. Я все-таки...

— Моя мать, я помню.

— Так вот, я считаю, что ты выбрал опасный путь. Твой гуру (боже, какое презрение она вложила в это слово!) — чудовище, он насилует девочек, он...

— Его в этом обвиняют. Но приговор пока не вынесен.

— Дыма без огня не бывает. Если его осудят, тень скандала ляжет и на тебя, твоя жизнь...

— Его не осудят.

— Почему ты так уверен?

— Я ему полностью доверяю.

Последовала долгая мучительная пауза.

— Но почему ты больше не доверяешь мне, Йенн? Нам, твоим родителям?

* * *

Скалы, трава, цветы и кустарник окрасились в теплые сияющие цвета. Шепот ветра, шорох травы, шум первых упавших на землю дождевых капель сливались воедино, завораживая волшебной красотой. Йенну вдруг показалось, что он каким-то чудесным образом попал в другой мир. Сильный жар вливался в его тело через ладонь Пьеретты, сумятица мыслей отступала, он видел и ощущал яснее и четче, словно проходил сквозь предметы, просачивался через каждый звук. Ему казалось,

он слышит шепот Пьеретты — не голос, но внутреннюю музыку и цвет.

Йенн утратил ощущение пространства и времени. В этом измерении не было ни начала, ни конца, только вечность, настоящее, которое бесконечно расширялось, растягивалось, удлинялось... Йенну и в голову не приходило спросить себя, что он здесь делает, он всегда это знал. Йенн сейчас находился не на плато Обрак, он познавал дом всех законов, шел по нити космической паутины индейцев десана, взбирался по кольцам двойной змеи к лучам света.

Пьеретта смотрела на него, улыбаясь, и ее красота, доброта и естественность потрясали воображение. Она не просто сводная сестра Духовного Учителя, но хранительница, которая после его смерти будет молча, в тени и тишине, свято беречь его учение.

Йенна пронзила такая чистая и могущественная радость, что смех его разнесся по всему миру.

Матиас заметил их через большое слегка затененное окно кафе, выходявшее на улицу. Он вошел и немедленно задохнулся в духоте прокуренного помещения. За столиками сидели пожилые краснолицые мужчины в клетчатых кепочках — они играли в карты, громко разговаривали, попивая кислое вино, и курили. Через открытую дверь в кафе проникали шум рынка и уличные крики. Матиас решительно направился в глубину зала.

Улочки старого Куломье были запружены народом. Кэти и Блэз ждали Матиаса, сидя за столиком на расстрескавшейся кожаной банкетке. Она сменила куделечки на ультракороткую стрижку, и эта прическа вкупе с джинсовой рубашкой невыгодно подчеркивала ее мужеподобную внешность. Он был все так же пострижен бобриком и щеголял трехдневной щетиной, помятое лицо и жеваный костюм придавали ему вид последовательного борца с чистотой, бритвой и утюгом. Выпив кофе, Кэти и Блэз затягивались дымом с плотоядным наслаждением завязанных курильщиков.

Легкость, с которой они его отыскивали, напомнила Матиасу об электронном «поводке». Накануне, у входа в отель, к нему подошел человек: сообщив без долгих проволочек, что «связь» — завтра, «ровно в десять», в кафе «Дю Коммерс», он исчез — как не было...

Утром Матиас отправился, как обычно, в больницу, где провел два часа в палате Хасиды. Состояние девушки с момента поступления практически не изменилось. Врачи полагали, что у нее нейровегетативная кома, как будто она отключила свою нервную систему, чтобы «укрыться» от боли. Проблема заключалась в том, что специалисты не знали, сумеет ли Хасида «самовключиться»: они «достучаться» до нее не могли, она не реагировала ни на какие внешние раздражители и упорно не желала вылезать из пузыря бесчувствия (задействованы только простейшие функции).

Матиас сел на скамью напротив Блэза и Кэти. Несколько минут они молча курили, разглядывая его с недовольным видом (так, во всяком случае, оценил это Матиас). По большому счету, он плевать на них хотел, но теперь у него была Хасида, и легавые могли их разлучить. Смерть никогда не пугала Матиаса, но он боялся потерять Хасиду и жадно, с новой силой, хотел жить.

— Ты нас разочаровал, Матиас, — произнес наконец Блэз.

— А мы ведь, кажется, все тебе четко объяснили, — подхватила Кэти. — Ты выполняешь наши приказы или гниешь в тюрьме.

— Ваши приказы? — огрызнулся Матиас. — Забрасывать гранатами женщин и детей, подставляться под пули в закоулках Дисней-парка — это вы называете приказами?!

Пузатый усач-официант с трудом подтащил к столу свою стотридцатикилограммовую тушу, чтобы принять у Матиаса заказ. Он попросил принести бутылку минеральной воды, а Блэз с Кэти заказали еще кофе.

— Скажу тебе по этому поводу две вещи, — продолжил Блэз, — когда парень отошел. — *Во-первых*, не

думал, что для тебя есть разница между ликвидацией той бабы из XIV округа Парижа и убийством женщин и детей на вокзале в Шесси. *Во-вторых*, этот приказ отдали не мы, а «Международный Джихад».

— Вы знали и не вмешались, а это одно и то же.

— Не мы — те, кто над нами, — уточнила Кэти. — Мы тоже подчиняемся приказам.

— У каждого свой «поводок», — вздохнул Матиас. — Меня вы контролируете с помощью мерзкого электронного чипа, но вас-то кто и чем держит?

Захваченные врасплох, Блэз и Кэти переглянулись. Они наверняка никогда об этом не задумывались, словно были уверены, что совершенно свободны и сами контролируют свою судьбу.

— Между тобой и нами есть разница, — ответила наконец Кэти, — и большая: у нас есть выбор.

Бледный как полотно официант принес заказ. Он пытел и отдувался, как вьючный вол, словно расстояние от бара до стола было смертельно опасным физическим испытанием для человека его комплекции. Пожелтевшие от никотина усы свисали вниз. Расставив дрожащей рукой на столе бутылку, стакан и чашки на блюдах, он походкой регбиста удалился в свой угол.

— Выбор? — переспросил Матиас. — Да единственная разница между нами в том, что вы ловко отмываете руки от крови *после* дела.

— Ух ты, какие мы моралисты! Не тебе, гаденыш, объяснять нам, что такое хорошо... — В голосе Блэза зазвенела сталь.

— Это напоминает мне басню Лафонтена «Животные, больные чумой», — огрызнулся Матиас, — неважно, богач ты или нищий, суд все равно...

— Не стоит щеголять образованностью, — сухо обрвала его Кэти. — Мы не за тем ташились в Куломье, чтобы слушать басни Лафонтена в твоём исполнении. Убив этого талиба, ты послал к черту все наши планы. Ты был нужен нам в «Джихаде».

— Кто вам рассказал?

— Мы узнали — не все ли равно, как?

— Юсуф напел? Держу пари, ублюдок тоже работает на вас, так ведь?

Блэз перегнулся через стол, положил подбородок на переплетенные пальцы и уставился на Матиаса, гипнотизируя его взглядом.

— Кончай трепаться и слушай очень внимательно. Знаешь, что моджахеды сделали с девушкой, которая помогла тебе перевезти Хасиду в больницу?

— С Мессаудой?

Блэз сменил позу, не отводя взгляда от Матиаса.

— Они нашли ее, привезли на новую базу в Уазе и насильовали — все по очереди, а потом побили камнями, как велит закон шариата. Кстати, на вас с Хасидой объявлена фетва.

— Представляешь, что они с вами сделают, если найдут? — вмешалась в разговор Кэти. — Пока что нам удалось направить их по ложному следу, но у них повсюду глаза и уши... Будет лучше — для тебя, для Хасиды, для нас, — если ты какое-то время посидишь взаперти, а когда все успокоится, мы дадим тебе знать.

— А Хасида? — вскинулся Матиас.

— Ее сегодня же перевезут в больницу в Париже.

— В какую?

Блэз одним глотком допил кофе и закурил. Матиаса затошнило от «букета» ароматов — табак, вино, кофе, испарения людских Тел. Глоток воды не смыл горького осадка с гортани. Яростный ливень, барабанивший по крышам, наводил на мысли о муссонных дождях где-нибудь в Юго-Восточной Азии (конечно, если верить тому, что показывают в кино!).

— Не думаешь же ты, что мы дадим тебе адрес! — насмешливо бросил Блэз. — Чтобы ты торчал там дни напролет и в конце концов привлек к себе внимание...

— Если дорожишь Хасидой, оставь ее на некоторое время в покое, — кивнула, соглашаясь, Кэти.

— На сколько именно времени? — выдохнул Матиас.

— На столько, на сколько нужно. А еще лучше — вообще забудь о ней. Навсегда. В твоём положении от любви одни неприятности. Ты уже подвел нас с «Джихадом».

— А если бы легавые убили меня в Шесси, вы бы считали, что все сложилось удачно?

Окончание фразы потерялось в шумных возгласах четверых мужчин, сидевших за соседним столиком. Двое из них шумно радовались поражению противников, а те ругались, обвиняя друг друга.

— Это был риск, но рассчитанный, — ответил Блэз, когда шум стих. — Вопрос стратегии. Игрок никогда не видит всего поля.

— А кто видит?

— Скажем так — мы видим только часть мозаики, и наше видение включало бойню в Дисней-парке.

— Зачем?

Блэз вытолкнул в воздух колечко дыма.

— Я мог бы назвать тебе сотни причин, но хватит и двух. Первая — экономическая: этот удар по американским интересам заставит Штаты — во всяком случае, официально — дистанцироваться от самых закоренелых исламских режимов, тех, что поддерживают террористов. Европейские страны воспользуются случаем, чтобы проникнуть на рынки, которые до сих пор были для них закрыты. Вторая причина — эта бойня подогреет страхи в обществе.

— Но с какой целью?

— Цель наверняка есть, но наше видение частично, и нам она ясна не до конца. Во всяком случае, сейчас. Стратеги наверняка переводят внимание на воображаемого врага, чтобы было легче провести некоторые законы, напоить страну горьким лекарством, принять решения, которые называют непопулярными.

Матиас точно понял, что Блэз ему врет, что он прекрасно знает, кто дергает за ниточки исламских террористов и зачем. Он просто использовал старый трюк — сказал часть правды, чтобы придать правдоподобие остальным словам.

— И в чем же заключалась моя роль?

— Ты был... нашим связным, Матиас, — ответила Кэти. — Нашим шпионом. Нашим внутренним зрением. Ты все испортил, потому что влюбился в эту девушку. Я, кстати, полагала, что ты подобным глупостям не подвержен...

Матиас взглянул на Кэти, думая, что эта женщина, должно быть, ужасно несчастна, если называет любовь глупостью. Жаркой волной нахлынули воспоминания о Хасиде. Ему была невыносима мысль о том, что он никогда больше не вдохнет ее запах, не обнимет, не до тронется до нее, не почувствует на своей коже ее пот. Одинокая охота в уснувших городах внушала Матиасу иллюзию, что он приручает смерть, страсть, толкавшая его к Хасиде, открывала ворота в жизнь.

*Мы выберемся, детка, если будем
любить друг друга.
Доплывем до другого берега,
до нового Рая.
Я — Адам, ты — Ева, как
в стародавние времена.
Никого рядом — только мы и
наши дети.
Потоп, потоп, потоп,
Я заливаю тебя, детка,
Конец мерзости, вот так...*

Они не скажут ему, куда увезут Хасиду, не стоит тратить время на вопросы. Он сам узнает адрес, если будет нужно, обойдет все парижские больницы и клиники. Она в нем нуждается, чтобы вернуть доверие к этой жизни и вылезти из кокона полного безразличия. Что могут понимать в этом стратеги? Их видение слишком глобально, чтобы интересоваться существованием жалких пешек.

— Почему вы просто не отправляете меня в тюрьму?

Он знал ответ на свой вопрос: Блэз и Кэти, конечно, (были частью властных структур, но действовали-то они, минуя судей и законы, нарушая тот самый правопорядок, который якобы представляли и защищали. Так что, реши они избавиться от Матиаса, просто влепят ему пулю промеж глаз.

— Все иногда срываются, — сказал Блэз. — Так докажи нам, что это была минутная слабость.

— Будешь сидеть взаперти, пока не получишь от нас новых указаний, — сообщила Кэти.

— Где?

— В Париже. В маленькой квартирке с телефоном. Мы положили в сейф немного денег.

Блэз вытащил из кармана клочок бумаги с нацарапанным от руки адресом. Дождь усилился, на улице стало совсем темно. Картежники неожиданно оторвались от игры и молча, с серьезным видом, смотрели, как стекают по тротуару ручейки, унося прочь пустые бумажные стаканчики, смятые коробки из-под китайской еды, пожухлую ботву.

— Здесь адрес и шифр сейфа, — сказал Блэз, протягивая бумажку Матиасу.

— Париж — идеальное место для людей вроде тебя, которым нужно затеряться, — добавила Кэти.

Матиас колебался — его мучило ощущение, что им манипулируют, перемещают на следующую клетку шахматной доски. Они прячут его сейчас вовсе не потому, что хотят дать второй шанс, он им нужен для какой-то грязной работы. Они — пауки, ядовитые, мерзкие, охмуряющие его, чтобы завлечь в свою липкую паутину.

Он схватил бумажку с адресом — только так он сохранит шанс снова увидеть Хасиду.

Блэз и Кэти кинули на стол деньги, встали, отряхнули одежду от пепла.

— Само собой разумеется, — прошептал Блэз, — что ты и носа оттуда не высунешь, пока мы не позвоним. Если ты на мели, здесь хватит, чтобы расплатиться, и на билет до Парижа.

— Не забывай — мы можем отыскать тебя хоть под землей, — сочла нужным напомнить Кэти. — Даже в аду, если понадобится.

* -K *

После ухода «кураторов», Матиас долго сидел неподвижно и смотрел на дождь, потом с тяжелым сердцем и пустой головой пересчитал деньги, расплатился, забрал сдачу и вышел из кафе. Он отправился в больницу, находившуюся за городом, не замечая струек дождя, стекавших по лицу. Ему необходимо было убедиться, что Хасиду действительно перевезли в другую больницу, и, если так, разбиться в лепешку и добыть адрес.

Дело Марка должно было разбираться месяца через два, не раньше. Адвокат посоветовал ему не идти на мировую с руководством «EDV».

— Нужно вытащить в суд этого мерзавца *BJH*, он не должен и дальше безнаказанно попираť законы, во Франции существуют трудовой кодекс и журналистская этика...

Марк не стал возражать, что большинство этих самых журналистов, так ревностно охраняющих свои корпоративные права, давно забыло ту часть трудового кодекса, где определены их обязанности. «EDV» перестал платить ему зарплату, так что дефицит его банковского счета намного превосходил допустимые пятьдесят тысяч франков. Он получил уже три уведомления в угрожающем тоне и четыре телефонных звонка от управляющего отделением банка, грозившего ему карами небесными и обещавшего в первую голову отобрать квартиру, если он не изыщет средств, чтобы покрыть дефицит. *Банк — это предприятие, дорогой мсье, а не благотворительная организация, и правила игры велят, чтобы вы*

каждый месяц подтверждали кредит, это обмен, вы же понимаете, услуга в обмен на проценты, иначе... Марк в ответ потребовал немного терпения, объясняя ситуацию, обещал, что все возместит, как только суд предпишет «ЕДІ/» выплатить ему отступные. Учитывая его стаж и причину увольнения, сумма, как утверждает его адвокат, составит *сотни тысяч евро — шесть или семь сотен*. Этого с лихвой хватит, чтобы пополнить счет и возобновить кредит. Будет даже некоторый *излишек*, а вы ведь не хотите, чтобы я положил эти деньги на другой счет, *не так ли, дорогой мсье?* Я прав? Директор в ответ что-то едва слышно бормочет, это звучит почти как извинения. *Вы же понимаете, мсье, финансовый мир меняет кожу, от меня требуют результатов...* И он вешает трубку, успев на прощанье сообщить, сколь выгодны вложения в его банк с точки зрения простоты операций и уплаты налогов. Марк никогда не встречался с хранителем своих денег — этот человек оставался для него медоточивым, чуть хрипловатым голосом в телефонной трубке. Он был знаком только с кассиршей в окошке — пятидесятилетней крашеной блондинкой (в волосах у нее проглядывала седина), чья профессионально-любезная улыбка превратилась в тик, прорезав вокруг рта глубокие морщины.

Марк ужался до предела — никаких ресторанов, вечеринок, книг, журналов, дисков, долой мобильник, из еды — святое триединство «хлеб — макароны — рис», а из развлечений — прогулки по парижским улицам, телевизор, сон и скука. Но деньги продолжали утекать со скоростью света. Марк платил алименты «бывшей № 1», запросы его дочерей стоили все дороже, квартира, счета за электричество, газ, телефон, налоги, страховки... Ему казалось, что его рвут на части жадные и голодные стервятники. Раньше Марк этого не замечал — он был не в ладах с математикой, а зарплату ему платили регулярно, так что дыры в бюджете худо-бедно удавалось латать. Теперь же, не получая от одних того, что он продолжал отдавать другим,

Марк осознал, как много вокруг него нахлебников и захребетников.

Впрочем, какая разница? Стервятники скоро обглодают его скелет дочиста. Он превратился в отдельное шено, в пустую скорлупу. Он приговорен, потому что у него нет ни сил, ни желания сражаться, он больше не верит в миражи, ему плевать на богатство, положение, принадлежность к элите, он отбросил прочь старую как мир мечту стать сверхчеловеком... подредактированным по рекламной моде.

Даже его отцовские чувства обесценились, обветшали. Он просрал отношения с дочерьми и признавал, что виновата в этом не только его «бывшая № 1». Он стал идеальным «отсутствующим отцом», психоаналитики смешали его с грязью, обзывая аутистом, не способным общаться, не умеющим передавать наследие (какое, к черту, наследие?!). Марк превратился в кошелек, в денежное пособие, в призрак, который никто не видит, не слышит и не целует.

Нужен пример? Да ради Бога! Он уступил мольбам «бывшей № 1» и встретил Рождество в «семейном кругу». Предполагая благоприятное для себя решение суда, он из кожи вон лез, выбирая по-настоящему дорогие подарки бывшей жене и девочкам: старшей он купил дорогой навороченный плеер для CD-дисков, младшей — новый сотовый и оплаченную на полгода вперед карточку, их матери — прелестные часики на золотом браслете. Она поблагодарила его с истеричной восторженностью, повергнув Марка в смущение, а девочки даже не улыбнулись, развернув свертки. Прощедив сквозь зубы слова благодарности, они улизнули с друзьями, которые ждали их на улице в машине, отчаянно библикая. Марк и его бывшая жена остались вдвоем среди разорванных оберток и пакетов. У дочерей Марка были причины обижаться на отца, но к чему изображать мерзких злобных стервочек, страдающих из-за его ухода? Обескураженный Марк совершил непоправимую ошибку: он не только согласился остаться, но и лег в постель с бывшей женой.

С «бывшей № 1».

Он сожалел, что дал слабину и занимался с ней любовью: желание было скудным, поцелуи — преувеличенно пылкими, ласки — торопливыми, эрекция — механической. Марк очень быстро кончил, как только она начала, как в былые времена, тереться об него всем телом. «Мой лучший подарок на Рождество», — промурлыкала она. Марк предпочитал положенный для него под елку бумажник — ничего особенного, свиная кожа.

Девочки удивились, застав на следующее утро родителей за завтраком (учитывая время, уместнее было бы назвать это обедом!). Они не стали намного любезнее, но все-таки поговорили с Марком: «*Передай, пожалуйста, джем, еще кофе, я пойду в ванную на первом этаже, послушай, дай мне немного денег, я должна купить...*» «Раздача слонов» еще больше подорвала кредитоспособность Марка, а фраза бывшей жены «*тыдолжен чаще бывать дома*» оставила во рту мерзкое послевкусие.

«Бывшая № 1» звонила Марку еще три или четыре раза, оставляя послания на автоответчике, но больше он к ней не возвращался.

* * *

Навязчивая трель звонка вырвала Марка из сна. Он подумал, что это заявила «бывшая № 1», и решил было притвориться, что его нет дома, но тут же вспомнил, что, на свое несчастье, оставил за дверью мокрый зонт. Злясь на себя, он пошел открывать.

На пороге стояла Шарлотта. «Бывшая № 2» ничуть не изменилась после их разрыва, в ее возрасте время не властно над женщинами. Одета Шарлотта была в лакированную курточку и коротенькую плиссированную юбку, красоту длинных стройных ног подчеркивали черные чулки и туфли с квадратными носами на каблук. На голове у «бывшей № 2» был ядовито-зеленый берет. Весь ансамбль наверняка призван был проиллюстрировать

разнузданную фантазию новых законодателей высокой моды, но на Шарлотте эта знаменитая *mixed-fashion* выглядела тряпками с дешевой распродажи.

— Я тебя ни от чего не отвлекаю?

Он посторонился, приглашая ее войти. Она сняла куртку, под которой оказалась забавная финтифлюшка-майка — не майка, а не пойми что, вытащила пачку сигарет из сумки «под крокодиловую кожу», закурила и плюхнулась водно из двух кресел (Кратц, супердизайн, Марк купил их по ее наводке, заплатив — по дружбе! — тысячу евро за неудобные кусочки кожи, растянутые между металлическими трубками!), Шарлотта всегда так поступала, возвращаясь с очередного чертова коктейля, — их было так много в ее безумной пресс-секретарской жизни! Она устало кивнула на старую пишущую машинку, стоявшую на круглом столике. Рядом лежали пачка бумаги, ручка и новенький словарь.

— Начал писать?

Он устроился напротив и тоже закурил.

— Я сел, положив перед собой белый лист бумаги, — а это не одно и то же.

— Мне сказали, что «*EDV*» тебя уволил...

Шарлотта произнесла эту фразу, глядя на Марка с настойчивым участием, чем ужасно его раздражала.

— Меня не уволили, у нас с *BJH* возникли, скажем так, разногласия. Конфликт интересов.

Он удержался и не добавил, что, мол, подобные конфликты, конечно, неведомы тем, кто работает в женских журналах. Ими владеют фармацевтические спруты, жаждущие одного — втюхать кремы от морщин, увлажняющие кремы и всякую другую косметическую дребедень читательницам, разрывающимся между розовыми мечтами и суровой правдой жизни.

— Из-за этого мужика, Ваи-как-там-его?

— Ваи-Каи. Я отказался участвовать в его линчевании.

— Почему?

Она выпрямилась, нетерпеливым движением откинула назад непокорную прядь и жадно, странно прихлупнув

(как же сильно этот звук всегда раздражал Марка!), затянулась сигаретой.

— Объясни сначала, чему я обязан честью твоего визита.

Она пожала плечами, обнажив полоску загорелой кожи между поясом юбки и ультракороткой — последний писк моды! — маечкой.

— Сама точно не знаю... Я забеспокоилась, когда узнала, что тебя вышибли из «EDV», подумала — может, тебе что-нибудь нужно, вдруг у тебя депрессия... Сам знаешь, пятидесятилетние мужики — извини, что напоминаю о возрасте, тебя я старичком не считаю! — так вот, у них сдают нервы из-за потери работы, а если уж и с любовницей разрыв, то, ну, это очень опасно... Скажи честно, с тобой все в порядке?

Марк затушил сигарету в пепельнице и встал, чтобы сварить кофе — любимый, наряду с шампанским, напиток его «бывшей № 2».

— Я не могу ответить на твой вопрос, — ответил он, насыпая кофе в фильтр. — Что значит «быть в порядке»? Если это означает быть счастливым в любви — тогда нет, со мной не все в порядке. Если речь идет о кругленьком счете в банке — нет, я не в порядке. И с отпуском у меня тоже не все в порядке — я не поеду ни в Сен-Мартен, ни на модный тропический остров...

— Значит, ты не в порядке?

В голосе и взгляде Шарлотты читался жадный интерес, словно она утешалась несчастьями бывшего любовника — того самого «пятидесятилетнего мужика», которого несколько недель назад бросила прямо на тротуаре парижской улицы. Обычное дело, закон сообщающихся сосудов...

— Ну, а ты как? — ответил Марк вопросом на вопрос, постаравшись замаскировать беспокойство иронией. — С дизайнером у вас идиллия?

— С Конрадом? О, там все кончено, представь, он заявил, что не может обманывать жену!

— Но... тебе было хорошо с ним?

Марк прикусил губу. Глупый вопрос. Ну конечно, такой тип, как Конрад, трахается как бог, и живет он на Олимпе, куда не допускаются простые смертные — стареющие журналисты-банкроты, мучающиеся совестью.

— Честно говоря, все это было так скоротечно, что я ничего не поняла.

— Что значит — *скоротечно*? Ты тогда сказала, что у вас роман уже три месяца. По-моему, за такой срок вполне можно было разобраться?

Шарлотта выпустила из ноздрей последний клуб дыма, встала и присоединилась к Марку на кухне. Грязный серый дневной свет вливался в тридцатипятиметровую квадратную комнату через огромное окно, но Марк все-таки зажег несколько ламп и торшер, чтобы было поуютнее. Модерновая мебель контрастировала с оштукатуренными в стиле «рюстик» стенами и деревянными потолочными балками. Марк так и не уступил Шарлотте, которая уговаривала его перекрасить комнату в белый цвет.

— Конрад, как бы это поэтичнее объяснить... он сексуальный интеллектual, любит утонченные, затейливые эротические игры, придумывает изощренные ситуации, но к самому акту переходит редко — если ты понимаешь, о чем я. Он артист, «головастик», пожалуй, слишком сложный для меня, я-то ведь совсем другая, я — простая женщина, ты, кстати, согласен? — мне Луна с неба не нужна, я хочу обычного человеческого тепла, чтобы обо мне заботились...

Шарлотта не пыталась скрыть навернувшиеся на глаза слезы. Подобное признание должно было бы обрадовать Марка — хорошо зная свою «бывшую № 2», он был уверен, что все было гораздо ужаснее! — но он ощутил всего лишь легкое облегчение, тут же растворившееся в океане безразличия. Если в первые дни он страдал из-за их разрыва, ему не хватало молодой любовницы, то теперь отчетливо понимал — у их отношений нет будущего, как, впрочем, не было и прошлого. Он пользовался

ею, чтобы отогнать призрак старения, она укрывалась на широкой груди мужчины, в котором видела архетип защитника, может быть отца (так, во всяком случае, трактуют это психоаналитики). Их приключение закончилось провалом, потому что они нуждались в разных вещах: годом раньше или позже Марк все равно постареет, и Шарлотта тут бессильна, а сама она повзрослеет, и он тут ни при чем.

Они молча ждали, когда забулькает кофе, потом Марк разлил душистый крепкий напиток по чашкам в форме опрокинутой пирамиды — «полный улет!», подарок Шарлотты ему на день рождения год назад. Они вернулись в комнату и устроились в креслах Кратц (это чудо современных технологий при малейшем вашем движении кряхтело, издавая звуки, отдаленно напоминающие фамилию дизайнера!). Они пили обжигающе горячий кофе и молча курили, как в старые добрые времена (оба любили блаженное ничегонеделанье).

— Чем ты теперь займешься? — спросила Шарлотта.

Тот же вопрос — почти слово в слово — задала Марку его «бывшая № 1».

— Жду заседания совета по трудовым спорам. Потом — не знаю.

— Но у тебя есть какие-нибудь идеи? Ты общался с нужными людьми?

— Нет. Профсоюз пообещал мне что-нибудь подыскать.

— Но сам-то ты чего хочешь?

— Не уверен, что у меня вообще остались желания.

— А... меня ты хочешь?

Шарлотта распрямила плечи, выпитив свои маленькие грудки (под пестрой маечкой не было лифчика). Марк окинул ее холодно-отстраненным взглядом: нет, он больше ее не хочет, нет, он не может ей в этом признаться, да, эта ситуация затруднительна для них обоих, и они должны попытаться выйти из нее, не нанеся друг другу новых ран.

— У меня сейчас такой период, что я больше ни в чем не уверен, — произнес он после долгой паузы. — Мне больше нечего тебе дать... я не могу удовлетворить ни одно твое желание.

Она допила кофе, покрутила в пальцах испачканный красной помадой сигаретный фильтр.

— Что ты можешь знать о моих желаниях?

Немного, он должен это признать. За внешностью эксцентричной журналистки скрывалась ранимая молодая женщина со своими надеждами и чаяниями, которых он просто никогда не знал. Шарлотта, как большинство ее коллег, была пленницей внешних приличий, условностей и чужих мнений, она спрятала себя настоящую — ранимую, чистую, хрупкую, любящую, равнодушную к великосветским коктейлям и моде — глубоко внутрь себя.

— Ни-че-го, теперь — ничего, — ответил он. — Кстати, как и ты — о моих.

Всегда очень трудно признаться женщине, что больше не хочешь смотреться в зеркало, которое она тебе протягивает. Да уж, грубость облегчает расставания.

— Послушай, Марк, я знаю — между нами все конечно, я сама так решила, и ничего не изменилось, но... я просто хочу... ты, конечно, не обязан... хочу провести с тобой последнюю ночь, чтобы не расставаться врагами...

* * *

Так они и поступили, хотя Марк подозревал подвох в предложении «бывшей № 2». После легкого ужина приняли душ и легли в постель (никакой «чистки» члена на сей раз!). Они занимались любовью с той нежностью, которой в себе не подозревали, словно теперь, когда ушла взаимная подозрительность, они могли быть собой, ничего не изображая. Они наконец-то были по-настоящему вместе — в пустоте неизбежного расставания, в объятиях без будущего.

•К -К К

На следующее утро, когда Марк проснулся, Шарлотты уже не было. Запах застывшего на сбившихся простынях секса вызвал у него внутреннюю дрожь. Они наверняка никогда больше не увидятся, но ему все равно — нет ни печали, ни сожалений. Машинальным движением он схватил телевизионный пульт и включил «ящик», стоявший на английском комодe (два года назад Шарлотта откопала его у антиквара в Марэ: три тысячи евро — англичане явно хотят снова разжечь Столетнюю войну!)...

Поток информации, привычные ужасы и чернуха — все было плохо в этом худшем из миров: межплеменные конфликты в Африке, взрывоопасная обстановка на Ближнем Востоке, в море у берегов Нормандии пролилась нефть, ядерное и химическое загрязнение, ухудшение климата.

А потом вдруг на экране появилось изображение Ваи-Каи: он стоял, практически обнаженный, на ступеньках суда в Манде, а толпы его учеников — тысячи и тысячи людей со всех концов света — выливались на улицы вокруг префектуры Лозера. Последовал саркастично-гривуазный комментарий обозревателя, потом в эфир пошло интервью с *ВЖН* собственной персоной — штатным «белым рыцарем» пресловутого мира разумных людей, великого разоблачителя Христа — мошенника из Обрака.

Марк откинул простыни и ринулся в ванную. В Манде происходят важные события.

«Выбор за тобой, тебе принимать решения», — так сказал ему Жан-Жак Браль.

Пришла пора вернуться на плато Обрак и взглянуть в глаза Пьеретте.

Йшйт я

Зайдя на все сайты новых кочевников в Сети, Бартелеми не нашел ни одной свободной комнаты в редких домах, отмеченных знаком двойной змеи. Кончилось все тем, что он со злостью захлопнул ноутбук, который они с Люси купили в Шартре перед отъездом в Лозер. Все Истиницы в Манде и близлежащих городках были забиты, и первую ночь они провели в БМВ, припарковавшись у подножия коса*. Откинутые сиденья машины — даже лакой роскошной, как немецкий универсал, — не лучшее место для сна, так что проснулись они на следующее утро совершенно разбитые, с затекшими руками и ногами, невыспавшиеся и с мечтой о горячем душе и чашке крепкого кофе.

Завтракали они в маленьком кафе на бульваре Субейран. Старики, сидевшие за барной стойкой, весьма оригинально комментировали событие, которому город был обязан непривычным для начала января оживлением.

" Известняковое плато.

О самом Христе из Обрака они мало что говорили — в конце концов, этот странный индеец, выросший в Позере, может и в самом деле оказаться чудотворцем и им от него тоже что-нибудь перепадет. Кроме того, веришь ты в оккультные силы или нет — неважно, со сверхъестественным шутить не следует, не ровен час, по башке получишь. Вот потому-то завсегдатаи кафе и разминались на последователях пророка — этих наивных голозадых дурачках — Пресвятая Богородица, нудисты с мобильниками и ноутбуками, до чего мы дожили! — прогуливавшихся среди желто-оранжевых валунов Манда (некоторые — богохульники чертовы! — осмеливались даже заходить в таком виде в собор Нотр-Дам).

Пресвятой Деве Марии дела нет до глупых выдумок, в мире так много несчастий, что Ей есть о ком позаботиться.

Люси и Бартелеми с трудом удерживались от смеха, слушая смачные словечки стариков, произносимые с дивным лозерским акцентом — певучим и одновременно грохочущим. Хозяин быстро — на вид ему было лет пятьдесят, — худой и серый, как ствол высохшего дерева, подозрительно взирал на них из-за стойки и, не выдержав, спросил-таки, не относятся ли и они к числу безумцев-обожателей Христа из Обрака. Люси в замешательстве начала с жаром отказываться, а Бартелеми во весь голос объявил, что да, Ваи-Каи излечил его от паралича и он теперь специально приехал поддержать этого человека на затеянном против него сраном процессе. Старики немедленно подсади к их столику и закидали Бартелеми вопросами:

— А что с тобой было, нет, ну по правде? Как все случилось? Что он делает, когда исцеляет? Что ты почувствовал? Сколько тебе это стоило? А правда, что он может вылечить СПИД и рак? Если он такой добрый, так почему не вылечил свою сводную сестру, ту бедняжку, что живет на Обракском плато?

Люси не вмешивалась в разговор: ее раздражала скорее собственная реакция — та торопливость, с кото-

рой она отреклась от Ваи-Каи, — чем жгучее любопытство старых лозерцев. Они всего лишь хотели снова уверовать в старых богов после неожиданного заката традиционной религии — будь то католической или протестантской, этим людям требовалось обрести новую надежду в преддверии близкой смерти, и Бартелеми агитировал их со всем нерастраченным пылом молодости. Люси вдруг осознала, что по-прежнему зависит от чужих взглядов и суждений, как в те времена, когда она выставляла себя напоказ на сайте *sex-aaa*. В душе она все еще боялась не понравиться, ее угнетал панический страх быть отвергнутой — миром или разборчивым клиентом. По правде говоря, Люси толком не понимала, почему решила отправиться в Манд. Она никогда не видела Ваи-Каи и не думала становиться его ученицей, ее увлекала страстная вера новых кочевников, заполонивших дом в Ранконьер перед Рождеством, их радость от осознания принадлежности к братству двойной змеи, к великому единству всего сущего.

•к "к "к

"• - - ²,

Комнату они нашли в середине дня. На заправочной станции торгового центра, когда Бартелеми заливал бензин в бак, к ним обратилась женщина:

— Вы, случайно, комнату не ищите? Я сдаю, да. В пяти минутах ходьбы отсюда. Совсем рядом с Башней Кающихся Грешников (последнее слово она произнесла смешно нараспев — *каааающихшихся*). Сто евро за ночь — ну, шестьсот пятьдесят франков, вы понимаете, и завтрак сюда входит. Плата — вперед.

Цена была явно завышена, но они согласились — не проводить же еще одну ночь в машине! — даже не спросив себя, почему эта громогласная крепкая сорокалетняя тетка обратилась именно к ним (может, обратила внимание на номерные знаки?). Поворчав несколько дней, отдельные жители Манда решили воспользоваться преимуществами нашествия — все лучше, чем нить

из-за неудобств (так же горожане поступили и в прошлом году во время гонки «Тур де Франс»). Они сдавали адептам Ваи-Каи пустующие комнаты в собственных квартирах и домах — раз уж эти болваны, чертовы кочевники, готовы были платить любую цену за проживание в приличных условиях. Ограды домов и решетки балконов пестрели картонными табличками, где яркими фломастерами было написано одно слово — «Сдается!».

Маленькая, темная, но чистая комнатенка находилась на третьем этаже старинного дома, примыкавшего к средневековой Башне Кающихся Грешников. Здесь были душ, умывальник и телевизор, но туалет приходилось делить с постояльцами двух других комнат.

— Завтрак — с семи до девятии, ясно, да, вы поня-
яли, потом у меняя свои дела, на скооолько вы оста-
нетесь?

Люси и Бартелеми с вожделением вымылись под теплым душем — причем сделали они это вместе, наплевав на требование экономить электроэнергию и забыв о тонких пластиковых стенках кабины. Прыгнув в постель, они завершили начатое под душем. Бартелеми быстро постигал науку любовных игр — ему почти удалось отогнать от Люси зловещие тени Джо и Джереми. Утомленные любовью и прошлой бессонной ночью, они заснули в объятиях друг друга, вдыхая запахи влажныхтел, мыла, шампуня и секса.

Проснувшись на закате, Бартелеми спросил Люси, не думает ли она, что... ну, сама понимаешь... вот и старики сегодня утром... мы про резинки никогда не говорили... ты уверена, что...

— Ты о СПИДе? Анализ, который мне сделали в больнице, был отрицательным. С того дня ты был у меня первым мужчиной, а поскольку я у тебя — первая женщина, то...

Они отпраздновали столь радостный вывод новым стремительно-яростным и страстным объятием, после чего отправились под душ — теперь поодиночке — оделись и вышли на старинные улочки Манда. Ливень

по-прежнему заливал город, на всех углах стояли вооруженные до зубов свирепые командос внутренних поиск. Когда они пробирались по улице Жарретьер — она была такой узкой, что крыши домов почти сходились над их головами, — издалека внезапно донеслись крики, глухой шум и топот шагов. На соседние улицы вылился людской поток, унося Люси и Бартелеми к площади, обрамленной фасадами желтых домов с красными и белыми ставнями.

Какой-то человек в длинной набедренной повязке забрался на бордюр высокой цветочной клумбы и выкрикнул, что рассмотрение дела против Ваи-Каи прекращено, — его обвинительницу нашли мертвой в номере гостиницы.

Мертвой?

По словам другого ученика, она покончила с собой, предпочла уход личной встрече с Духовным Учителем. Заплатила жизнью за свое предательство, но теперь истинные виновные — те, что замыслили всю эту грязную комбинацию! — останутся ненаказанными.

Вымокшие люди плотной неподвижной толпой стояли на площади. Редкие машины разворачивались, выбирая другой маршрут, а на углу улиц Аббатства и Республики смыкали строй спецназовцы. Городские власти, видимо, решили, что стихийное сборище адептов Христа из Обрака в самом сердце старого города равносильно мятежу.

Люди, между тем, выглядели не возбужденными, а подавленными. Ученики давно ждали открытого столкновения Ваи-Каи с его обвинительницей, совершенно уверенные в том, что общественному мнению станут наконец известны коварные замыслы властей. Собрание в Манде должно было стать триумфом двойной змеи, ознаменовать собой примирение с Землей-кормилицей, а закончилось недоговоренностью, туманными предположениями, которые продажные журналисты раздуют до небес. Самоубийство Элеоноры Марселей было очень выгодно тем, кто хотел сохранить двусмысленность

ситуации: теперь Ваи-Каи никогда не отмоется от подозрений, более того — наверняка найдется какой-нибудь паршивый аналитик, который заявит, что, мол, смерть девушки очень даже устраивает этого шарлатана, s/c! — ей наверняка *помогли* убить себя. Сами знаете, когда речь заходит о защите их интересов, секты готовы на худшее. Они выкрадывают дела из судебных архивов, подкупают политиков, устраняют опасных свидетелей... И все это будет подаваться публике с тем великолепным апломбом, который любую клевету делает похожей на правду.

Спецназовцы начали разгонять толпу, восстанавливая на площади Республики и прилегающих улицах привычное мирное спокойствие. Их действия застали врасплох учеников Ваи-Каи: обезумевшие от страха люди кидались врассыпную, толкаясь и топча упавших. Бартелеми прижал ноутбук локтем к бедру, схватил Люси за руку и, ловко маневрируя в толпе, поволок ее за собой по направлению к улице Эг-Пас. Вокруг звучали отрывистые команды полицейских, вопли, стоны и стук каблучков по брусчатке, людей били дубинками по голове, потом пустили слезоточивый газ. Центр города в мгновение ока превратился в поле битвы.

Теря сознание от ужаса, Люси чувствовала, что еще немного — и ее сомнут, затопчут. Если бы не железная хватка Бартелеми, беспорядочная толпа давно задавила бы ее. Короткая юбочка болталась где-то в районе талии, босоножки она потеряла — тонкие ремешки не выдержали безумной гонки по булыжнику. Она бежала босиком, стирая ступни в кровь о скользкий асфальт мостовой и тротуаров. Люси не раз видела по телевизору «разгон демонстрантов силами правопорядка», но никогда еще ей в затылок не дышали люди в масках и касках, страшные своей неузнаваемостью. Бартелеми устремился вслед за другими беглецами в лабиринт улочек, и внезапно они оказались перед старинной синагогой. Вбежав под своды готических ворот, они укрылись во внутреннем дворе, окруженном галереями

и колоннадой. Вдалеке затихал шум погони, а они пытались отдышаться, парализованные внезапной остановкой.

Не поддерживай ее Бартелеми, Люси рухнула бы на камни. Ей казалось, что бешеный стук сердца отдается в израненных до крови ногах. Она не бегала так быстро на длинную дистанцию со времен учебы в колледже, а курение, как известно, не способствует поддержанию себя в форме. Проснулась боль в подвернутой лодыжке. Люси спрашивала себя, что она делает в этом дворе на окраине Манда, среди вымокших под дождем полуобнаженных мужчин и женщин. Она словно бы преодолела пространственный барьер и выпала в какую-то другую эпоху, в иную жизнь. Еще вчера она каждое утро спускалась в метро и ехала на работу, болтала с другими девушками, мазала кремом сиськи, брила лобок, выбирала новое имя и очередной прикид, раздевалась в душно-жаркой кабинке, угождала желаниям анонимных клиентов, хватала в конце дня конверт с деньгами с гримерного столика... Все это происходило совсем недавно, но у Люси было такое чувство, что от всех этих привычных и успокаивающих в своей обыденности жестов и движений, от череды привычек и устоявшегося образа жизни ее отделяет вечность. Она знала, что не может повернуть назад, но была слишком измотана и опустошена, чтобы понять, верный ли выбрала путь. Дожив до тридцати лет, она так и не научилась управлять собственным существованием. Ее родители, брат и сестра без конца талдычили, что она просто не желает взрослеть, что ее несет по жизни ветром, как воробышка. Связь с восемнадцатилетним парнем и марш-бросок в Лозер, похоже, подтверждали их правоту.

Через несколько минут все окончательно стихло — судя по всему, спецназовцы, выполнив поставленную задачу, ретировались. Люси наконец отдышалась, достала из сумки сигарету и закурила под осуждающим взглядом худого мужчины в насквозь промокшей и уныло обвисшей набедренной повязке.

— Не понимаю, с чего вдруг эти психованные свологи набросились на нас, — сказал Бартелеми. — Никто ничего плохого не делал.

— Они не могут прижать Учителя, вот и ополчились против нас, — выдохнула сидевшая рядом женщина.

— И дальше будет только хуже, — мрачно добавил худой мужчина, запахивая полы своей повязки. — Они так просто не смирятся с переменами. Так всегда происходит в начале новой эры.

Его глаза лихорадочно блестели, на лице читалась почти фанатичная решимость пройти вместе с Ваи-Каи весь путь до конца, какую бы цену ни пришлось за это заплатить.

* * *

На следующее утро, когда ученики и последователи Ваи-Каи начали снова собираться маленькими группками на улицах и площадях Манда, прошел слух, что Духовный Учитель, освобожденный от всех выдвинутых против него обвинений, собирается прочесть лекцию на меловом холме над городом.

Накануне вечером почти все телевизионные каналы комментировали события дня: самоубийство молодой истицы, беспорядки, устроенные учениками Христа из Обрака, вмешательство сил правопорядка — легкие ранения получили несколько новых кочевников и спецназовцев («только не думайте, что эти якобы пацифисты подставляют левую щеку, получив удар по правой!»). Язвительный тон диктора оскорбил Люси и Бартелеми. Она видела, как спецназовцы колотили дубинками лежавших на земле мужчин, женщин и детей. Этот белозубый красавчик, так уютно устроившийся в своей ярко освещенной кабине, этот идеальный «всеобщий» родственник, каждый вечер входящий в дома к французам, своими дурацкими игривыми комментариями сводил страх и боль множества людей к нескольким невинным царапинкам. Люси прежде никогда не сомневалась в прав-

дивости телевизионных глашатаев, словно волшебство голубого экрана было попросту несовместимо с жульничеством, но вопиющее несоответствие между событиями в Манде и их телеосвещением внезапно высветило ее невероятную телезрительскую наивность.

Сколько же «дез» — крошечных и огромных — скормили ей из телевизора с тех пор, как она вышла из «мультиашного» возраста? Неужели все вранье — репортажи о кровопролитных войнах на планете, о революциях и горах трупов? И где правда в сообщениях о смертоносных радиоактивных облаках, о трансгенных растениях, о вакцинах, о животной муке? А как быть с рассуждениями о правах человека, мирных переговорах, гуманитарной помощи? И, кстати, как теперь относиться ко всем декларациям, сообщениям и заявлениям ООН, ВОЗ, ОЭСР и МВФ, якобы работающих «на благо» человечества? Чего стоят политические заявления и предвыборная риторика вкупе с обещаниями кандидатов? И остается ли в этой жизни место для личной свободы человека или все контролируют спутники связи и информационные сети?

Так в кого или во что ей теперь верить?!

Люси прижалась к Бартелеми, как маленькая девочка, ищущая защиты в отцовских объятиях. Она почти сразу уснула, убаюканная жаром его тела, сломленная безумной ночной гонкой по улочкам Манда.

— *Назначен общий сбор на меловом холме...*

Светящийся экран отбрасывал голубоватую тень на лицо Бартелеми, сидевшего в изголовье кровати. Люси встала, раздвинула шторы и бросила взгляд вниз, на площадь: в сторону внешних бульваров бодро вышагивали полускрытые хмурым дождем люди.

— В лесу, прилегающем к замку. Если верить сообщениям на сайте, туда можно добраться пешком. Если хочешь увидеть Ваи-Каи, сделай это сейчас... другого шанса может не быть.

Люси обернулась. Бартелеми, хрупкий, смуглокожий, неподвижно лежал на белой простыне. Ее залила

горячая волна желания. Люси поискала глазами халат, но в конце концов решила отправиться в туалет голышом — как новообращенная последовательница Ваи-Каи, истинная дочь творения, не узнавшая первородного греха.

Часом позже, приняв душ и одевшись, они спустились позавтракать на первый этаж. Компанию им составили другие постояльцы — судя по одежде, тоже ученики и адепты Ваи-Каи. Истинные, стойкие новые кочевники все были одеты на манер амазонских индейцев, кое-кто из новообращенных пока не отказался от привычных западных тряпок. Некоторые, подобно Люси и Бартелеми, выглядели, как рядовые граждане, но от «оседлых» (так новые кочевники называли противников учения Ваи-Каи) их отличал горевший в глазах огонь — отблеск сияния двойной змеи.

Хозяйка ходила между столиками с кофейником в руке, всем своим видом выражая нетерпение — свидетельство душевного смятения. Женщина не жалела, что воспользовалась ситуацией и брала со всех этих чудиков по сто евро за ночь — денежки, как известно, не пахнут, — но голые люди в доме нервировали ее (она со скрежетом зубовным раздевалась раз в год только перед своим гинекологом!).

— Я вот спрашиваю себя, гигиенично лиии этооо — сааадиться беез штанов на плетеные стулья?

— Это потому, что вы считаете тело грязным, греховным.

— Да ладно вам, тело, оно ведь не всегда чистое-то, это уж точно. Некоторые бывают и вовсе мерзкими.

— Единственная ошибка — верить в грех.

— Истинный Иисус, он пришел, чтобы искупить наши грехи, а ваааш-то, ему что здесь нужно?

— Освободить нас от мысли о первородном грехе, примирить нас с матерью-природой, с детьми, с другими живыми существами.

— Это с кем это, а? Ничего не понимаю, господи, прости мою душу грешную! Ладно, те, кто хочет остать-

ся еще на одну ночь, пусть заплатят сейчас. Сто евро или шестьсот пятьдесят франков.

Люси и Бартелеми вышли из дома, рассчитавшись с хозяйкой. Им не пришлось спрашивать дорогу до Мандского леса: выйдя с улицы Анжиран, они влились в людской поток, тянувшийся под дождем через площадь Шарля де Голля, и направились к окутанному туманом склонам холма.

Толпа продолжала прибывать на огромную лужайку у подножия холма, где находились Ваи-Каи, его бывшая учительница, сестра Пьеретта и Йенн. С вершины, несмотря на моросящий из низких туч дождик, открывался великолепный вид на город. Над морем серых крыш двумя огромными гейзерами вздымались большой и малый шпили собора. Тысячи учеников шли по извилистым тропинкам между черными австрийскими соснами (это было излюбленное место прогулок жителей Манда), расцветив лес яркими разноцветными зонтиками. Добравшись до места сбора, люди садились на мокрую землю, прямо в грязь.

Несмотря на омерзительную погоду, Йенн ни в ком не замечал нетерпения, агрессии и беспокойства. Власти назвали «досадной ошибкой» вчерашнее поведение спецназовцев в центре города, стоившее многим царапин, порезов, ран и шишек на лице и теле, но новые кочевники, приехавшие в Манд со всех концов света, чтобы поддержать Духовного Учителя, не покинули город. Немотивированная жестокость сил правопорядка

укрепила решимость сторонников Ваи-Каи, сплотила их вокруг духовных братьев и сестер, которых развезли по больницам с переломами или сотрясением мозга. «Досадная ошибка» продемонстрировала, кроме всего прочего, глупость властей: общеизвестно, что мученики и жертвы в тысячу раз полезнее делу, чем миллионы новообращенных.

Йенн, собаку съевший во внутривластных дразгах, не мог понять подобной слепоты, хотя, по большому счету, все было не так уж и неправдоподобно: сильные мира сего могли сколь угодно часто восхвалять уроки истории, проводить памятные вечера и встречи, возводить памятники великим людям, строить мавзолеи и открывать музеи во славу прошлого — они раз за разом наступали на одни и те же грабли и попадались в банальные ловушки. Исправить ситуацию можно единственным способом — радикально изменить образ мышления. Практически все политики подминали под себя историю, чтобы защитить личные либо корпоративные интересы узкого круга лиц.

Йенн был совершенно уверен — история способна чему-то научить, если касается всего человечества в конкретный проживаемый им момент настоящего. Уничтожение целого народа — как случилось с колумбийскими индейцами десана — может предотвратить массовые убийства на пяти континентах Земли, если люди победят равнодушие к чужому страданию. Если человек осознает неразрывную связь с другими людьми, он сможет чувствовать каждый толчок, любую вибрацию полотна жизни и перестанет драться за *свой* клочок земли, за *свои* верования, за *свое* страдание, за *свои* богатства, за *свое* прошлое и за *свое* будущее, примет наконец бесконечную щедрость настоящего и заживет со всем живым и сущим. Работая как инструмент власти и разделения, история останется ветром, раздувающим пламя розни и ненависти.

Йенн с Пьереттой приехали накануне вечером и присоединились к Ваи-Каи и мадам Гандуа в доме, предо-

ставленном в их распоряжение Тома (этот крестьянин — верный последователь Учителя — жил в окрестностях Манда). Ферма, выстроенная в строгом лозерском стиле, одиноко стояла у подножия холма и обнаружить ее без помощи местных жителей было практически невозможно. Хищников-папарацци удалось сбить со следа несложным маневром: четыре дня подряд молодого человека, отдаленно похожего на Ваи-Каи, сажали на исходе дня в машину, которая и уводила за собой «охотников», а самого Ваи-Каи, с согласия пожилого судьи (его безумно раздражала вся эта суеда, а до ухода в отставку оставалось всего ничего), выводили через заднюю дверь, и Тома увозил его на ферму в своем стареньком «Рено-трафик». Ни один фотограф или журналист не разгадал их хитрого фокуса. Все ежедневные — национальные и региональные газеты — напечатали фотографию Ваи-Каи в окружении учеников на ступенях дворца правосудия.

Йенн не предполагал, что снова окажется рядом с Ваи-Каи так скоро. Процесс мог затянуться недели на две, не меньше, не покончи с собой обвинительница Учителя. Йенн, в отличие от большинства учеников, был убежден — Элео предпочла покончить с собой, лишь бы не встречаться взглядом с человеком, которого предала. Разве Духовный Учитель не сказал тогда, что она не станет свидетельствовать против него, потому что не перенесет этого?

Йенн по достоинству оценил свое пребывание в доме матери и сестры Иисуса, хотя странная прогулка с Пьереттой обернулась для него двухдневной лихорадкой. Два дня он блуждал между болью и безумием. Женщины занимались им, особенно Пьеретта, чья сверхъестественная красота, казалось, открывала дверь в другой мир.

Сначала он чувствовал к ней жадное физическое влечение, сменившееся, как только спал жар, почтительным восхищением. Пьеретта не говорила, но ее глаза, улыбка и движения были выразительнее миллионов

и миллионов слов. Кстати, у Йенна было такое чувство, что немота — сознательный выбор Пьеретты, а не физический недуг. Поправившись, он стал помогать по дому — рубил дрова, отчистил стены от граффити, заменил разбитые стекла и черепичины, короче — исправил всё, что наделали «добрые души», как называла их матушка Луиза — мать Иисуса. Если делать было нечего, Йенн отправлялся спать, а Пьеретта оставалась сидеть перед компьютером, иногда он заставлял ее утром перед включенным экраном монитора, словно сон был ей попросту не нужен.

В пятницу, во второй половине дня, Пьеретта взяла его за руку и подвела к старенькому семейному «рено».

— Хочешь, чтобы мы куда-то поехали?

Она кивнула, подтверждая.

— Куда?

Пьеретта, не отрываясь, смотрела ему в глаза, и ответ пришел сам собой.

— В... Манд? Мы присоединимся к Ваи-Каи?

Она выразительно улыбнулась.

— Но разве он согласен? Как ты можешь это знать?

Пьеретта наклонилась к нему и поцеловала в щеку, издав гортанный звук, — так она смеялась. Он перестал сопротивляться — во-первых, потому, что было очень трудно, почти невозможно противиться желаниям Пьеретты, а во-вторых — и в-главных, — потому, что он умирал от желания отправиться в лозерскую префектуру.

— Ты хотя бы знаешь, где его найти?

Она сдернула брезент, забралась на пассажирское сиденье и пристегнулась ремнем.

— Мы не прощаемся с твоей матерью?

Пьеретта дала понять, что они уже простились.

— А как быть с одеждой, с умывальными причиндалами?

Она решительным жестом указала ему на открытые ворота внутреннего двора. Йенн покачал головой и сел наконец за руль. Машина завелась с пол-оборота, чему

он немало удивился: мотор был в явно лучшем состоянии, чем жестянка.

Он ехал по узким извилистым дорогам Обракского плато на автопилоте, а потом внутренний голос привел его прямо к дому Тома. Ваи-Каи встречал их у въезда во внутренний двор фермы. Он стоял под дождем в одной набедренной повязке и был, казалось, искренне рад видеть Йенна. Пьеретта выскочила из машины и бросилась в его объятия.

* * *

— Вы сами и ваши братья и сестры по двойной змее будете тем богаче, чем меньше добра накопите. Как все матери, земля великодушна и щедра, она отдает без счета, она любит каждого из своих детей. Те, кто отказывается делить ее с братьями и сестрами по двойной змее, увлекают все человечество на путь нищеты. Желание владеть частью того, что дано нам во всей его полноте, мало-помалу истощает источник.

У Ваи-Каи не было ни микрофона, ни громкоговорителя, но голос его разносился из конца в конец поляны, парил над Мандом, как громадная птица. Сколько людей его слушало? Йенн не мог подсчитать точно, но это были десятки тысяч. Дождь прекратился. Порывы сильного теплого ветра разгоняли облака, и вот уже робкий луч солнца осветил землю. Атмосфера была напроочь лишена суровой торжественности, столь характерной для некоторых мест поклонения и паломничества, и напоминала скорее обстановку грандиозного семейного торжества. Собравшиеся у подножия холма люди приехали из разных стран, они исповедовали разные религии и принадлежали к разным социальным слоям, но все они хотели услышать то, что в глубине души знали: мы — дети одной матери, у нас общая ДНК, мы — нити, неотъемлемые и сверкающие, космического полотна жизни, адверь из настоящего открывается в иной миропорядок, в другое знание.

— Измерять, оценивать, объяснять и дробить мир — значит жить по принципу «разделяй и властвуй». Люди сейчас выделяют, изолируют ген, они смешивают, покупают и продают, забыв о целостности Творения и изначальном видении времени. Они, эти новые «торгующие в Храме», манипулируют природой, спекулируют богатствами двойной змеи, разрывают единение всех живых существ.

Йенн различал вдалеке отблески шлемов спецназовцев, окруживших поляну. Сотни темных силуэтов застыли в неподвижности, ожидая только приказа или малейшего предлога, чтобы врезаться с дубинками в гущу молчаливого сонма слушателей.

— Но храмовые менялы процветают лишь потому, что они превратили своих братьев и сестер в клиентов, в потребителей. Они сулят изобилие, вечную молодость, удовлетворение всех чувств и желаний. Они предлагают каждому живым войти в рай, обещанный всеми земными религиями. Когда-то люди покупали себе бессмертие, выполняя ритуалы или ведя праведную, благочестивую жизнь, а священники, жрецы, хранители священного знания держали их в невежестве ради собственного процветания. Теперь же, когда наука взобралась на пьедестал былых религий, люди надеются обрести бессмертие, манипулируя генами, подчиняя себе могущественную силу бесконечно малого, а торговцы все увеличивают и увеличивают свою власть над клиентами.

Пьеретта, сидевшая у ног названного брата, смотрела на него с обожанием. Никогда прежде Йенн не видел во взгляде человеческого существа такого полного, почти абсолютного доверия. Этих двоих связывала не просто братская любовь, у их чувства была совсем иная природа. Синевя неба взяла вверх над хмарью, солнечные лучи магическими колоннами падали на поляну, черные сосны замкового леса и вереницу городских крыш.

— Мы можем отказаться от разрушительного поискарая на небесах или на земле, в наших силах не гнаться за химерами, не надеяться на волшебное завтра, мы

способны побороть жадное желание войти в элиту, и мы должны отказаться от услуг торгующих в храме. Нам от них ничего больше не нужно — ни генов, ни мечты о бессмертии.

Над косом, грохоча, как рассерженный шмель, завис вертолет. Сделав несколько кругов, он скрылся в тумане над соседними холмами.

— Во всех нас заложена огромная сила, и мы способны сказать «нет». Нет тем, кто сводит человеческую жизнь к отдельным фрагментам, нет тем, кто властвует, разделяя, нет тем, кто стремится подчинить себе время. Мы могущественны и можем вернуть себе священную природу жизни, погрузиться в сверкающий бесконечный водоворот циклов, мы должны научиться видеть в смерти не конец, не потерю, но необходимость — столь же неизбежную и великую, как сама жизнь. Человек способен погрузиться в настоящее, освободившись от всех химер, страхов, обычаев и желаний. Настоящее — дверь в дом всех законов, в пещеру, где хранится сокровище двойной змеи, корень древа познания. В доме всех законов нас ждет не бессмертие, но вечность, объединительная жизненная сила. Искатели бессмертия пытаются заключить весь мир в физические оболочки, но разрушение, исчезновение есть неотъемлемое свойство любой материи. Вышедшие из праха, в прах мы и вернемся. Алчущие бессмертия не могут противиться всевластной любви нашей Матери-природы, иначе она сметет их с лица Земли, как уничтожила множество цивилизаций, построенных на мечте о могуществе и славе. В нас заложена безграничная способность принять любовь Матери-природы, склониться перед ее требованиями, говорить с ней.

Взгляните на птиц небесных: они не сеют, не жнут, не собирают в житницы; и Отец ваш Небесный питает их.' ...Посмотрите на полевые лилии, как они растут; не

* Евангелие от Матфея, 6:27.

трудятся, не прядут; но говорю вам, что и Соломон во всей славе своей не одевался так, как всякая из них'. ...Ищите же прежде Царства Божия и правды Его, и это все приложится вам".

— Войдите в дом всех законов и перестаньте тревожиться о дне завтрашнем. Торговцы, сколь бы могущественны они ни были, могут продать вам лишь ничтожную долю сокровища, лежащего в глубине пещеры, в душе каждого из вас. Они протягивают вам жалкую горстку генов, но в каждом человеке заключено все богатство двойной змеи, они продают вам средства связи и сообщения, но как же они жалки в сравнении с тончайшими и сияющими нитями космического полотна жизни. Эти люди навязывают вам шумные, загрязняющие все вокруг себя машины, чтобы вы не попытались открыть для себя тайну изумительных способов перемещения по космической паутине. Они выставляют на торги уцененные желания, потому что не ведают истинной человечности.

Йенн вспомнил, как Пьеретта провела его в дом всех законов, где и он на несколько мгновений познал Царство, о котором говорил Христос из Назарета. Он тогда не смог до конца осознать все величие и значение этого события — два дня лихорадки совершенно лишили его сил. Когда Ваи-Каи приказал ему остаться с Пьереттой и Луизой, он воспринял как отлучение и наказание то, что было знаком особой милости. Без помощи Пьеретты он бы никогда не нашел заветную дверь, прошел бы мимо невероятного опыта, не познал бы связи с иным — истинным, объединенным — человечеством. Заметив, что Пьеретта наблюдает за ним, он улыбнулся в ответ и поднял на Духовного Учителя взгляд, исполненный нового, истинного доверия.

* Евангелие от Матфея, 6:30.

** Там же. 6:34.

* * *

— Давно не виделись...

— Ты здесь с самого начала?

— Уже три дня. Мы сняли на двоих комнату. Цены в Манде кусаются...

— Надвоих?

— С одним другом... Он гомосексуалист. А ты все такой же ревнивый, как я погляжу? Не бойся, на баб ему плевать.

Йенн улыбнулся. Он не стал оправдываться, хотя в его вопросе не было и намека на ревность или подозрение. Буря воспоминаний разбудила в душе чувства, о которых он, казалось, и думать забыл.

— Ты не изменилась.

— Еще как изменилась. Ты ничего не заметил.

За исключением пополневшего и округлившегося лица, Йенн не замечал никаких особых изменений ни в прическе, ни в фигуре Мириам. Она подошла к нему, когда огромная толпа начала молча расходиться, а Ваи-Каи приблизился кждавшим исцеления людям. Больных и раненых принесли к подножию холма на руках — колеса инвалидных кресел увязали в грязи. «Я творю чудеса не за тем, чтобы меня принимали за того, кем я не являюсь, — часто повторял Духовный Учитель. — Я просто должен показать всем и каждому, что дом всех законов — это еще и дом безграничных возможностей». Людям, обвинявшим Ваи-Каи в том, что он таким образом поддерживает древнюю мечту о бессмертии, которую столь страстно разоблачает в своих речах, он отвечал, что исцеление не есть обещание вечной молодости, но всего лишь возврат к равновесию.

Йенн медленно покачал головой, захваченный внезапным и необъяснимым чувством, едва не сбившим его с ног. Мириам распахнула куртку, показав ему свой округлившийся животик.

— Я беременна.

— Какой срок?

Несколько мгновений она колебалась. За ее спиной исцелившийся мужчина делал первые самостоятельные шаги на дрожащих, как у новорожденного жеребенка, ногах. Поляна, превратившаяся в месиво грязи, постепенно пустела, люди шли мимо застывших в оцеплении спецназовцев.

— С тех пор, как мы расстались. Я... я много месяцев не пила таблетки. Знаю, надо было тебе сказать. Я сомневалась, но решила его оставить, даже если ты не захочешь...

— Хочешь сказать, что...

— Ты скоро станешь отцом, Йенн.

После вселения в маленькую квартирку в X округе, куда отправили его Блэз и Кэти, Матиасу потребовалось десять дней, чтобы найти Хасиду. Его заслуги в этом не было. Он методично и неустанно обходил парижские больницы и клиники и однажды услышал — или ему показалось, что услышал, — как чей-то «голос» прошептал у него в голове: Субейран.

Матиас решил, что его кто-то окликнул, и замер на тротуаре, но на маленькой улочке никого не было: он стоял один среди припаркованных у обочины машин. Звук — галлюцинация. Ладно, бывает. Матиас решил не обращать на «голос» внимания, но все повторилось, когда он обедал в индийском ресторане в проезде Бради, а потом в холле клинике Лиля, и во время разговора с регистраторшей приемного отделения больницы Сальпетриер... «Голос» напомнил о себе, когда он ехал в вагоне метро на другой конец Парижа, он звучал, пока Матиас пробирался через толпу туристов на улице Бланш...

Субейран... Субейран... Субейран... Лейтмотив, как надоедливый комар, возвращался и жалил мозг.

На следующее утро, когда Матиас походкой сомнамбулы плелся в душ, его вдруг осенило. Он выдернул из-под телефона замызганный адресный справочник, нашел список больниц и клиник. Название одной из них сразу бросилось ему в глаза: Субейран. Специализированное заведение для больных в продолжительной коме. Двадцатый округ, совсем рядом с кладбищем Пер-Лашез, если верить карте.

Он кинулся туда, забыв о душе и завтраке. Не спрашивая себя, откуда взялся этот внутренний голос. Десять дней изматывающих и бесплодных поисков почти подорвали его веру, и он должен был немедленно проверить, чтб это — бред, ошибка или глупое совпадение.

* -к Ж

Увидев перед собой обычный городской дом из тесаного камня, Матиас решил, что ошибся адресом. Небольшие таблички на верху одной из стен были единственным доказательством принадлежности этого здания к миру медицинских заведений: «Скорая помощь», «Родовое отделение», «Хирургия», «Неврология»... Войдя под арку во двор — он оказался неожиданно просторным, — Матиас увидел въезжавшие и выезжавшие машины скорой помощи и убедился, что нашел клинику Субейран.

Он не сомневался, что Хасиду поместили сюда под другим именем, но не знал, чтб будет говорить одной из сестер приемного покоя — метиске с золотистыми глазами и приветливой улыбкой. В узком, строгом и светлом холле посетителей было немного, и регистраторша — креольский акцент выдавал в ней уроженку Антильских островов — приветливо поздоровалась, всем своим видом выражая готовность выслушать и помочь.

— Добрый день! — произнес Матиас, улыбаясь самой открытой из своих улыбок. — Одну молодую девушку, ливанку, должны были перевести в вашу клинику дней

двенадцать назад. Ей поставили диагноз нейровегетативная кома... Следствие жестокого обращения.

— Назовите мне, пожалуйста, ее фамилию.

— Я знаю только имя — Хасида, но не уверен, что...

— Вы не член семьи, ведь так? Иначе знали бы фамилию.

Она смотрела на него настороженно и, пожалуй, недоверчиво, скрестив руки на груди и чуть напряженно улыбаясь, очень сексуальная в обтягивающем белом халате.

— Я... Понимаете... это я привез ее в больницу в Куломье. Там мне сказали, что ее перевели в вашу клинику. Я пришел просто проведать Хасиду.

Медсестра покачала головой, наклонилась к компьютеру, и ее пальцы запорхали по клавишам. Сверившись с экраном, она подняла глаза на Матиаса.

— Мне очень жаль, мсье, но вашей Хасиды нет в списке пациентов нашей больницы.

— Подождите. Попробуйте... проверьте одно имя... *Надия. Надия Хадеми.*

Это имя вынырнуло из подсознания тем же манером, что и название клиники Субейран: его нашептал внутренний голос, словно кто-то овладел личностью Матиаса и подсказывал решение, как только возникала необходимость. Он не задумывался об этом, захваченный желанием разыскать Хасиду, но теперь, в холле клиники, эти «намеки» начали его беспокоить.

— Надо же, как вовремя к вам вернулась память! — воскликнула регистраторша. — У нас действительно лежит Надия Хадеми, она в отделении коматозников. Пятый этаж, палата 512. Вы можете навестить ее, но помните — она не реагирует на внешние раздражители.

Когда Матиас постучал в дверь палаты, санитарка попросила его подождать: она заботливо обтирала тело Хасиды — или Надии? — одновременно массируя ее, чтобы попытаться разбудить (так она объяснила посетителю свои действия, после того как закончила и позволила ему войти).

— Ее физические раны заживают, с этим никаких проблем, а вот душевная рана не желает рубцеваться. У меня в этом отделении есть пациенты, которые уже десять лет погружены в кому. Их присылают другие больницы и клиники, когда сами ничего больше не могут сделать. Мы поддерживаем в них жизнь, кормим, моем... пока они не решат уйти... насовсем. Никто не просыпается... почти никогда. А сколько их умирает, перенеся такие процедуры, которые, по мне — так хуже пожизненного заключения в одиночной камере? Знаю, это нелегко для семьи — зря, что ли, говорят, пока жизнь теплится, надежда не умирает, — но я бы помогла им уходить сразу. Мои слова могут вас шокировать — странно такое слышать от человека моей профессии! — но я общаюсь с ними каждый день и имею право высказаться. Я чувствую то, что словами не выразить: ужасное несчастье — быть запертым в теле, которое упрямо не желает умирать!

Уходя, пожилая женщина погладила Матиаса по плечу. Он оставался в палате почти весь день, сидел, глядя на безучастное лицо Хасиды. Не реагируя на вой сирен, то и дело разрывавших тишину больничного двора, он размышлял, как поступить: сделать все, чтобы вернуть любимую к жизни, или помочь ей умереть. В прежней своей жизни Матиас часто дарил людям смерть и прекрасно знал, что она может быть мгновенной и легкой.

Глок во внутреннем кармане куртки весил не больше бумажника, но Матиас до странности четко ощущал его присутствие на теле. Оружие он нашел в сейфе, на толстой пачке сотенных купюр.

Его Glock.

Последний писк моды, сверхлегкий и сверхпрочный композитный материал, исключительно прост в обращении, о точности и говорить нечего. Глок положили в сейф, приглашая Матиаса вспомнить былые навыки. Блэз и Кэти, его ангелы-хранители, не просто так вернули Матиасу спутника прежних ночных «развлечений»: получив назад Glock, он словно вернулся в шкуру убийцы. Эти гребанные стратегии явно хотят поручить ему новое дело,

натравить на очередную цель. Матиас сунул руку в карман, нежно погладил рукоятку пистолета. Он будет страдать, как навеки проклятый, если окончательно потеряет Хасиду, но позволить ей медленно угасать в тюрьме из плоти не может. Неужели она мысленно посылала ему сигналы из того странного места, где блуждает сейчас ее душа? Может, это зыбкие мысли его спящей красавицы как тихие вздохи проникли в его сознание?

Матиас не знал, так ли уж сильно подействовали на него откровения санитарки, но ему казалось, что вокруг неподвижного тела Хасиды витает несчастье, питаюсь, как невидимый и прожорливый стервятник, ее беспомощностью, мучениями, ее агонией. Любить — значит желать добра. Он любит Хасиду и должен освободить ее от оков комы и жалкого угасания. Он убивал ради удовольствия, так что мешает ему убить во имя любви? Он потащил Glock из кармана, машинально снял оружие с предохранителя.

Ворвавшаяся в палату санитарка помешала Матиасу привести план в исполнение. Он едва успел спрятать оружие и тут только понял — к величайшему своему смущению, — что плачет. Женщина участливо обняла Матиаса за плечи, и он едва справился с собой, чтобы не оттолкнуть ее. От санитарки несло старостью и мертвечиной, она казалась емуходячим несчастьем. Жизнь среди живых мертвецов никому даром не дается.

— Вам пора, — произнесла она профессионально-участливым тоном. — Время посещения заканчивается в пять часов.

— Сколько времени вы будете ее здесь держать?

Женщина пожала плечами.

— Понятия не имею. От нее будет зависеть. От ее организма — захочет он бороться или нет. Но вы не беспокойтесь: на улицу ее никогда не выбросят. Клинику субсидирует государство. Здесь проводят важные исследования.

— Пользуетесь коматозниками, как лабораторными крысами, да?

— Другого способа испытать новые лекарства и технологии просто не существует.

— Но вы с этим не согласны, верно?

Санитарка горько усмехнулась.

— В глазах медицинских светил мнение таких, как я, мало чего стоит.

Она тихонько подтолкнула его к двери. Матиас покорно вышел, пообещав себе вернуться завтра и положить конец мучениям Хасиды.

•к "к •к

Вечером, лежа без сил на постели, он одним глазом, не особенно вслушиваясь, смотрел передачу Омера. Расстояние от клиники Субейран до улицы Бланш Матиас прошел пешком, не обращая внимания на дождь. По дороге он зашел в арабскую бакалейную лавочку, купил себе чипсов и орехов. В подворотнях, поругивая погоду, уныло курили проститутки. Дождь для их бизнеса был опаснее нечистой совести, полицейских облав и инфляции. Девушки в коротеньких шортиках, рубашках, завязанных узлом над пупком, чулках в сеточку (судя по всему, их кроили из рыболовецкой сети!) и высоких сапогах призывно подмигивали Матиасу, но у него их ужимки вызывали лишь безразличное отвращение.

Вульгарность никогда его не возбуждала. Роман, он же Рысь, не раз предлагал ему девочек, вывезенных порнодельцами из Восточной Европы. Все они были очень красивы, но ему хватало одного штриха — слишком ярко накрашенного лица, слишком обтягивающей одежды, слишком откровенного жеста, — чтобы мгновенно остыть. Именно эта фобия укрепила репутацию Матиаса как человека, равнодушного к сексу (то ли с гетеро-, а может, и с гомосексуальными привычками), в мафиозных кругах, контролирующих проституцию. Честно говоря, Матиаса это очень устраивало. Его бывшие заказчики лучше, чем кто бы то ни было другой, знали: деньги и секс — самый эффективный способ помешать человеку

исполнить контракт. Убийца, не способный справиться с собственным членом, — не слишком надежный партнер.

Нарочито грубый, «отвязанный» треп Омера раздражал и одновременно завораживал Матиаса. Он спрашивал себя, как это человеку существу удастся произносить столько слов в минуту? Одетый в рубаху и штаны кричащих цветов, с пламенно-рыжими волосами, взлохмаченными рукой искусного парикмахера, Омер без конца перебивал собеседников. Любого другого теле- или радиоведущего за подобное хамство, отсутствие политкорректное™ и нецензурную брань Высший совет по контролю за качеством аудиовизуальной продукции наказал бы без жалости и промедления. Напротив Омера, на возвышении, напоминающем скамью подсудимых, сидела худая как смерть женщина в черном. Она была автором исторического романа о Жанне д'Арк, в котором Орлеанская дева всю жизнь пользовалась своими прелестями, собирая рыцарей в освободительную армию.

— Итак, — подвел итог Омер, — в книге вы утверждаете, что она спала со всеми офицерами своей армии, с королем, с епископом и даже с некоторыми солдатами. Ну просто шлюха и дрянь, да и только!

Слева от «скамьи подсудимых» находились две скамьи «присяжных заседателей»: историки и академики мужского и женского пола, интеллектуалы и интеллектуалки, призванные оппонировать главному гостю, напоминали восковых кукол из музея Гревена. Казалось, что ведущий и его гости существуют в разных временных измерениях, что он их все время опережает. Помощница Омера, поражающая воображение зрителей умопомрачительной красотой и головокружительным декольте, пыталась время от времени умерить пыл шефа и смягчить его грубость, но у нее ничего не получалось. Она была не более чем украшением, секспаузой, мятой конфеткой в потоке слов, калейдоскопе цветов бесконечной рекламы.

Матиас шелкал пультом, прыгая с программы на программу, несколько раз едва не выключил телевизор, но какая-то магическая сила то и дело возвращала его в запредельную дурь ток-шоу Омера. Гости в студии внезапно разом осознали, что в их интересах выйти из ступора, если они хотят продемонстрировать свое последнее творение (удивительное совпадение — каждый явился на передачу с последним — «горяченьким» — изданием!). Все эти историки-академики-записные-интеллектуалы перебивали друг друга, сыпали обвинениями, бранились и оскорбляли всех и каждого под насмешливым взглядом Омера: он добился своего, завел их на зыбкую почву полемического спора, оскорблений и крайностей. Омер явно развлекался, обводя растрепанную крикливую аудиторию круглыми совиными глазами. А они, эти интеллектуалы-эрудиты, демонстрировали сорока процентам населения Франции (рейтинг, черт побери!) зрелище петушиного боя на птичьем дворе. На экране мельтешили и колготились люди, время от времени кто-то выкрикивал оскорбление, или угрозу, или проклятие. Ловкий трюк — безграмотный журналист с диким нравом выглядел на их фоне моральным светочем, нравственным ориентиром и оплотом разума.

Матиас доел чипсы и, чувствуя легкое омерзение, отправился в душ. Когда он вернулся в комнату, Омер как раз объявлял результаты голосования телезрителей:

— Итак, семьдесят процентов считают, что Жанна д'Арк была просто грязной девкой, честной давалкой, и поддерживают нашу дорогую Режину Абрер. Ваши аплодисменты, дамы и господа, ваши аплодисменты!

Жестокая камера дала крупный план проигравших историков, пытавшихся со всей серьезностью возражать безумной сочинительнице, потом на экране мелькнуло лицо романистки-триумфаторши — до чего же злобещий у нее был вид в этих черных тряпках! Камера на мгновение задержалась на аппетитных сиськах ассистентки Омера и наконец вернулась к хозяину шоу, объявлявшему программу на ближайшие недели.

Одно имя привлекло внимание Матиаса: Христос из Обрака. Ваи-как-то-там-еще. Чудотворец, которого по-1 ашили в суд по обвинению в изнасиловании несовершеннолетней, но истица покончила с собой и процесс не состоялся.

— Ее нашли мертвой в номере гостиницы накануне вызова в суд, — уточнил Омер. — Судя по первым данным следствия, это действительно самоубийство, но мы в нашей передаче, дамы и господа, верим: никто не уйдет от суда народа, от *вашего* суда! Вот почему через полтора месяца мы будем принимать человека, которого последователи называют на языке его племени Ваи-Каи, и поверьте мне, дамы и господа, оппонировать ему будут самые блестящие умы из всех, кто когда-либо поднимался на эту сцену.

— Мы благодарим наших сегодняшних замечательных друзей, — заключила помощница Омера с улыбкой, такой же безразмерной, как ее декольте. — Мы признательны Режине Абрер за то, что приняла участие в шоу, мы счастливы, что вы дарите нам вашу дружбу и доверие и каждую неделю смотрите нашу передачу.

— Спасибо — и до свиданья — и до следующей недели — в тот же час — на том же канале!

* * *

Выключив телевизор, Матиас не сразу сумел заснуть. Он подождет полтора месяца, прежде чем освободить Хасиду из плена ее тела: возможно, Христос из Обрака, или Ваи-Каи, этот чудотворец, который очень скоро станет очередной жертвой Омера и его чертовых зрителей, сумеет вернуть ее к жизни.

Марк вернулся из Лозера, потрясенный увиденным и услышанным.

Он всю ночь гнал машину на Обракское плато, возвращаясь на старую ферму, где его встретила только приемная мать Иисуса. Старая женщина ни словом не обмолвилась о его статье в «EDl/». Она накормила Марка завтраком, сообщив, что Пьеретта уехала в Манд с Йенном, любимым учеником ее сына.

Наплевав на усталость, Марк сразу же поехал к лозерской префектуре. Добравшись до окраины города, он наткнулся на оцепление спецназовцев и бесконечный людской поток, бросил машину на обочине, расспросил ученика Ваи-Каи (судя по длине набедренной повязки, он либо верил очень глубоко, либо сильно гордился своим детородным органом) и решил вместе со всеми подняться на холм и выслушать проповедь Духовного Учителя. У Марка не было ни зонта, ни плаща, и он мгновенно вымок до нитки. Ему не удалось приблизиться к подножию коса, где находились Ваи-Каи и Пьеретта, и он смотрел на них издали, поверх удивительно

спокойного моря людских голов. Последовав примеру окружающих, Марк опустился прямо на землю и, как только забыл, что может испачкать одежду, начал получать удовольствие от сиденья в грязи. Вокруг него мужчины и женщины всех возрастов раздевались, словно желая избавиться от последних искусственных преград, отделяющих их от естественной жизни. Все равно ведь вымокли до нитки, и одежда в грязи, так почему бы не испытать детскую радость и не кинуться голышом в объятия Небесной Матери. Эти люди показались Марку очарованными свободными обитателями сада Эдема, и он последовал их примеру, сняв обувь, носки, брюки, рубашку, майку и — после некоторого колебания — трусы. Его комплексы мгновенно улетучились, словно, отдав себя на волю дождя, ветра и земли, он наконец принял себя таким, каким был на самом деле: лысым, толстым мужиком, у которого пошаливает сердце и ноют кости на пороге старости. Сидевшая рядом женщина улыбнулась Марку и показалась ему красивой, несмотря на отвисшие груди, толстые ляжки, круглые щеки и мокрые, прилипшие к черепу волосы. Она была прекрасна, потому что являла собой чудо творения, совершенную, неотъемлемую часть двойной змеи, невероятно гармоничную последовательность частиц. Женщина была очень хороша сейчас, потому что ей нравилось быть членом огромной человеческой семьи, и ничто — ни особые заслуги, ни тайные пороки — не выделяло ее среди прочих. Но главное — она вгрызалась в это мгновение жизни, как в румяное яблоко.

Голос Ваи-Каи зазвучал над ними так четко и ясно, что люди спрашивали себя, где организаторы спрятали микрофон или громкоговоритель. Каждое слово Духовного Учителя пронзало Марку сердце, как раскаленный клинок. Он словно получал ответы на все вопросы, которые задавал себе всю жизнь, с юности до сего дня. Вопросы отпадали сами собой, потому что он больше не нуждался в ответах, потому что его душа расцветала, а сомнения и страхи растворялись. Это глубокое чувство

не имело ничего общего с психическим возбуждением: Марк ощущал умиротворение, зная, что он уникален как личность, но одновременно связан со всеми остальными, необходим им, неотделим от них.

Марк не сразу оделся, когда Ваи-Каи кончил говорить: ему хотелось продлить волшебство момента, разделив его с другими учениками. Они отдавались ласке возрождавшегося солнца, радуясь его теплым лучам. Марк не заметил, как снялись с места спецназовцы, стоявшие в оцеплении так тихо, словно их тоже размягчила зачарованная атмосфера поляны.

Марк так и не повидался с Пьереттой. В конце концов, он приехал в Лозер не ради нее, но для того, чтобы услышать Духовного Учителя, познать его учение. Зачем просить прощения у женщин, которых он предал несколькими неделями раньше? Они купаются во всемогущей любви их сына и брата, в их душах нет места недовольству и злопамятству, они не помнят обид.

* * *

— Где? В Лозере?

Марку показалось, что он уловил искорку интереса в выпученных от изумления глазах Тони, своей старшей дочери. Жанна — младшая — уже впиалась зубами в бесформенный сэндвич, который держала двумя руками, ухитряясь то и дело ронять куски изо рта. Марк пригласил девочек пообедать, позволив им выбрать ресторан, и, к счастью для его отошавшего кошелька, они потащили его в шумный «Макдональдс», пропахший прогорклым маслом. Когда они встретились у метро, девочки смотрели на него недовольно-недоверчиво, явно заранее решив проучить незадачливого предка, которого так и не научились воспринимать как отца. Небо уже два дня оставалось синим, и сестры явились на свидание в длинных майках и артистически продырявленных джинсах. Тоня уже начала превращаться в девушку, исчезли детская припухлость черт, прыщи и вечно недовольное

выражение лица, которое она являла миру как манифест собственной несчастьливости.

Когда Тоня напoмнила отцу, что в конце года ей исполнится восемнадцать, он вздрогнул, словно его внезапно ушипнули и разбудили. Марк все еще помнил, как этот скользкий и сморщенный комочек плоти появился из утробы его жены, он видел себя на грани обморока, задышающимся от запахов пота, дерьма и крови... И вот он внезапно просыпается на террасе дешевой парижской кафешки и видит напротив себя молодую женщину.

Что он о ней знает помимо рассказней «бывшей № 1», школьных дневников с посредственными отметками и сомнительных приятелей? Что ему известно о надеждах, мечтах, страданиях и радостях своей дочери?

И что он знал о Жанне, своей младшей, которая только и делала, что ела, а все остальное время уродовала себя всеми возможными и невозможными способами? Он присутствовал при вторых родах жены, но мало что запомнил и не замечал, как она росла. Он прошел мимо, вот так просто — взял и прошел, словно, перерезав пуповину (Марк разыгрывал образцового мужа — мечту домохозяйки из глянцевого журнала!), он одновременно разорвал и связывавшую их души нить. Некоторые его собратья по «EDV» — женатые и разведенные — говорили об отцовстве, как о самом удачном своем предприятии, а дети их были безусловно самыми умными и блестящими детьми на свете, и отцы могли ими гордиться. Самые большие зануды на свете — родители, достающие вас рассказами о гениальности своих чад и об их успехах. Марк всегда комплексовал и прятал от окружающих дочерей, как постыдную болезнь, как собственный провал.

«Бывшая № 2» тоже находила его девочек... как бы это поделикатнее выразиться? ...не слишком... ну... интересными, но это, конечно, связано с их возрастом, или с матерью, но в любом случае, я не хочу, чтобы твои дочери ехали с нами, они испортят нам уик-энд... Марк положил дочерей на алтарь тшеславия, он забывал о них

ради внешнего блеска, ради принадлежности к элите, ради всей той мишуры, о которой говорил Ваи-Каи на поляне у подножия холма в окрестностях Манда. А девочки просто хотели, чтобы их замечали, чтобы ими интересовались и любили, о том же мечтают все дети в мире — блестящие и посредственные, красивые и уродливые. Если отец или мать не способны принять ребенка таким, какой он есть, кто поможет ему принять и понять себя и других?

— В Лозере? — с набитым ртом повторила вопрос Жанна. — Это как-то связано с Ваи-Каи?

Марк постарался скрыть удивление, сделав вид, что увлекся картошкой.

— Вы знаете о Ваи-Каи?

Они переглянулись поверх сэндвичей.

— Нужно быть глухим, чтобы ничего о нем не услышать, — буркнула Тоня. — Достаточно включить радио или телевизор. Мы даже говорили о нем с нашей филологией на прошлой неделе.

Марк вспомнил, что Тоня, едва не провалив экзамен на степень бакалавра (его бывшей жене пришлось приложить массу усилий, чтобы избежать унижительной неудачи), все-таки попала в литературный класс.

— И что она говорит, ваша преподавательница?

— Она экологистка и даже член какого-то движения — вроде Гринписа, но считает, что Ваи-Каи и его идея нового кочевничества опасна для Запада.

— Почему?

— Она говорит — резкие перемены могут вызвать такой серьезный кризис, что мы прямиком вползем в катастрофу. Вот так же кризис 1929 года закончился Второй мировой войной. А еще она считает, что учение Ваи-Каи непригодно для западной цивилизации и что нам следует искать выход в наших собственных ценностях, в нашей собственной истории.

— А чудеса? О них она что думает?

— Говорит — это как в Лурде: больные самоисцеляются благодаря собственной вере либо за счет энергии,

выделяющейся при коллективной истерике, — в общем, что-то в этом роде...

Марк решился наконец попробовать свой чикен-бургер — округло-бесформенное нечто в пластиковой упаковке. Он едва различал вкус цыпленка в мешанине из серого хлеба, майонеза, сыра, огурчиков и лука. Пока они стояли в очереди в кассу, Марк наблюдал за посетителями: его удивило количество нормальных — • взрослых — людей, сидевших за столиками поодиночке и парами. Надо же, а он-то думал, что в фастфудные заведения ходят только дети-сладкоежки и невоспитанные подростки.

— А вы-то сами что думаете?

Девочки снова переглянулись. Они ссорились, не переставая, без конца ябедничали друг на друга (так, во всяком случае, сообщала ему «бывшая № 1»), но, общаясь с отцом, мгновенно сплывались, вспоминая о сестринской солидарности, и теперь спрашивали себя, могут ли доверять отцу.

— Я однажды ездила на встречу с ним в Ивлин вместе с ребятами, — сказала наконец Тоня. — Месяца три с половиной назад. Сначала мы просто хотели поржать над одной девкой из выпускного класса — она чокнутая, пришла как-то в класс полуголая, сверкая задницей на манер индианки из Амазонии, — тот еще был скандалешник!

Девочка рассказывала, не сводя с отца внимательного взгляда.

— Мы слушали лекцию, видели, как исцелялись люди, и... как бы это сказать... очумели, вот, ну, и теперь мы его... ученики.

— Что-о-о?

Неправильно поняв интонацию Марка, девочки мгновенно замкнулись, ошетилившись недоверием.

— А маме вы об этом рассказывали?

— Да ты что?! Она и так кудахчет по любому поводу, не сообщать же ей, что мы собираемся стать новыми кочевниками!

— А вы собираетесь?

Тоня пожала плечами, доела бургер, запила содовой.

— Да, наверное, не знаю, может, и нет. Мы с моим парнем хотим...

Тоня замолчала, сообразив, что безо всякой подготовки обрушила на отца более чем деликатное известие.

— У меня уже много месяцев роман, папа... Его зовут Тристан. Мы с ним хотим попробовать. Он уже совершеннолетний, а мне придется ждать до сентября.

— А как ты понимаешь жизнь новых кочевников?

Тоня и ее сестра постепенно расслабились: Марк говорил с ними не как суровый отец, а как равный, проявляя искренний интерес, — во всяком случае, внешне.

— Мы общались с новыми кочевниками, они рассказывали, как все происходит. Мы повсюду будем следовать за Духовным Учителем, ночуя в домах со знаком двойной змеи, в сараях, амбарах или прямо под открытым небом.

— А чем будете платить за еду и бензин?

— Тристан уже три года работает, он кое-что скопил, а я постараюсь куда-нибудь устроиться на июль и август.

— А потом, когда деньги кончатся?

— Знаешь, как говорят, главное — ввязаться, а там посмотрим. Все равно это лучше, чем копить всю жизнь никому не нужные вещи.

Марк кивнул на подносы с остатками их обеда — правильнее было бы назвать их обедками (кстати, сами американцы, придумавшие и распространившие по миру «быструю еду», называют ее «помойной едой»).

— Ну, а все это? Удобства? Компьютер? Книги? Видеоплеер? Рэп?

— Все просто, папа, ноутбук почти ничего не весит и места занимает немного, через Интернет можно попасть в сеть любой библиотеки, а у Тристана в машине есть CD-проигрыватель...

— Однажды вам придется пойти еще дальше. Кочевать — • значит навсегда отказаться от оседлой жизни,

от всех привычных удобств и приспособлений. Настанет день, когда больше не будет ни машин, ни домов, ни денег, ни телевидения, ни центрального отопления с горячей водой, ни холодильника, набитого едой, ни кремов с шампунями, ни «Макдональдса», отношения с миром станут иными. Вы должны будете научиться жить по-новому, извлекая средства для ежедневного существования из природы.

— Я этого не боюсь. Все хорошо, пока мы вместе.

— Благополучие — это в первую очередь состояние души.

— Может, и так, но когда смотришь на мир со всеми его проблемами, понимаешь, что удобства-то у людей есть, но идут они явно не туда, так что пора попробовать что-то другое.

— И многие у вас в лице так думают?

— Не то слово! Чем сильнее преподаватели и предки «опускают» Ваи-Каи, тем больше у него сторонников среди ребят. Мы общаемся с его учениками по всему миру через Интернет. Движение новых кочевников распространилось на Америку, Австралию, Азию и Африку... Людям надоело, что их воспринимают, как глупых гусей на откорм. Помнишь старую песенку про звезды и парусники, забыла имя исполнителя? Там еще есть слова про сентиментальную толпу, которую мало волнует купля-продажа... Так вот, люди сейчас продают свои дома или ставят на них знак двойной змеи, расстаются со шмотками. Это наша истинная власть, папа, единственная наша сила. Современный мир стоит на пирамиде собственности: чем больше ты имеешь, тем выше забираешься. Но ведь если все, кто находится в самом низу, в основании, отойдут в сторону, пирамида рухнет.

Жанна старательно доедала холодную картошку с трех подносов, не упуская ни единого слова из разговора, — время от времени она бросала непривычно острый, внимательный взгляд то на сестру, то на отца.

— Когда ваша филология, как вы ее называете, говорит о войне или о катастрофе, она как раз и выражает мнение тех, кто стоит на вершине пирамиды, —

сказал Марк. — Они так легко не откажутся от *Системы*, потому что считают себя ее хозяевами. Им необходимо обладать, чтобы чувствовать себя живыми. Они уже приговорили Духовного Учителя и будут преследовать его учеников, станут давить и угрожать, понуждая снова «встать в строй», они...

— И это *ты* говоришь? — сухо перебила его Тоня. — Ты, написавший эту... эти мерзкие глупости о матери и сестре Ваи-Каи?

Марк закурил под неодобрительным взглядом сидевшей за соседним столиком молодой мамочки. Он не был готов к тому, что первыми его упрекнут в малодушии собственные дети. Нити космической паутины десана сплетены куда хитрее, чем он думал. Теперь Марк лучше понимал неприязненное поведение дочерей за рождественским «семейным» ужином. Девочки упрекали его не только за то, что он плохой отец, они не могли простить ему участия в газетной травле Христа из Обрака. Учение Ваи-Каи, как вирус, проникало в каждый дом через Интернет и теперь прогрызало изнутри ячейки общества, сами его основы.

— Боялся потерять работу, — проговорил он наконец. — Я почти сразу пожалел о той статье, но задний ход дать не мог.

— Но тебя же все равно выперли!

Жанна встряла в разговор в привычной манере маленькой хамки-provокаторши.

— Я кое-что узнал о Ваи-Каи и больше не мог соглашаться с издательской политикой моего шефа.

— Чтб ты узнал?

— Я виделся — прямо перед его смертью — с миссионером, который спас Ваи-Каи от убийц-мачетерос и привез его во Францию...

Марк рассказал дочерям историю отца Симона, не опустив ни слова из версии колумбийского приятеля Жан-Жака Браля.

— Почему ты считаешь, что они уже приговорили Ваи-Каи? — спросила Тоня, когда он закончил.

ПЬЕР Е-ОРДЖ

— Я узнал об этом от информатора. Забавно, но он говорил почти твоими словами — о Священном Союзе тех, кто обещает людям рай на земле, подменяющих слово *«быть»* словом *«иметь»*. Этот человек сказал, что союз решил устранить Ваи-Каи. Публикация в *«EDV»* — первая остановка по пути на Голгофу. Упомянул он и нападение исламских экстремистов на Дисней-парк. Я пока не вижу тут связи и не знаю, что планируют враги Ваи-Каи, но постараюсь выяснить.

— Как они смогут убить человека, пребывающего в доме всех законов?

Тоня, а следом за ней и Жанна стрельнули у отца по сигарете. Он так и не вспомнил, видел ли дочерей курящими. За столом с ним сидели две совершенно незнакомые девушки — взрослые и очень даже себе на уме.

— Наверно, полотно жизни не всегда ткется так, как мы думаем, — • пробормотал он в ответ.

Люси и Бартелеми не вернулись к себе после вылазки в Лозер.

Зайдя на адресные сайты новых кочевников, они выяснили, что дом все еще занят, а счета оплачиваются по хитрой системе, разработанной и внедренной одним классным программистом — агентом нового кочевничества. Люси и Бартелеми решили присоединиться к самой большой группе учеников, повсюду следовавших за Ваи-Каи.

Через четыре дня после прекращения судебного разбирательства из Манда тронулся караван машин. Журналисты ничего не написали ни о проповеди Ваи-Каи на холме, ни о двадцати исцеленных им людях. Единственным фактом, который мусолили печатные и электронные СМИ, была подозрительная смерть Элео: самоубийство юной обвинительницы Ваи-Каи практически открытым текстом называли убийством. Появлялось все больше репортажей о семье Элео, о горе родителей Элео, с экранов телевизоров плакали мать и сестра Элео, камера крупным планом показывала комнату Элео,

корреспондент брал интервью у подруг детства Элео, а потом, проникновенно глядя в глаза французам, задавал ритуальный вопрос: *«Кому, да, кому выгодно преступление против Элео?!»*

Люси и Бартелеми смогли оценить действенность журналистской долбежки по реакции их квартирной хозяйки. Дама, конечно, не выставила их за дверь — она была не из тех, кто убивает курицу, несущую золотые яйца! — но за завтраком подавала все более агрессивные реплики.

— По телевизору говорят, что ваш Иисус не только насилует молоденьких девушек, да чего уж там — несовершеннолетних, тьфу ты, пропасть! — но еще и убивает их — чтоб молчали. Этот человек — настоящее чудовище. Хуже зверя из Жеводана (она выговаривала *Жей-воооданн*). Будь моя воля — я б ему голову отрубила, как в старые времена (*стаурыыее врмееенна*). Вам что, любить, кроме этого бандита, некого? Вы же вроде нормальные, послушайтесь-ка моего совета, возвращайтесь домой, пока жареным не запахло.

Они не последовали совету хозяйки. Потому что были на той поляне у подножия холма и слушали проповедь Ваи-Каи. Он говорил с людьми с вершины, а рядом стояли молодой человек и две женщины, старая и молодая, сказочно красивая. Люси и Бартелеми испытали среди этой молчаливой толпы ощущения такого блаженства и тепла, которое не смогли бы описать словами. Насквозь промокшие, они сидели, тесно прижавшись друг к другу, переживая волшебный опыт, мгновение благодати, они воспаряли над землей, были на «ты» с небесами. Нет, они не собирались возвращаться домой — да и где он, их дом? Люси и Бартелеми хотелось любым способом продлить потрясающее ощущение освобождения от тяжести этого мира, и они знали — это возможно только рядом с Ваи-Каи.

Они отправились в Экс-ан-Прованс, где их встретили сотни протестующих. Учеников жестоко избивали на глазах у стражей порядка, выстроившихся по обе стороны от

входа в старый гимнастический зал. Люси едва удалось удержать Бартелеми от драки, когда кто-то обозвал ее «грязной шлюхой», а его — «маленьким мерзким крысенышем». Их окружали крепкие мускулистые парни с жестокими лицами и цепким взглядом — провокаторы и убийцы.

Вечером, когда демонстрантов разогнали, а раны — к счастью, не слишком тяжелые — перевязали, Ваи-Каи объявил, что всех их — его и учеников — начнут теперь преследовать, и так будет до тех пор, пока люди не впустят наконец в свой разум и сердце двойную змею. Ваи-Каи разрядил напряжение, ему даже удалось развеселить аудиторию. Радость, легкость, блуждание по миру — вот чем они должны ответить на ненависть, косность и неподъемность.

— Вы знаете притчу о человеке, который потратил почти всю жизнь, копя добро и богатства? Пожалуй, это история о большинстве из нас, согласны? История нашего мира, нашей цивилизации. Так вот, когда этот человек тяжело заболел, он понял, что не унесет, как фараон, с собой в могилу ни дома, ни драгоценности, ни акции, ни коллекцию машин, ни даже любовниц. И тогда он решил раздать все, чем владел, людям, шедшим мимо ворот его дома. Сделанное принесло ему такое облегчение, что он внезапно поправился, а ведь врачи обещали ему не больше двух-трех недель жизни. А дальше случилось вот что: семья и адвокаты объявили его недееспособным по причине умственной слабости, и им удалось вернуть большую часть имущества. Жена и дети юрко стерегли несчастного, он снова заболел и через несколько дней умер. Юристы и вас объявят безумными. Ведь по их меркам, только богатство и крайняя бедность свидетельствует о душевном здоровье людей. Вы либо обладаете, либо мечтаете обладать, иной альтернативы нет. Помните слова Иисуса из Назарета: *удобнее верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царство Божие...** Вас будут

* Евангелие от Матфея, 19:25.

преследовать и мучить, чтобы не дать пройти сквозь игольные уши, войти в дверь дома всех законов. Они всю свою жизнь выстроили на идее обладания, они идентифицируют себя со своими богатствами, с «иметь» и «казаться», им невыносима сама мысль о бесконечной щедрости Небесной Матери. Они перестанут чувствовать себя богачами, если кто-то не будет чуточку менее богат и исчезнут бедные, начальники не выживут без подчиненных, без тех, кем можно помыкать, если не станет несчастных, избранные не смогут чувствовать себя любимцами судьбы. Те, кто участвует в нашей истории, сделают все, чтобы сохранить существующее положение вещей, оставить избранным их рай, посредственностям — их болото, отверженным — их нищету. Именно так Запад устанавливает свое господство над миром, грабит колонии, удерживает в бедности три четверти человечества, ставит своих марионеток во главе государств, раздувая зависть и ненависть, провоцируя войны и сохраняя только для себя доступ к природным богатствам. Запад отказывается делиться, потому что одержим идеей раздробленности. События этой ночи — только начало. Если вы решите следовать за мной, приготовьтесь испытать на себе презрение и ненависть окружающих. Тем из вас, кто уйдет, не в чем будет себя упрекнуть. Они сохраняют в глубине души маленький огонек веры, который рано или поздно превратится в пылающий костер. Мы должны быть сильными, уподобляясь законникам и их подручным, нам следует еще больше открыться настоящему, положиться на любовь нашей Небесной Матери.

•к*•

На следующий день в Марселе ученики решили устроить встречу с Ваи-Каи на свежем воздухе (благо погода стояла почти летняя) — в кемпинге (он принадлежал одному из адептов), ворота которого были украшены гигантской двойной змеей.

Люди в масках с бейсбольными битами и железными прутьями в руках возникли из ниоткуда и врезались в толпу, сея страх и панику среди новых кочевников. Вокруг не было ни одного полицейского, способного помешать налетчикам, ни одного журналиста с камерой или микрофоном, чтобы засвидетельствовать крайнюю жестокость нападения. Несколько минут вокруг раздавались только шум, хруст ломаемых костей, вопли, крики и стоны, пахло бензином, раскаленным асфальтом и кровью. Стремительность нападавших, их организованность напоминали действия городских банд, борющихся за контроль над городскими предместьями. Их машины на полной скорости выскакивали с прилегающих к кемпингу улочек, с визгом тормозили у стены, тротуара, столба или решетки, пассажиры молча выскакивали, рассредоточивались и нападали.

Люси толкнули, она упала, и людской поток унес Бартелеми прочь от нее, ко входу в кемпинг. Они, как и все остальные, оставили машину на гигантской стоянке рядом с доками. Бартелеми расталкивал толпу локтями и плечами, но не мог выбраться из людского водоворота.

Он увидел, как человек в маске-капюшоне с битой в руке подобрался к лежавшей на тротуаре Люси, и издал вопль отчаяния, когда убийца занес руку над ее головой. Бартелеми не видел Люси, но был уверен, что налетчик ударил именно ее, так, словно бил по ветровому стеклу. Вне себя от ярости и страха, Бартелеми сумел остановиться, уцепившись за решетку, и дождался, когда толпа рассеется, чтобы вернуться назад. Человек, напавший на Люси, уже садился в машину с затемненными стеклами, стоявшую «под парами».

Некоторые окровавленные люди, валявшиеся на тротуаре вдоль дороги, начинали слабо шевелиться, другие лежали неподвижно, как мертвые. Нападение длилось всего несколько минут, но ученики Ваи-Каи серьезно пострадали. Бартелеми подбежал к Люси. Она лежала, свернувшись калачиком, ее юбка задралась,

на бедрах, как легкое покрывало. Люси не шевелилась. Плача и стеноя, Бартелеми наклонился и осмотрел жуткую рану, тянувшуюся через все лицо от виска к верхней челюсти. Кровь текла из уха, капала из уголков приоткрытого рта. Он приложил ухо к груди Люси и понял, что сердце ее все еще бьется — очень слабо, но бьется, как мотор, готовый вот-вот заглохнуть.

Люси, Боже мой...

Он вспомнил, как впервые увидел ее на экране своего компьютера, как сразу понял, что нашел женщину своей жизни, родственную душу, ту, что залечит его тайные раны. Когда она разделась, начала ласкать свои груди, он возбудился, как взбесившийся жеребец, а стоило ей присесть на унитаз — кончил (пожалуй, слишком быстро!), но, когда возбуждение спало, он понял, что любыми средствами должен удержать эту женщину.

Его взгляд тогда случайно упал на инвалидное кресло на колесиках (оно принадлежало его бабушке) — он сидел в нем перед компьютером. Бартелеми кое-что читал о Христе из Обрака, прогуливаясь по Сети, и с ходу придумал историю о чудесном исцелении, не думая, что все зайдет так далеко. А потом ему пришлось выдумывать детали: убедившись, что Ваи-Каи действительно бывал в Шартре, он использовал свидетельства исцеленных, чтобы соткать паутину лжи. И Люси купилась — она поверила ему и даже предложила встретиться. Бартелеми запаниковал: если она объявится в Ранконьер, может разоблачить его вранье. И все узнать о его семье.

Его семья...

Отец, сначала растливший свою приемную дочь, а потом заставивший ее сниматься в порнографических фильмах. Деспот, который вел торговлю железной рукой, избегая практически любых контактов с партнерами, клиентами и людьми из Шартра: он сам назначал цену на свои «произведения», сам определял способ и время поставок. Сестра, пристрастившаяся к «кино», стала разыгрывать звезду с членами семьи, почти не ходила

в школу и доставала всех своими капризами. Мать-невротичка если не напивалась, то спала, оглушенная алкоголем, угрызениями совести и транквилизаторами. Бартелеми никогда не приходило в голову пойти в полицию — он и сам иногда зарабатывал немного денег, посредничая в бизнесе отца, а закончив год назад школу, по его же совету открыл сайт в Интернете.

Бартелеми решил убить их — всех троих: они портили ему жизнь, из-за них он мог упустить женщину своей мечты. Он наточил нож на старом оселке, который нашел в заброшенном чулане, и однажды вечером перешел к действиям, воспользовавшись отсутствием отца, — тот отправился выпить со старым дружкой-аптекарем из Сен-Совёр-сюр-Эр (тот был его давним клиентом). Бартелеми не ожидал найти мать и сестру в ванной. Женщина была мертвецки пьяна и наверняка решила пописать, даже не заметив, что Мадо лежит в ванной.

— Ты пришел поиграть со мной? — мякнула девочка.

Для нее секс был не более чем игрой, не хуже и не лучше других развлечений, и участвовала она в этой, с позволения сказать, «игре» то ли с трех, то ли с четырех лет. Бартелеми подошел, держа руку с ножом за спиной. Он колебался: зачем убивать девочку? Разве она виновата в той омерзительной жизни, которую ведет? Мадо поднялась из воды, выставя напоказ хрупкое гладкое тело и призывно улыбаясь. Она навсегда останется развращенной, и существует единственный способ освободить ее: Бартелеми взмахнул рукой и стремительным точным движением перерезал сестре горло. Несколько мгновений она изумленно-недоверчиво смотрела ему в глаза, а потом рухнула в ванну, окрашивая воду в красный цвет своей кровью.

Мать Бартелеми не заметила приближения смерти. Когда он схватил ее за волосы, она подняла на него глаза, вымаливая капельку нежности и участия. Он зарезал ее не торопясь и не волнуясь, а потом прислонил плечом к стене, чтобы не свалилась на пол.

Бартелеми не успел ни порадоваться, ни поплакать над мертвыми — услышав, как хлопнула входная дверь и в дом вошел отец, запаниковал, на четвереньках вскарабкался по лестнице и заперся в своей комнате, карауля под дверью...

Почувствовав затылком чей-то взгляд, Бартелеми обернулся. Солнце слепило глаза, и он не сразу узнал склонившегося к нему человека. Поняв, что это Ваи-Каи, он простерся ниц и стал со слезами целовать ноги Учителя.

— Я не достоин быть твоим учеником, — лепетал он. — Возьми мою жизнь, если нужно, но воскреси ее, умоляю тебя, она ни в чем не виновата!

— У меня нет права судить тебя, — мягко ответил Ваи-Каи. — И уж тем более — менять одну жизнь на другую. Лишь ты сам можешь связать нити и заштопать ткань бытия.

— Но как? Как?

Бартелеми казалось, что вся горечь, скопившаяся в его душе, все презрение к себе изливались из него в это мгновение со слезами, слюной и потом. Вернется ли к нему когда-нибудь та восхитительная умиротворенность, которую он познал на холме рядом с Люси?

Ваи-Каи присел рядом с Бартелеми на корточки, положил руку ему на плечо. Бартелеми заметил в толпе женщину с суровым лицом, девушку, похожую на ангела, и молодого ученика, стоявшего за спиной Ваи-Каи на вершине холма.

— Если ты не простишь себя, — ответил Учитель, — никто за тебя этого не сделает. Настоящее не судит, судит прошлое: накладываясь на будущее, оно вызывает желания, мы разочаровываемся и судим. Забудь обо всем, что может отвлечь тебя от мгновения, которое ты сейчас проживаешь.

— Но как? Как, объясните? Я — лжец... Убийца... Я убил... убил мою семью...

Ваи-Каи оглянулся вокруг, изображая изумление.

— Я не вижу ни лжеца, ни убийцы. Сейчас не вижу. Передо мной убитый горем человек, впавший в отчаяние от мысли о потере любимой женщины.

Лицо Духовного Учителя осветила детская улыбка. В голове Бартелеми мелькнула нелепая, почти дикая — учитывая обстоятельства — мысль: у него кожа того же цвета, что у Ваи-Каи, того самого глубокого смуглого цвета, за который многие белые готовы душу продать, часами пролеживая на пляже под безжалостными лучами убийственного солнца.

— Дом всех законов услышал меня, — снова заговорил Ваи-Каи. — Успокойся — женщина, которую ты любишь, не умрет.

Йенн не мог отвести глаз от простершегося у ног Ваи-Каи смуглого юноши. Его искаженное горем лицо было совсем детским. Этот человек только что прилюдно признался в убийстве всей своей семьи — преступлении столь чудовищном, что в него было трудно, почти невозможно поверить. Йенн почему-то ждал, что Духовный Учитель отшатнется, разъединит себя и этого компрометирующего всех их и саму идею нового кочевничества ученика. Произошло страшное: Ваи-Каи присел на корточки, положил руку на плечо кающемуся и заговорил с ним так мягко и нежно, как никогда не говорил даже с близкими.

Йенн ощутил досаду: понимал, что это недостойное чувство, но поделать с собой ничего не мог. Это напоминало ситуацию, когда учитель в классе хвалит лентяя, забывая лучшего ученика. Йенн мог сколько угодно пригоряться — он действительно считал себя лучшим учеником и ждал, что его вознаградят. Он на что-то надеялся, устремлялся вперед и вдаль, такое поведение отдаляло его от настоящего момента и, следовательно,

от совершенства, на которое он претендовал, но традиционный способ мышления, как заезженная пластинка, отбрасывал его назад, в ловушку привычных суждений, собственных комплексов, недостатков и возможностей. Какая-то часть его существа управлялась прошлым — точно так же большинство людей не может отказаться от того, чем владеет. Йенн не мог принять и понять того факта, что Ваи-Каи смотрит на молодого убийцу с той же — если не с большей! — любовью, что на самых близких учеников. В данных конкретных обстоятельствах Йенн хотел бы, чтобы Учитель сделал выбор, отдал предпочтение, установил иерархию.

Ты готов отказаться от всего этого?

Уходя с холма, Мириам нацарапала ему на клочке бумаги адрес и номер телефона.

— Я по-прежнему люблю тебя, Йенн, и мы с ним, — она указала на свой живот, — будем ждать, сколько понадобится.

Им не хотелось расставаться — прощальный поцелуй был страстным, как в первые дни романа. Йенн пока не был готов принести жертву, поделиться сокровищем, которое скопил, живя в тени Духовного Учителя. Йенн все еще оставался тем самым отличником, увенчанным лаврами победителя, который жаждет видеть остальных учеников жалкими посредственностями.

Казалось, что Учитель совершенно безразличен к телам, неподвижно лежащим на тротуаре вдоль всей улицы. Все его внимание было приковано к молодому человеку, который смотрел на него с тоской и безграничной надеждой. Солнце сияло в высоком ярко-синем небе, теплый ветер разносил по округе адскую смесь запахов — дымящийся асфальт, соль, кровь, душистые травы, мазут. Вдалеке, между ржавыми крышами доков, паровыми трубами и портовыми кранами, блестело море. На заднем плане серое кружево города дымкой опускалось на холмы, поросшие порывевшей от жары травой. Стояла середина января, но воздух разогрелся до двадцати пяти градусов. Специалисты, занимающие-

ся проблемой глобального потепления, предсказывали, что до середины июня на территорию Восточной Европы обрушится череда торнадо, призывая население к полной боевой готовности. В случае опасности людям советовали закрывать окна и двери деревянными щитами, при первых же порывах ветра спускаться в подвал, на худой конец ложиться на пол или на другую твердую поверхность, под стол, не дотрагиваться до электропроводки, не разжигать огонь в непосредственной близости от газопроводов...

Ученики, еще не до конца оправившиеся от шока, расходились по обочинам дороги, чтобы заняться ранеными, — их было больше сотни, глухие стоны людей разносились в тишине тихой мольбой о помощи.

Ваи-Каи в сопровождении мадам Гандуа, Пьеретты и Йенна уже вошли на территорию кемпинга, когда на учеников напали. Рев моторов, скрежет металла, крики и вопли прервали их разговор с хозяином, жизнерадостным пятидесятилетним крепышом, и несколькими организаторами встречи. Духовный Учитель бегом кинулся к воротам и с ходу врезался в толпу обезумевших от страха учеников, разбегавшихся в разные стороны. Нападавшие уже запрыгивали в машины, исчезая с поля боя в клубах пыли и запахе горячей резины. Через несколько мгновений к Ваи-Каи присоединились Йенн и остальные. Он шел между ранеными, напряженно глядя в лица, словно что-то искал, и вдруг остановился рядом с молодым индусом, в отчаянии застывшим рядом с окровавленным телом женщины.

— Любовь, — сказал Ваи-Каи, — искренняя, настоящая любовь обладает огромной силой, она способна залечивать раны в живой ткани бытия. Любовь — главная сила Творения, бесконечно более могущественная, чем все главные силы, вместе взятые, что поддерживают целостность Вселенной. Тобою руководит сейчас именно любовь, она вернет эту женщину к жизни, она воскресит всех мужчин и женщин, которые лежат здесь, израненные и униженные. Сейчас.

Произнеся эти слова, он схватил молодого человека за руку и помог ему встать. Вокруг установилась полная тишина, поглотившая завывания ветра, городской шум и стоны раненых. Застывший в неподвижности воздух прорезала невидимая бесконечная молния.

Позже, вспоминая тот день, Йенн понимал, что каждый из бывших тогда в Марселе людей наверняка описал бы случившиеся по-своему, в соответствии с собственными ощущениями, эмоциями, чувствами и верованиями. Некоторые вспомнят Бога, другие — космический разум, кто-то заговорит о вмешательстве сверхъестественных сил. Он же прочувствовал случившееся как волну бесконечной любви. За секунду, нет, за долю секунды — но можно ли вместить такой огромный опыт в столь бесконечно малый отрезок времени? — его затопило чистое блаженство, океан высшего счастья, и привычные ощущения — наслаждение, возбуждение, удовлетворение — показались ему тем, чем и были в действительности: ничтожным отблеском, безголосым эхом.

Раненые поднимались с земли, делали первые робкие шаги, казалось, что люди просто прилегли вздремнуть на часок после обеда. Те, кто подошел помочь, отшатывались с возгласами изумления. Йенн увидел на лице молодого индуса улыбку — его белокурая подруга выпрямилась, посидела несколько минут на бордюре, явно не понимая, что она здесь делает. Она провела рукой по виску, щеке, уху, но на лице не осталось никаких следов страшного удара — ни царапины, ни синяка, ни даже ушиба. Ни на тротуаре, ни на дороге не было крови, раны исчезли, люди чувствовали себя целыми и невредимыми, на их ошарашенных лицах читались изумление и горячая вера.

* * *

Йенн решил сделать еще одну попытку.

— Если нет наказания по закону, следовательно, допустима любая жестокость.

Они ехали во главе длинного каравана машин к Монпелье, следующему месту встречи новых кочевников. Рино утром Пьеретта вместе с мадам Гандуа уехали в Обрак. «Еще не пришло время явить ее миру, — сказал Ваи-Каи. — Пока она должна остаться в тени». Случившееся в кемпинге так сильно подействовало на умы людей, что прощальный ужин, устроенный марсельцами, прошел в молчании и единении. Никому не пришло в голову нарушить волшебное очарование вопросом, ненужной репликой, неуместным замечанием. Те, кто ночевал не в кемпинге, оттягивали расставание до последнего и разъехались поздно ночью, когда от усталости начали слипаться глаза. Ваи-Каи и остальные ночевали в бунгало, пропахших плесенью. Проснувшись, они позавтракали на залитой солнцем террасе, глядя на сверкающие волны Средиземного моря поверх ломаной линии крыш. Под утренней росой упоительно пахли чабрец и розмарин. Некоторые ученики, в том числе Йенн, искупались в бассейне — хозяин несколько дней назад открыл и почистил его специально к их приезду.

— Законы *уже* существуют, но ни жестокость, ни преступления не исчезают, — покачал головой Учитель. — Законы, придуманные людьми, это всего лишь защитные барьеры, воздвигнутые страхом. Законы — доказательство наших недостатков, ущербности, непонимания. Если бы законы, придуманные людьми, могли дать Земле гармонию, человечество не стояло бы на краю пропасти, ему не грозило бы уничтожение.

— Но в сообществе невозможно жить без законов и правил!

— Человеческий закон всегда зиждется на недоверии. Мы подозреваем другого в том, что он убийца, и потому запрещаем ему убивать. Мы подозреваем ближнего в том, что он вор, вот и заявляем, что чужое имущество священо. Нам кажется, что сосед желает нашу жену, и клеймим адюльтер. Но, если смерть нам не страшна, зачем бояться потерять жизнь? Вор не может ничего у нас забрать, если мы ничем не владеем.

Спутник жизни тоже нам не принадлежит. Если жизнь приводит его в объятия другого человека, мы должны радоваться его счастью. Чем сильнее в людях страх потери, тем больше новых законов они придумывают. Если судить по благополучию адвокатов, нашей цивилизацией управляет страх!

Духовный Учитель весело рассмеялся, но Йенн не сдался.

— Тот молодой ученик, индус, он ведь представляет опасность для общества, так? Он же признался, что убил свою семью, и, если это повторится, на нас ляжет большая доля ответственности за...

— Он больше никого не убьет. А если это все-таки случится, мы должны будем любить его еще сильнее. Его осуждение не залатает полотна жизни — напротив, прореха станет больше. Именно такого результата мы и добиваемся, отталкивая от себя преступников или тех, кто не соблюдает законы. Сам подумай, как странно все обобщается во время войны: людям позволено убивать на совершенно законных основаниях, и чем больше они убивают, тем сильнее их любят, почитают и прославляют. Некоторые религии даже обещают рай своим адептам, истребляющим неверующих, неверных, язычников. Следовательно, законы, созданные людьми, — не более чем инструменты, которые меняются в зависимости от обстоятельств, интересов, культур. Им нельзя доверять, то есть они... незаконны. А вот если люди найдут дорогу к дому всех законов, они забудут свой страх, а значит — необходимость защищаться.

— Но в твоём доме тоже есть законы!

— Священные законы жизни, Йенн. Законы приятия, законы любви.

Судорожно сжимая руль, Йенн смотрел на окаймляющий дорогу скалистый пейзаж. То и дело на очередном повороте дороги за кружевной завесой приморских сосен сверкала синяя вода.

Прошло два с половиной года с тех пор, как в этом пейзаже пересеклись пути Йенна, Мириам и Ваи-

Каи. Короткий отрезок времени, вместивший в себя вечность.

— Полиция может доставить нам кучу неприятностей, — буркнул он. — Они и так без конца к нам цепляются. Правильнее будет попросить его уйти — хотя бы на время.

— Если мы не способны принять его, Йенн, значит, мы отвергаем все человечество. Мы ведь разделяем с ним ответственность за его преступления.

— Этот парень — не все человечество, черт бы его побрал!

— Каждое человеческое существо — нить в ткани бытия и все полотно в целом. Как капля воды в океане, единственная в своем роде, но и носительница всех свойств. Отказываясь от одной нити, мы отрекаемся от всего полотна. То, что вы делаете самому малому из нас, вы делаете Мне.

— Он сам перерезал все нити, этот мерзавец, он испортил полотно!

— И ты хочешь, чтобы мы еще и перерезали его нить? И нарушили тем самым и без того хрупкое равновесие?

Йенн искоса взглянул на Ваи-Каи. Учитель в последнее время похудел, глаза на осунувшемся лице казались еще больше. Им приходилось умолять его, чтобы он время от времени хоть что-нибудь ел, делал глоток-другой воды, но от него исходила все более мощная, почти осязаемая энергия, тепло и свет, в которых хотелось укрыться каждому, кто приближался к нему.

Кусочек солнца, упавший на землю.

И ему, Йенну Колле, была дарована неслыханная милость — он мог все время купаться в лучах этого солнца.

— К военным преступникам это тоже относится?

— Если мы не способны разглядеть человека в военном преступнике, то не сумеем и разгадать преступное намерение в человеке. Мы все — потенциальные военные преступники. Иногда у нас есть на то веские причины. Французская революция, например, уничтожала

людей во имя принципов свободы, равенства и братства. Нацисты уничтожали евреев во имя совершенного человека и высшей расы. Все мы способны ответить на зов великих идеалов, все можем нырнуть в расселину между реальным и воображаемым. Призрак сказочного «завтра» превращает человека в самое опасное, самое разрушительное оружие на свете. Как много народов на Земле были силой обращены в другую веру или истреблены во имя Бога Единого, ради грядущего рая? Сколько племен стерли с лица земли из-за мнимого превосходства одной расы над другой?

Они остановились на заправке, где цены исключали само понятие конкуренции. Машины кое-как разместились на подъездных дорожках к автоматам. Клиенты, заливавшие бензин и выходявшие из магазинчика, удивлялись толпе полуголых мужчин и женщин, украшенных бусами, ожерельями из засушенных цветов и татуировками. Если бы не светлая кожа и волосы, можно было бы подумать, что на юге Франции высадилась банда индейцев, вооруженных мобильниками, ноутбуками и кредитными карточками. А может, это подвыпившие нудисты? Нет, нудисты не надевают набедренных повязок и начленных чехольчиков. Внезапно кто-то догадался, что голозадые дикари имеют отношение к Христу из Обрака, к тому, кого называют новым Мессией, к мошеннику, выманивающему деньги у своих приверженцев, чтобы положить их в швейцарский банк, растлителю, насилующему детей, мерзавцу, убившему малышку, чтобы она не дала против него показаний... Послышался глухой ропот, но ведь последователи жеводанского чудовища могли быть очень опасны — вы же смотрели вчера телевизор! — так что лучше их не задирать, но нельзя же, в самом деле, разгуливать вот так — с голым задом и голыми сиськами! — дети вокруг...

Йенн смотрел на шокированных людей и читал в их взглядах ненависть. Он пытался видеть в них человеческих существ, но волна безграничной любви, заливав-

шая его накануне, отхлынула, и он остался один на берегу, усеянном галькой с острыми краями.

— Значит, нет никакой возможности открыть глаза этим кретинам? — вздохнул он, садясь в машину.

Духовный Учитель кинул на него один из тех суровых взглядов, которые мгновенно возводили между ними непреодолимую стену.

— Заметь, Йенн, вот так и рождается преступник в каждом из нас, — мрачно произнес он.

В голове Матиаса творилось что-то странное: ему казалось, что он себе больше не принадлежит, что кто-то другой завладел его рассудком и навязывает ему свою волю. Он больше не верил ни в демонов, ни в привидения, которых пугался в детстве, но ему следовало если не признать, то, во всяком случае, рассмотреть гипотетическую возможность того, что некое постороннее существо, «чужак» контролирует его. Это выражалось во внезапно возникавших у него желаниях, которым он не мог противиться, — например, отправиться на паперть Собора Нотр-Дам или на определенную могилу кладбища Пер-Лашез. Он совершенно четко осознавал всю абсурдность таких побуждений, но у него не было выбора, он вынужден был подчиняться, как если бы «чужак» мог уничтожить его свободную волю, подавить любую попытку к сопротивлению: тот, другой, мог отдать любой приказ — он выполнил бы его без малейшего колебания, а для него не было ничего страшнее и непонятнее, чем утрата свободы выбора.

«Чужак» не мучил его дни напролет — в противном случае, он бы давно сошел с ума, он обращался к нему время от времени, словно проверяя надежность управления. Матиас подумал о шизофрении, о других формах разделения личности, но потом вспомнил, что люди, страдающие этим синдромом, возводят глухие стены между разными ипостасями себя самого, а он никогда не терял ясности ума. Во время этих коротких кризисов он действовал одновременно на двух уровнях сознания, захватчик подавлял вытесненного хозяина, и Матиас не знал, существует ли болезнь с такими симптомами. Когда очередной приступ проходил, он надеялся, что «чужой» покинул его навсегда, что он страдал от временного помрачения рассудка, связанного с неизученными возможностями человеческого мозга, но у него оставалось мучительное и стойкое ощущение разбалансированности и помутнения, словно он стоял на краю пропасти. Он спрашивал себя с тоской и тревогой, вернется ли когда-нибудь один из прежних Матиасов — беззаботный любимец Ночи, радостный хищник, пылкий любовник Хасиды...

Каждый день Матиас отправлялся в клинику Субейран, где проводил два-три часа наедине со своей спящей красавицей.

«Никаких признаков улучшения», — сокрушенно произносила всякий раз санитарка, встречаясь с ним в коридоре отделения или в палате Хасиды.

Она обязательно добавляла несколько фраз об абсурдности терапевтического лечения и отправлялась исполнять свои обязанности с упорством и рвением муравья, опровергая только что произнесенную сентенцию.

Сидя на неудобном стуле, Матиас не отрываясь смотрел на застывшее лицо Хасиды, пока оно не превращалось в светлое пятно в рамке черных волос на белой подушке. Потом он обращался к Хасиде в безумной надежде, что она услышит его голос, узнает, воспользуется им, как путеводной нитью, чтобы выбраться из

лабиринта. Он говорил, что любит ее и скоро заберет из этой клиники, а потом положит к ногам Христа из Обрака, этого чудотворца. Как только она вернется к жизни, они укроются вдвоем в теплом надежном коконе, где переждут последнюю бурю в истории этого мира, они выживут в новом Раю, как первый мужчина и первая женщина из рэпа Тай Ма Раджа. Матиас уверял Хасиду, что гибель человечества исходит с небес, она таится в ночи, в изменении климата, но, возможно, как сказано в Библии — довольно одного правильного поступка, чтобы спасти все человечество. И этим правильным поступком станет единение их тел и душ. Матиас рассказывал любимой о своем детстве, о русской семье, он плакал навзрыд, вспоминал смерть матери, смеялся и вздрагивал, пересказывая свои приключения в уличных бандах. Он никогда никому вот так не исповедовался, он — Матиас-молчун, ночная птица, тихушник... Он никогда бы не поверил, скажи ему кто другой, что исповедь так облегчает душу. Выходя из клиники, он чувствовал себя кзким легким, почти невесомым, что ему приходило в голову ухватиться за первый же уличный фонарь, чтобы не унесло ветром.

После нескольких дней передышки ветер и дождь снова взяли власть над страной, температура при этом неуклонно повышалась, достигнув почти тридцати градусов. В восточных районах страны ожидалось наводнения и циклоны. В Париже днем было так темно, что машины ездили по улицам со включенными фарами. Набережные Сены были давно закрыты для движения — эксперты полагали, что их могут никогда больше не открыть, — а уровень воды в реке достиг опасно высокого уровня.

Кроме ежедневных посещений клиники Субейран Матиас никуда больше не ходил: он лежал на кровати и ждал звонка от Блэза и Кэти, но телефон молчал. Он бездумно смотрел на экран телевизора, где мелькали кадры, иллюстрирующие всю бессмысленность существования человечества. Маленькое светящееся окошко

изрыгало тошнотворную смесь сообщений о конфликтах и бесчестных войнах. Все остальное напоминало глобальное промывание мозгов с помощью рекламы. Если смотришь на телевизионных жрецов и весталок чуть отстраненно, без интереса, замечаешь их раболепство и жадность и тебя начинает тошнить. Положить этому конец можно только одним способом — дотянуться до красной кнопочки на пульте и выключить телевизор.

Матиас вынырнул из телевизионной дремоты, вспомнив, что каждую пятницу в девять вечера на *Tele Max* идет передача Омера. Нет, он не считал, что Омер честнее других телезвезд, но он был нитью — единственной нитью, связывавшей его с Христом из Обрака и остававшейся надеждой на исцеление Хасиды. Два часа Матиас терпеливо слушал истеричные вопли ведущего и его гостей: президент большого футбольного клуба отбrehивался от обвинений в коррумпированности, ему противостояли двое его бывших игроков, главный редактор спортивного еженедельника, международный арбитр, член УЕФА и два представителя клуба болельщиков. Матиас дождался конца помойной перебранки и получил наконец подтверждение, которого ждал: Христос из Обрака появится в передаче Омера в пятницу 24 февраля.

* * *

Уйдя от Хасиды раньше обычного, он предпринял рекогносцировку на местности, начав с проверки маршрута «Клиника Субейран — здание *Tele Max*» (стеклянная конструкция, похожая на гигантское зеркало в XV округе Парижа, недалеко от парка Андре-Ситроен). Ему понадобится машина, чтобы перевезти недвижимое тело Хасиды. У него не было кредитной карточки, и взять машину напрокат он не мог — следовательно, придется ее угнать. Набережные Сены закрыты, проще всего будет доехать по внешнему кольцу до Севрских ворот,

а потом по Марешо добраться прямо до штаб-квартиры компании.

Он просидел часть дня на террасе кафе, откуда был хорошо виден въезд на подземную стоянку. Водители опускали стекло, протягивали охраннику талон, и он поднимал шлагбаум. Матиас узнал нескольких знаменитых ведущих. Обойдя здание, он не нашел другого входа. Христос из Обрака тоже пойдет через эту дверь, так что, если он хочет показать ему Хасиду, то должен проникнуть внутрь до или после передачи. Другого решения не было. Если он заберет Хасиду сейчас и отправится на встречу с чудотворцем, Блэз и Кэти успеют вмешаться — проклятая электронная дрянь под кожей! — не позволят довести дело до конца. Приезд Христа в Париж давал ему уникальную возможность спасти Хасиду, не привлекая к себе внимания сторожевых псов. Угнать машину для него не проблема. Труднее всего будет попасть внутрь сверхзащищенного периметра, обманув бдительность охранника и камер слежения на стоянке.

У него был месяц на обдумывание плана.

• К -К -К

Он застыл перед оставшейся открытой входной дверью. Дождь недавно прекратился, разорванные в клочья гучи бочком пробирались по небу. Матиас замер на тротуаре, кожей почувствовав грозящую ему опасность, — и «чужой» здесь был ни при чем. Просто воздух вибрировал особым образом, бил по нервам, подавая сигнал тревоги. Вот так же сгустилась атмосфера перед нападением на их дом, когда были убиты его отец и сестры, так Матиас чувствовал себя перед каждым своим «делом».

Близость смерти.

Он незаметно бросил взгляд через плечо. Мимо, кутаясь в плащи, шли прохожие — и каждый неизвестный представлял для него потенциальную угрозу. Он не заметил ничего подозрительного в припаркованных

у тротуара машинах, улица под дождем выглядела мирно и вполне невинно, но дыхание Матиаса участилось, сердце билось в горле. Он сунул руку во внутренний карман куртки и ухватил Glock за рукоять. Внезапно из темноты коридора, выкрикивая проклятья на арабском языке, на него выскочил человек.

Матиас заметил, как блеснула сталь пистолета-пулемета, висевшего вдоль бедра убийцы, и его охватила ледяная оторопь. Он не отреагировал, когда нападавший на бегу поднял руку. Рев мотора и скрежет шин за спиной вывели его из ступора. Он кинулся в сторону за секунду до того, как дуло автомата выплюнуло первую очередь, тут же пружинисто упал на тротуар, смягчив удар свободной рукой, и сразу откатился в сторону. Пули свистели и завывали, отскакивая от бетонного пола. Не понимаясь, Матиас выхватил пистолет, снял его с предохранителя. Убийца притормозил, пытаясь прицелиться точнее. Его молодое смуглое лицо, заматанное белым платком, показалось Матиасу знакомым. На заднем плане он заметил огромную черную машину, блокировавшую дорогу. Водители раздраженно бибикали, обезумевшие пешеходы разбегались в разные стороны, вместо того чтобы вжаться в пол или спрятаться под аркой.

Убийца выпустил в Матиаса новую очередь. Пули пролетели в нескольких сантиметрах от виска, обожгли кожу. Матиас стрелял, водя пистолетом из стороны в сторону. Нападавший замер, пошатнулся, согнулся пополам — очевидно, пуля попала ему в живот — и начал убегать к черному седану. Поднявшийся ветер не мог разогнать резкой пороховой вони — перестрелка была стремительной, но очень интенсивной.

Матиас смотрел вслед седану, пока машина не скрылась за углом, и выждал несколько секунд, прежде чем подняться на ноги. Пульс зашкаливало, толчки сердца отдавались в кончиках пальцев, от Glock, зажатого в ладони, по всему телу расползался жар. Цементный пол был усеян гильзами. Чудо, что в него ни разу не попали. Чудо и, конечно, неумелость стрелка, не способного

справиться с нервами. Наверняка один из этих кичливых кретинов из предместья, полагающих, будто оружие превращает человека в убийцу.

Внезапно Матиас понял, почему лицо нападавшего показалось ему знакомым: он видел его на ферме — за ужином в столовой, когда женщины с закрытыми лицами подавали еду и один из моджахедов — молодой, очень смуглый — вскочил и начал оскорблять их, брызжа слюной, как безумный. Да, убийца был членом «Международного джихада».

Безумцы Аллаха нашли его.

Улица приходила в себя после убийственной интермеди, машины разъезжались с места происшествия, прохожие торопились убраться из зоны боевых действий, благословляя небо за то, что уцелели.

Матиас колебался, не зная, как поступить. Возможно, «Джихад» послал убийц и в его квартиру. С другой стороны, если он не вернется, Блэз и Кэти, не зная, как с ним связаться, могут запаниковать, начнут его искать, чтобы перевести в другое место, запрут и так или иначе ограничат свободу передвижения. Исцеление Хасиды стало его главной и единственной целью, и он решил рискнуть. Сжимая в руке Glock, Матиас пошел по коридору.

Он не заметил ничего подозрительного ни на первом этаже, ни на площадке. Дверь квартиры не была взломана, но Матиас не вошел, а, приложив ухо к деревянной панели, несколько минут напряженно вслушивался, пытаясь понять, ждут ли его внутри незваные гости.

Нестерпимо громкий настойчивый звонок телефона заставил Матиаса решиться. Он быстро вставил ключ в скважину, повернул ручку, толкнул ногой дверь и проскользнул в комнату, водя пистолетом из стороны в сторону. Поняв, что опасности нет, он расслабился и схватил трубку.

— Матиас? Это Блэз. Немедленно убирайся из дома. Один из информаторов предупредил, что «Джихад» дышит тебе в затылок.

— Они поджидали меня на улице. С автоматами.
 — Уже? Вот же черт, быстро! Ты не ранен?
 — Я — нет, а вот стрелка я зацепил. Как они меня нашли?
 — Мы внедряем шпионов к ним, они — к нам.
 — Я думал, только вы с Кэти знаете этот адрес?
 Матиас уловил колебание в молчании Блэза.
 — Мы далеко не все контролируем. И не всегда знаем, что творится наверху.
 — У стратегов?
 — В том числе.
 — «Джихад»... они... они нашли Хасиду?
 — Не думаю. Выходит, ты хитрее.
 — А-а-а... вы знаете о...
 — Ты все время забываешь, что повсюду оставляешь за собой следы. Если будешь по-прежнему каждый день таскаться в клинику Субейран, можешь навести «Джихад» на след Хасиды. В следующий раз думай головой. У меня для тебя новый адрес. Есть чем записать?

Схватив карандаш и бумагу, Матиас спросил себя, стоит или сообщать Блэзу о «чужаке», и решил промолчать. Откуда бы ни исходил голос, он вел его к исцелению Хасиды, к жизни, и Матиас опасался, что подобное признание способно лишить его доверия кураторов и положить конец пусть и ограниченной, но свободе, а тогда он не сможет осуществить великий план — положить свою спящую красавицу к ногам чудотворца.

• к к к

Матиас уже три часа находился в новом убежище, когда «голос» приказал ему отправиться в «Смальто» — логово Рыси в Пантене. Он подчинился — как всегда — после непродолжительного и бесполезного сопротивления. Он больше не был в деле ни с Романом, ни с кем из его людей. В его работе несколько месяцев отсутствия равносильны окончательной «отставке». На Париж опустилась ночь, когда он спустился по бульвару Мажента

до площади Республики и сел в такси. Деньги он нашел в стенном сейфе в своей новой квартире — можно подумать, Блэз и Кэти рассовали наличность по всем парижским закоулкам.

Через четверть часа таксист высадил его перед входом в «Смальто». Вышибала Джем как всегда энергично пожал Матиасу руку и раз шесть повторил, как он чертовски рад его видеть. В зале две крашенные блондинки в лайкре выделялись под музыку перед несколькими возбужденными клиентами.

Роман, как всегда безупречно одетый, сидел за своим обычным столиком один на один со стаканом. Когда Матиас опустился на стул, Рысь отреагировал более чем странно: он отшатнулся, в глазах его читался ужас, словно он увидел лютого врага.

Матиас понял страх Романа лишь в тот момент, когда «голос» отдал ему безмолвный настоятельный приказ:

Убей его.

Марк точно знал, по чьей наводке были сделаны три анонимных звонка. Жан-Жак Браль. Каждый из звонивших предлагал ему взять «зыбкий», «горячий» либо «опасный» след: первый вел к Министерству внутренних дел, другой — в штаб-квартиру Национального центра научных исследований, где занимались новейшими разработками в области биотехнологий, а последний — к Омеру, звезде канала *Tele Max*.

Марку казалось, что вокруг него возникла тайная сеть, имеющая целью поддержать его в безнадежной попытке реабилитировать Христа из Обрака. К несчастью, в отличие от «ЕОУ», эти люди зарплаты ему не платили, и дефицит счета стал, если верить банкиру, засыпавшему Марка письмами-предупреждениями, просто *раблезиански огромным*. Профсоюзный адвокат сообщил о намерениях противной стороны: большинство журналистов «EDV» согласились свидетельствовать против него и представить конфликт как личную неприязнь между Марком и *BJH*, то есть как отказ выполнять работу или увольнение по собственному желанию.

— А вы знаете не хуже меня, что это лишает вас всякого права на компенсацию. Или придется договариваться с *ВЛН*, чтобы он согласился на увольнение по экономическим причинам.

— Вот же черт, я не отказывался делать мою работу! Я всего лишь заявил, что нам не подобает участвовать в линчевании Ваи-Каи.

— Вы имеете в виду ту пресловутую публикацию о Христе из Обрака? Профсоюз не любит *ВЛН*, и чувство это взаимно, но в этом деле они на сто процентов солидарны друг с другом. Так бывает во время войны: бывшие противники бок о бок сражаются против грозящей обоим опасности. Ваше дело гораздо... гораздо сложнее, чем я думал, старина.

Адвокат назвал его «старинной» — в точности как «бывшая № 1» и «бывшая № 2», его акции в глазах законника падали! Неожданное перемирие, заключенное *ВЛН* и профсоюзом журналистов, делало более чем реальным поражение Марка в противостоянии с «*EDV*» и финансовое Ватерлоо, от которого он вряд ли оправится. Банк отберет у него квартиру, потому что он не сможет выплачивать кредит, отнимет чековую книжку и кредитную карточку, и Марк пополнит ряды финансовых инвалидов, этих никчемных идиотов, с которыми общество обращается как с нищими, затыкая им рот пособием-подачкой. У него не останется ничего — ни работы, ни денег, ни дома, ни жены, ни детей, ни любовницы, ни друзей, — только анонимные наниматели, поручившие ему защиту Ваи-Каи. У этих людей наверняка была ясная, им одним известная цель, и у Марка возникло неприятное ощущение, что он не более чем марионетка в их руках. Незвестным работодателям требовался не рыцарь без страха и упрека, а безумец, «свободный электрон», человек, который все потерял и готов разорвать сковывающие его цепи. Это запрограммированное лишение должно было сблизить его с новыми кочевниками, в том числе со старшей дочерью, вставшей в их ряды, и Марк ощущал головокружение, больше

• i < I о похожее на страх. Не так-то легко отпустить повов-|БЯ, если ты не богач и всю жизнь цеплялся за материальные подпорки. Марк крутил и прокручивал проблему I к>пове, но выхода из тупика не видел. Он всю жизнь Iроі идел «на твердом окладе», для финансовых спеку-ПЧіий у него кишка была тонка. Играя — очень редко — и рулетку или блэк-джек, он проигрывал со скучной не-избежностью записного неудачника, а «крупные вложе-ИЯ», которые делал по совету «бывшей № 2» — у нее in егда находился «некто», точно знающий конъюнктуру Нынка, — неизменно заканчивались полным крахом. V многих людей всю жизнь бурный роман с удачей, его Ж(><лношенияс деньгами больше всего напоминали уны-ние сожительство.

Вернувшись из Лозера, он посетил с десяток бюро Но фудоустройству, но ни в одном его не приветили. Ппї го из инспекторов — все они были намного моложе Мирка! — не заявил ему в открытую, что он слишком стар, ппп отстал от жизни, или что «*время его прошло*», они •росте позволяли себе даже не сообщать об отказе — ни письмом, ни по телефону, так, словно на него и марку Жмло было потратить. В конце разговора каждый его < ыюседник произносил стандартную формулировку — in- уверен, что вы соответствуете профилю работы», — и по ранило большее, чем сравнение с яйцом третьей |. III | ории. В глазах этих людей он больше не имел ни- •КОЙ экономической ценности, не мог принести ни еди-Ьго су «торгующим в храме», они изгнали его из своего мшерияльного рая. Сначала Марк чувствовал горечь и "паяние, но потом уныние сменилось гневом, холод-...|. лишавшей сна яростью.

Дочери больше не дулись на него, не разговаривали «чпрез губу», когда он навещал их в доме матери. Тот |м н овор в пропахшем жареной картошкой «Макдоналд-П" положил начало новым, доверительным отношени-№ I, что ужасно удивляло «бывшую № 1».

Марк не раз оставался ночевать и спал в супруже-• i "п бывшей! — постели, и она страстно обнимала

его, вжимаясь в него костлявым телом, и они лениво любили друг друга, что было, в общем, даже приятно.

— Ты должен приходить чаще. Это хорошо для девочек. Знаешь, они даже стали менее агрессивными. А как твои дела с юристами? Что с книгой?

Он отделивался привычным «все идет своим чередом», и она не лезла ему в душу. «Бывшая № 1» была явно не готова согласиться с планами Тони, собиравшейся примкнуть к новым кочевникам. Марк несколько раз заводил с ней разговор о Христе из Обрака, и она с лютой злобой клеймила «этого негодяя, который превращает своих последователей в антисоциальных, аморальных, мерзких типов».

— И дело вовсе не в том, что они разгуливают нагишом! Я слышала, что он... что они во всем подражают своему пророку и... делают *это* с несовершеннолетними, и даже с собственными детьми.

Да уж, пресса поработала на славу! Собирая слухи и сплетни, печатая грязные намеки, они пробуждали в душах людей отзвуки их собственных несчастий. Добрый старый прием «козла отпущения»: толпа не хочет бороться с собственными демонами, разбуженными клеветой и нападками, людям всегда проще направить ненависть на другого — или других, — обвиняя их во всех смертных грехах.

* А *

— Од Версан, помощница Омера.

Марк пожал вялую ладонь надушенной кудрявой блондинки в кричащем одеянии, которая вихрем ворвалась в крошечный, тесный, захламленный бумагами кабинет. Очко в ее пользу — она дымила как паровоз, и Марк, не спрашивая разрешения, тоже закурил. Он решил начать расследование с самого доступного и наименее опасного, с его точки зрения, «следа» — с канала *Tele Max* и ток-шоу Омера. Легкость, с которой он добился встречи с его помощницей, вроде бы подтверждала правильность выбора.

— На кого вы работаете? Вы наверняка мне это уже говорили, но дел слишком много, голова забита проблемами...

— Я вольный стрелок, — ответил Марк. — Работаю на «EDU», *TVHeb* и *Cine Plus* ... Закулисная жизнь вашей передачи у многих вызывает жгучий интерес.

Од Версан кивнула и устало плюхнулась на стул.

— Надеюсь, вы не обидитесь, но я бы хотела... увидеть ваш текст до публикации, — мурлыкнула она, перекладывая бумаги на своем столе. — Омер с ума сходит от злости, просто в бешенство впадает, когда читает о себе все эти бредни. Я ничего о вас не знаю, сами понимаете, мне неизвестно... нуда, неизвестно, можно ли вам доверять.

Марк с трудом удержался от смеха. Ему не требовалось хорошо знать эту женщину, он и без того понимал, что честность и порядочность — самые меньшие из ее достоинств. Глупо было искать хоть крупинку порядочности на канале, где она работала. Стоило посетителю перешагнуть порог огромного мраморно-раззолоченного, в постсоветском стиле, холла (разговаривающие вполголоса сотрудники больше всего напоминали заговорщиков), и его сбивала с ног вонь: здесь пахло надувательством, лицемерием, интригами и жестокостью.

— Увы, это становится повсеместным явлением, — кивнул Марк, — но я, конечно же, пришлю вам экземпляр статьи, как только текст будет готов.

— Просто для нашего спокойствия, вы же понимаете... Омер проглатывает тонны материалов о себе, но вся эта ложь, эти гадкие сплетни... Чаша терпения может переполниться.

На мгновение Марку показалось, что она намекает на Ваи-Каи.

— Я, однако, полагал, что в мире медиабизнеса нет ничего хуже, чем молчание или безразличие. Главное — быть на слуху и на виду, и плевать, хорошо о тебе говорят или поливают помоями...

В уголках глаз и вокруг губ Од Версан появились крошечные морщинки. Марк готов был поклясться, что эта женщина терзает себя немислимыми диетами, чтобы сбросить лишний вес — у нее явно намечался двойной подбородок! Подобно тысячам безвестных страдалец, она посвящает большую часть жизни борьбе с аппетитом, травя себя никотином, как Шарлотта, как его дочери, как все те идиотки, что решили пожертвовать несколькими годами жизни, лишь бы стать хоть чуточку похожими на анорексичных манекенщиц.

— Вы правы и не правы одновременно, — ответила она. — Имидж Омера изменился. Вначале он был за пределами провокационным, сегодня же главное для него — добиться консенсуса, он — один из тех немногих, кто способен собрать в студии и объединить любую публику — поколение рэперов и поколение рокеров, мужчин и женщин...

— Ну просто идеальный зять, да и только!

— А что, собственно, вы хотели бы узнать?

Надменный тон, которым был задан вопрос, предупредил Марка, что его вечный сарказм может испортить все дело.

— Как я уже говорил, мне интересны задворки передачи. Публика каждую неделю видит конечный результат, готовый продукт, который — я в этом уверен — требует огромной подготовительной работы, хотя бы в поиске сюжетов и выборе приглашенных. Вы позволите?

Он достал из кармана куртки диктофон, которым не решился воспользоваться в доме матери и сестры Иисуса. По большому счету, запись была ему не нужна, но в общении с профессионалкой подобный жест мог снизить доверие. Как это ни странно, ни один из собеседников на канале, с которыми он говорил по телефону, ни разу не усомнился в его правдивости, полагая, очевидно, что кто-то другой озаботится привычной проверкой. Даже Од Версан не попросила Марка предъявить журналистское удостоверение. Она наверняка решила, что с визитером все в порядке, раз уж он добрался до ее

бардачного кабинета на шестом этаже здания компании. А Марку хватило легкого трепана на журналистском «обезьяньем» языке и минимума настойчивости, чтобы просочиться через дырявое решето системы безопасности фабрики грез под названием *Tele Max*.

Войдя в стеклянный бункер, расположенный в XV округе, он очутился в мире навороченно-абсурдных идей архитектора-модерниста и немедленно потерялся в коридорах, которые никуда не вели (очевидно, девицы, объяснявшие ему дорогу, были слабоумными!). Любезный молодой человек, которого он случайно встретил в явно нежилом помещении из стекла и бетона, проводил его до офиса Од Версан: «Это не совсем шестой этаж, он расположен между четвертым и пятым, но все считают его шестым...»

--- Подбор сюжетов и тем зависит, по большому счету, от текущих событий, — продолжила, закулив очередную сигарету, Од Версан. — Сегодня мы никогда не знаем, что будет актуально завтра. Наша задача — моя и продюсера Мариты Кёслер — как раз и состоит в том, чтобы угадать сюжеты на четыре-пять месяцев вперед.

— И как вы это делаете?

Она откинулась на спинку стула, явно расслабившись. В ее холодных синих глазах под завесой искусственных ресниц Марк угадывал усталость. Од была членом команды, чьей главной задачей было удержать — любой ценой — самый высокий, по подсчетам Национальной службы теле- и аудимониторинга, рейтинг, от которого напрямую зависело размещение рекламы. Работенка более чем непростая, так что все сотрудники испытывали невероятное давление и постоянно находились «на вздрючке».

— На нас работает команда, день и ночь подключенная к лентам информантств и форумам и сайтам в Сети. Молодняк. Мы их называем хорьками, пронирами. Они пролезают на такие сайты, о существовании которых мы с вами даже не подозреваем.

— Легально?

Она пожала плечами.

— Не всегда. Но проблем, как правило, не возникает, ведь эти сайты зачастую тоже не совсем легальны. Тут начинается наша с Маритой работа.

— А каковы критерии отбора?

— Полемичность. Чем противоречивее сюжет, тем он для нас интересней. Мы ищем динамичных, жестких, непредсказуемых оппонентов.

— Одним словом, динамит, если я правильно вас понял?

Она едва заметно улыбнулась, устало зевнула.

— Вот именно — динамит. Наш продюсер, Марита, не для того вытаскивала из грязи Омера, чтобы делать вялое политкорректное телевидение. Вы знаете, почему его передача так называется?

— Из-за дела Омара Раддада, я полагаю.

Марку показалось, что его ответ удивил и даже разочаровал помощницу Омера, — прикол с названием не произвел должного эффекта. Несколько минут она молча курила, разглядывая его из-за дымовой завесы.

— Даже среди ваших собратьев-журналистов мало кто знает эту историю.

— Ничего удивительного — мы всегда торопимся изгнать из коллективной памяти примеры несправедливости. Не могли бы вы проиллюстрировать ваш рассказ конкретным примером?

— Когда появится ваша статья?

— Через две недели.

Она выпрямилась и взглянула на исчириканный поправками лист — он занимал половину ее старого металлического стола.

— Так, посмотрим... Скорее всего, это будет сюжет о торговле человеческими органами. Обвиняемым — я имею в виду человека, чьи взгляды будут обсуждаться на передаче, — станет хозяин небольшой конторы, занимающейся поиском и сбором органов в странах третьего мира. Глаза, почки, легкие — все, что удастся найти... Он принимает заказы от клиник и посылает своих

людей на все континенты с чемоданчиками, набитыми долларами. Спрос неуклонно растет, так что этот человек зарабатывает невероятные деньги. Оппонировать ему будут два представителя организации «Врачи без границ», посол Индии во Франции и специалисты-трансплантологи. Сюжет нарыли хорьки, а мы с Маритой начали готовить передачу. Труднее всего было уговорить клиента прийти в студию. Он в конце концов согласился, понимая, что, потерпев два часа, утроит, а то и учетверит объем заказов: только во Франции тысячи людей нуждаются в пересадке.

— Если я вас правильно понял, он из тех, кто готов на все, чтобы попасть в телевизор.

— Все верно. И дискуссия должна пройти энергично, «с кровью» так сказать!

Марк понимающе кивнул, сделал небольшую паузу и перешел наконец к теме, которая его действительно интересовала.

— Мне кажется, Ваи-Каи — Христос из Обрака, о котором так много говорят во всем мире, — скоро будет гостем Омера. Как долго вы готовились к передаче?

Он постарался задать вопрос самым естественным тоном, боясь выдать себя, и то, как мгновенно закаменело лицо Од Версан, утвердило его в своей правоте. Поскрипывание ленты в диктофоне звучало непривычно громко в напряженной тишине комнаты. Взгляд синих глаз помощницы Омера рассеянно скользил по металлическим стеллажам, забитым пухлыми растрепанными картонными папками. Кабинет Од Версан был не только тесным, он выглядел удивительно убогим для такой важной шишки, как Од Версан.

— Ну, с ним все было иначе, — произнесла она наконец. — Честно говоря, мы его не... *выбирали*.

— Хотите сказать, вам его *навязали*?

— Более или менее.

— Кто?

Она задумчиво взглянула на него и потушила сигарету в пепельнице на треноге, набитой окурками.

ЙЫР БЙРДИ

— Владелец канала.

— Макс Ангресо? Кажется, у него серьезная поддержка в политических кругах...

— У него? Да он со всеми министрами «на короткой ноге»! Знаете, это бывает очень полезно в некоторых... обстоятельствах.

— Например, если нужно получить разрешение на новую кабельную сеть или очередной цифровой канал.

Од Версан кивнула на диктофончик Марка.

— Лучше выключите, я не хочу, чтобы информация вышла за стены этого кабинета...

Марк подчинился тем охотнее, что помощница Омара была явно склонна пооткровенничать и он боялся спугнуть ее теперь, когда беседа стала по-настоящему увлекательной.

Вай-Каи не просто исцелил рану Люси, он вернул ее с того света — так, во всяком случае, она сама воспринимала это событие, когда сознание вернулось к ней тем солнечным утром в Марселе. Ее путешествие было очень далеким и долгим, она вынырнула не из десятиминутной комы — *не-жизни*, как называл это Бартелеми. Люси не помнила, что происходило между тем моментом, когда тип в маске ударил ее битой, и мгновением, когда она очнулась, ничего не понимая, на асфальте, размягченном непривычной для января жарой. В памяти остались смутные воспоминания, ощущения движения, теплоты, освобождения, отдохновения.

Те, кто не пережил чудесного исцеления — а таких было абсолютное большинство, — смотрели на Люси с завистью в глазах: на нее пала милость Учителя! Для этих людей Люси была живым доказательством безграничного могущества двойной змеи, но сама она не считала себя избранной, осознав, что жизнь всех людей на Земле уникальна и священна. Пережив смерть и воскрешение, Люси поняла, что присутствие в теле

души — бесценный дар, но человек не осознает его красоты, изничтожая себя всеми возможными и невозможными способами. Дышать, есть, пить, ходить, любоваться сумерками и восходами солнца — невероятное чудо. Люси теперь хватало трех-четырех часов сна, и она вставала очень рано, чтобы посмотреть, как тают лиловые ночные тени в неверном свете зари. Если в домах, отмеченных знаком двойной змеи, или в местных гостиницах (хозяева все чаще отказывали новым кочевникам) не было свободных комнат, они с Бартелеми спали под открытым небом. Несмотря на дождливую погоду, Люси нравилось нежиться в чреве ночи под колыбельную песню мира. Люси смотрела на свою прежнюю жизнь отстраненно и спокойно, перебирая в памяти заблуждения и ошибки, бурную юность, прерванную учебу, расставание с родительским домом, долгую связь с Джереми, работу, выступления в Сети и встречу с Бартелеми... Все эти отрезки ее жизненного пути — казалось бы, совершенно разрозненные — были, тем не менее, тесно связаны между собой. Они привели ее к ногам Духовного Учителя, после того как ничтожный уличный бандит проломил ей висок бейсбольной битой. Люси не сомневалась, что ее состояние скоро изменится, что в ней еще живет та удивительная сила, что вошла в ее тело, чтобы воскресить, но она не волновалась, зная — наступит день и она вновь ощутит радость слияния с миром.

Возрождение Люси к жизни изменило и Бартелеми. В его взгляде читался отсвет трагедии. Он съежился, сосредоточился на себе и, если и вылезал из раковины, то лишь для того, чтобы уязвить, сказать гадость, оскорбить. Он напоминал затравленное животное — напуганное и одновременно агрессивное, это впечатление усугублялось атмосферой секретности, в которой проходили теперь встречи новых кочевников.

Двое учеников из тех, что присоединились к Ваи-Каи в самом начале пути, предложили взять на вооружение методы бывших рейверов: чтобы обмануть бдительность

сил правопорядка, адрес очередного технослета сообщался в самый последний момент. Двойная змея, нарисованная на дороге или выцарапанная на коре дерева, станет их нитью Ариадны. Ваи-Каи согласился, и они отправились на свидание с организаторами назначенных на ближайшие дни встреч. Не могло быть и речи о том, чтобы доверить информацию Интернету или сотовым телефонам, единственной гарантией конфиденциальности была передача информации из уст в уста.

Инструкции сообщались буквально за несколько минут до начала общего сбора, что снижало риск нападения. Вокруг расставляли дозорных со свистками, и они поднимали тревогу при малейшем признаке опасности. Систему очень быстро отладили, и она себя полностью оправдывала. В ней был элемент игры, и ежевечерний поиск верной тропы даже доставлял кочевникам детское удовольствие. Сначала по условленному адресу выезжали Ваи-Каи и Йенн, самый близкий его ученик, а через два-три часа организаторы давали указания остальным. Все те, кто хотел услышать слово Учителя — новые кочевники, следовавшие за ним по миру, больные, увечные и просто любопытные, — отправлялись в дорогу, следуя по тропе на манер индейских разведчиков. Встречи практически никогда не проводились в городе, их устраивали в отдаленных, скрытых от посторонних глаз местах, часто — на свежем воздухе, на заброшенном гумне или пустующем заводе. Потерявшихся, тех, кто сбился с дороги и присоединялся к общей массе лишь на следующий день, встречали дружным смехом и гудками клаксонов.

Секретность сплавивала учеников, держала в стороне полицейских и бандитов, которым кто-то платил за устрашение новых кочевников и устраиваемые беспорядки, а словам Учителя придавала значимость Откровения. Пресса и телевидение заявляли, что, мол, новые кочевники, или «ваикаисты» (словечко придумал какой-то журналист, а газеты ввели его в обиход), сами себя выдали: все помнят, что на сборищах хиппи и поклонников

техно были в ходу тяжелые наркотики и разнузданный секс. Кое-кто осмеливался утверждать, что самые опасные сектанты — Мун, сайентологи, Асахара — сущие дети по сравнению с ваикаистами и их умением промывать людям мозги. Звучали требования запретить движение новых кочевников — во имя свободы совести, которой против собственной воли лишены adeпты Христа из Обрака.

— Кажется, мы заблудились...

Фары БМВ высветили поляну, куда вела раздолбанная дорога. Несколько минут назад Люси потеряла из виду огни шедшей перед ними машины. Она заметила знак двойной змеи на стволе огромного дуба, следующий был нарисован мелом на асфальте, и Люси въехала в густую сосновую рощу. Они проехали несколько километров, но новых знаков не обнаружили, и Люси, решив вернуться назад, внезапно оказалась на этой ужасной дороге, которая и вывела их на опушку.

Дворники мерно счищали с ветрового стекла грязь и песок. Тучи постепенно рассеивались, открывая миру полную сверкающую Луну. Ночь была на удивление светлой.

Бартелеми, скрючившийся на пассажирском сиденье, искоса наблюдал за ней. За последние дни он еще больше похудел, лицо осунулось, глаза лихорадочно блестели.

— Меня никто никогда не исцелял! — пробормотал он. — Так и знай... И парализован я не был!

Она поняла, что ему необходимо вскрыть нарыв, и молча кивнула.

— Ты мне так понравилась, когда я увидел тебя на экране, что я выдумывал всякую хрень, чтобы тебя удержать и закадрить. Паралич, беспомощность — и ты купилась, черт, купилась с потрохами!

В глубине души Люси не удивилась. Если бы он сам пережил чудо, как она, вернувшаяся из страны мертвых, то помнил бы свое пребывание в доме всех законов, купаясь в свете и покое двойной змеи.

— Вот же маразм — я выдавал себя за исцеленного, а вернул к жизни Ваи-Каи тебя!

— Не меня одну. Вспомни, там было больше сотни раненых.

Бартелеми стремительно распрямился, ударил кулаком по стеклу. Он пока не одевался по моде новых кочевников, но сейчас на нем были только драные старые джинсы, так что скоро он пополнит ряды учеников, расхаживающих в одних плавках, а то и вовсе в чем мать родила. Люси и сама придавала теперь мало значения одежде. Чаще всего она носила просторную майку на голое тело, надевая хлопчатобумажные трусики только во время месячных. Люси порой сама поражалась той скорости, с которой улетучивались прежние привычки — маниакальная чистоплотность, забота о гигиене, желание быть всегда элегантной, соблазнять, страх остаться без денег, поиск вечно ускользающего идеала... Ей хватило нескольких недель, чтобы вернуться к прежней беззаботной и счастливой Люси.

— Я хорошо тебя поимел, Люси! Во всех смыслах этого слова! Да уж, поимел так поимел!

Бартелеми истерично рассмеялся, всхлипнул, как ребенок, судорожно и отчаянно. Люси погасила фары, выключила мотор, вытянула ноги и легла на откинутую спинку сиденья. Ночь вползла в кабину, накрыв их темным крылом в полосках лунного света.

— Имел, имел, имел, трахал, трахал, трахал...

Люси догадывалась, что он собирается ей сказать, но ей нравилось заниматься с Бартелеми любовью, она испытывала с ним такое острое наслаждение, какого не знала ни с одним из своих мужчин.

Смерть оставила у Люси ощущения скорее приятные, даже нежные. Смерть была другой — и такой замечательной — стороной того настоящего, имя которому — жизнь.

— Если бы ты знала мою семью, если бы я их не убил, ты бы меня не захотела, решила бы, что я такое же чудовище, понимаешь? Теперь мне плевать, я получил, что хотел, получил тебя.

Он протянул руку и открыл дверцу с ее стороны. Соленый ветер ворвался в машину, рыча и завывая. Бартеlemi схватил Люси за запястье, заставил выйти из машины, вылез следом, приклеился к ее спине, держа нож у шеи под подбородком.

— Ты же сука, шлюха, заводящая мужиков интернет-стриптизом. Моя сестра тоже была маленькой шлюшкой. Знаешь, что я с ней сделал?

Он трясся от возбуждения, но она даже не повернула головы. Холодное лезвие ножа оказалось в опасной близости от шеи Люси, она чувствовала на лице горячее дыхание Бартеlemi.

— Я перерезал ей горло. Одним движением. Прежде чем умереть, она ужасно удивленно посмотрела на меня. А мать так накачалась, что ничего не поняла.

Бартеlemi потел крупными каплями, от него исходил какой-то странно-терпкий запах. Люси с болезненной остротой ощущала его нервное возбуждение и отчаяние, но, несмотря на нож, грозивший перерезать яремную вену, была внутренне совершенно спокойна, словно ночь напоила ее своей умиротворенностью. Люси не боялась умереть, первая случившаяся с ней смерть была совсем не страшной.

— Это наша последняя ночь, Люси. Я не вынесу, если ты будешь смотреть на меня как на чудовище, но жить без тебя не смогу. Я не хочу, чтобы ты была с другим. Мы умрем вместе — сначала ты, потом я. И никто не придет, чтобы воскресить нас.

Продолжая говорить, Бартеlemi толкал ее вперед по густой траве и зарослям чертополоха. Их ноги все сильнее увязали в мягком песке. Темные тучи проглотили Луну и последние островки звезд. Люси упивалась ароматами смолы, моря и диких цветов, разлитыми во влажном воздухе. Вдалеке сверкал серебром Атлантический океан.

Судя по всему, они были где-то недалеко от места сбора на пляже близ маяка в Кубре. Люси не приходило в голову позвать на помощь — и не только из-за лезвия

ножа, шекотавшего ей подбородок, но и потому, что она готова была пройти вместе с Бартеlemi его крестный путь, ведь их жизни пересеклись в данный момент настоящего. У нее не было чувства покорности судьбе, речь шла о сознательном выборе, и выбор этот был куда яснее решения пойти работать на сайт *sex-aaa*. Она никогда не чувствовала себя такой свободной, спокойной и счастливой, словно шла по лучу света. Люси восхищались шепот океана и бездонная чернота неба, она радовалась ветру, ласкавшему ее лицо и волосы, упивалась пряными запахами, которыми был напоен воздух, ее возбуждал жар тела Бартеlemi, прижимавшегося к ее спине.

Они пересекли поляну, прошли по дюнам, поросшим редкой травой и сухими деревьями, и оказались над пляжем. В ночной глубине светилась бледным серебром кромка прибоя. Рокотали, набегая на песок, волны, слышался восторженный гул толпы.

Сколько людей слушали в тот вечер Духовного Учителя? Десять, двадцать тысяч?

Люси чувствовала, как разрывается ее кожа под усиливающимся нажимом острого кончика ножа.

— Ну почему, черт бы побрал эту гребаную жизнь, нельзя стереть прошлое?

Боль не мешала Люси наслаждаться свежестью первых дождевых капель. Молния, сверкнувшая на горизонте, залила пляж и океан мертвенным светом. Надвигался ураган — порывы ветра становились все сильнее, в воздух поднимались фонтанчики песка. Это была та самая буря, которая вот уже несколько недель опустошала Атлантическое побережье.

Многие города по берегам Шаранты и на территории Финистера серьезно пострадали: ветер срывал с домов крыши, вырывал с корнем деревья, валил столбы электропередачи. Улицы заливало дождем, возникла угроза наводнения.

Люси не сразу поняла, что Бартеlemi бросил нож и упал на песок на колени. Его стоны и всхлипывания оторвали ее от завораживающего зрелища пролога бури.

Кровь стекала с подбородка на шею и грудь. Люси обернулась и увидела, что Бартелеми лежит на земле, пряча лицо в ладонях, и судорожно рыдает. Чудовищный раскат грома сотряс землю, два удара молнии разорвали тьму, и небо взорвалось ливнем.

Люси сняла майку и склонилась над Бартелеми, прикрывая его своим телом.

— Прошное мертво! — воскликнула она, перекрикивая грозу. — Никто не станет судить тебя, Бартелеми, никто не увидит в тебе чудовище, если ты научишься жить настоящим.

Они еще долго лежали совершенно неподвижно, тесно прижавшись друг к другу, а вокруг бесновалась и гневалась природа.

М т ш

Дождь шел не переставая уже две недели, но отвратительная погода не мешала огромным толпам собираться на встречи с Ваи-Каи. После трагических и одновременно удивительных марсельских событий слухи, подогреваемые печатной прессой, радио и телевидением, опережали Учителя на всем пути его следования по восточным районам страны. Повсюду — на бесконечных пляжах Атлантического побережья и суровых землях Бретани, у гранитных розовых скал и в залитых дождем рощах Нормандии — их встречало так много людей, что вереница машин трудом прокладывала себе дорогу, как пелетон велосипедистов во время гонки «Тур де Франс».

Исцелений становилось все больше, поговаривали, что в больницах и клиниках, расположенных в десятках километров от мест сбора новых кочевников, наблюдались случаи самоисцеления. Конечно, все эти слухи следовало делить на три — если не на десять. Движение ширилось и росло, адресов в Сети становилось все больше, знак двойной змеи красовался на столбах, опорах

электропередач, рекламных щитах и фасадах домов. Люди в караване говорили на стольких языках, что в голову невольно приходило сравнение с вавилонским столпотворением.

После короткой остановки в Парижском районе турне Духовного Учителя должно было продолжиться во Франции, Бельгии, Нидерландах, Люксембурге, Эльзасе, Германии и Швейцарии... Его хотели видеть повсюду в Европе, в России и на берегах Балтики, звали и на другие континенты — в Азию и Северную Америку (их эмиссары были особенно настойчивы). Африканские последователи — судя по сообщениям в Сети их было очень много! — не осмеливались приглашать Учителя к себе: слишком нестабильная была политическая ситуация, континент сотрясали этнические войны.

• к * к

Вай-Каи поднял на Йенна глаза: взгляд его был непривычно печален. Они остались одни в гостиной дома, где их разместили организаторы Версальской встречи. Остальные ушли спать, измучив Учителя вопросами — в основном нелепыми. Что он думает о Пакте гражданского согласия, об усыновлении детей однополыми парами, об абортах, видеоиграх, виртуальном пространстве, генетически модифицированных организмах, генетике в целом, переливании крови, трансплантации органов, переселении душ, буддизме, католицизме, демократии, глобальном потеплении, теории полного отрицания, астрологии и сектах... Ответов на «вечные» вопросы не существовало — только мнения, догадки, верования и догмы. Вай-Каи отсылал каждого к себе самому, к суждениям, рождающимся в мозгу человека и являющимся прямым следствием косности и ограниченности. Мнение, высказанное по одному из затронутых сюжетов, стало бы, по мнению Учителя, не более чем плодом размышления мозга, попавшего в ловушку прошлого, отражением, увиденным в кривом зеркале. Над

человеком разумным, человеком сознательным, человеком, который живет настоящим, ничто не довлеет, — ни воспитание, данное в семье, ни полученное образование, ни чувства, ни воспоминания. Такой человек относится к своей первой реакции — отрицанию, отторжению, влечению, отвращению, возмущению, восторгу, — как к чему-то чужеродному, он дожидается, пока рассеются первичные суждения, и тогда видит в глубине себя самого чистое существо, обитающее в доме всех законов, погруженное в бесконечно разнообразный мир двойной змеи.

— Ваше видение событий и возникающих проблем меняется в зависимости от состояния вашего же ума. Сначала человек верил, что Земля — центр Вселенной, кто-то утверждал, что этот центр вовсе не Земля, а Солнце, потом ученые объяснили, что Солнечная система — всего лишь одна из миллиардов систем в нашей галактике, затерянной среди тысяч и тысяч других галактик. Иметь устоявшееся мнение по любому вопросу значит уподобляться священникам, предписывать догмы, создавать и поддерживать систему власти. Ваш враг — не более чем отражение вашего собственного «я», иная ваша ипостась, которую вы сумели бы увидеть, избавившись от этой двойственности.

Вай-Каи сидел на угловом диванчике в своей любимой позе, по-турецки. Приглушенный свет лампы бросал золотые блики на его гладкие волосы и темную кожу.

— Наши дороги скоро разойдутся, Йенн.

В ответ Йенн молча улыбнулся, заледенев от страха и горя.

— Твои слова противоречат твоему собственному учению! Разве не ты утверждал, что разговоре о завтрашнем дне — пустая трата времени?

— Я говорю не о том, что будет завтра — я имею в виду то, что вершится сейчас. Завтра будет поздно.

Суровый тон и серьезное выражение лица Учителя ужаснули Йенна, в горле у него пересохло. Он присел на диван.

— Это имеет отношение к передаче Омера?

— Не прямое. Но ты ведь знаешь — все нити пересекаются на нашем полотне.

— Значит, ноги нашей не будет в Гё/ё *Мах* Я несколько раз смотрел это ток-шоу, уверяю тебя, мы ничего не потеряем, если не пойдём. Омер — просто навозный жук, чокнувшийся от кокаина, и...

Тёмные глаза Ваи-Каи подернулись иронией, и Йенн запнулся на полуслове.

— Хорошо, ладно, это всего лишь поверхностное впечатление телезрителя, — продолжил он, махнув рукой. — Я не люблю шумных сборищ. Лобовые столкновения всегда меня пугали, может, отчасти поэтому я хотел заниматься политикой: интриговать, оставаясь в тени, менять ход событий из-за кулис... Наверное, и в Омере есть душа, но я ее пока не разглядел.

— Мы отправимся на передачу, как было условлено, — сказал Ваи-Каи. — Есть вещи, которые должны свершиться.

— Важно одно — ты должен жить среди нас и указывать нам путь.

— Мое время вышло.

Гнев овладел Йенном.

— Ничто не известно заранее, так ведь? Нет ни проклятия, ни фатальной предопределенности. Космическая паутина все время меняется. Вспомни, что ты сам говорил сегодня ночью!

— Мой уход — не проклятие и не несчастье, это дар, который я принимаю с открытой душой.

Не в силах сдержать возмущение, Йенн вскочил и заметался по комнате, как разъяренный медведь. Было три утра, но идти ложиться он не хотел. Йенн мало спал в предыдущие ночи — не больше двух-трех часов, но утром чувствовал себя бодрым и легко переносил возросшее напряжение и нагрузки — это он-то, которому, чтобы быть в форме, требовалось не меньше восьми часов крепкого ночного сна! Когда встреча закончилась, он позвонил Мириам. Прощаясь, она сказала, что любит

его и надеется скоро увидиться, а потом рассмеялась своим особенным грудным смехом, который всегда действовал на Йенна как лекарство.

— Людям нужна не твоя покорность судьбе, а твое слово и присутствие среди них!

— Они принимают меня за того, кем я не являюсь. Они мне поклоняются, хотят заменить мною прежних богов, старых идолов. А ведь я — такой же человек, как они, существо из плоти и крови, их брат. Людям пора учиться взрослеть, самим искать путь в дом всех законов и находить ответы на собственные вопросы.

— Ты не устаешь говорить об этом на каждой нашей встрече!

— Они меня не слышат. Они так давно живут как дети, что видят во мне отца, новое воплощение своего Бога. Им нужно еще немного времени, чтобы сбросить старые одежды, сжечь мстительного Бога, гневающегося и наказывающего свою паству, примириться с миром и снова обрести веру в свою землю и свою природу.

— Тем более ты должен остаться!

Крик Йенна долгим эхом прозвучал в полумраке комнаты. Учитель ответил ему взглядом, в котором смешались тоска и участие.

— Если я останусь, они будут требовать от меня все больше чудес и никогда не выйдут на свою собственную дорогу.

— Христос пошел на крест, но это не помешало христианам создать культ именем Его!

Ваи-Каи покачал головой с тем удивительным изяществом, которое придавало ему неземное обаяние.

— Вот в этом и будет заключаться роль Пьеретты — и твоя, если решишь ей помогать: вам придется терпеливо и неустанно отсылать людей к ним самим, представляя мою смерть как благословение, как истинную, совершенную необходимость двойной змеи. Змея возрождается, сбросив кожу, дух не умирает, проходя сквозь время, а жизнь вечно обновляется.

Йенн застыл как громом пораженный: на этот раз Учитель обошелся без иносказаний вроде слов «уход» и «*расставание*», он назвал *смерть смертью*. Дождь усилился, словно ночь перестала наконец скрывать свое горе.

— Я пришел посеять семя, — снова заговорил Ваи-Каи. — Сбирать урожай придется людям. Я расскажу тебе, что случится после моей смерти: тех, кто внял моему слову, станут преследовать, но таких будет все больше, и «торгующим в храме» придется приспосабливаться. Тогда наступит время подчинения, присвоения, размышления. Явление, которое не удалось подчинить, захотят приручить.

— Ты всегда говорил нам, что будущее нигде не записано...

Йенн стоял у огромного окна и сквозь слезы смотрел на завесу дождя. Никогда еще сумерки не казались ему такими глубокими. Духовный Учитель только что сообщил ему об окончании трехлетнего цикла их жизни, растворившегося во времени и пространстве со скоростью выдоха.

— Я говорю сейчас о защитных механизмах, действующих в обществе. Они срабатывали в прошлом, сработают и на сей раз. Коллективное бессознательное — прекрасно отлаженный механизм: динамический стереотип срабатывает при малейшем намеке на нарушение устоявшегося порядка. Не только храмовые торговцы, но и их клиенты, всегда насмерть перепуганные, всегда готовые покупать светлое «завтра», вечно искушаемые золотым тельцом. Если я задержусь среди людей, Йенн, превращусь в их золотого тельца.

— Они найдут другого, когда ты... уйдешь.

— Моя названная сестра будет уничтожать идолов, отпугивать священников, разрушать догмы и возвращать искренне ищущих на верную дорогу, ведущую к дому всех законов.

— Но как ей это удастся? Она ведь не говорит.

— Совет шаманов повелел мне *риспросір*; и в во, она же будет хранительницей молчания. Людок, торые станут к ней приходить, будет достаточно ралить ее присутствие. Никто пока не знает, как хороша душа, но поверь мне — она сияет ярче Солнца.

Из окна тянуло холодом, но Йенн обливался потом. Ему казалось, что душа его вот-вот разорвется надвое, что он тонет, погружается в ледяную бездну... В комнату медленно вползла ночная тьма.

— Она кажется такой хрупкой... — прошептал он.

— В ней живет неизбывная сила всех хрупких существ. Пьеретта так много страдала, что душа ее переполнена состраданием к братьям и сестрам по двойной змее, не сумевшим освободиться от своих бед и несчастий. Пьеретта — воплощение любящей Всеобщей Матери, отвергнутой всеми традиционными религиями, она олицетворяет собой примирение человека с землей и с таинством жизни.

— Они могут и ее превратить в божество...

— Когда люди встретятся с Пьереттой, они согласятся снова стать детьми, перестанут вечно покорять природу, которая их кормит и лелеет. Помнишь эту фразу: мы любим нашу землю так же сильно, как новорожденный младенец любит слушать биение материнского сердца?

Йенн кивнул.

— Ее приписывают вождю Сиэттлу...

— В молчании Пьеретты люди услышат биение сердца Земли, они услышат, как текут реки, как бегут стада и летят стаи птиц, как поет ветер и рушится камнепад, как шелестят листья и трава, и поймут, что являются частью единого целого, огромного тела, которое дышит и движется, как они сами. Но Пьеретте понадобятся верные стражи, которые будут ее охранять, которые снимут с нее груз повседневности, чтобы она полностью отдалась великому делу. Ты хочешь быть в их числе, Йенн?

Йенн обернулся и долго молча смотрел на Ваи-Каи — в сгустившемся мраке он казался одновременно

крошечным и громадным. Йенн не вытирал слез, которые текли по его щекам.

— Дело в том, что я... у меня будет ребенок. И я хочу... я должен позаботиться о нем.

— Свобода выбора придает особую ценность нашим поступкам. Знай: трижды благословен будет ребенок, живущий рядом с моей сестрой Пьереттой.

• К ~ К К

Восход Йенн встретил перед окном. Ваи-Каи давно покинул комнату, но спать не пошел, а отправился на улицу, под дождь, и скрылся в густом кустарнике в глубине сада. Йенн потерял из виду светлое пятно его набедренной повязки. Ему ни на мгновение не пришло в голову кинуться следом за Учителем — он понимал, что тому необходимо побыть в тишине и одиночестве перед встречей с противниками на передаче Омера, перед встречей... со смертью.

Йенну никак не удавалось смириться с мыслью, что очень скоро он лишится общества Ваи-Каи. Он просто не верил — не потому, что сомневался в провидческом даре Учителя, но, как большинство людей, отталкивался от будущего, которое его чем-то не устраивало или пугало. Йенн не был готов отказаться от *всего этого*, по словам Мириам. Свет зари являл миру небо, надевшее траур.

В окрестностях Версаля было всего несколько домов со знаком двойной змеи, так что многие ученики ночевали в своих машинах или даже под открытым небом. Еще труднее будет решить проблему в Париже: где поставить тысячи машин, как разместить десятки тысяч людей, следовавших за Духовным Учителем?

— Ты не знаешь, где Ваи-Каи? Его нет в комнате.

Йенн обернулся — в гостиную вошла молодая женщина с подносом в руках. Одета (вернее, раздета) она была по моде новых кочевников: крошечный треугольник ткани прикрывал низ живота, на обнаженной груди

постукивали деревянные бусы, запястья украшали каменные браслеты. Тело у нее было очень белое, усыпанное веснушками, на плече — татуировка в виде двойной змеи, в косички вплетены перья.

— Тебе не кажется, что сейчас еще слишком рано, чтобы беспокоить Учителя?

Она ответила ему удивленным, почти враждебным взглядом.

— Беспокоить? Но Духовного Учителя *невозможно* побеспокоить.

— Это почему же?

Женщина внимательно оглядела содержимое подноса: дымящийся чайник, чашка с блюдцем, хлеб и булочки в плетеной корзинке, баночки джема и мед (классический гостиничный завтрак!).

— Тому, кто живет в доме всех законов, никто не помешает, — произнесла она наконец тоном непоколебимой уверенности.

Йенн вспомнил слова, сказанные ему Ваи-Каи несколькими часами раньше: да, они *уже* стали идолопоклонниками великого брата, пришедшего из Амазонии, чтобы открыть им величие двойной змеи.

— Вы сегодня раньше обычного, — сказала санитарка. — А я вот подзадержалась, не успела ее помыть. Вы не выйдете ненадолго?

Матиас подчинился, хотя внутри у него все дрожало от нетерпения. Ладно, пусть Хасида будет чистой, когда он положит ее к ногам Христа из Обрака.

Он внимательно отслеживал всю эпопею Ваи-Каи по телевизору, видел прибытие в Версаль тысяч и тысяч его сторонников, что вызвало неразрешимые проблемы с жильем и едой (не говоря уж о гигиенических мероприятиях!). Было совершенно ясно, что Ге'ё *Мах* побьет все рейтинговые рекорды благодаря приходу Христа на передачу Омера. Канал круглосуточно крутил рекламу на радио и телевидении, огромные фотографии Омера красовались в переходах метро, нависали над Большими Бульварами и окружной дорогой. Большинство газет и политических еженедельников, желтая пресса, комиксы и новостные передачи отдавали первые полосы под материалы о грядущей схватке, помещали кто фотографию, кто карикатуру на Ваи-Каи: в этом

хрупком смуглокожем человеке, типичном южноамериканском индейце, было что-то детское. Даже финансовые издания, известные сдержанностью тона, всерьез обличали пагубное влияние нового кочевничества на экономический климат в целом и на биржу в частности. Телеметрические институты заявляли, что, по их подсчетам, каждый третий француз сядет в девять вечера к телевизору. Одна секунда рекламы стоила дороже, чем во время финала Кубка НБА в Америке и финального матча последнего чемпионата мира по футболу. Гё/ё *Max* собирался хорошо заработать на «первом чуде Иисуса из Обрака».

В конце последней передачи Омер представлял зрителям семерых гостей — оппонентов Ваи-Каи: политиков должен был представлять Жак Манделье, член Социалистической партии, член Комитета по надзору за сектами, — он проявил себя рыцарем без страха и упрека в поединке между французским государством и сайентологами. Монсеньор Дюкаруж, официальный представитель французского епископата, призван был защищать интересы католической Церкви, которую часто оскорбляли Христос из Обрака и его ученики. Задачей Мишель Аблер, психиатра с международной известностью, должно было стать разоблачение бесчестных и опасных методов, с помощью которых гуру всех мастей, лжепророки и целители вроде Ваи-Каи манипулируют людьми. *ВЛН*, шеф «EDL/», — человек, известный независимостью взглядов и откровенностью, — будет говорить от имени печатной прессы. Мир науки и фундаментальных исследований, немало пострадавший от адептов учения Ваи-Каи, делегировал на ток-шоу профессора Пьера Эстереля — биолога, ведущего сотрудника Национального института агрономических исследований, яркого сторонника генетической модификации растений. Жан-Эрик Шолен, влиятельный промышленник, процветающий генеральный директор гигантского европейского концерна «Альфаком», исполнит роль дежурного «торгующего в храме», белого рыцаря той самой экономики,

которую новые кочевники обвиняют во всех бедах. И наконец, Мартина Жорж, пятидесятилетняя домохозяйка, придет в студию, чтобы поведать о душевной боли, которую *ваикаизм* причинил семьям, чьи дети ушли из дома.

— Как видите, — заключил Омер с улыбкой большой белой акулы, — мы хорошо, очень хорошо подготовились к поединку с Христом из Обрака! Мы надеемся на встречу с вами 24-го, ровно в девять, на том же канале, привет и до скорого!

Опасные импульсы в голове Матиаса, посетившие его в самом конце передачи, исходили не от «чужака», завладевшего его мозгом, как это произошло в «Смальто».

Матиас оказался слишком быстрым для Рыси, оцепеневшего от ужаса: он выхватил глок из кармана куртки, опередив Романа ровно на секунду. Матиас дважды нажал на курок — одна пуля в горло, другая в сердце, кинулся к двери, петляя между столиками и опрокидываемая стулья. Он надеялся, что Джем не вмешается, но вышибала заступил ему дорогу, размахивая пушкой. У Матиаса не было выбора — он влил ему пулю промеж глаз, перепрыгнул через бившееся в агонии тело, толкнул дверь и вывалился на улицу.

Ночь, его мать и любовница, укрыла Матиаса крылом от чужих взглядов. Только отдышавшись за дверью маленькой квартирки на бульваре Мажента, он спросил себя, почему «чужой» приказал ему убить Романа и — главное — почему он подчинился, ведь Рысь не сделал ему ничего плохого, больше того — их даже связывала своего рода корпоративная солидарность.

С тех пор «чужой» никак себя не проявлял. Матиас начинал думать, что, использовав его для устранения желтоглазого румына, он навсегда убрался из его головы. От этой мысли Матиас испытывал невероятное, почти космическое счастье: «голос» не мешает ему забрать Хасиду из больницы и отвезти ее на встречу с Христом из Обрака на подземной стоянке здания Гё/ё *Max*. «Международный джихад» тоже не подавал признаков

жизни, и Матиас, наплевав на советы Блэза, продолжал каждый день посещать клинику Субейран.

— Вы можете зайти, — сказала появившаяся в дверях палаты медсестра. — Я закончила. Я слышала, как вы разговариваете с ней — не слова, только звук голоса. Это не доказано, но врачи считают, что регулярный контакт с родным голосом помогает некоторым выйти из комы. Я тоже с ними говорю, когда мою, но у нас нет общей истории, нет прошлого, а это не одно и то же.

Женщина была настроена поговорить и не могла остановиться, но потом наконец вспомнила, что у нее еще гора работы, и поспешно удалилась по коридору. Матиас вошел в палату, подошел к кровати и отдернул простыню. На Хасиде была дешевая хлопчатобумажная рубашка — такое белье надевают на пациентов практически во всех клиниках, а потом выбрасывают, как использованный одноразовый шприц. Ее кожа показалась Матиасу очень белой — возможно, из-за холодного света, просачивавшегося в помещение из окна. Лицо Хасиды было таким умиротворенно-расслабленным, что Матиас вдруг засомневался, имеет ли он право вытягивать ее на поверхность мучительной реальной жизни. Он решительно отогнал сомнения: они не смогут быть вместе, если она останется в коме, и у человечества не будет шанса избежать наказания. А с другой стороны, стоит ли позволять людям и дальше неумоимо разрушать планету? Может, пора позволить Земле заселить себя гvіeНее вредоносными формами жизни?

Сомнения улетучились, как только он снял с Хасиды рэубашку и достал из спортивной сумки одежду. С невероятным трудом ему удалось натянуть на нее брюки и *кл&шу* — тело безвольно заваливалось то в одну, то в другую сторону, стоило ему отпустить руки. Обуздав расхажившиеся нервы, Матиас довел дело до конца и поднял Хасиду с кровати — она оказалась неожиданно тяжелой. Перехватив тело поудобней, Матиас несколько минут прислушивался к звукам, доносившимся из коридора, и наконец вышел. В этой части клиники, где

лежали только живые мертвецы, редко бывало многолюдно. Как говорила медсестра, посетителям быстро надоедало беседовать с больными, которые никогда не отвечали, не реагировали ни на цветы, ни на шоколадку.

Он пошел не направо, как обычно, а налево, к маленькому служебному лифту: сев в кабину, можно было попасть прямо к пожарному выходу. Судя по густому слою пыли, им давно не пользовались.

— Эй, вы! Куда это вы направились?

Матиас услышал за спиной стук каблучков, почувствовал запах духов, смешанных с потом, и опознал медсестру прежде, чем она догнала его и заступила дорогу, гневно морща нос и лоб. Женщина ткнула ему в нос сумку, которую он бросил в палате.

— Вы отдаете себе отчет в том, что делаете?

У Матиаса появилось желание положить Хасиду на пол, достать глок и «решить проблему»: пуля в голову — и путь свободен. Но эта простая женщина ему даже нравилась, и он решил попробовать другой путь.

— Вы слышали о Христе из Обрака?

Она судорожно кивнула, встряхнув седыми волосами, тихо звякнули серьги — широкие цыганские кольца.

— Говорят, этот человек творит чудеса, и сегодня он будет в Париже. Я только хочу показать ему Хасиду и обещаю — если ничего не выйдет, я верну ее в клинику.

— Меня обвинят в профессиональном преступлении, если случится несчастье. Эта история может стоить мне работы.

— Для нее это единственный шанс поправиться, сами знаете. Вы мне часто говорили, что не одобряете терапевтических мучений, разве не так?

— Возможно, но моя работа...

— Вы меня не видели и ничего не знаете. Дайте мне десять минут, а потом поднимайте тревогу.

Она покусывала нижнюю губу, переминаясь с ноги на ногу.

— Даю вам четверть часа, — сказала она наконец, глядя куда-то в пустоту. — В ответ окажите мне одну услугу: если этот Христос ее вылечит, я хочу увидеть вашу девушку, услышать ее голос.

Матиас что-то невнятно пробормотал, соглашаясь, и продолжил свой путь к лифту. Он не обернулся — ни нажимая на кнопку, ни садясь в тесную кабину, но в последнее мгновение перед тем, как закрылась дверь, увидел застывшую в нерешительности женщину.

* * *

Матиас черепашьям шагом продвигался под проливным дождем по окружной. Он целый час добирался от ворот Баньоле до ворот Берси, застряв в левом ряду и не имея возможности срезать путь через центр Парижа, хотя из-за закрытия набережных в езде *intra muros* тоже наверняка мало хорошего. Водители давали выход своей ярости, изо всех сил давя на клаксоны. Некоторые в отчаянии выглядывали в окна, как пассажиры корабля, медленно погружающегося в пучину вод, Другие на каждом метре дороги рывком трогались с места и тут же резко тормозили, шепча беззвучные ругательства.

Матиас считал пробки верхом человеческой глупости. В зрелище вереницы машин, суетящихся и мешающих друг другу проехать, было что-то по-детски забавное. Ему казалось бессмысленным и само преклонение человека перед машиной. Из-за автомобиля человек не только уродовал природу, прокладывая серые ленты дорог через леса и поля, строя в городах подземные стоянки, похожие на ядовитые цветы, нагромождая смятые жестянки ставших ненужными четырехколесных друзей на автомобильных кладбищах и ежесекундно отравляя воздух ядовитыми выхлопами углекислого газа, но и лелеял своих личных демонов, подогревая жажду власти и подчинения. Любовь и привычка к езде на машине была чем-то сродни пристрастию к наркотикам.

Матиас взглянул на Хасиду: она сидела, пристегнутая ремнем, на пассажирском месте и, казалось, мирно спала. Чистое лицо любимой на время примирило его с остальным человечеством. Если Христос из Обрака согласится ее исцелить, у человечества останется шанс.

Нетерпеливый гудок за спиной приглашал Матиаса немедленно преодолеть просвет в пять метров, образовавшийся между ним и шедшей впереди машиной. Он с трудом удержался от неприличного жеста — сейчас не время светиться, срывая зло на нетерпеливом кретине-автовладельце. Машина, которую он угнал, — белая «Рено-клио», была банальна до невозможности — хозяин даже не потрудился ее запереть, но не стоит затевать ссору, которая может плохо кончиться и привлечь к нему внимание.

Около двенадцати Матиас оказался у здания Гё/ё *Max* — у него ушло три часа на отрезок пути между клиникой Субейран и парком Андре-Ситроен. Несмотря на ливень, в XV округе царил непривычное оживление. На бульваре было полно машин и прохожих. Многие были одеты по моде новых кочевников — Матиас видел их по телевизору, но в их присутствии на улицах столицы было нечто эксцентричное, словно амазонские джунгли каким-то чудом материализовались в великом каменном асфальтовом храме, имя которому — Париж. Новые кочевники шли к зданию телекомпании, не обращая внимания на дождь, чтобы встретить Христа из Обрака.

Метров за двести-триста от стеклянной башни Матиас попал в безнадежную пробку. Увидев на дороге людей, кативших инвалидные коляски, он решил бросить машину и пройти оставшийся путь пешком, неся Хасиду на руках. Он закутал ее в плед, валявшийся на заднем сиденье, и присоединился к остальным. Сзади раздавалось возмущенное бибиканье водителей, застрявших перед его белой «клио», но Матиас даже не обернулся, и метров через двадцать на него перестали обращать внимание.

Тысячи людей стояли вокруг штаб-квартиры Тёё Мах. На бульваре и прилегающих улочках выстроились ряды инвалидных колясок. Матиас даже собирался дожидаться прохода Христа из Обрака, надеясь на чудо, но чем ближе он подходил, тем труднее становилось прокладывать дорогу, люди свирепо боролись за каждый отвоеванный сантиметр территории. В Матиасе видели конкурента, способного отнять шанс на чудесное исцеление. Он промок до костей, руки занемели от тяжелого груза, он без конца натыкался на чужие зонты и, несмотря на все свое упорство и терпение, двигался безнадежно медленно: приходилось время от времени останавливаться, чтобы перевести дыхание и размять руки. Несколько раз он едва не уронил Хасиду. Наконец поток вынес его к кафе, откуда он несколько недель подряд наблюдал за стоянкой. Хозяин закрывал заведение: глаза за дымчатыми стеклами очков выражали решимость пожертвовать дневной выручкой, но не позволить чокнутым обожателям Христа обтирать голыми задницами его стулья.

Метров за десять до въезда на стоянку толпа натыкалась на тройное металлическое ограждение, позволявшее машинам объезжать бульвар по свободной стороне. Расталкивая толпу плечами и локтями, Матиас добрался до первого ограждения. Вслед ему неслись проклятья и оскорбления. Совершенно выбившись из сил, он усадил Хасиду на поручень, привалив ее к себе, чтобы не упала, вытер лоб и глаза. За темной завесой дождя он разглядел силуэт охранника в будке.

Если они останутся в этой толпе, у Хасиды не будет ни малейшего шанса на милость чудотворца. Устроители не станут рисковать, опасаясь смертельной давки и побоища, и принудят Ваи-Каи выбрать другой путь в здание. Даже если бы он и прошел здесь, больных было слишком много, и он не смог бы исцелить их за такое короткое время.

Выход у Матиаса был один — преодолеть десять метров открытого пространства, отделявшие его от въезда

на парковку. Учитывая обстоятельства, десять метров — даже под прикрытием дождя — были огромным расстоянием. Со всей энергией последней отчаянной надежды он подавил панику. Ему обязательно выпадет шанс пробраться туда — рано или поздно, так всегда случалось во время его ночных вылазок. Небо было серым и низким, его сообщница ночь скоро опустится на землю и откроет ему проход.

Полицейские в жилетах ярко-желтого анилинового цвета сто раз проверили приглашение Марка на пути от бульвара к подземной стоянке *Tele Max*.

На другой стороне, по периметру, разгороженному металлическими барьерами и оцепленному спецназовцами в касках с дубинками в руках, стояла огромная толпа. Люди много часов терпеливо ждали под проливным дождем, им и на мгновение не приходило в голову, что у них нет ни малейшего шанса увидеть Духовного Учителя. *Tele Max*, не желая рисковать, послал за ним в Версаль лимузин и охрану. Ничто не должно помешать Ваи-Каи попасть на передачу Омера — и уж конечно не толпа его безумных сторонников. Бронированный лимузин с затемненными стеклами привезет гостя на подземную стоянку здания, там его встретят и проводят прямо в студию ток-шоу.

Од Версан по секрету сообщила Марку, что канал получил полную поддержку властей XV округа и мэрии Парижа. Подобные меры предосторожности принимались вовсе не для того, чтобы защитить жизнь Духовного

Учителя — канал хотел обезопасить себя и передачу. Макс Ангресо понадобилось сделать всего несколько звонков влиятельным приятелям, чтобы добиться того, что злые языки — каналы-конкуренты — называли беспрецедентно наглыми льготами.

После встречи с Од Версан Марк провел небольшое расследование: прежде чем выкупить канал-банкрот, вывести его в число грандов европейского телевидения и успешно влезть в американскую сеть, Макс Ангресо продавал оружие. Деньги он сделал, торгуя с африканскими странами. Он так или иначе участвовал во всех государственных переворотах, сотрясавших Западную Африку, был одним из творцов убийственной политической нестабильности в регионе, замешанным во множестве политических и финансовых скандалов. Выйдя из дела, он занялся *спортивным бизнесом*, создав сеть оздоровительных центров, которые потом выгодно продал инвесторам из Персидского залива. У Макса Ангресо осталось много влиятельных друзей-политиков — злые языки конкурентов болтали, будто он раздал невероятное количество взяток правым и левым, чтобы занять союзников в том и другом лагере. Ко всеобщему изумлению, Высший совет по надзору передал Гё/ё *Max* — убыточный государственный канал — именно Макс Ангресо, обойдя других — более профессиональных и уважаемых — претендентов. Макс Ангресо был деспотичным мерзавцем с инстинктами и интуицией хищника: он легко нарушил торжественную клятву сохранить творческий коллектив и уволил всех прежних сотрудников. Фирменным знаком его канала стала гремучая смесь провокации, вульгарности и развлекухи, что быстро принесло свои плоды — рейтинг у канала стал запредельным. Если кто-то из судей начинал вдруг от нечего делать цепляться к этому человеку, он мгновенно оказывался в какой-нибудь отдаленной провинции, а то и на заморской территории — тем хуже для тех, кто все еще верит в принцип разделения властей.

По мнению анонимных информаторов Марка, идея пригласить Ваи-Каи на передачу безусловно была подсказана министром внутренних дел на охоте в Солони. Именно там впервые зашла речь о растущей угрозе, исходящей от движения новых кочевников, и было принято решение: лучше и легче всего будет дискредитировать Христа из Обрака, пригласив его на ток-шоу Омера. Макс Ангресо согласился тем охотнее, что мгновенно оценил всю выгоду, которую сможет извлечь из этой операции лично для себя.

Од Версан призналась Марку, что голосование телезрителей в конце передачи — полная туфта, о результатах договариваются заранее, в интересах той или другой группы влияния. Марк не знал, почему она вдруг так разоткровенничалась, возможно, захотела разделить с кем-нибудь тяжкий груз нечистой совести. Она, конечно, взяла с Марка клятвенное обещание не разглашать полученные от нее сведения в газете, но это была опасная игра. Од Версан была чем-то похожа на тех пожарных-пироманов, чья задача — борьба с огнем, она несколько минут наслаждалась той странной властью, которой наделяет человека знание тайны. Помощница Омера даже выдала Марку приглашение на ток-шоу Омера. Он даже спросил себя — о, мужское тщеславие! — не увлекает ли она его. Их беседу прервала ворвавшаяся в комнату продюсерша Марита Кёслер. Марк помнил ее как женщину сухую, властную, всегда играющую по правилам жестокого мира телевидения.

Перед тем как въехать на стоянку, он бросил короткий взгляд на плотную молчаливую толпу, мокнущую под дождем за ограждением. Его дочери находились где-то в гуще этого людского моря, которое все прибывало и прибывало. Тоня, его старшая, сказала накануне по телефону, что они с ребятами пойдут к зданию Гё/ё *Max*, чтобы увидеть Ваи-Каи, на сайте в Интернете вывесили возможный путь его проезда из Версаля в Париж. Он попытался отговорить дочь:

— Там будет слишком много народу, вы ничего не увидите, к тому же на завтра обещан сильный дождь, будет много других возможностей...

Он осекся, не договорив. Возможно, другого шанса не будет, в стенах *Tele Max* Ваи-Каи ожидало не только унижение и общественное осуждение, но и приговор, который немедленно приведут в исполнение.

Когда Марк остановился у будки охранника, чтобы предъявить приглашение, толпа снесла ограждения и хлынула на бульвар. Спецназовцы попытались восстановить порядок, но их мгновенно смяли. Сотни людей оказались на освободившемся пространстве, дубинки обрушивались на головы и спины, слезоточивый газ смешивался с дождем и кровью, капал в лужи.

— Назад, черт бы вас побрал! Мне приказали никого не пускать, пока все не успокоится!

Охранник, крупный мужик лет тридцати, вернул Марку приглашение, отодвинул загородку и наклонился к щитку. Он отвлекся всего на несколько секунд, но Марку показалось, что какие-то тени проскользнули за машинами и скрылись на стоянке. Горстка смельчаков решила воспользоваться ситуацией, чтобы пробраться внутрь. Охранник был слишком занят, чтобы следить за экранами видеонаблюдения. Проезжая, Марк видел в зеркале, как человек в униформе без сил опустился на стул.

•к -к *

Скоро должны были начаться первые репетиции, и участники передачи стали рассаживаться по местам. Как это всегда бывало при посещении телевидения, Марк поразился, как сильно различались лицо и изнанка студии. Ему пришлось пробираться по пустой площадке, где по полу змеились провода, валялись какие-то деревянные, куски фанеры и пластика. Потом он прошел под нагромождением стропил и переключин и оказался на площадке: «фирменные» кричащие цвета шоу Омера

гармонировали с ярким костюмом и огненно-рыжей шевелюрой ведущего. Целая армия рабочих лошадок суетилась вокруг пустых стульев и камер. Марк заметил Од Версан и Мариту Кёслер — они что-то бурно обсуждали в углу за декорацией. Обе курили, несмотря на развешанные повсюду таблички со строгой надписью «Курить строго воспрещается!». Марк с трудом поборол желание достать сигарету: что позволено одним, не всегда можно другим, а он не хотел привлекать к себе лишнее внимание. Он устроился на одной из скамей наверху рядом с женщиной, чьи загар, удобка, платье, прическа и массивные золотые брелоки сразу выдавали жительницу XVI округа или Нейи. Она окинула Марка оценивающим взглядом, решила, что он не из ее курятника, и утратила всякий интерес.

Репетиции начались за полтора часа до начала передачи. Под репетицией понималось выступление клоуна-распорядителя, который должен был разогреть зал, научить публику аплодировать в строго определенные моменты и только по его команде, смеяться — как можно громче — шуткам Омера. Кроме того, избранные счастливчики, ведь это великая честь — быть приглашенным на самую популярную передачу французского телевидения всех времен и народов, надеюсь, все это понимают? Дааааа. А? Не слышу? А ну-ка, громче! ДААААА. Так-то лучше... Так вот, дамы и господа, не забудьте облегчиться до начала передачи, особенно вы, дамы, вечно с вами всякие сложности, ха-ха-ха... Что? Не слышу! Громче! ХА-ХА-ХА-ХА-ХА... Потом будет поздно. И не ковыряйте в носу, не зевайте и не чешите яйца, поняли, господа? Что? Не слышу! ХА-ХА-ХА! Никогда не забывайте, что камера может в любой момент вас застукать, покажет крупным планом — и что тогда скажет ваша бедная мамочка, или соседи, или коллеги, что о вас подумают? И не вздумайте запустить руку за корсаж соседки, поняли, господа? Ха-ха-ха... Громче! ХАХАХАХА.

Соседка Марка изо всех сил хлопала, когда публику просили аплодировать, радостно хохотала, если давали

команду смеяться, свистела и улюлюкала за милую душу, получив приказ выразить неодобрение. Забыв о манерах великосветской дамы, она становилась девчонкой, радующейся представлению в театре Гиньоль. Она была не одинока: публика, за исключением зрителей двух первых рядов — это были все сплошь улыбающиеся девицы в телегеничных декольте, — состояла сплошь из богатых бездельниц, и все они прекрасно себя чувствовали на судилище Омера. О-о-о, они обожали этого эксцентричного дьяволенка, он такой мииилый! Эти люди пришли, чтобы поприсутствовать на распятии Христа, как когда-то буржуазки толпились у подножия эшафотов, наслаждаясь зрелищем казней. В море шелестящего шелка, блеска драгоценностей и аромата дорогих духов попадались и мужчины в строгих костюмах, но их было немного.

Марк в который уже раз спросил себя, все ли в порядке с его дочерьми, не затоптала ли их разбушевавшаяся толпа. «Бывшая № 1» не знала, что они отправились на встречу учеников Ваи-Каи. Она бы поразилась, узнав, что вся ее маленькая семья — не только дочери, но и бывший муж (спорадически исполняющий роль любовника!) — отправилась на встречу с «этим мошенником из Обрака, новым Жеводанским чудовищем». «Бывшая № 1» лелеяла свою душевную несчастьность в маленьком домике в парижском предместье и скорее всего сидела сейчас перед телевизором, как три четверти населения страны. Возможно, то же самое думает и Шарлотта (кстати, она сдержала слово и после той ночи ни разу не появилась в его жизни!)?

— Вы из этих?

Хрипловатый голос соседки вырвал Марка из глубокой задумчивости. Она смотрела на него с настойчивым любопытством, как исследователь-этнолог, встретивший на неизведанной земле достойного внимания дикаря. Он вдохнул полной грудью запах ее дорогущих духов.

Натянута кожа лица, обрамленного белыми локонами, резко контрастировала с морщинистой шеей. Пластическая хирургия.

— Простите?

— Из учеников этого не-разбери-поймешь, Христа из Обрака?

Она обвела рукой сцену.

На них оборачивались другие приглашенные, в их взглядах Марк читал подозрительность.

— Учеником я себя назвать не могу, — ответил он, — но такая вот, с позволения сказать, охота мне не по душе.

— А кто говорит об охоте? — удивился седой господин, сидевший среди дам. — Мы просто должны поставить на место этого шарлатана и его приверженцев.

— Если поставить на место всех шарлатанов, на земле и людей-то не останется...

Появление первых гостей не дало спору разгореться. Площадка изображала зал суда: справа — семь кресел для полемистов, в центре — «скамья подсудимых», узкий стул, на котором человек очень быстро начинал чувствовать себя неудобно, и, наконец, слева — подиум, где восседали Омер и его ассистентка.

Марк поежился, узнав гладкий череп и очки *ВЖН*. Он знал по газетам список приглашенных, но появление бывшего патрона во плоти на этом нелепом судилище напомнило, что ему в скором времени предстоит суд настоящий, схватка за собственные интересы.

Неделей раньше Марку позвонил адвокат, чтобы заявить об отказе от дела.

— Понимаете, старина, вы скрыли некоторые детали, которые могли бы помочь мне лучше понять характер ваших разногласий с «*EDV*»...

Наглое вранье. Профсоюз приказал адвокату выйти из дела, и причиной тому — заключенное с *ВЖН* перемирие. Чтобы вернуть утраченную власть, профсоюзникам как воздух была необходима поддержка «живого символа свободной журналистики», поэтому следовало чем-нибудь пожертвовать. Профсоюз решил «отдать» опального журналиста, на время взятого под крылышко. Марк решил защищаться самостоятельно — закон предоставлял ему такое право — и с головой погрузился

в изучение прецедентов. Он не узнал ничего нового, но освежил в памяти законы, на которые собирался ссылаться, и надеялся выступить при разбирательстве на равных с адвокатом «EDV».

Марк узнал Мишель Аблер, психиатриню, у которой лет десять назад брал интервью в рамках расследования деятельности новых школ психоанализа. Она мало изменилась, разве что в коротко стриженных волосах появилось несколько седых прядей. Мишель была все так же похожа на паучиху в своем черном костюме, с бесконечно длинными конечностями и гипнотическим взглядом темных глаз. Низкий голос психиатра так действовал на Марка, что он во время разговора только и делал, что боролся с растущим желанием. Она об этом, конечно, знала и довольно улыбалась, но Марк тогда переживал странный период жизни, воображая, что может обладать каждой встреченной им женщиной (к счастью, со временем эта навязчивая идея прошла). Остальных экспертов Марк тоже знал — лично или понаслышке: Пьер Эстерель, биолог, убежденный сторонник генной инженерии; монсеньор Дюкаруж, официальный представитель французского епископата; Жак Манделье, депутат-социалист, председатель Наблюдательного совета по контролю за деятельностью сект; Жан-Эрик Шолен, генеральный директор «Альфаком». Единственной незнакомкой была дама, приглашенная говорить от имени семей, пострадавших от ваикаизма. Она не слишком уютно чувствовала себя в новом платье, явно купленном специально для передачи. В женщине была застенчивая и неловкая гордость крестьянки, на глазах превращающейся в королеву голубого экрана.

Шепотусилился, когда на площадке появились Омер с помощницей, Ваи-Каи и молодой человек в очках (Марк видел его на меловом холме в окрестностях Манда). Трудно было вообразить людей менее совместимых, чем разряженная парочка телеведущих и Духовный Учитель, чем-то неуловимо напоминавший Ганди. Омер отправился поприветствовать экспертов, а его помощница

подвела Ваи-Каи к стулу в центре сцены, где техник устанавливал микрофоны. Молодого человека в очках усадили в первый ряд между красотками в декольте. Клоун-распорядитель занял свое место и поднял над головой первую табличку, призывающую публику аплодировать.

Шлепшлепшлепшлеп... Что-что, не слышу? Шлепшлепшлепшлеп... Уже лучше! Еще! ШЛЕП ШЛЕП ШЛЕП... Ладно, ладно, хватит, оставим немного на потом... ХАХА ХАХАХА.

Когда Омер и его соведущая вернулись наконец на эстраду, голос ведущего прозвучал как Глас Гневающегося Божества, и обстановка в студии мгновенно наэлектризовалась. Наверху, над залом, стояли сотрудники канала, наблюдая за происходящим на «ристалище». Духовный Учитель сел по-турецки на предложенный ему стул, нисколько не озаботившись эстетическим изображением. Он выглядел маленьким и хрупким в свете прожекторов, подогревавших душную атмосферу студии. Гладкие черные волосы обрамляли бесстрастное лицо.

Марк вспомнил трагические глаза Пьеретты, стоящей перед камином на ферме в Обраке. Неужели она провидела этот страшный день, когда ее названного брата отдадут на растерзание журналистской братии, как бросают окровавленный кусок мяса своре голодных псов?

Распорядитель поднял вверх табличку, призывающую к молчанию. Напряжение усиливалось, воздух в студии сгущался, соседка Марка небрежным жестом одернула юбку, глухо звякнув браслетами. Эксперты не спускали с Учителя глаз: так смотрят боксеры на ринге за секунду до гонга, проводя психическую атаку.

— Заставка! — прогремел голос режиссера.

Разухабистая музыкальная заставка ток-шоу ударила по ушам публики, Омер в последний раз передернул плечами, разминая шею, и вот уже его лицо и огненная шевелюра появились крупным планом на вспомогательных экранах, встроенных в декорации.

— Добрый вечер, дамы и господа, добро пожаловать на передачу!

Бурное начало — фирменный элемент ток-шоу Омера. *Аплодисменты*, призывает табличка. Шлепшлепшлепшлепшлеп. *Громче*, умоляет распорядитель, отчаянно жестикулируя и строя рожи. ШЛЕП ШЛЕП ШЛЕП. Он поднимает палец, благодаря зрителей, и жестом призывает восстановить тишину.

— Как обычно, со мной сегодня в студии очаровательная Марианна. Ваши аплодисменты, дамы и господа!

На экране крупным планом появляется улыбающееся лицо молодой женщины — черт, до чего же она телегенична! А сиськи какие! Табличка, аплодисменты, команда дирижера, тишина...

Пока Омер представлял гостей в студии, Марк спрашивал себя, откуда появится убийца. Из разговоров с информаторами следовало, что Ваи-Каи не уйдет живым из здания *Tele Max*, но никому не удалось выяснить, какого именно убийцу наймут. У Марка теплилась слабая надежда, что он сумеет помешать казни, но из-за отсутствия точных данных рисковал сам получить шальную пулю в голову или разлететься в клочья при взрыве. А он, несмотря на все сложности, на издержки возраста и грозный призрак разорения, умирать не хотел.

Марк не чувствовал в себе призвания мученика.

ttrnm и

Люси и Бартелеми оказались в числе тех, кого вынесло на свободную сторону бульвара после того, как внезапно рухнуло металлическое ограждение. Рано утром они присоединились к ученикам, собиравшимся у здания *Tele Max*, чтобы выразить поддержку Духовному Учителю. Ббльшую часть дня они простояли под проливным дождем: одежду пришлось снять, чтобы выжать, а поскольку надевать мокрые тряпки было противно, они так и стояли полуголые на тротуаре: Люси была в тергалевых брючках, Бартелеми — в коротких джинсовых шортах. Большинство окружавших их людей были новыми кочевниками, так что их бесстыдство никого не возмутило. Промокшие до костей и голодные, они стояли в толпе перед ограждением, сдерживая напор людских тел. Так продолжалось до середины ДНЯ.

Накренившись, первое ограждение опрокинуло два остальных. Стражам порядка не удалось достаточно быстро закрыть брешь, толпа развернулась, как гигантская пружина, вытолкнув Люси и Бартелеми на пятак

между оцеплением спецназовцев и въездом на подземную стоянку. Они последовали примеру молодого блондина, который нес на руках бесчувственное тело, закутанное в плед: воспользовавшись остановившейся перед шлагбаумом машиной как прикрытием, они проникли внутрь, как только охранник отвлекся.

Они не пытались следовать за блондином в полумраке цокольного этажа. Бартелеми молча кивнул на камеры наблюдения, расположенные вдоль стены через каждые пять метров, и они спрятались за колонной, где ни одна камера их не доставала. Прижавшись друг к другу, они грелись, и вскоре ими овладело желание. Они занимались любовью сидя, обреченные на неподвижность и молчание. Время от времени до них доносился шум мотора, темноту прорезал свет фар. Тревожную тишину стоянки нарушал лишь звук тершихся друг о друга тел. Люси сдерживала стоны, загнав наслаждение внутрь. Люси растворялась в объятиях Бартелеми, уйдя так глубоко в космос своей души, что ей понадобилось какое-то время, чтобы унять яростно колотившееся сердце, восстановить дыхание и вернуть ясность мыслей.

Влажный воздух был пропитан парами бензина и разогретого моторного масла. В давке Люси потеряла майку, и Бартелеми предложил ей свою, выкрутив и разгладив на коленях. Она попыталась ее натянуть, содрогнулась от прикосновения мокрой ткани к коже и не стала одеваться. Последствия воскрешения постепенно проходили, и она постепенно становилась прежней Люси, той Люси, что всегда сомневалась, раздумывала, судила... Бывали моменты, когда возвращались былые страхи и пристрастия. Она должна была любой ценой вернуть себе то восхитительное умиротворение, которое заливало ее душу все предыдущие недели, отпустить тормоза, отдаться настоящему, переживая тот потрясающий опыт, который предлагала ей космическая паутина. Прежняя Люси боялась жить рядом с человеком — с юношей, — зарезавшим мать, сестру и отца. Космическое полотно жизни предлагало ей идти рука об руку

с Бартелеми по пути искупления, но она опасалась, что ей не хватит сил, великодушия, сострадания. Прежняя Люси думала, что, возможно, ее долг заключается в том, чтобы выдать Бартелеми полиции, навсегда лишив его возможности вредить себе и окружающим. Но мир менялся, люди покидали свои дома, бросали нажитое добро, отказывались от привычек, прежние ценности растворялись в потоках дождя, перед человечеством открывалась дверь в мир всех возможностей, в мир настоящего.

Бартелеми ел теперь за четверых, лицо у него округлилось, иногда — очень редко — он смеялся, как мальчишка, и проявлял к ней такую невероятную нежность, какой она не видела ни от одного из прежних любовников, хотя они и не были убийцами.

Люси старалась не слушать себя прежнюю, пыталась видеть Бартелеми таким, каким он стал, но прежние мысли возвращались и терзали ей мозг, нашептывая, что он нарушил главную заповедь: «Не убий».

Ты больше не будешь убивать.

И все-таки она его любила — любила быть с ним, вдыхать его запах, прикасаться к его коже, чувствовать нежность рук, умелость языка, любила заниматься с ним любовью и чувствовать внутри себя его горячий сок...

— Черт, это что еще такое...

На стоянке внезапно погас весь свет. Шепот Бартелеми угас в тишине, которая из-за полной тьмы казалась почти материальной.

— Авария с электричеством, — сказал он через несколько секунд, — надо этим воспользоваться и смыться отсюда.

— А если автоматическую дверь заклинило?

— Наверняка можно пройти через здание...

— В таком-то виде? Они вышибут нас под зад коленом!

— А нам того и надо.

Люси хихикнула: ну, если так посмотреть...

— Я все-таки оденусь. На всякий случай.

Она натянула брюки и майку, вздрогнув от омерзения, — одежда так и не просохла. Бартелеми взял ее за руку и потянул за собой во мрак парковки. Они почти ничего не видели перед собой: колонны, стены, капоты машин возникали из темноты как серые застывшие призраки. Они шли на свет фонаря в конце прохода, вокруг что-то шуршало, скрипело, скрежетало и шелкало, в бетонном чреве парковки булькало и воняло.

Люси всегда была чистюлей, но сейчас ей даже нравилось ощущать на коже сперму Бартелеми — это напоминало острое наслаждение, которое она недавно испытала.

В слабом свете настенного фонаря они увидели перед собой стальную дверь на шарнирах — скорее всего, запасный выход. Открыв ее, они попали в полутемный коридор, который вывел их к лестнице. На площадке обнаружилась вторая дверь, но без ручки — очевидно, с этой стороны ее никогда не открывали. Бартелеми присел на корточки, подsunул пальцы под дверь, потянул на себя, приоткрыл и вставил в щель ногу, чтобы не захлопнулась. Они прошли через пустую темную комнату и оказались в следующей, где был свет, а вдоль стен стояли металлические шкафы. Одежда и обувь навалом лежали на полках: голубые рабочие комбинезоны, вечерние платья, расшитые блестками и пайетками, забавные шляпы... Все это явно лежало здесь очень давно, судя по слою пыли и нафталина. Они выбирали одежду, хихикая, как дети: Бартелеми надел куртку и брюки, Люси — строгое черное мини-платье. Боясь, что их застукают, они ничего не примеряли, так что ярко-голубые тенниски не слишком подходили к бутылочно-зеленым брюкам Бартелеми, но сейчас было не до элегантности. Пройдя через анфиладу комнат, они поднялись по винтовой лестнице и попали в широкий коридор, приведший их в темный холл, где перед большими телевизионными экранами толпились люди.

Никто не отреагировал на появление Люси и Бартелеми перед одним из экранов. Взгляды всех присут-

ствующих были устремлены на Омера, метавшегося по площадке: его рыжие волосы дыбом стояли на черепе.

— Посмотри, — прошептал Бартелеми на ухо Люси, — это Ваи-Каи.

На экране появилось лицо Духовного Учителя. Контраст между его гармоничным спокойствием и нетерпеливым раздражением Омера был разительным.

— Черт, да когда же он заговорит, этот придурок?! — проворчал мужчина в тенниске, сидевший на складном стуле. — Он погубит передачу! Рекламодатели нас сожрут!

Люси передернуло от его тона. Как смеет эта сволочь так говорить о человеке, вернувшем ее из мира мертвых, открывшем для нее дверь дома всех законов, позволившем приобщиться к величию мира двойной змеи! Она едва сдержалась, чтобы не выплеснуть свой гнев в лицо мужчинам и женщинам, для которых важно было одно — доход, прибыль, этим храмовым телемениям, подсевшим на иглу телерейтинга.

— Так-так-так, — проверещал явно растерявшийся Омер. — Поскольку наш гость выбрал стратегию молчания — и это его право! — я передаю слово Мишель Аблер, психоаналитику, известному специалисту по психокодированию. Объясните же нам, мадам, как можно объяснить чудеса, являющиеся фирменным знаком Христа из Обрака?

Лицо психиатрини, обрамленное короткими черными, с проседью, волосами, со ртом, похожим на шрам (или на нож гильотины), было суровым и высокомерным. Она ощущала себя Хранителем Верховного Знания.

— Воздержимся от упрощенных объяснений, — ответила она низким, хорошо поставленным голосом. — Поговорим лучше о столкновении между чаяниями и надеждами утративших веру людей и ловким манипулированием их сознанием со стороны жаждущих власти мерзавцев. А попросту говоря, между дичью и хищником. Молчание этого человека — короткий крупный план Ваи-Каи, — его спокойствие и видимое бесчувствие целиком

и полностью укладываются в стратегию манипулирования. Это совершенно очевидно.

— Однако, уважаемая мадам Аблер, это не объясняет многочисленных свидетельств людей, заявляющих, что их исцелили от...

— Вот именно — *заявляют*! Но, возможно, эти *псевдочудомисцеленные* придумывали себе *псевдоболести*, чтобы пережить *псевдоисцеление*, потакая — душой и телом — собственным ложным верованиям? О, я, конечно, говорю не о сознательном, рассчитанном обмане, я имею в виду иллюзию, заблуждение, сотворенное под сознанием...

— А она хороша, эта докторесса, изъясняется ясно, не умничает, — прокомментировала женщина, присевшая на ручку кресла. С нижней губы у нее свисал окурочек.

Люси нестерпимо захотелось курить, она подошла и попросила сигарету. Женщина, не глядя, протянула ей пачку и коробок спичек.

— ...подавленные желания, ключ к подсознанию.

— Но речь идет о случаях якобы исцеления гемиплегии и паралича, — вмешалась соведущая Омера. — Нельзя же все эти болезни записать в мнимые.

— Говорят, рассказывают, по слухам... Слух — вот главный союзник манипуляторов. Я лично никогда не встречала людей, излечившихся от гемиплегии или паралича, и готова поспорить, что никто из присутствующих в этой студии тоже с таковыми не знаком...

Люси прикурила сигарету. Никотин ударил в голову, ноги сразу стали ватными, ее затошнило. Она не курила весь день из-за дождя, превратившего сигареты в кармане брюк в кашу. Была и еще одна причина: с тех пор как Духовный Учитель вернул ее «с той стороны», она все хуже и хуже переносила вкус и запах табака. Она сделала еще несколько затяжек и передала сигарету Бартеlemi.

— Благодаря Интернету слухи распространяются с планетарной скоростью, тысячи единиц информации

бесконтрольно гуляют по миру. И легче и быстрее всего распространяются слухи о чудесах. Кстати, как и компьютерные вирусы. Современный вариант гремучей смеси веры и страха, Бога и дьявола. Мы полагали, что возвели царство разума и света, но всемирный успех таких особей, как этот господин — наезд камеры на Ваи-Каи, — доказывает обратное: люди в большинстве своем любят собственные заблуждения и не желают расставаться с предрассудками.

Люси обменялась с Бартеlemi красноречивым взглядом: как может эта жрица психоанализа утверждать подобные вещи перед миллионами телезрителей? Почему Омер не пригласил на передачу чудом исцеленных? Мишель Аблер заявляет, что не встречалась с такими людьми, но она, Люси, видела десятки больных, исцеленных Учителем. Она сама готова поклясться перед всей Францией, что марсельский бандит пробил ей череп бейсбольной битой, а после вмешательства Ваи-Каи она очнулась целой и невредимой. Это не слух, не верование и не предрассудок, а факт! ФАКТ!

— Хотите ответить? — спросил ведущий у Ваи-Каи.

Лицо Учителя крупным планом. Он продолжает молчать.

— Ну, давай же, Омер! — закричал чей-то голос в холле. — • Потряси его, пусть раскроет наконец пасть!

— Напоминаю вам, господин маленький Иисусик из Обрака, ха, ха, ха, что в конце передачи зрители будут голосовать, — проскрежетал Омер, страшно гримасничая. — Вы сами себя наказываете, отказываясь защищаться. И уж поверьте мне, наши друзья, которые нас смотрят, не преминут вас распять, ха, ха, ха!

Камера наезжает на Ваи-Каи. Люси показалось, что она прочла в его глазах и улыбке иронию. Он делал сейчас именно то, что проповедовал своим ученикам: молчал в ответ на оскорбления. Его спокойное молчание и неподвижность резко контрастировали с возбуждением и нервозностью его противников, в том числе

Омера, чьи попытки шутить, чтобы оживить гибнущее шоу, пропадали втуне.

— Оставайтесь с нами, мы вернемся сразу после рекламы.

Дикое звучание и кричащие краски рекламы наводили на мысль о шляпе фокусника, обожравшегося ЛСД. Люди разошлись по холлу, и Бартелеми тут же уселся в пустое кресло. Люси подошла к стеклянной стене. Со второго этажа здания открывался полный обзор бульвара. Вид толпы, собравшейся на подступах к зданию, потряс ее. Спецназ оттеснил людей назад, заменив непрочные металлические ограждения барьером из синих полицейских машин с зарешеченными окошками. Над темным морем человеческих голов яркими лепестками расцветали зонтики.

Вокруг нее шумные ничтожества комментировали передачу, от исхода которой могла зависеть вся дальнейшая судьба канала, — так, во всяком случае, поняла Люси по обрывкам долетавших до нее фраз. Сотрудники *Tele Max*, молодые мужчины и женщины — всем было от двадцати пяти до тридцати пяти лет, — рассуждали, как солдаты армии, готовой обрушиться на мир всей своей мощью. Стратегия, нападение, завоевание, контроль, оккупация, защита... Именно эти слова чаще всего слетали с губ присутствующих. Они разделяли все ценности компании, они говорили на языке компании, они бились за медиабудущее, пересмотренное и исправленное компанией.

Они ненавидели Христа из Обрака, который своим молчанием посылал к черту лучшую передачу канала. Омер утратил свой привычный апломб, Омер тонул, рейтинг падал с самого начала передачи, рекламодатели высказывали недовольство и требовали снижения тарифов. Омер должен был переломить ситуацию. Взорвать оцепенение, овладевшее аудиторией. Раздуть угли. Разворошить навозную кучу. Провоцировать. Оскорблять. Ругаться матом. Стать плохим мальчиком, которого все аббабают ненавидеть.

Громкая музыка заставки ток-шоу оборвала сладкий голосок актрисульки, расхваливавшей достоинства машины с откидывающимся верхом, — рынок кабриолетов серьезно пострадал из-за дождей, заливавших большую часть территории страны.

Люди вернулись к экранам. Бартелеми подвинулся, чтобы Люси могла сесть рядом с ним в кресло.

Смутное чувство тревоги не отпускало Йенна, но постепенно он расслаблялся и даже начал получать удовольствие от представления в студии. Ваи-Каи не проронил ни слова с самого начала передачи (Йенн не сразу понял, почему Учитель так странно себя ведет!), и телевизионный «Титаник» Омера шел ко дну. Все эксперты требовали слова одновременно, без конца перебивали друг друга, словно каждый считал, что только он сумеет спасти тонущее судно, — и маститый главный редактор *VJH*, и Мишель Аблер, и депутат Манделье, и Большой Босс Жан-Эрик Шолен, и монсеньор Дюкаруж, и даже профессор Эстерель, хорохорящийся, как петух, и Мартина Жорж, неизвестная телезрительница, Золушка прайм-тайма, с жадностью гиены защищающая свой кусок мяса, она повторяла, что ей плевать с высокой башни на все эти дерьмовые теории о новом кочевничестве, она-то *на самом деле* потеряла сына, невестку и двух внуков, — они разорились, стали дикарями, ну, почти дикарями, и вообще, значение имеют только горе многих и многих семей да страдание матерей,

а этот — гневный жест в сторону Ваи-Каи — бесстыжий наживается за счет своих учеников, и его надо отослать в настоящий суд, чтобы не вредил больше людям, а иначе, что ж, значит, во Франции больше нет правосудия.

В голову невольно приходила мысль о школьном дворе во время переменки или о переполохе в курятнике, куда забралась лиса. Крупные планы лица Духовного Учителя действовали как освежающий дождь. Осознавая губительное коварство такого контраста, режиссер все чаще останавливал взгляд камеры на мордашке помощницы Омера или декольте силиконовых курочек, сидевших в двух первых рядах.

— Как председатель Общества по борьбе с сектами хочу заметить...

— ...мы в «EDV» горды тем, что с самого начала вступили в борьбу с Христом из Обрака. Роль печатной прессы именно в том и...

— ...защитить семью! Без семьи, мсье, не будет общества. Ни пресса, ни телевидение, ни правительство не сумели...

— ...дайте же мне закончить, мадам, проявите хоть чуточку вежливости и терпения...

— ...вынужден внести хоть какой-то порядок в этот спор. Мы вернемся в студию после рекламной паузы.

Заставка. С площадки над декорацией ассистент, отвечающий за поведение публики, машет руками, как регулировщик на перекрестке, отчаянно вращает глазами. Не зная, к чему призывать публику — аплодировать или шикать, — он взглядом просит помощи у Мариты Кёслер и Од Версан — обе застыли в тени, за спиной оператора. Дамы не отвечают — им не до него, все их внимание приковано к невысокому смуглому обнаженному мужчине, сидящему по-турецки на скамье осужденных. Для передачи нет ничего вреднее молчания, неподвижности, обстановка должна быть шумной, светливой, шокирующей, провокационной, будоражащей зрителя! Если оставить его в пустоте, зритель переключится на другой канал, и ему там может понравиться,

и тогда рейтинг упадет и рекламодатели сбегут, а начальство сделает ставку на новый проект — еще более идиотский и безумный. Больше всего на свете продюсеры ненавидят свою зависимость от зрителей, это как в амфитеатрах римских цирков, на боях гладиаторов: палец вверх — жизнь, палец вниз — смерть! *Vox populi — vox dei*.

— Ку-ку, это снова мы, дамы и господа!

Распорядитель напрасно уродуется — аплодирует публика жидко.

— Как насчет чуда? Может, наш гость все-таки решился с нами побеседовать?

Омер поворачивается к Духовному Учителю, криво улыбается. Никакой реакции.

— Значит, чуда сегодня не будет — впрочем, как не было их и прежде, так надо понимать? Тогда давайте спросим человека науки, профессора Эстереля, что он думает о чуде как таковом и не является ли, по большому счету, генная инженерия современным чудом?

Пьер Эстерель пригладил волосы, одернул дорогой темный пиджак — только такие и подобает носить ученым высокого полета.

— Генная инженерия является по сути своей строго научным, поддающимся проверке методом. У нее нет ничего общего с чудесами. Генная инженерия успешно применяется в сельском хозяйстве, в ближайшем будущем она может значительно улучшить условия жизни людей по всему миру, с ее помощью мы сумеем побороть многие болезни, будем корректировать генные поломки, продлевать людям жизнь и даже молодость.

— Означает ли это, профессор, что вы выступаете против полной и совершенной естественности, за которую ратуют Христос из Обрака и новые кочевники?

— Полная абсурдность этой утопии Нью-Эйджа, которой так увлекались в 60-е годы, давно доказана! Человеку никогда не было в прошлом легче, чем в настоящем. Условия и качество жизни значительно улучшились

благодаря научно-техническому прогрессу. Те, кто утверждает обратное, бесчестные и опасные обманщики и спекулянты. Тем хуже для мифа о добром дикаре.

— А что вы ответите тем, кто бьет тревогу по поводу загрязнения окружающей среды, глобального потепления, изменения климата и истощения природных ресурсов?

Раздраженная гримаса профессора.

— Скажу, что пришествие генетики есть один из путей решения проблем, порожденных промышленной революцией...

— А кто же утешит семьи, мсье? Тоже ваша генетика?

Крупным планом полные слез глаза Мартины Жорж, олицетворяющей в эту минуту скорбь всех пострадавших французских семей.

— Психоанализ, — отвечает Мишель Аблер.

— Вера! — вмешивается монсеньор Дюкаруж.

— Вера? Религия? Да она ответственна за большинство преступлений против человечества!

— Я не могу позволить вам, мадам, говорить подобные вещи!

— фундаменталисты всех мастей — христиане, мусульмане, православные, индуисты...

— ...евреи...

— ...лежат в основе большинства конфликтов, которые...

— ...любые религиозные экстремисты часто скрывают политические и экономические цели, — бросает *ВЖН*, не переставая поглаживать голый блестящий череп.

— Надеюсь, вы исключаете из их числа подлинно демократические режимы! — протестует Жан-Эрик Шолен.

— Как и крупные предприятия с безупречной репутацией, — добавляет Жан-Эрик Шолен.

— С безупречной репутацией? «Альфаком» был в числе тех, кто в обход постановлений ООН поставлял ракеты Ираку...

— Ложь! И вам это прекрасно известно! Ваше издание давным-давно лишилось доверия общества, и вы не вернете его, бросаясь подобными обвинениями...

— Я могу предъявить вам все документы...

— Фальшивки!

— Господа, господа, прошу вас, это не имеет никакого отношения к теме наших дебатов! — вмешивается Омер.

— А никаких дебатов и нет — спорить-то не с кем! — злобно шипит Мартина Жорж.

Йенну казалось, что на сцене возникла и растет черная дыра, пожирая жизненное пространство ведущих и гостей. Духовный Учитель пришел на передачу Омера не дебатировать — он хотел показать миру всю тщетность любой полемики и разногласий между людьми. Ему незачем было обмениваться мнениями с оппонентами, которых его видение мира совершенно не интересовало, они явились, чтобы защищать — зубами и когтями — личные либо корпоративные интересы. Зацикленные на собственных взглядах, привилегиях или страданиях, они и им подобные, ничего не отдавая, тянут полотно жизни на себя. Рвут его на части, самоуверенно заявляя, что олицетворяют все человечество. Духовный Учитель видит мир глазами народов, которые принято называть примитивными, или первичными, и это видение имеет такое же право на существование, как точка зрения цивилизованного мира. Вся вина двойной змеи заключается лишь в том, что она по-своему говорит о генетике, пере, психологии, боли, страдании, различиях и сходстве между людьми и — главное — о тайне жизни. Так называемый «цивилизованный» мир ненавидит двойную змею за то, что она пытается привлечь внимание человечества к ранам, наносимым телу Земли-кормилицы, мнорую кое-кто почему-то считает себя вправе покорять, осквернять, насиловать, убивать и переделывать на свой вкус во имя заскоружлых фанатичных идеалов.

— ...проголосовать в Национальном Собрании за полный и окончательный запрет нового кочевничества.

— А вы не боитесь, господин депутат, нарушить европейские законы, защищавшие свободу мысли и вероисповедания?

Вопрос задала соведущая Омера — она все еще пыталась направить корабль ток-шоу в нужном направлении, раз уж шеф самоустранился. В карих глазах звезды «EDV» Йенн читал полную и безоговорочную капитуляцию. Огненные волосы и кричащие цвета одежды только подчеркивали смертельную бледность лица.

— Новое кочевничество незаконно само по себе — и это вытекает именно из тех законов, на которые вы только что ссылались: оно нарушает свободу мысли его адептов. Мадам — оператор показывает крупным планом лицо Мартины Жорж — очень ярко рассказала нам, как разрушительно его воздействие на семьи. Несмотря на все существующие между нами разногласия, все мы сходимся в одном: новое кочевничество — бич, бедствие для человечества и его основателя — лицо Ваи-Каи крупным планом — следует считать человеком опасным и даже вредоносным. Вспомним коллективные самоубийства последователей Джима Джонса, адептов Храма Солнца, фанатиков Вакко и постараемся сделать все, чтобы подобный ужас не повторился. Никогда.

Приближались выборы в Национальное собрание, и Жак Манделье, ни на минуту не забывая о предвыборной агитации, изображал апостола национального единения. Но остальные вовсе не собирались уступать политику штурвал корабля. Придя на дебаты в студии самого рейтингового ток-шоу французского телевидения, каждый собирался бороться за свой кусок славы.

— Ваши доводы не могут не... насторожить каждого, кто дорожит личной свободой, — подала реплику Мишель Аблер. — Проблемы манипулирования общественным сознанием не могут быть решены политическими мерами...

— Пресса! — рявкнул *ВЖН*, сверкнув ледяными глазами за толстыми стеклами очков. — Анализ играет

главенствующую роль — я говорю не о психоанализе. Мы, кстати, первыми предупреждали...

— Рынок, без которого не было бы ни инвестиций, ни новых рабочих мест, ни прироста капитала, ни исследований, ни национального богатства, — вмешался Жан-Эрик Шолен. — Экономика не только неизбежное зло, она...

— Позиция, которую всегда защищала Церковь, — бросил монсеньор Дюкаруж. — Все эти обвинения абсолютно беспочвенны. Рим никогда не приказывал уничтожать племя десана, что бы ни утверждал...

— Генетика, ключ к нашему будущему, — вступил *Р* разговор профессор Эстерель. — Эта аналогия между — я открываю кавычки! — двойной змеей из древних мифов и биотехнологией кажется мне как минимум...

— Это просто невыносимо! — закричала Мартина Жорж. — Мы в нашей Ассоциации боремся за...

— ...просто ничтожно, это ваше сопоставление анализа с психоанализом! Вот что значит погрязнуть в вульгарной агитации, пресса...

— ...бесконечные грязные скандалы, сотрясающие устои Церкви. Мы в «Альфакоме» хотя бы не...

— ...старемся вытащить их из морального убожества, мы сражаемся с реальным врагом, а не просиживаем штаны...

— ...в Национальном Собрании. Мы используем весь арсенал законов, я настаиваю...

— ...паутина лжи! Никогда манипулирование... психологически. И нам плевать...

— ...интересы семей, конечно, но мне кажется...

— ...непристойно ставить Церковь на одну доску с...

— ...манипуляторы умами и душами людей, необходимо...

— ...устойчивая экономическая система есть залог...

— ...здоровый смысл! И кстати, откуда этот...

— ...запугивание вселенской катастрофой? Все секты используют одни и те же...

— ...общественный транспорт. Экология тоже...

- ...полный бред! Ваш...
- ...страх — вот ключевое слово, вот...
- ...чистая прибыль...
- ...так не говорите же о...
- ...эта одержимость...
- ...принесший несчастья...
- ...Иисус Христос...
- Замолчите... история... манипулирование... заткнитесь... приличия...
- Прошу вас...
- ...да вы сами...
- Пожалуйста...
- Никогда...
- ПОЖАЛУЙСТА...
- ...глупости...
- ПРОШУ ВАС!

Голос Омера, внезапно сорвавшийся на фальцет, заставил замолчать семерых спорщиков. По их сверкающим глазам и высокомерно-пренебрежительной поведке Йенн видел, что каждый уверен в полном своем превосходстве. А вот Омер выглядел подавленным, жалким и проигравшим, во взглядах, которые он то и дело бросал на свою продюсершу, читалась немая мольба о помощи: так в неудачный день смотрит на тренера ведущий игрок, звезда команды.

— Дамы и господа, время, отведенное нашей передаче, подходит к концу, — произнес он заунывным тоном. — Мы переходим к голосованию телезрителей. Прошу вас, дорогая Марианна, напомните нам, как...

Тычком в бок «дорогая Марианна» привлекла внимание Омера к невероятному повороту событий: сидевший в центре сцены человек — главный обвиняемый, Христос из Обрака — поднял руку, прося слова, и этот простой жест поверг всех в изумление. Пара ведущих и семеро оппонентов почему-то стали вдруг похожи на марионеток, привязанных невидимыми нитями к этой руке, к пальцам Ваи-Каи. Объективы всех камер были направлены на Духовного Учителя — его простое движе-

ние после полутора часов молчания и неподвижности показалось оператором самым ярким, самым запоминающимся кадром съемки.

— Ой-ёй-ёй, ну надо же, *чудо* все-таки произошло! — вопит Омер. — Наш маленький Иисус из Обрака, кажется, об... э-э-э... рел дар речи. Поздновато, но, как говорится, лучше поздно, чем никогда!

Йенну слышится ликование в голосе ведущего — он увидел во внезапном повороте событий шанс на спасение корабля, возможность проскользнуть мимо подводных рифов, избежать опалы. Йенн ощущает и глубокую грусть Ваи-Каи и вспоминает, что его великий брат по двойной змее — тоже человек из плоти и крови. Духовный Учитель печалится не о своей участи — он всегда знал, что телесная оболочка очень скоро распадется в круговороте жизни, — его терзает безграничное сострадание к человечеству, упорно не желающему смотреть вглубь себя. В это Мгновение Йенн принимает наконец как данность тот факт, что Ваи-Каи не принадлежал самому себе, что кровь его должна была стать платой за восприятие коллективным сознанием его учения.

— Вы слышали все обвинения в ваш адрес, господин Христос из Обрака. Что скажете в свою защиту? Попрошу вас быть кратким, наше время на исходе. Только не обвиняйте в этом меня, хорошо?

Улыбка Ваи-Каи затопила душу Йенна светом и теплом.

— Я скоро умру, — спокойным, почти радостным голосом объявил Духовный Учитель. — И перед расставанием хочу сказать, что очень любил и люблю всех вас как дорогих братьев и сестер по двойной змее. Я ухожу туда, откуда пришел, туда, где все вы, рано или поздно, присоединитесь ко мне — в дом всех законов. Я ухожу, чувствуя огромную радость оттого, что делил с вами воздух, воду и землю, я горд тем, что знал вас, и надеюсь, что вы сумеете вернуть себе простое счастье быть детьми нашей Земли, нитями полотна жизни. Мне нечего ответить на ваши обвинения, потому что я никогда не

чувствовал себя обвиняемым. Мне не нужно прощать вам оскорбления, потому что я ни на мгновение не почувствовал себя оскорбленным. Наша цивилизация погибнет, как погибали все прежние, ценности изменятся — таков закон круговорота жизни. Мое слово тоже не есть нечто незыблемое, потому что те, кто слышал, будут вспоминать его каждый по-своему, а те, кто с ним боролся, признают его. Мы всего лишь дуновения, но в каждом дуновении заключены все ветры творения — в этом наше величие и в этом же наша малость. Я исчезаю, таково предназначение каждого человека — исчезнуть, исполнив долг, но я не чувствую ни гнева, ни горя, меня несет, как легкую песчинку, круговорот бытия, и я погружаюсь в поток вечности. Не печальтесь о моей судьбе, я ухожу спокойный и счастливый.

Произнеся эти слова, он встал и в гробовой тишине направился смешной подпрыгивающей походкой к выходу со сцены.

Матиас услышал голоса и шум шагов. Он воспользовался отключением света, чтобы подобраться к климузину на нижней стоянке. Водитель — то ли пакистанец, то ли индус — листал газету, сидя с включенным светом в огромной машине с тонированными стеклами. Спрятавшись за выступом стены, где его не могли зафиксировать камеры наблюдения, Матиас положил Хасиду на землю у своих ног и устремил взгляд на въездные ворота.

Несколькими часами раньше следом за ним в здание проник кто-то еще — Матиас слышал у себя за спиной торопливые шаги. Он опасался, что их заметят и охрана прикажет обыскать паркинг, но люди вели себя осторожно: пока не погас свет, тишину нарушали только урчание моторов и свет фар, въезжавших и выезжавших машин. Матиас застыл в неподвижности, спокойно карауля в полутьме, как делал, бывало, в прежние свои ночные вылазки, отдаваясь материнским объятиям тени. Глок раздражающе звякнул во внутреннем кармане куртки. Он несколько раз замирал, прислушиваясь

к дыханию Хасиды, она была так бледна, что казалась мертвой.

Водитель, услышав какой-то шум, торопливо сложил газету, привел в порядок одежду. Дверь открылась, пропуская двоих — чудотворца и молодого человека в очках, в светлой майке и джинсах. Шофер вышел, чтобы открыть им заднюю дверцу лимузина. Матиас поднял на руки тело Хасиды, вышел из своего укрытия и с яростно колотящимся сердцем быстро зашагал к спасителю.

* * *

Марк потерял время, продираясь через толпу, хлынувшую на сцену после заключительных аккордов ток-шоу. Затея устроителей, намеревавшихся обличить и развенчать Ваи-Каи, обернулась полным провалом, несмотря на объявленные результаты голосования телезрителей: восемьдесят процентов из них якобы осудили Христа из Обрака. Те, кто смотрел сегодня телевизор, запомнят не дурацкие цифры, а слова Ваи-Каи, прозвучавшие с невероятной силой. Нарушив наконец долгое молчание, Духовный Учитель заговорил так спокойно, ясно и просто, что контраст с бессвязно-агрессивным лепетом его оппонентов стал еще очевиднее. После ухода Ваи-Каи оглоушенные Омер, его эксперты и гости в студии не произнесли ни слова. Быстрее других пришла в себя помощница Омера: резво вскочив с места, она в гробовой тишине сообщила результаты голосования и закончила передачу несколькими удручающе банальными фразами. Барышня забыла о картонках с командами *«все встали»*, *«все сели»*, *«аплодисменты»*, *«тишина»*, и Марк, не дожидаясь завершения, кинулся догонять Ваи-Каи. Он налетел на трех элегантных дамочек — они прошипели ему вслед что-то весьма неслестное, а потом застрял в толпе у подножия сцены. Чуть в сторонке продюсерша и Од Версан утешали расстроенного Омера:

— И не спорь, Омер, ты был очень хорош сегодня! — уверяла Марита Кёслер, яростно дымя сигаретой.

— Все были в порядке, — вторила ей Од Версан. — Кроме главного гостя. Он не захотел играть по правилам.

— Возможно, нам следовало подумать о...

— ...записи?

Марк встретился взглядом с Од Версан и прочел в ее глазах немую мольбу — не выдавать признаний, которые она сделала в минуту слабости. Он улыбнулся в ответ, успокаивая и давая понять, что ее иллюзорный мирок ничего для него не значит, пробрался через толпу и направился к лифтам.

На третьем нижнем этаже Марк пересекся со странной парой: красивой женщине в коротеньком черном платье было лет тридцать, юноша — по виду индус. С очень темной кожей и черными глазами, одетый в куртку зеленого бутылочного цвета, серые брюки и темно-синюю тенниску, — выглядел совсем мальчиком. Марк спросил себя, где видел их раньше, не вспомнил, пожал плечами и заторопился к выходу на стоянку.

* * *

— Пойдем за ним, мне кажется, я его знаю, — сказала Люси, когда тяжелая дверь захлопнулась.

— Во-первых, не факт, что он ученик Ваи-Каи. Во-вторых, с чего ты взяла, что Ваи-Каи спустился именно туда! — возразил Бартелеми.

— Черт, мы должны его найти! Ты сам слышал — Учитель сказал, что скоро умрет, и я хочу увидеть его в последний раз.

— Ну так пусть воскресит сам себя, всего и делов-то!

Люси подавила гнев и решила положиться на свое чутье.

Там, в студии, она ощутила безутешное горе и уныние, когда Ваи-Каи произнес в конце передачи прощальную речь. Его долгое молчание и сказанные потом

простые слова проявили всю искусственность и напыщенную суетность, проще говоря — кретинизм передач, подобных ток-шоу Омера. Люси и Бартелеми сочли за лучшее убраться, пока телевизионщики не начали срывать досаду на зрителях.

Завывание сирен и мерцающие синие огни полицейских машин Пронзали прозрачные стены здания. Прежде чем выйти из холла, Люси бросила короткий взгляд на улицу. На бульваре, похоже, начинались военные действия: силы правопорядка разгоняли толпу дубинками и слезоточивым газом.

Люси приоткрыла дверь и увидела темный изящный силуэт Учителя: Ваи-Каи склонился над лежавшей на земле девушкой. Напротив него стоял молодой белокурый мужчина с лицом ангела — именно он вывел на стоянку Люси и Бартелеми.

•К -К -К

В зловещем полумраке помещения Йенну чудился запах смерти, и исходил он не от неподвижного тела на бетонном полу. Казалось, аромат тлена пропитал влажный воздух, насыщенный парами бензина и моторного масла.

Было странно, что никто не провожал их до лимузина, словно кто-то отдал негласный приказ оставить Духовного Учителя один на один с его палачами.

Впрочем, пока Йенн не видел рядом с Ваи-Каи никаких убийц. Вокруг стояли шофер лимузина, молодой мужчина с внешностью то ли прибалта, то ли русского — он встал на колени, чтобы положить к ногам Учителя девушку, еще один мужчина — лысоватый, с седеющими висками — напряженно вглядывался в темноту, карауля опасность, и женщина-блондинка (как только она вошла, Матиас узнал в ней одну из воскрешенных Ваи-Каи в Марселе учениц).

Внезапный уход Учителя из студии поверг присутствующих в ступор. Йенн поспешил следом. Его душа

ликовала и печалилась, он не осмеливался заговорить с Ваи-Каи, вернее, не чувствовал необходимости что бы ГО ни было обсуждать. Ему довольно было оставаться РЯДОМ с Учителем, купаясь в лучах его тепла и света.

Йенн чувствовал, как дрожат, устремляясь к центру притяжения, нити ткани бытия. Духовный Учитель простер руки над девушкой — застывшие, смазанные черты лица делали ее похожей на тень человека, на зомби. Водитель лимузина отступил чуть назад, глядя на происходящее круглыми глазами ловчего сокола.

* * *

Матиас едва не потерял сознание, увидев, как дрогнули веки Хасиды, но почти сразу в его голове прозвучал приказ, приглушив смятение и сумятицу мыслей.

Убей его.

Он резко воспротивился, отказываясь убивать чудовища — человека, вернувшего Хасиду к жизни. Резкая боль прострелила мозг.

Убей его.

Против собственной воли он полез во внутренний карман куртки, ухватил Glock за рукоятку. На глаза навернулись слезы, он почти ничего не видел. Матиасу казалось, что лежавшая на пледе Хасида смотрит на него и о чем-то молит.

Убей его.

Внезапно ему стали нестерпимы влажная одежда и затхлый воздух подземной стоянки. Черная, страшная ярость поднималась из живота к горлу, билась в висках. Он снял Glock с предохранителя, не вынимая пистолет из кармана. Чудотворец смотрел ему прямо в глаза — без страха и ненависти, и Матиасу вдруг показалось, что он не только может, но и должен выполнить приказ. Выхватив оружие, он прицелился прямо в сердце своей жертве.

Сердце.

Христос не будет страдать, его лицо и после смерти по утратит своей дивной, почти неземной чистоты.

Убей его.

На этот раз Матиас понял, откуда исходит голос. Стихийный протест бритвой резанул по глазам, острой болью отозвался в затылке и под ложечкой. В тот момент, когда он нажимал на курок, в уши ему ворвался чей-то истошный вопль.

• к * *

Крик почти заглушил звук выстрела. Марк отшатнулся, словно сам получил пулю в грудь. Духовный Учитель легко и бесшумно, как сухой лист, опустился на землю рядом с девушкой, которую только что вывел из комы. Запах пороха и крови перебил затхлую атмосферу стоянки.

В памяти всплыло потрясенное, опрокинутое лицо Пьеретты. Несколько месяцев назад она его глазами видела убийство брата. Она знала. Уже тогда. Марк почувствовал гнев — на молодого славянина, с ужасом взиравшего на пистолет в собственной руке, и на себя — он ведь помог уничтожить Учителя, потому что был трусом и пустым болтуном. Убийца — всего лишь звено в цепочке, но уж точно не главный виновник.

Прозвучал второй выстрел. Марк заметил рядом с лимузином размахивающих руками людей, потом откуда-то повалил густой удушающий дым. Марк встал, но дым выедал глаза, просачивался в горло, и он снова скорчился, боясь захлебнуться рвотой.

* * -к

Люси показалось, что перед тем, как кто-то бросил дымную шашку, шофер лимузина выстрелил в молодого убийцу. Она стояла у стены, пытаясь продышаться, и слышала, как хлопают двери, что-то скрипело, урчали моторы. Потом шуршание шин стихло, и на парковке установилась глухая тишина. В ушах Люси все еще звучали хлопки двух выстрелов — она еще долго будет слышать

пси страшный звук. Когда гул затихнет, она снова найм' • I вход в дом всех законов и сможет погрузиться в Вергюственную тишину мира двойной змеи. Смерть Ваи-И НI была сейчас дурным сном, наваждением, скользившим по поверхности сознания. Если человек, подобный Учителю, был обречен на смерть, так сколько же других людей недостойны жить? Люси не знала, почему Ваи-Каи воскресил ее, — ее, а не кого-то другого. Она ни-ни да не разгадает эту тайну — и так даже лучше: загадка — неотъемлемая часть жизни, как воздух, вода И ОI онь.

* * *

Дым медленно рассеивался, и Йенн увидел, что тело Наи-Каи исчезло, как и тела его убийцы и исцеленной девушки. Он знал, что его великий брат по двойной змее в скором времени покинет его, и готовился к расставанию, но сейчас растерялся, почувствовал, что с головой пофужается в бездонную, черную ледяную тоску.

Дым, крики, шум, странное исчезновение тел... Да, при и Ваи-Каи тщательно готовили покушение. Они хотели уничтожить все следы пребывания Учителя в этом мире и забрали тело, чтобы не было ни слез, ни скорби, ни похорон, ни даже легенды. Йенн не скоро забудет ИI" | рясенное лицо убийцы после выстрела — он выглядел так, словно какая-то посторонняя сила принудила его совершить преступление.

* * *

— Что случилось?

Вопрос задал смуглокожий юноша, появившийся в дверях паркинга. Разгоняя дым ладонями, он направился к привалившейся к стене женщине.

На стоянке кроме них четверых никого не было — ни мм шей, ни машин. Странное затишье для такого огромно! о здания.

— Откуда этот странный дым?! — воскликнул Бартеlemi, помогая Люси подняться.

— Он какой угодно, только не странный, — покачал головой Марк. — Камеры записали убийство Ваи-Каи. Общественность получит идеального обвиняемого. Дымовая завеса помогла скрыть истинных виновников — организаторов всей этой операции.

— Сме... смерть Ваи-Каи? — выдохнул Бартелеми.

— Блондин, который пробрался на стоянку раньше нас, тот, что нес девушку, он убил Учителя — выстрелил ему прямо в сердце, — объяснила Люси.

Ее голос едва заметно дрожал, она кусала нижнюю губу — признак сильного волнения, — но не плакала. *Пока* не плакала — горе придет позже, когда отсутствие Духовного Учителя превратится в страшную пустоту.

— Что будете делать? — спросил Марк у Йенна. — Заявите протест? Станете добиваться правды? Могу помочь, если хотите.

Йенн снял очки, протер стекла краем майки.

— Вы видели передачу, так ведь? Слово Ваи-Каи не принадлежит мне. Ни мне, ни правдолюбцам, ни обманщикам, ни интриганам... Я не стану играть в их игру, не буду помогать дробить истину. Я буду служить человеку, который придет на смену Учителю.

— Пьеретте?

— Вы ее знаете?

Марк, горько улыбнувшись, покачал головой.

— Я даже успел предать ее один раз.

— Всего один?

— Я был журналистом «EDV» и написал грязную статью о ней и ее матери.

— Я была стриптизеркой, работала в Сети, — вступила в разговор Люси.

— А я... — начал было Бартелеми, но замолчал, опустив глаза, — слишком тяжел был груз признания.

— Так вы журналист? — переспросил Йенн. — Возможно, вы сумеете написать книгу, на которую у нас с Ваи-Каи не хватило времени.

— Но я никогда не входил в ближний круг, — усомнился Марк.

— Какая разница? Вы, как и все, сможете черпать знание из кладезя двойной змеи.

— Если я когда-нибудь получу к нему доступ...

— Каждый может его получить.

— Согласен, но должен сразу предупредить, что люблю сталкивать разные точки зрения. Я наверняка захочу выяснить точные обстоятельства смерти Ваи-Каи, узнать, что они сделали с его телом, как управляли палачом, кто дергает за веревочки, и много чего еще...

Они стояли тесным кружком, как атомы, притягиваемые невидимым ядром, стараясь не смотреть на лужи крови на бетоне. Сквозняк развеял дым, но запах пороха все еще витал в темноте.

— Если это возможно, я бы тоже хотела служить сестре Ваи-Каи, — нерешительно произнесла Люси.

— Она никого не отвергнет, тем более воскрешенных любимым братом людей! — ответил Йенн.

Тишину нарушили шум мотора и шуршание шин по бетону, темноту прорезал мигающий свет фар.

— Идемте, нам лучше поговорить на улице.

Они поднялись по лестнице на нулевой уровень, нашли охранника и попросили выпустить их через металлическую дверь-гармошку.

— Вот уж нет! — воскликнул бдительный страж. — Я только что все тут запер. Пройдите через здание. Кстати, на улице разыгралась чертовская буря. Вы ничего сфанного не заметили? Все экраны слежения погасли одновременно...

Ничего не ответив, они спустились вниз, дошли до лифтов, пересекли центральный холл здания Ге/Ѣ Мах, где люди с озабоченными лицами заговорщиков что-то тихо обсуждали, и вышли на пустынную эспланаду бульвара.

Не пройдя и десяти метров, они вынуждены были вернуться. Определение «чертовская буря» было слабым

ЙЫР 18РДДЖ

эвфемизмом, не способным описать ветер, дующий со всей яростью мира, молнии, бьющие по земле с опрокинувшегося неба, гул земли, дрожащей, как при землетрясении, водопады воды и града, которые низвергались в ночь.

— Земля оплакивает одного из любимых сыновей, — прошептал Йенн.

Я долго колебался, но теперь, уступив уговорам Йенна, решил наконец написать эту книгу-свидетельство *«Евангелие от Змеи»*. Евангелие — потому что благая весть не есть достояние одной религии, от Змеи — потому что двойная змея символизирует не только ДНК, связующий элемент всех живых существ на Земле, но и знание, возрождение и цикличное понимание времени. Я пока не знаю, найдется ли издатель для моей книги, но совершенно уверен, что она мгновенно разойдется через Интернет, ведь сайтов, посвященных учению Ваи-Каи, становится все больше.

Я не имел счастья разделить, подобно Йенну, жизнь Духовного Учителя, но я узнал Пьеретту, его сестру, его безмолвного двойника. Рано или поздно мне придется вспомнить нашу первую встречу, мое предательство, проявленную трусость... Подобные заблуждения есть прямое следствие отрывочного, индивидуалистического восприятия мира. Пьеретта никогда не упрекала меня за ту помойную статью в *«EDV»*, ни разу не вспомнила о ней и мать Ваи-Каи, мирно, во сне, покинувшая этот

мир прошлой зимой. Пьеретта на свой собственный манер продолжает дело брата, она — сама любовь и страдание, ее молчание — не бегство от мира, не желание общаться с людьми, а приглашение вслушаться, услышать и разделить мирную гармонию дома всех законов.

Стремительное развитие движения новых кочевников застало врасплох политические и религиозные власти всего мира. Домов со знаками двойной змеи становится все больше, а странствия учеников Ваи-Каи по земному шару сильно затрудняют, а вернее сказать, делают фактически невозможным любой контроль за населением со стороны власти — полицейский, информационный, налоговый... Как и предсказывал перед смертью Духовный Учитель, улей, не сумев уничтожить явления, решил его оседлать. Появилась неокочевническая мода — набедренные повязки, пениальные чехольчики, бусы и ожерелья из камня, перьев и дерева, нательная живопись и татуировки никого больше не удивляют ни в городах, ни в деревне, где молодежь свободно разгуливает нагишом по церковным площадям. Люди, привлеченные идеями нового кочевничества, но не решающиеся сделать последний шаг, могут теперь потренироваться, испытать себя во время отпуска в специальных клубах. В течение одной-двух недель им дают возможность — разумеется, за наличные! — пожить в искусственно воссозданной обстановке амазонских джунглей: ходить обнаженными, возводить дома из веток, добывать еду на деревьях или в зарослях кустарников.

Карикатура? Коммерческая эксплуатация? Безусловно! Но также и способ привить цивилизации, изнуренной веками материализма, новые и одновременно вечные ценности (огромная доля вины за господство материального начала над духовным лежит на традиционных религиях — осудив змея и женщину, они допустили варварское разграбление богатств Матери-Земли).

Думаю, окутанная тайной смерть Ваи-Каи в какой-то степени объясняет повальное увлечение идеями нового кочевничества. Забрав его тело, власти совершили стратегическую ошибку — одну из многих. Они полагали, что за неимением тяги костер погаснет сам собой, но породили ветер, питающий легенду. Буря, начавшаяся сразу после смерти Учителя, длилась ровно три дня и три ночи и нанесла значительный материальный ущерб всей Франции и многим другим европейским странам. Но больше всего поразил умы и души людей необычный, почти сверхъестественный характер этого явления. Прошло какое-то время, и все как будто вернулось на круги своя, но на сайтах и собраниях адептов двойной змеи появляется все больше свидетельств очевидцев: мужчины, женщины и дети утверждают, что Ваи-Каи являлся им во плоти и наяву, чтобы подбодрить в поисках дома всех законов. «Это не более чем иллюзия!» — кричат клеветники и хулители, «видения верующих, остаточные явления ментального манипулирования, коварные штучки подсознания!» — вторят им высоколобые умники. Не факт, не факт... В свидетельствах, собранных на пяти континентах, много совершенно обескураживающих аналогий и пересечений, которые не могут быть простыми совпадениями (вы скажете, я слишком близок с Пьереттой и потому необъективен, но я отвечу, что объективности не существует, даже в научном смысле слова). Посмертная вездесущность Ваи-Каи подтверждает один из аспектов его учения: дом всех законов — это место, где все возможно и все парадоксально. Мне стало известно, что тело Ваи-Каи кремировали — из страха перед его воскрешением? — а место, где выбросили пепел, держат в строжайшей тайне. Какая разница? Люди, которые ненавидели Учителя, и те, что его любили, однажды тоже станут прахом. Никакой технический прогресс, никакая сверхъестественная сила не остановят сущностного круговорота жизненных циклов.

Сегодня рождаются новые отношения человека с окружающей средой. Стихийно возникают сельские

коммуны, бережно прислушивающиеся к ритмам жизни Земли и времен года. Многие крупные хозяйства отказываются от принципа «урожай любой ценой», перестают использовать химические удобрения и генетически модифицированные семена и рассаду, заменяют интенсивное землепользование менее агрессивными и одновременно более урожайными способами возделывания почвы. Брюссельские еврократы и главы агропищевых компаний теряют сон и остатки волос на голове. Происходит крушение рынков — преподавательница филологии моей старшей дочери Тони была недалеко от истины, когда заявляла своим ученикам, что феномен нового кочевничества грозит человечеству повторением кризиса 1929 года: многонациональные компании и торговые дома терпят убытки, уступая место тем, кто придерживается в торговле принципов, базирующихся на равноправном обмене.

Я обязательно расскажу в моей книге о Матиасе Сирименко и тех, кто толкнул его на преступление. Как очевидец тех трагических событий, я могу с уверенностью утверждать: совершая убийство, он выглядел несчастным, даже потрясенным, его поведение ничем не напоминало обычную манеру наемного убийцы или фанатика. Я получил некоторые обрывочные разъяснения от моих информаторов (хочу уточнить, что один из них — бывший журналист Жан-Жак Браль — был найден повешенным в своей квартире): Матиасу внедрили биологический чип, созданный по новейшим технологиям, датчик, который позволял не только отслеживать его перемещения, но и подавать ему прямо в мозг команды через спутник связи. Он был одной из лабораторных крыс, подопытным животным, на котором испытывались технологии контроля и управления человеческим мозгом (в будущем, с помощью подобных методик, людям можно будет внушать желания, отдавать приказы и руководить их поведением). Только представьте себе, как радикально можно изменить рекламный рынок, полностью подчинив себе потребительский спрос и заставляя

людей покупать то, *что* надо, *когда* и *сколько* надо! Чипы — прямой путь к установлению тоталитаризма, — *Большой Братжив* — в самой омерзительной его форме. Позже я подробно опишу медицинские разработки, основанные на исследовании электроимпульсов человеческого мозга и удивительной способности ДНК управлять информационными потоками (ярчайший пример преступного использования неограниченных возможностей двойной змеи!). Когда станет известно, что с помощью этих чипов планировалось без ведома людей проводить поливакцинирование, мы мгновенно поймем, какую чудовищную сеть наши драгоценные правители собирались раскинуть над головой, а вернее сказать — в головах всего человечества, и тогда люди будут снова и снова благодарить Ваи-Каи за то, что он вернул им вкус к хождению по миру и свободе.

По результатам официального расследования было заявлено, что Матиас Сирименко принадлежал к исламистскому движению «Международный джихад». Полиция сообщила, что убийца был ликвидирован членом этой организации, неким шофером-пакистанцем, якобы водившим недолгое время лимузин, принадлежащий каналу Гё/ё *Max*. Вся ответственность за смерть Духовного Учителя будет, таким образом, возложена на исламских террористов, и я думаю, эта комбинация призвана оправдать в глазах общественного мнения готовящиеся дискриминационные меры против исламских меньшинств в Европе. Так организаторы заговора связали гибель Духовного Учителя и нападение на Дисней-парк (я очень долго не видел точек пересечения двух нитей дьявольского плана). Мне ничего не известно о судьбе молодой девушки, которую Ваи-Каи в тот день пробудил от комы. Скорее всего, ее постигла участь Элеоноры Марселей, обвинительницы Учителя: ее либо *заставили* покончить с собой, либо *помогли* ей свести счеты с жизнью. •

Скажу несколько слов о тех, кто был со мной тогда на стоянке и видел убийство Духовного Учителя.

О Йенне какое-то время никто ничего не знал, но через несколько месяцев он, его жена Мириам и их маленькая новорожденная дочь оказались на пороге дома Пьеретты. Теперь все трое живут рядом с той, которую уже называют Мадонной из Обрака.

Люси, воскрешенная Ваи-Каи, часто навещает их — одна или с Бартелеми. Он иногда пропадает неделями, терзаемый раскаянием, ему бывает трудно справиться с приступами жестокой ярости, и мы порой опасаемся за жизнь Люси. Она же заявляет с обезоруживающей улыбкой, что ничего не боится — ни Бартелеми, ни смерти, и пройдет вместе с ним до конца весь путь искупления.

Я часто присоединяюсь к тысячам последователей учения двойной змеи, которые приезжают на Обракское плато из всех уголков земного шара. Там я встречаюсь с Тоней, моей старшей дочерью, никогда прежде я не видел ее такой счастливой и прекрасной. Тоня рассказала, что сообщила матери о своем обращении в *ваикаизм*. Теперь бывшая жена обвиняет меня в том, что я вовлек ее дочь в секту, ряды адептов которой ширятся стремительнее, чем пополняются воды рек и речушек в половодье. Что я могу ей ответить? И какова будет ее реакция, когда Жанна, наша младшая дочь, в свою очередь уйдет из уютного дома в респектабельном парижском предместье и начнет новую, полную приключений жизнь новой кочевницы? Я точно знаю одно: больше эта женщина ничего не сможет у меня отнять: я проиграл суд против «EDL/», банк забрал у меня квартиру за долги, и я ничем не владею — кроме сокровища двойной змеи в глубинах собственной души.

Йенн нашел для меня небольшой уединенный домик в окрестностях Сен-Шели, снабдил ноутбуком последней модели. Время от времени он навещает меня, чтобы узнать, как продвигается книга и нуждаюсь ли я в чем-нибудь еще. Я долго не мог преодолеть внутреннее сопротивление — оно происходило из страха оказаться не на высоте, но однажды утром, когда яркое солнце

постучалось в окна моего жилища, я словно услышал внутри себя какой-то шепот, журчание источника, и принялся за работу.

Я закончу это небольшое предисловие, сказав, что не знаю, куда мы идем, но уверен — что бы ни произошло, отныне мы всегда будем открыты настоящему.

Пьер ьтдт

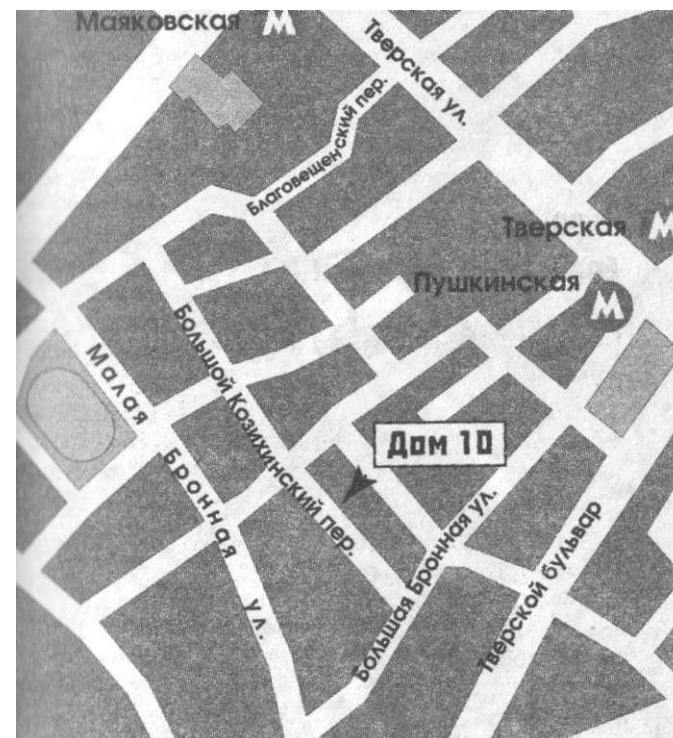
Перевод с французского Е. Клоковой

Ответственный редактор И. Глушенко
Художник К. Комардин
Технический редактор Т. Еськова
Компьютерная верстка С. Григорьевой
Корректоры В. Липина, А. Новикова

Подписано в печать 31.05.04. Формат 80x108¹/₁₆.
Бумага газетная пухлая. Печать офсетная.
Гарнитура «Прагматика». Усл. печ. л. 26,04
Тираж 6000 экз. Заказ № 310

Издательство «Ультра.Культура»
www.ultraculture.ru
113184, Москва, ул. Новокузнецкая, 7/11, стр. 1

Отпечатано с готовых диапозитивов
на ФГУПП «Уральский рабочий»
620219, Екатеринбург, ул. Тургенева, 13
<http://www.uralprint.ru>
e-mail: book@uralprint.ru

МОСКВА

КНИЖНЫЙ МАГАЗИН «ФАЛАНСТЕР»

Б.КГЛИХИНСКИЙ ПЕР., 10

504 47 55

[HTTP://WWW.FALANSTER.RU](http://www.falanster.ru)

• Б М Е Н Д Е Н Е Г Н А К Н И Г И

с 11 да 20 кр. Ве

Пьер Бордаж родился в 1955 году. Изучал карате, играл на банджо, учился в Нантском университете, работал спортивным журналистом в Париже. В 1985 году написал свой первый роман – «Воители безмолвия», который был опубликован лишь в 1992 году. В жанре «героической фантастики» он написал цикл романов о Рохеле-Завоевателе, затем дилогию «Ванг» о Земле 2211 года. Лауреат многих литературных премий. Роман «Евангелие от змеи» критики считают одним из выдающихся произведений современной литературы.

«Что было бы, если бы Христос оказался среди нас? Каким бы он был? Что бы он делал? Каково бы было его Послание? Здесь, как и в Новом Завете, четыре евангелиста: Матиас, Марк, Люси и Йенн. Каждый воспринимает историю Христа по-своему. Почему роман называется «Евангелие от змеи»? Мне захотелось реабилитировать образ этого пресмыкающегося. Ведь у древних народов змея – это символ жизни и возрождения.

К тому же здесь есть намек на то, что ДНК имеет форму двойной сплетенной змеи, и этот образ, кстати, часто встречается в древних мифах. И наконец, Змея в Библии является Искушителем. Я попытался примирить образ Змеи с идеей духовности».

Пьер Бордаж

Факел

Хранить в недоступном для детей месте!